ИНОЕ

РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ

ИНОЕ

РОССИЯ КАК СУБЪЕКТ

МОСКВА
1995

ББК 60.55
И67

Иное. Хрестоматия нового российского самосознания.
И67 Редактор-составитель С.Б.Чернышев. – М.: Аргус, 1995. – 320 с.

ISBN 5-85549-065-3
ISBN 5-85549-067-X (том 2)

«Иное» (Хрестоматия нового российского самосознания) представляет собой, строго говоря, не книгу в обычном понимании, а «метакнигу»: комплект брошюр-монографий, каждая из которых содержит краткий авторский очерк оригинального подхода к рассмотрению существенных вопросов прошлого, настоящего и будущего России. Комплект разделен на три кассетных блока-тома по тематическому признаку: т. 1 – «Россия как предмет»; т. 2 – «Россия как субъект»; т. 3 – «Россия как идея». Общий взгляд на цели издания и содержание материалов, вошедших в «Иное», представлен в работе «Апология составителя», которая вместе со справочными и сопроводительными материалами ко всем трем томам, а также галереей фотопортретов Виктора Бреля включена в четвертый блок-том «Путеводитель».

В настоящем издании по технологическим и экономическим соображениям каждый из кассетных блоков-томов выходит в общем переплете.

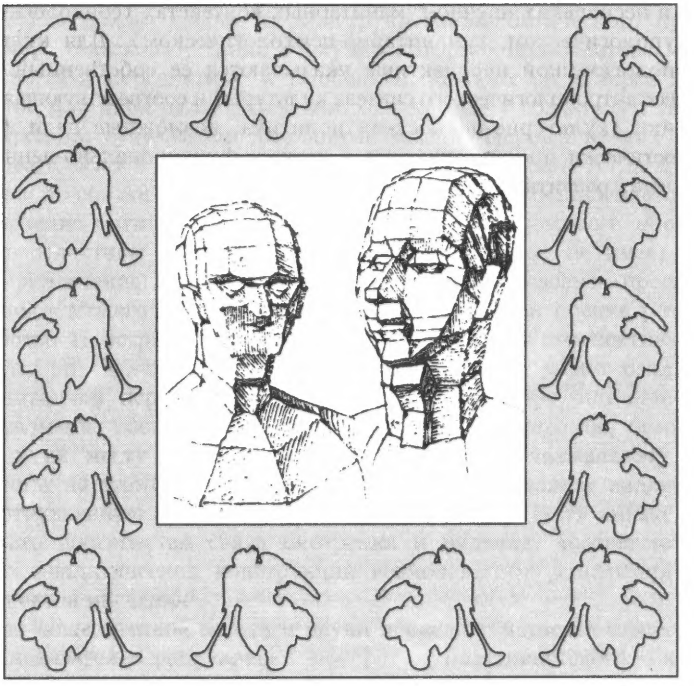
И $\frac{\textbf{0302010000 – 023}}{\textbf{Я46(03) – 95}}$ **Без объявл.** **ББК 60.55**

© ИНОЕ-РОССИЯ. Институт русского самосознания, 1995
© Издательство «Аргус», 1995
© Составление – С.Б.Чернышев, 1995
© Дизайн издания – В.Л.Глазычев, 1995

ISBN 5-85549-065-3
ISBN 5-85549-067-X (том 2)

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

О. ГЕНИСАРЕТСКИЙ



Работа посвящена описанию ряда методологических конструкций, сфокусированных вокруг понятия личностного потенциала культуры и предназначенных для прочерчивания культурно-антропологической перспективы общественного развития. Эта перспектива тематизируется далее в нескольких научно-гуманитарных контекстах (социологическом, культурологическом, гуманитарно-психологическом). Для культурно-антропологической перспективы указываются ее собственный объект (процесс антропологического синтеза культуры) и соответствующая форма практики (культурно-ценностная политика, возможные цели которой диагностически просматриваются в разных функционально-ценностных горизонтах развития).

© Генисаретский О.И., 1995

О. ГЕНИСАРЕТСКИЙ

Целью изысканий, представленных в данной статье, является вычленение особого культурно-антропологического измерения процесса социальных изменений, протекающих – в разных исторических фазах и культурных контекстах – как в нашей стране, так и во всем мире.

Речь пойдет о процессах ценностных изменений в структурах образа жизни и культуры, а также о том, как эти изменения выражаются в психологической культуре личности или различных социальных групп и осваиваются в психопрактиках личностного роста, самоактуализации и самореализации человека.

По ходу рассмотрения этих реалий мы будем обращаться к различным аксиологическим, культурно-экологическим и гуманитарно-психологическим представлениям, фокусируя их вокруг основного обсуждаемого в данной работе понятия *личностного потенциала культуры.*

Изложение видения какой-либо перспективы, в нашем случае – культурно-антропологической – своеобразный жанр методологической работы. Его можно уподобить конструированию оптического прибора (например, телескопа), глядя в окуляр которого пользователь мог бы видеть не саму перспективу, а те объекты, которые он намерен наблюдать с той или иной целью. Заметим, однако, что у создателя телескопа и у астронома существенно различные задачи. Первый из них лишен исследовательского интереса к звездам и черным дырам, тогда как второй вовсе не обязан разбираться в особенностях предоставленного ему в распоряжение оптического прибора. Для методологического прочерчивания перспективы подобное разделение труда, увы, не имеет силы. Здесь привлечение аналитических конструкций и сквозное просматривание подлежащего видению равно неустранимы при оценке результатов работы. Пространство, сквозь которое пролегает перспектива смотрения, по определению пустотно, что ничуть не умаляет реальности прочерчиваемой перспективы. А объекты, коль скоро они становятся наблюдаемыми, воспринимаются как важные сами по себе, безотносительно к их месту в пространстве наблюдения. Учитывая эту двойственность, не стоит сетовать ни на объектную неполноту видения, ни на конструктивную недообеспеченность смотрения. Пусть оценке будет подлежать достигнутая связь смотрения и видения, соответствие избранных аналитических конструкций возможностям усмотрения искомых объектов изучения[1].

Для общественной мысли и науки последней четверти нашего века весьма показателен радикальный поворот от позитивистского – к гуманитарному проекту наук об обществе и человеке, расширение поля аксиологических и культурологических исследований, а также интенсивное развитие всевозможных гуманитарных практик (коммуникативных, обучающих, развивающих, терапевтических и других).

---

[1] Об иконической парадигме "смотрение/видение" см.: Генисаретский О.И. Образ и пространство // К 20-летию ЦЭС СХ СССР. М., Советский художник, 1989.

Рост интереса к гуманитарному знанию не один раз на протяжении европейской истории предшествовал серьезным общественным сдвигам на уровне отдельных государств и этнокультурных регионов (примерами тому могут служить Франция второй половины XVIII в., Германия первой половины XIX в. или Россия начала XX в.). Особенностью "гуманитарного ренессанса" нашего времени, наряду с разработкой аналитического аппарата производства гуманитарного знания, можно считать его широкое использование в практике политических и публичных коммуникаций, социального и культурного проектирования и в других областях деятельности, казалось бы, весьма далеких от всего гуманитарного. Обращение к наиболее существенным вопросам культурных и исторических традиций, национального и регионального менталитета, образования и права, искусства и религии оказалось важным не только для дальнейшего развития академической науки, но и как интеллектуальный ресурс формирования культурно-ценностной политики нового типа[2].

В наших нынешних условиях возможности гуманитаризации общественной мысли и практики определяются в первую очередь следующими двумя обстоятельствами.

Первое из них связано с наличным состоянием гуманитарных наук. Совсем недавно началось восстановление преемственности отечественной философской и гуманитарно-научной мысли, развитие которой было насильственно прервано идеологическими репрессиями в 20-е годы. Процесс обретения ею прав академического гражданства далеко еще не завершен. В общественном мнении и публицистике гуманитарное знание весьма слабо отдифференцировано от знания исторического, социологического или психологического.

Второе принадлежит самой социальной практике и связано с процессами:

– расширяющегося публичного признания реальности духовной жизни как таковой, ценности свободного духовного самоопределения и самореализации личности (в принимаемом ею за реальность духовном мире);

– социальной диверсификации сферы образования, массовых коммуникаций и культуры, т.е. с появлением большого числа новых субъектов культурно-ценностной деятельности (ассоциаций, независимых учреждений, каналов массовой информации, клубных структур и т.д.);

– реинституционализации духовно-практической деятельности, т.е. с появлением на публичной арене и признанием авторитета ранее вычеркнутых из истории или вновь нарождающихся институтов и традиций, культивирующих те или иные духовные практики;

– борьбы различных культурно-ценностных элит за духовное лидерство в обществе, за публичную рецепцию предлагаемых ими куль-

[2] Зуев С.Э. Гуманитарные исследования и культурная политика. М., 1994.

турных проектов, стилей духовно-творческой и духовно-практической деятельности.

Наблюдаемым выражением названных процессов можно считать появление на публичной российской арене различных сообществ, каналов информации, культурологических, антропологических, религиозно-мистических, оккультных и прочих концепций и программ, ставящих перед собой вполне конкретные духовно-практические цели и свидетельствующих о рецепции обществом таких замыслов о человеке, его жизненных мирах, которые были практически недоступны общественному сознанию и публичной культуре в советское время.

Этот процесс, часто называемый в нашей стране "духовным возрождением", составляет общую рамку для разных культурных и духовных инициатив как практического, так и научно-проектного толка. Как бы ни оценивать их плодотворность в каждом конкретном случае, следует признать, что освоение вновь обретаемых пространств свободного саморазвития требует явного ценностного самоопределения, гуманитарной концептуализации, адекватной природе этих пространств, и выбора такой культурно-ценностной политики, которая способствовала бы реализации принятого на себя концептуально и практически осмысленного выбора.

Лишь при первом обращении к проблематике личностного потенциала и связанной с ним творческой пассионарности общества кажется, что, поскольку этот потенциал формируется образованием, массовыми коммуникациями и культурой, он является социально-институциональной реальностью и подлежит преимущественно социологическому изучению. Нисколько не отрицая, что перечисленные контексты оказывают на формирование личностного потенциала специфическое *вынуждающее* влияние, заметим все же, что личность – экзистенциально самодостаточная реальность, несомненно нуждающаяся в институциональном обустройстве своего бытия, но способная выживать и самоосуществляться в достаточно неблагоприятных жизненных обстоятельствах. Не только человек, но и общество объективно заинтересовано в улучшении этих обстоятельств, в накоплении личностного потенциала культуры и создании условий для нормального функционирования культурно-ценностных элит.

Понимание этой обоюдной заинтересованности, признание неотъемлемых прав личности на свободу духовной жизни и деятельности, на обладание условиями для личностного роста и реализации своих способностей, на защиту человеческого достоинства свидетельствуют о гуманитарной зрелости если не общества в его нынешнем состоянии, то проводимой в нем культурно-ценностной политики.

Реализация такой политики, нацеленной на накопление личностного потенциала культуры, на обновление культурно-ценностных элит, в сложившихся сегодня условиях нашей жизни наталкивается не только на трудности, связанные с хозяйственной разрухой и политической нестабильностью. (Эти факторы очевидны и, поскольку принадлежат

экономической и политической подсистемам общества, там и должны разрешаться тем или иным путем.) Не в меньшей, если не в большей степени реализацию такой политики осложняют процессы деструкции базовых ценностей, распад прежней институциональной структуры образования и культуры, новый, неустойчивый стиль массовых коммуникаций, резкая смена личностных образцов и лидеров мнения, а также общая проектно-концептуальная неготовность к стратегическому самоопределению в культурно-ценностной сфере, отсутствие согласия по основным направлениям ее развития между представителями политической, академической и гуманитарно-художественной элит общества.

В этих условиях весьма важно, не замыкаясь на трудностях переходного периода, учитывать общецивилизационные тенденции культурно-ценностного роста, инновационные потоки в сфере массовой коммуникации, образования и социально выраженной культуры.

Культурно-ценностная политика имеет дело с долговременными горизонтами развития и с целостными, пронизывающими все сферы общества интеллектуальными и духовными контекстами образа жизни. Ввиду этого научно-прогностические исследования в культурно-антропологическом измерении должны изначально ориентироваться на такую систему ценностных представлений, которая бы имела отношение не к какой-то одной подсистеме общества (политической, экономической, социальной и т.д.), а к обществу как к целому.

В своем поиске таких ценностных представлений мы основываемся на концепции свободного общества, содержание которой будет более подробно охарактеризовано ниже. Правовое государство – это цель, относящаяся к политической системе, гражданское общество – к социальной, свободное предпринимательство и рынок – к экономической. Свободное же общество – это общество, в котором всем институтам, традициям и практикам, социальным группам (любой природы и масштаба), способам мысли, самосознания и связанным с ними типам рациональности доступны равные возможности для реализации присущих им замыслов о жизни, взглядов на мир и перспективы исторического развития.

Свободное общество, как принятая культурно-ценностная ориентация и предельная цель исторического развития, является условием восстановления связей родовой сущности человека со свободой творческой деятельности в любых областях жизни. Свободное общество – условие восстановления утраченных связей культуры и социальной практики, условие возможности для каждого человека жить полноценной духовной жизнью "здесь и теперь", повсеместно и повседневно, а не в отложенном светлом будущем.

Культурно-ценностная политика, ориентированная на аксиоматику свободного общества, в первую очередь имеет дело не с институтами социально выраженной культуры, образования или массовых коммуникаций, а с качеством и образом жизни людей и – главное – с теми человеческими качествами, которые станут доступны в результате реализации этой политики.

Установки на расширение круга работников, обладающих специальной работоспособностью; граждан, наделенных правоспособностью в рамках политической культуры гражданского общества; предпринимателей, способных ориентироваться в условиях рыночной экономики; людей, склонных к "домашней оседлости" и участию в воспроизводстве населения и т.д., – крайне важные, но все же с культурно-антропологической точки зрения частичные цели. Все они производны от общей жизнеспособности человека, объем которой соизмерим с условиями его телесного и душевного здоровья, состоянием семьи и других естественных общностей людей, с количеством раскрытых для человека измерений духовной жизни, с разнообразием и глубиной тех душевных и духовных состояний, с которыми в конце концов связано отправление любых ролевых функций в любой сфере жизни и деятельности.

Заботиться об источниках и резервах жизнеспособности – значит заботиться о сохранении и развитии "живой основы" сознания и воли, это значит предоставлять возможности для личностного роста и реализации самоценных, уникальных качеств личности, ее "глубинной психологии", что достижимо лишь при радикальном признании реальности духовной жизни – в истории, культуре, космосе – на всех этапах жизненного пути, личностной самоактуализации и самореализации.

Саморазвитие личности через свободное, творческое участие в сохранении и накоплении ценностей культуры, признание их стабилизирующего значения в повседневной – приватной и публичной – жизни составляет реальную альтернативу обезличенному идеологическому воспроизводству и регулированию базовых ценностей. Благодаря несводимости культуры к политической, социальной или экономической подсистемам общества потребительская, воспроизводственная и созидательная деятельность человека в пространстве культуры предоставляет резервные возможности для укоренения в сознании таких фундаментальных ценностей свободного общества, как личное достоинство, признание права другого человека на инакомыслие и реализацию своего жизненного проекта, на спонтанность душевной жизни и свободу духовного самоопределения.

Для современных постиндустриальных обществ характерно публичное признание такой стратегии самоактуализации и самореализации личности, как *психопрактики личностного роста*, имеющие целью культивирование телесной и эмоциональной восприимчивости, диалогового межличностного общения, развития творческих способностей и опыта личностной самореализации во всех значимых секторах приватной и публичной жизни.

Эти психопрактики уже сегодня имеют развитую институциональную инфраструктуру в виде общественных движений, профессиональных ассоциаций и учреждений гуманитарно-психологического профиля, разветвленной сети психологических институтов, консультаций и групп, потока специальной и популярной литературы, сообщений в каналах массовой информации. Интеллектуальным обеспечением этих психо-

практик является цикл академических и "альтернативных" дисциплин, объединяемых под общим названием гуманитарной психологии. Для психопрактик личностного роста характерна перспективная тенденция к синтезу концепций и техник, относящихся к традиционной психологической культуре разных эпох, регионов и народов, с одной стороны, и современных научно рационализированных и экспериментально реализованных психотехник с другой.

Очень важно *публичное признание* психопрактик личностного роста, выражающееся в том, что культивируемые в них ценности телесной, душевной и духовной жизни фактически интегрированы в число базовых ценностей современной постиндустриальной цивилизации и обращаются в ней как аксиомы ее культуры.

Принимая стратегию культурно-антропологического развития, связанную с культивированием психопрактик личностного роста, необходимо реализовать такую культурно-ценностную политику, которая обеспечивала бы накопление личностного потенциала культуры и создание условий для формирования ценностных элит на основе психопрактик личностного роста (и развиваемых в этих целях гуманитарно-психологических инфраструктур).

Процесс модернизации и ценностные изменения

Процесс социальных изменений, в контексте которого мы намерены далее излагать свое видение культурно-антропологической перспективы, применительно к нашим условиям часто именуется "модернизацией". При этом под этим словом понимается не столько "обновление" или "развитие", сколько преодоление отсталости, свойственной якобы так называемым "традиционным" обществам. Уместность такого словоприменения в отношении страны с тысячелетней культурой и достаточно развитой индустриальной инфраструктурой не раз подвергалась основательной социологической критике. Об этой некритически принимаемой концепции модернизации, предполагающей взгляд на наше ближайшее будущее как на неизбежную вестернизацию, не стоило бы и вспоминать, если бы за ней не стояли вполне естественные упования людей на обновление общественной жизни, возвращения ей так или иначе понятого человеческого достоинства. Нам ближе иное социологическое и культурологическое понимание модернизации. В рамках такого понимания модернизация означает цивилизационную стратегию, имеющую своим объектом функциональные инфраструктуры жизнедеятельности и основывающуюся на практически доступных и культурно приемлемых в данный исторический момент типах рациональности и связанных с ними социальных технологиях.

Спектр этих рациональностей и социальных технологий задает определенный цивилизационный тип, со свойственным ему набором базовых социальных ценностей. Аксиологическая рефлексия этих ценностей осуществляет смысло- и целеполагание, делает возможным формулирование его ценностной концепции (= идеологии), раскрывая символическое содержание данного цивилизационного типа (его символический

капитал) и историософскую сюжетику символической борьбы за признание легитимности его ценностей.

Следует также заметить, что ни связанные с модернизацией трансформации функциональных инфраструктур, ни предполагаемые ею ценностные изменения не могут впрямую отрабатываться правопознанием и правотворчеством, ибо они, в свою очередь, зависят от предшествующей им работы аксиологической рефлексии, от культурной легитимации ценностей, проецируемых данной стратегией модернизации в наличное культурное поле общества. Культура обладает своими механизмами сопротивления ценностным индукциям, она селективна, и пропускная способность ее каналов – в каждый данный исторический момент – конечна.

В этом разделе мы более подробно рассмотрим взаимосвязи процессов социальных и ценностных изменений. Это даст возможность не только почувствовать исторический масштаб и значение интересующей нас культурно-антропологической проблематики, но и выявить природу вынуждающих воздействий различных социально-институциональных контекстов на изменение ценностных ориентаций. Обратимся сначала к наиболее распространенным воззрениям на этот счет.

Во-первых, считается очевидным, что модернизация экономической, политической и социальной сфер общества, с одной стороны, неминуемо сопровождается спонтанным изменением в ценностных ориентациях людей (что, в свою очередь, ведет к изменению структурных соотношений в ценностных системах), а с другой, предполагает значительный объем культурных, образовательных и коммуникационных инноваций, реализующихся посредством одноименных политик.

Уже с точки зрения этого представления ясно, что ценностные изменения составляют не просто фон, но скрытую и неконцептуализируемую основу как "сильных" (экономических, политических и социальных), так и более "слабых" (культурных, образовательных и коммуникационных) трансформаций.

Во-вторых, ссылки на исторический опыт модернизации так называемых "традиционных" или "тоталитарных" обществ также свидетельствуют, что ценностные изменения составляют как *предпосылку* экономических, политических и социальных реформ (концепция человеческих факторов модернизации), так и их конечную критериальную *цель* (концепция человеческих качеств образа жизни).

Учитывая, что процессы, о которых идет речь, являются длительными, а обратная связь названных целей и предпосылок многократной, названные качества-факторы снова оказываются в фокусе рассмотрения.

В-третьих, часто настаивают на том, что процесс модернизации протекает в наших условиях под действием двух независимых групп структурных условий: общецивилизационных, определяющих возможности нового вхождения России в мировое сообщество, и ее внутренних, исторически сложившихся социокультурных условий, определяю-

щих трансформационный потенциал общества, направленность и темпы основных реформ, возможности построения нового политического, экономического и культурного пространства на территории России. Среди и тех, и других структурных условий есть своя культурно-ценностная составляющая.

Кроме того, перечисленные представления имеют смысл не сами по себе, а лишь в контексте более широкой схемы, в рамках которой модернизация понимается как переходный процесс между какими-то двумя историческими состояниями. И в зависимости от того, как они определяются, какую локализацию в историческом времени получают, с чем будет идентифицирована "современность", различный смысл будут иметь понятия модернизации и ценностных изменений.

В теоретически тривиальном случае перехода от "традиционного" состояния к "современному" первое из них исторически локализуется достаточно произвольно и неопределенно, а второе идентифицируется с текущим настоящим (простое предшествование состояний). Когда речь идет о переходе от "индустриального" к "постиндустриальному", произвол локализации и масштаб переходной фазы сокращаются, а современность оказывается где-то между ними. Если же при футурологическом рассмотрении исследовательское внимание переносится в некую "постпостиндустриальную" (например, "информационную") фазу, то неопределенно локализуемым оказывается второе состояние.

Наша задача теперь – так вписать культурно-антропологическую перспективу в предложенное понимание модернизации, чтобы иметь возможность оперировать не одной, а сразу несколькими идеальнотипическими (и хронотипическими) конструкциями и тем самым вычленить процесс ценностных изменений в самостоятельный предмет рассмотрения.

Для конкретизации этой задачи обратимся к тому, как понимается процесс ценностных изменений в связи со становлением так называемого "информационного общества".

В доинформационном (индустриальном или раннем постиндустриальном) состоянии интегрированность и стабильность общества обеспечивается принятием достаточно стабильной и однородной системы ценностей. Новые вынуждающие условия информационного общества – поток научно-технических инноваций, неопределенность будущего и связанная с ней рисковая динамика, обнаруживающаяся дисфункциональность социальных институтов и практик, сложившихся в индустриальную эпоху, – приводят к дестабилизации и дезинтеграции общественной жизни. Причем одной из предпосылок этих деструкций, согласно мысли Г.Вайса, оказывается нерефлективное следование императивам прежде принятых ценностных систем. Достижение состояния интегрированности и стабильности в радикально новых условиях информационного общества требует столь же радикальных ценностных изменений.

Более того, поскольку процесс социальных трансформаций, сопровождающих вхождение общества в информационную эпоху, приобрета-

ет перманентный характер, ценностные изменения также становятся перманентными. Свою интегрирующую и стабилизирующую роль ценностные системы в этих обстоятельствах смогут реализовать лишь при выполнении непрерывной аксиологической рефлексии, отслеживающей направленность ценностных изменений и сдвиги ценностных ориентаций в различных сферах жизнедеятельности человека[3].

Очевидно, что идентификация современной фазы общественного развития как нарождающегося информационного общества – идеальнотипическая конструкция, значимая скорее эвристически, чем эмпирически. Всмотревшись внимательней в ее методологические особенности, мы сможем сделать следующий шаг на пути понимания культурно-антропологической перспективы.

Предложенная в свое время М.Вебером методология идеальнотипического анализа давала свободу маневра для установления методологически корректных отношений между конструируемыми исследователем идеальными типами социальных объектов, с одной стороны, и логикой развертывания исторического процесса с другой. При этом идеальный тип понимался как "мыслительная конструкция для... систематической характеристики *индивидуальных*, то есть значимых в своей единичности связей", таких, например, как христианство или капитализм[4].

В контексте обсуждаемой нами проблематики стоит вспомнить о трех особенностях работы с идеальными типами, каждая из которых задает свой горизонт анализа современного и будущего состояния процесса ценностных изменений.

Во-первых, поскольку "каждый *индивидуальный* идеальный тип составляется из понятийных элементов, родовых по своей природе", одни и те же элементы могут входить в конструкции различных идеальных типов.

Это стоит иметь в виду, чтобы не отрицать возможность вхождения элементов, обычно относимых ее адептами к конструкции информационного общества, в какие-то иные идеально-типические конструкции ближайшей фазы развития. Если в поле нашего рассмотрения будут введены другие дополнительные или альтернативные типизации (такие, например, как концепция постмодернистской культуры, исторически синхронной информационному обществу, или концепция антропной цивилизации, сдвинутая по фазе развития относительно него в будущее), то видение антропологической перспективы только приобретет большую стереоскопичность.

Во-вторых, конструирование идеальных типов и идеальнотипических развитий у М.Вебера было направлено на цели исторического, т.е. обращенного в прошлое, исследования. Он предупреждал об опасностях такого поворота дел, когда "идеальная конструкция разви-

---

[3] Вайс Г. Трансформация ценностей и интеграция (в печати).

[1] Здесь и далее: Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс. 1990. С.400–404.

тия и понятийная классификация идеальных типов... объединяются в рамках генетической классификации", и на этом основании постулируются "эмпирически значимые или даже реальные... "действующие силы", "тенденции" и тому подобное".

Применение идеально-типической конструкции к современной, а тем более к наступающим фазам развития явно выходит за рамки только что указанного ограничения. Это не представляет особых методологических трудностей, поскольку и сам Вебер признавал эвристическое значение идеальных типов для сравнения с действительностью. Но даже если и признавать за информационным обществом достоинство эвристически значимого идеального типа современного состояния общества (и его дальнейшего развития), то остается все же открытым вопрос о футурологическом применении этой конструкции, возможностях строить на ее основе предположения о направленности ценностных изменений и основаниях той или иной ценностной политики.

В-третьих, если мы все-таки допустим, что возможна работа сразу с несколькими типизациями одного и того же исторического состояния (а методология идеально-типического анализа, на наш взгляд, это вполне допускает), то возникают новые исследовательские перспективы изучения процессов ценностных изменений и интеграции.

Оставаясь пока в рамках аналитической схемы "вынуждающий порядок – ценностные изменения", вполне можно представить себе коэволюцию, т.е. одновременное развитие и вынуждающее действие различных порядков, заданных разными типизациями. Ясно, что расширенный порядок, инициируемый процессом коэволюции, не окажется простой суммой учитываемых в этой процедуре типизированных порядков и не будет представим в терминах, принятых для их описания. В расширенном пространстве коэволюции будут имплицитно складываться свои связи разнородных вынуждающих сил, будут кристаллизоваться свои точки притяжения (аттракторы), принципиально не наблюдаемые ни в одном из типологически определенных порядков.

Разным типологически заданным вынуждающим порядкам, находящимся в процессе коэволюции, могут соответствовать разные хронотипы исторического времени. Помимо только еще начинающегося процесса (каким является нарождение информационного общества у Г.Вайса), можно указать на примеры спонтанно эволюционирующего "расширенного порядка" рыночной экономики у Ф.Хайека или на оканчивающийся процесс распространения либеральной демократии в концепции "конца истории" у Ф.Фукуямы. Названные идеально-типические конструкции относятся их авторами к одной и той же – нашей современности, но хронотипически альтернативны.

Остановимся теперь более подробно на содержательной стороне отношения "вынуждающий порядок – ценностные изменения". Его ни в коем случае не следует понимать как прямую детерминацию ценностей социальными процессами или структурными условиями. Поскольку

ценности являются культурно-психологическими основаниями актов человеческого самоопределения (целе- и смыслополагания), утверждение о детерминирующем влиянии социальных обстоятельств на изменение в ценностных системах не только умаляло бы свободу самоопределения, но лишало бы человека достоинства свободного существа. Как же в таком случае следует понимать отношение "вынуждающий порядок – ценностные изменения"?

Для ответа на этот вопрос обратимся к предложенной нами аксиологической конструкции "поиск – выбор – устроение – обитание", описывающей последовательность фаз ценностного самоопределения и укоренения в различных жизненных мирах.

Под *поиском* в данном случае понимается поисковая активность, предшествующая ценностному (а в пределе – экзистенциальному) выбору. Хотя поиск и предзадан ценностными ориентациями человека, он вовсе не всегда сопровождается рефлексивными актами целе- и смыслополагания, сознаванием предметности искомого. Поисковая активность, как правило, непроизвольна, спонтанна и бессознательна, она переживается как самоцель, независимая от своей утилитарной полезности.

Выбор – наиболее очевидная ценностная функция. Выбирают из найденного, замеченного, среди возможностей поступить так или иначе. Это уже акт самоопределения, в ходе которого проясняются цели и смыслы действования, производные от ценностей, участвовавших в выборе.

Следующая фаза реализации ценностного самоопределения – *устроение*. В выборе уже наметились те ситуации целе- и смыслодостижения, которые должны быть приведены к виду, соответствующему этим ориентирам. Многообразие возможных ситуаций при этом устраивается, упорядочивается для осуществления намеченной выбором деятельности, на них наводится порядок, инициируемый этой деятельностью. Если она непрерывна и достигает своих целей, устанавливает заданный ею ценностный смысл, наводимый ею порядок будет устойчивым. Но на этом дело осуществляемого самоопределения не заканчивается. Устанавливаемый деятельностью порядок должен быть еще обжит и принят человеком как свой, естественный и свободный, удовлетворяющий исходным ценностным подразумеваниям. Тогда только он становится средой *обитания*... и плацдармом для новой поисковой активности.

Если же теперь допустить, что поиск, выбор, устроение и обитание протекают в сильно структурированной социальной среде, станет ясно, что поиск и выбор как бы "развязывают", разрывают структурные связи этой среды, а устроение и обитание, напротив, связывают их. В первом случае энергия "развязываемых" связей высвобождается и реализуется далее как свободная мотивационная энергетика деятельности. Во втором – она вновь связывается в устанавливаемом устроением порядке обитания.

Замыкание фаз обитания и поиска в полной цепи говорит о том, что обитание также является энергетической реальностью, причем значительная часть этой энергетики как раз уходит на постоянную поисковую активность.

На наш взгляд, данная конструкция дает возможность понять, в каком смысле можно избежать нежелательного детерминизма при использовании аналитической схемы "вынуждающий порядок – ценностные изменения".

Согласно описанной конструкции, вынуждение – это эффект обратной мотивационной перспективы. Ценностный поиск и выбор питаются мотивационной энергией обитания. Поскольку пребывание в нем переживается как естественное и свободное, постольку ценностное самоопределение, осуществляемое путем поиска, выбора и устроения, происходит спонтанно, а сопутствующие ему сдвиги в ценностных ориентациях никак нельзя считать вынужденными в смысле детерминизма. Структурные порядки социальной среды отрабатываются в этом сквозном, самозамкнутом процессе таким образом, что человек вовсе не принуждается принимать ценностные изменения как бы со стороны; напротив, он сам их сознает и замéчивает, принимая в свое самосознание. Готовность к принятию ценностных изменений первоначально формируется опытом участия в спонтанном поиске ситуаций жизни и действования, отвечающих наличным ценностным ориентациям. Лишь активная вовлеченность в следующий за поиском опыт достижения ценностно удовлетворительных состояний обитания дает ориентиры и мотивационную энергию к новому поиску, а значит, дает возможность ощутить состоявшиеся в этой аксиопрактике ценностные сдвиги и осознать их.

Свободное общество и рефлектированный традиционализм

Представление о свободном обществе принадлежит философии либерализма и исторически разворачивалось вокруг основополагающей для европейской культуры ценности свободы. Круг конкретных исторических явлений и идей, охватываемых либеральным умозрением, столь широк и разнообразен, что в рамках данной статьи нет никакой возможности даже вкратце упомянуть о них. Учитывая цели данной работы, ограничимся в основном ссылкой на концепцию свободного общества П.Фейерабенда, благо она отвечает нашим культурологическим интуициям и прямо относится к проблематике сохранения и изменения ценностей.

Согласно мысли американского методолога, "свободным является общество, в котором все традиции (и связанные с ними практики. – *О.Г.*) имеют равные права и доступ к центрам власти, что отличается от обычного определения, которое гласит, что индивиды обладают равными правами на достижение положения, заданного некоторой особой традицией... Традиция получает эти права не за то значение... которое

она имеет для посторонних людей, а за то, что она придает смысл жизни тем, кто участвует в ней"[5].

Содержательной предпосылкой этого определения, очевидно, является различение институтов, традиций и практик как трех различных по своей природе, хотя и связанных функционально типов социальных объектов и форм социологического воображения[6].

В любом достаточно интегрированном обществе имеют место откристаллизовавшиеся узлы институтов, традиций и практик, социально артикулирующие какие-то ценностные комплексы. Эти узлы наделены различными фукциональными значимостями и образуют первичную ткань социальной жизни. В силу этого справедливым будет утверждение, что принятие ценностей, связанных с тем или иным узлом социальной структуры, составляет основу идентичности личности с соответствующими ему институтами, традициями и практиками.

Процессы социальной трансформации не ведут сами собой к ценностным изменениям. Они лишь делают первичную социальную ткань более рыхлой, ослабляют функциональные связи между отдельными ее узлами, а также между ценностями и механизмами их социальной артикуляции. При этих условиях начинается процесс ценностной дезориентации, порядок обитания перестает восприниматься как ценностно удовлетворительный, и запускается очередная цепь поисковой активности, ценностного выбора и самоустроения.

Нужно признать, что из трех названных выше понятий традиция – наименее популярный и развитый предмет социологической мысли. Расхожее противопоставление традиционных и модернизированных обществ относит традиции в условное архаическое прошлое и не находит им места в современности (не говоря уже о будущем). Традиционализм, т.е. признание за традицией значения осевого исторического времени, стал чуть ли не синонимом обскурантизма.

Для демонстрации иного понимания традиции, краткости ради, позволим себе сослаться на мнение Ф.Хайека, исследователя весьма далекого от почвенного традиционализма: "Признаться, я не сразу сообразил, что большую часть знания нам дает не непосредственный опыт и не наблюдение, а непрерывный процесс "пропускания через себя" усваиваемых традиций... Традиция – это... отбор, без чьего бы то ни было ведома и чьих бы то ни было намерений... В процессе отбора, формирующего обычаи и мораль, могло учитываться количество фактических обстоятельств большее, чем то, которое могли воспринимать индивиды; как следствие этого, традиция в определенных отношениях выше и "мудрее" человеческого разума"[7].

---

[5] Здесь и далее: Фейерабенд П. Наука в свободном обществе. // Избранные труды по методологии науки. М., Прогресс, 1992. (Feyerabend P.K. Science in Free Society. L., 1978).

[6] Генисаретский О.И. Свидание с историей. // Кентавр, 1993, № 2.

[7] Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., Новости, 1992. С.133. (Hayek F.A. The Fatal Conceit. / The Errors of Socialism).

А теперь вернемся к концепции свободного общества П.Фейерабенда и рассмотрим те сформулированные им аксиомы рефлексированного традиционализма, которые имеют отношение к научному анализу ценностных изменений и устанавливают некоторые ограничения на саму возможность такого анализа.

1. "*Традиции не являются ни плохими, ни хорошими – они просто есть*". О ценностях, транслируемых в той или иной традиции, невозможно знать, не участвуя в ней. Это знание включенное, носителями его являются индивиды, следующие правилам традиции и участвующие в ее практиках.

Научное исследование не является формой такого участия, приверженность научному рационализму и критицизму само есть, согласно П.Фейерабенду, особая традиция. Так что признание культурного плюрализма, т.е. наличия в обществе разных традиций, делает научное изучение ценностей, сохраняемых и изменяющихся в их рамках, проблематичным.

Первично спонтанное саморазвитие традиций и их (это наше особое допущение) коэволюция. Для того собственно и нужен открытый ценностный диалог в обществе, чтобы в его рамках устанавливалось сознательное согласие/несогласие о ценностях, не исключающее ценностный конфликт. Гуманитарные максимы открытости, терпимости и доверия лишь сглаживают, но не исключают возможность конфликтного развития процесса ценностных изменений. Они сознаются и принимаются на фоне так понятого согласия/несогласия.

2. "*Некоторой традиции присущи желательные или нежелательные свойства только при сравнении ее с другой традицией, то есть только когда они рассматриваются участниками, которые воспринимают мир в терминах свойственных им ценностей*".

Признав наличие в обществе многих разных традиций, приходится признать, что еще более многообразным будут их взаимные оценки на желательность/нежелательность тех или иных свойств, присущих сравниваемым традициям. Это обстоятельство, умноженное на очевидные трудности познания ценностного содержания чужой традиции со стороны, в свою очередь, весьма затрудняет научную "оценку эффективности ценностных систем". Основания такой оценки лежат в расширенном пространстве коэволюции разных традиций. Извлечение их оттуда составляет отдельную задачу.

3. ...

4. "*У каждой традиции имеются свои способы привлечения сторонников*". По этой причине не может быть однозначного ответа на вопрос о готовности современного человека к принятию ценностных изменений, необходимость которых может казаться объективно обусловленной той или иной идеально-типически выявленной тенденцией развития.

С одной стороны, готовность принятия ценностных изменений должна рассматриваться дифференцированно, применительно к каждой особой традиции. С другой, она зависит от уровня развитости психологической культуры ее носителей, от того, насколько эта специфическая

культура уже впитала в себя элементы современных психопрактик личностного роста, сознавания ценностных сдвигов в жизненных ориентациях личности.

Принятие ценностных изменений – не только необходимость, мотивированная вынуждающими действиями социальных условий, но и особая психопрактика, культивирование которой составляет часть культурно-ценностной политики.

5. "*...при оценке исторического процесса можно опираться на еще не сформулированную и даже на невыраженную практику*". Если правила традиции не сформулированы, отдельные индивиды или группы, участвующие в ней, следуют установкам связанных с традицией практик. Наблюдая некоторые изменения или участвуя в них, люди сами изменяются вместе с ними.

Не следует забывать, что "традиция" – это понятийный конструкт и что переживание причастности к той или иной конкретной традиции, а тем более сознавание ее как особой, противопоставленной другим традициям может сопровождаться разным градусом рефлексии (порою приближающимся к нулевому). Иначе говоря, традиция может пребывать в латентном состоянии, и тогда границы, отделяющие ее от других традиций, будут весьма размытыми и проницаемыми. Кроме того, в ходе взаимодействия и коэволюции традиций происходит их конверсия, что также способствует неопределенности их границ. Одним из исходов такого положения дел, конечно, может стать процесс рефлективного выявления ценностных оснований традиции в будущем, но каковы будут эти основания – знать заранее невозможно.

Признание наличия латентных традиций и рефлексивно невыраженных практик указывает на существование особого горизонта, соответствующего расширенному порядку коэволюции традиций. Их взаимодействие задает организованность поведенческих практик, мотивационно воздействующих на саморазвитие каждой из включенных в латентное взаимодействие традиций. Однако эта составляющая саморазвития традиций остается вне прямого наблюдения и рефлексии. Вспомним в этой связи еще раз Ф.Хайека, считавшего, что основанный на традициях отбор "происходит в соответствии с долговременными последствиями решений, продиктованных правилами поведения" и что тем самым традиция сама есть "адаптация к неизвестному".

6. Коммуникация, в которой сознается и фиксируется согласие/несогласие в ценностных ориентациях участников традиции, основывается не на "вынужденном", а на "свободном взаимодействии".

При этом "*участники оказываются во власти иных способов мышления, чувствования, восприятия до такой степени, что их... воззрения на мир способны полностью измениться. Они становятся другими людьми, участвующими в новой, необычной традиции*".

Свободное взаимодействие – гуманитарная максима ценностного самоопределения в свободном обществе, защищающая его открытость будущему и неизвестному. "*Базовая структура свободного общества является охранительной (protective), а не идеологической*", она вовсе

не предполагает какой-либо рационализации ценностей, приводящей процесс ценностных изменений к общему идеологическому знаменателю. Ни научное изучение ценностных систем, ни выработка критериев оценки их эффективности не могут привести к единственной и общепринятой культурно-ценностной парадигме. Открытый ценностный диалог в демократическом обществе потому и является открытым и демократичным, что все сознаваемые в его процессе ценностные изменения принимаются участниками диалога как обозначающие общее поле личностного роста – поисков, выбора и самоустроений. Какие фигуры аксиологической рефлексии будут проявляться в ходе этого диалога, что будет признано самоценным в сознаваемом составе человеческого существования, покажет будущее.

Личностный потенциал культуры как объект изучения

Назвав личностный потенциал культуры основным объектом нашего исследования, мы имели в виду, что все прочие представления и конструкции, с помощью которых описывается культурно-антропологическая перспектива, будут интенционально относиться к этому именно объекту, и что через подобное отнесение они будут связываться воедино и получать свой методологический смысл. Приняв во внимание высказанные в предыдущем разделе статьи соображения о расширенном порядке коэволюции различных традиций и практик, ценностных изменений в различных жизненных мирах, мы можем связать этот порядок с процессом культурно-антропологической эволюции и тем самым постулировать еще одну идеально-типическую конструкцию, именуемую нами *антропной цивилизацией*.

Это такое состояние общества, в котором движущими силами развития и мотивами реализации различных инициатив, стратегий и программ являются культурно-психологически рефлектируемые психические импульсы, личностные смыслы, ценностные самообразы, личностные образцы и другие психические или телесные реальности.

Осевой процесс развертывания антропной цивилизации описывается нами как *антропологический синтез,* в ходе которого происходит смена схематизмов сознания и поведения, исходных очевидностей и произвольностей, личностных типов самореализации и замыкающих все эти психические реальности на себя ценностных самообразов.

Материей и пространством для так понятого антропологического синтеза являются знаковые тексты культуры, фиксируемые в них энергийные и символические связи. Тематическое единство синтезируемого материала в этом процессе частично сохраняется, но меняется субъективная, личностная форма его реализации в культуре. То, что на предыдущей фазе развития существовало "в форме содержания", тематически, на следующей фазе "издерживается", становится непосредственным. И напротив, какие-то непосредственные состояния сознания/воли, очевидности и произвольности могут на следующей фазе тематизироваться в новых текстах культуры.

В силу антропологического синтеза природа человека оказывается исторически дискретной, иногда даже несопоставимой на разных фазах истории, хотя качество человечности при этом несомненно сохраняется. Отсюда, между прочим, становится ясным, почему аксиоматика разделяемой нами философской и культурной антропологии имеет заведомо метаисторический и метакультурный характер. Потому и приходится обращаться к аксиологическим и гуманитарно-психологическим концепциям и процедурам, что связанность исторически дискретных культурно-ценностных комплексов может быть восстановлена только психопрактически, но никак не познавательно или проектно.

Представление об антропологическом синтезе в рамках данного исследования используется как шаг в конкретизации культурно-антропологической перспективы. Ценностные изменения, описываемые выше в контексте вынуждающего воздействия социально-институциональных структур, получают здесь явное выражение в предлагаемом нами понятии личностного потенциала культуры.

Он определяется как культурно-антропологический объект, реализующийся сразу на трех уровнях системы "человек/культура":

– в аксиоматике культуры (концептуально-аксиологическая составляющая личностного потенциала);

– в психологической культуре общества или входящих в него социокультурных групп, определяемой как совокупность психопрактик, организующих репертуар аксиоматических состояний сознания/воли (культурно-психологическая составляющая личностного потенциала);

– в индивидуальном опыте личностного роста и развития различных психических способностей (психопрактическая составляющая личностного потенциала).

С помощью предиката "культурно-антропологический" в данном определении подчеркивается, что личностный потенциал не является ни объектом социологии культуры (ибо носители его не совпадают с представителями тех или иных социальных групп), ни объектом психологии личности или творчества (ибо личностные переживания и творческие акты сами по себе еще не принадлежат культуре, если не произошла их культурная рецепция).

Специфический смысл понятия личностный потенциал культуры как раз и состоит в том, что психическая реальность личностного роста интегрируется с ценностной реальностью культуры в реальностях третьего рода – в психопрактиках и психологической культуре (различных групп, этносов или общества).

Первые два уровня в конструкции личностного потенциала, взятые сами по себе, могут быть отнесены к реальностям культуры и описаны культурологически.

Аксиоматика культуры – это ее подразумеваемое, но далеко не всегда рефлектируемое в жизненном опыте человека ценностное ядро[8]. Оно является содержанием культурной традиции общества, его коллек-

[8] Понченко А.М. Русская культура в эпоху петровских времен. Л., Наука, 1984.

тивным культурно-ценностным бессознательным (или сверхсознательным, в зависимости от направленности исследовательского внимания). Концептуальная рефлексия содержания культурной аксиоматики достигается (и то весьма частично) в опыте подвижнической духовной жизни, в творческом самосознании мастеров культуры или в исследовательской работе культурологов. Аксиоматика культуры, как и сохраняющая ее культурная традиция, прикровенна, энигматична и передается в непосредственном опыте жизни в условиях естественного культурного окружения.

Тем не менее есть все основания для аналитического выделения этого уровня в качестве самостоятельного, поскольку в культурно-ценностной рефлексии ценности полагаются в качестве интерсубъективной, надличностной реальности. И когда они осознаются как таковые, возможным становится "отнесение к ценностям", придающее ценностную значимость всему тому, что с ними интенционально соотносится (в принципе, любым явлениям жизни).

Аксиоматические состояния сознания/воли – это психологически рефлектируемая культурно-ценностная реальность, полностью погруженная в стихию душевной жизни, реальность, уже личностно выраженная, но еще не индивидуальная. Аксиоматические состояния входят в состав психологической культуры общества как такового (если речь идет, например, о национальной норме психологической культуры), каких-то этносов или социальных групп[9].

Под психологической культурой мы понимаем совокупность психопрактических схем, организующих репертуар состояний сознания/воли (и переходов между ними) и репрезентирующих характерные для этих состояний психические реальности. Некоторые из этих состояний могут быть сознаваемыми, а некоторые переходы – произвольными. Однако большинство тех и других реализуются без рефлексивного сопровождения и структурируются принятыми в данной психологической культуре аксиоматическими состояниями сознания/воли. Аксиоматическими они являются в том же самом смысле, что и составляющие культурной аксиоматики. Это – те очевидности сознания и произвольности воли, которые в каждый данный момент предопределяют внутреннюю и внешнюю жизнь человека, придают ей качества естественности и свободосообразности, но сами остаются как бы прозрачными и потому незамечаемыми.

Воспользовавшись понятием культурно-психологической традиции, принятым в гуманитарной психологии, на психические реальности этого

---

[9] Генисаретский О.И. Воображение и ценностные взаимосвязи образа жизни и предметной среды. // Ценности, образ жизни и жилая среда. М., ВНИИТЭ, 1987.

Древнегреческое слово "аксиома" одновременно означало и ценность, высокое качество, и достоинство, честь, и самоочевидное положение, не нуждающееся в доказательстве. Аналогичным образом термин "аксиоматическое состояние" подразумевает самоценность бытия, переживаемого в нем и проявляющегося для сознания как смысловая самоочевидность, а для воли – как непроизвольность намерения, мотива.

уровня можно распространить все то, что выше было сказано о традициях вообще[10].

Таким образом, объединяет первые два уровня в конструкции личностного потенциала культуры их явная ценностная выраженность. Хотя их ценностное содержание и осуществляется по большей части за пределами прямого сознавания, оно наличествует в них как вполне переживаемое. А различает эти уровни отсутствие (на первом из них) и присутствие (на втором) субъективной, личностной формы осуществления ценностного содержания.

Второй и третий уровни могут быть отнесены к психической реальности и описаны культурно-психологически.

Различаются они по отсутствию индивидуации личностно-ценностного опыта в психологической культуре и наличию ее в опыте личностного роста, самоактуализации и самореализации индивидуированной личности-самости.

В случае сознательного и последовательного культивирования психопрактик личностного роста, когда входящие в их состав концепции и процедуры отправляются как различимые занятия, имеет смысл говорить об особых психических ценностях, соотносимых с образами человека в каждой конкретной психопрактике.

Хотя ценностное содержание и способы его фиксации на двух последних уровнях конструкции личностного потенциала культуры и различны (в частности, по степени его определенности), все же есть основания констатировать их ценностную связанность.

Что объединяет второй и третий уровни, так это их опытная, психопрактическая природа.

Под психопрактикой в культурной антропологии и гуманитарной психологии понимается совокупность психических усилий, навыков, приемов или занятий. Они осознаются теми, кто их практикует, в рамках естественного или психологически рефлектированного самосознания и имеют своим объектом те или иные наличные психические события и состояния, процессы и структуры. Их цель – достижение предпочтительных качеств телесной и душевной жизни, здорового контакта со средой, приемлемого уровня общей жизнеспособности или специальной работоспособности, личностно-значимого эмоционально-ценностного строя жизни.

Различие между коллективными и индивидуальными психопрактиками, соответствующими второму и третьему уровням обсуждаемой конструкции, психологически вполне определенно: психологическая культура и характеризующие ее аксиоматические состояния фокусируются вокруг *личностных образцов* психической жизни и деятельности, тогда как личностный рост – вокруг ценностных *самообразов*, на основе которых человек ориентируется в спонтанно или методически транс-

[10] Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, Наука, 1989.

формирующихся психических реальностях и выбирает индивидуально значимую траекторию самореализации.

Поскольку аксиоматические состояния, психологически кодирующие личностные образцы и самообразы, содержанием своим имеют те или иные конфигурации ценностей культуры, а реализуются в актах ценностного самоопределения и в выборе направленности личностного роста, то именно аксиоматические состояния, самообразы и личностные образцы являются той реальностью третьего рода, благодаря которой интегрируются разные уровни личностного потенциала культуры.

Порядок перечисления уровней в конструкции личностного потенциала культуры, использованный выше, вовсе не отражает их иерархической значимости. Он был выбран исключительно для удобства введения этого понятия. По сути дела логическое ударение в нем приходится на предикат "личностный".

Характеристической для антропного типа цивилизации (и тем самым для процесса антропологического синтеза) нами была признана психопрактика личностного роста. С этой точки зрения иерархически значимым является обратный порядок: от психопрактики личностного роста до аксиоматики культуры. А раз так, то носителем личностного потенциала культуры и фокусом культурно-антропологической перспективы должен быть признан именно самообраз человека как участника этой аксиопсиходрамы.

Интуитивно ясное понятие самообраза уточняется с помощью типологической характеристики его основных элементов и структур. Исходными признаками, варьируемыми в предлагаемой типологии, будут признаки "однородности/неоднородности" применительно к реальностям сознания и "устойчивости/неустойчивости" применительно к реальностям воли. Предполагается, что реальности сознания обладают качеством пространственности и могут восприниматься как пространственно однородные или неоднородные, а реальности воли в том же смысле наделяются качеством временности и могут быть устойчивыми или неустойчивыми во времени.

Реальности сознания/воли, обладающие свойствами устойчивости и однородности, определяются как *аксиоматическое ядро* самообраза, как репертуар аксиоматических состояний, доступных человеку посредством данного самообраза. Это аксиоматическое ядро реализуется в очевидностях сознания и произвольностях воли, сохраняющихся при всех обстоятельствах жизни и деятельности. Будучи неизменным, это ядро остается как бы за скобками сознания/воли, вне какой-либо рефлексии. Это – подразумеваемая часть самообраза; это – сознание и воля не в их отражающих предметность или определяющих поведение свойствах, а в их бытии; это – неразложимое ядро самообраза, которым идентифицируется достигнутое состояние личностного роста.

Элементы самообраза, соединяющие в себе свойства пространственной неоднородности и устойчивости во времени, реализуются в *образах,* иконических структурах сознания, которые принято называть "топосами", если речь идет о тематических характеристиках деятельнос-

ти, или "сценами", если имеются в виду ее пространственные характеристики. Топосы-сцены обладают структурой, пространственной организацией и в особой, иконической рефлексии могут быть нанесены на какую-то когнитивную карту, являющуюся пространственной картиной самообраза и стоящего за ним аксиоматического ядра. Нужно только ни на минуту не забывать символической природы этой картины: ядро самообраза в любых своих выражениях сохраняет качество сокрытости/несокрытости; в каких бы тематических топосах, на каких бы сценах и когнитивных картах ни раскрывалось его содержание, все это будут только иконические символы, хотя и обладающие психической реальностью, но не являющиеся однозначным изображением каких-то объектов.

Элементы самообраза, наделенные свойством неустойчивости во времени, но пространственно однородные, реализуются в *сюжетных событиях* или состояниях воли. Неустойчивая однородность есть символическое именование процессов, в данном случае – процессов сквозного переживания жизнедеятельности, временная организация которых именуется "сюжетом". В сюжетах рефлектируется динамика личного участия в деятельности, они так же, как и топосы-сцены, служат символическим выражением самообраза и его аксиоматического ядра. Сюжетные события и состояния обладают качествами событийности, случаемости, их психическая реальность неразрывно связана с реальностью внутреннего, психологического времени.

Наконец, остаточный элемент типологии – реальности неустойчивые и неоднородные. Следуя принятой выше театральной метафоре, можно сказать, что это реквизит, т.е. те *вещи*, что мы видим на сцене, вещи, среди которых разворачивается сюжет. Разумеется, коль скоро речь идет о самообразах, это будут не материальные вещи, а иконически и сюжетно значимые образования, столь же символические, как топосы-сцены и сюжеты.

Обращаясь к характеристике самообраза в целом можно зафиксировать три его основные особенности.

Во-первых, с его помощью выражаются качества выполняемой человеком деятельности и качества проживаемой им жизни (такие, например, как самоценность, подлинность, привлекательность, посильность и т.д.). Причем они выражаются целостно, в непосредственности и непрерывности переживания, как его основная *ценностная интонация*. Сюжетные варианты развития переживания, его сценические обстоятельства, вовлекаемые в переживание символические вещи – все это вторичные манифестации самообраза как интенциональной структуры.

Во-вторых, в отношении к текущей жизни и деятельности человека именно его самообраз обладает функцией инициировать спонтанную *поисковую активность* (в любых социокультурных контекстах).

Согласно данным физиологии и психологии, поисковая активность является неспецифической, не связанной с определенными психически-

ми функциями или социальными ролями[11]. Она характеризует личность как целое, в любых ее жизненных и творческих проявлениях, вне зависимости от принадлежности к той или иной возрастной или социальной группе. Эта активность непроизвольна, естественна и самоценна. Если самообраз человека достаточно выражен в его сознании, он инициирует поисковую активность, переживаемую как самоцель, доставляющую удовлетворение независимо от ее утилитарной полезности; и напротив, отказ от поисковой активности, в том числе и по причине невыраженности самообраза, приводит к нарушениям поведения, психическим расстройствам, формирует опыт беспомощности и безынициативности.

В-третьих, каждый самообраз человека – это одна из его *личностных идентификаций*, один из модусов самоосуществления личности. В самообразах символизируются собственно личностные качества бытия и деятельности, не сводимые к природному, функционально-предметному или любому другому объективированному ими содержанию.

Вместе с тем каждый самообраз есть образ человека в его личностной целостности. Такова природа личностной идентичности, сохраняющей эту целостность в любых средах, где она укореняет человека, в любых процессах изменения, протекающих в них. И напротив, обладание в достаточной мере личностно выраженным самообразом в какой-то данной среде есть условие сохранения человеком его личностной идентичности с ней.

Самообразы, кодирующие индивидуальную психопрактику, на уровне коллективной психопрактики, в свою очередь, кодируются личностными образцами, явно выраженными в публичной культуре или вычитываемыми из поведения людей.

В социальной психологии и социологии для личностных образцов считаются значимыми следующие их характеристики:

– реальное или вымышленное лицо, которое побуждает или должно побуждать к подражанию;

– образ человека, который фактически служит или должен служить для данного индивида или группы объектом притязаний;

– образ человека, выражающий стиль жизни и деятельности какой-то социальной группы, общую ценностную направленность, аксиоматику какой-то культуры[12].

Перечисленные характеристики означают, что в социальной психологии и социологии личностные образцы наделяются функцией социально-культурной детерминации жизнедеятельности людей, данной группы или общества.

Для психопрактики личностного роста существенно иное соподчинение самообразов, личностных образцов и схем психопрактического опыта.

---

[11] Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М., Наука, 1984.

[12] Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., Прогресс, 1987.

Личностные образцы – это элементы психологической культуры группы, этноса, общества, которыми кодируются аксиоматические состояния, соотносимые с ценностями культуры и входящие в ядро самообраза. Благодаря такой интерпретации во внешнем для человека пространстве психологической культуры сохраняется возможность свободного выбора личностного образца, возможность реального или иконического, но всегда экзистенциально значимого контакта с ним. Во внутреннем индивидуальном опыте самообраз соотнесен с тем схематизмом сознания/воли, который выше был описан в терминах аксиоматических состояний, сюжетики переживания и символов, обеспечивающих реализацию самообраза психикой человека.

Сфокусировав конструкцию личностного потенциала культуры на понятии самообраза, мы оказались перед вопросом о стратегии научно-прогностического исследования условий и возможностей накопления личностного потенциала. Все рефлексивно замкнутые на себя психические образования (самообразы, самоотношения, самоопределения, самомышление и т.д.) не являются непосредственно наблюдаемыми и извне определимыми. Однако мы можем наблюдать и прогностически определять возможные направления организации жизнедеятельности в разных ее функционально-аксиологических горизонтах, наблюдая за реализацией в них ценностных самообразов, личностных образцов и других связанных с ними психических реальностей.

Культурно-ценностная политика и практика

Из анализа содержания представлений о самообразах и личностных образцах можно заключить, что хотя личностный потенциал культуры и был задан как культурно-антропологический объект, областью его определения отнюдь не является только культура в узком аксиологическом смысле этого слова. Напротив, в культуре, понятой как пространство ценностей, личностный потенциал уже реализуется как освоенная в той или иной форме ценностно-личностная реальность. Сам же он сопределен расширенному порядку коэволюции различных функционально-аксиологических горизонтов общества. Областью его определения следует считать все поле расширенного порядка институтов, традиций и практик.

В этом разделе статьи речь пойдет о культурно-ценностной политике применительно к экотехническому, профессиональному, институциональному горизонтам, а также горизонту инкультурации. Сохранив в качестве фокуса рассмотрения ценностный самообраз, мы перечислим ценностные ориентиры этой политики для каждого из указанных горизонтов и тем самым сделаем еще один шаг в конкретизации представления о культурно-антропологической перспективе, на этот раз – в контексте социально-практическом.

И коль скоро мы вступили на поле политологии, заметим, что политика сама есть не что иное, как установление ценностных связей. Связей того, что в общественном сознании уже понято как связанное, а в горизонте социальных традиций, институтов и практик остается все еще не связанным, не приведенным в ценностно осмысленный и дей-

ствующий порядок. Политика – это связанность гражданской жизни через ценностное сознавание, понимание и оправдание, а также через решающий ценностный выбор, устроение и обитание.

Культурно-ценностная политика – особая область политической активности, впрямую сориентированная на аксиоматику наличной культуры. Устанавливаемые и поддерживаемые ею связи – это связи жизни через соприсутствие и содеятельность в каких-то ценностно выраженных и духовно осмысленных реальностях культуры, через рецепцию и эмпатию аксиоматических состояний сознания/воли, личностно значимых образцов присутствия и деятельности в ценностных пространствах культуры, через свободное соучастие в утверждении самоизбранного замысла жизни.

Поэтому целевые направления культурно-ценностной политики, о которых далее пойдет речь, – не столько целеполагания для будущей деятельности, сколько опознания линий спонтанно происходящего и принимаемого самими людьми развития.

Экотехнический горизонт деятельности включает в себя всевозможные технические системы, машины, объекты и технолоические сети (по переработке вещества, энергии и информации), помещенные в средовые, пространственно-временные условия, определяющие как функционирование технических систем и технологических сетей, так и поведение людей.

В экотехническом горизонте психическая реальность деятельности описывается в терминах функциональных состояний человека-работника, а сам он сводится к роли оператора как одного из функциональных элементов экотехнических сред и систем. Важно, что все феномены деятельности, описываемые функционально, до тех пор, пока они не осмыслены с точки зрения самообраза, относятся исключительно к роли оператора, а не к человеку, исполняющему эту роль.

Проблемой для психологического анализа возможностей личностного роста в экотехническом горизонте является соотношение поверхностных и глубинных психических структур, реализующихся в каждом функционально заданном занятии. Данное соотношение изоморфно соотношению работоспособности и жизнеспособности.

Любое занятие предполагает за человеком определенную, специальную готовность к нему, какую-то совокупность освоенных умений и знаний. С внешней стороны это выражается в способности человека к тому или иному предметному оперированию, а с внутренней – в сформированности в его психике некоторой функционально-морфологической системы, своего рода психического органа. Устойчивым, постоянно осуществляемым занятиям соответствуют особые психические маски, психические жесты. Овладение занятием – это как бы выращивание психического органа, который затем функционирует столь же естественно (или противоестественно), как и любой телесный орган. У каждого человека много таких психических органов, которые "упакованы" в психике человека, занимая в ней отпущенный человеку объем операциональных возможностей, и которые сопровождают его повсюду и постоянно.

Говоря о совпадении психологического содержания понятий "оператор" и "функциональное состояние", мы имели в виду, что оно соотносится лишь с внешним, предметно-операциональным планом дея-

тельности. Теперь мы имеем возможность утверждать: в качестве функционально-морфологической системы психический орган занятия включен в целостную психику человека, соотнесен в ней с другими такими же психическими органами и, что особо важно, с тем жизненным центром, с которым соотносятся все индивидуальные переживания человека и который, в меру развитости ценностного самосознания, воспринимается как личное "я" или "ты" (в зависимости от точки зрения). Между занятием и человеком, между психическим органом занятия и жизненным центром души отнюдь не простые, однозначные отношения. Внутренние, психологизированные связи работоспособности и жизнеспособности могут складываться и так, что психический орган занятия подчиняет себе жизненный центр души, и тогда ее живые силы, ее символическая энергия (хотя и находящаяся в распоряжении индивида, но принадлежащая роду) используются не по назначению, работая против человеческой природы, не укрепляя и возвышая, а ослабляя и унижая ее.

Сохранение или повышение специальной психической работоспособности не должно идти за счет понижения душевной жизнеспособности, общего душевного здоровья, переживания полноты жизни. Напротив, гуманистически ориентированная политика должна – в любых функционально-технологических контекстах – стоять за сохранение жизнеспособности, стремиться к усилению ее. Ценностными ориентирами психопрактики личностного роста в экотехническом горизонте являются: формирование установки на здоровый образ жизни и деятельности, поддержание благоприятного соотношения работоспособности и общей жизнеспособности, избегание или умение преодолевать состояния телесного и психоэмоционального утомления, ведущие к сужению горизонтов сознания, снижению уровня самоидентичности и самоотдачи (а при значительных средовых и процессуальных нагрузках – к достаточно глубокой деперсонализации и дереализации).

Психопрактическая реализация этой установки предполагает не столько обеспечение приемлемых гигиенических условий или улучшение общей физической подготовки, сколько привлечение опыта тех современных психопрактик, целью которых является овладение приемами релаксации и управления потоками психической энергии, развитие чувствительности к собственным телесным и душевным состояниям и т.д. С мировоззренческой стороны это означает культивирование самообраза человека как существа, находящегося в постоянной и осознаваемой связи со своим природным окружением, с космосом в целом.

Ценностное качество "здоровости" образа жизни, образа мыслей и деятельности в гуманитарной психологии связывается с принятием таких духовных ценностей, как цельность, естественность, органичность человеческого существования. Оно выражается в положительной, жизнеприемлющей и жизнетворческой интонации всех ценностных чувствований, переживаемых человеком, и опирается на этику благодарственного, благоговейного отношения к целому окружающей жизни, к духовному наследию своего народа и человечества. Свое ценностное завершение оно получает в признании жизненного значения нравственной чистоты, правдолюбия, справедливости и других гуманистических ценностей, защищать и утверждать которые всегда было свойственно здоровому сознанию.

Самообраз здорового, ориентированного на полноту жизненных сил человека – тема многих современных психологических, философских и педагогических поисков, причем не только в эскапистских (т.е. ориентированных на побег от условий технологизированной и урбанизированной цивилизации сообществах), но, что более важно, в сообществах, настаивающих на возможности сохранять и приумножать телесное и душевное благополучие в этих именно условиях, на возможности развития таких психопрактик, такой психологической культуры, которые обеспечивали бы здоровый образ жизни цивилизованного человека без снижения интенсивности цивилизационного процесса.

Профессиональный горизонт деятельности связан с формированием инфраструктуры рабочих мест, реализацией какой-то политики занятости (привлечение, сохранение и развитие кадров), образованием профессиональных сообществ и коммуникацией профессионалов в ней. Реальности экотехнического уровня при этом учитываются с точки зрения уменьшения "риска деятельности", обеспечения ее экологически приемлемых условий и социальной защиты членов профессиональных корпораций, а также защиты их специфических профессиональных интересов. Квалификация работников – один из видов ресурсов, которыми они, работники, обладают наряду с другими ресурсами (техническими средствами, информацией, кадрами и т.д.). Условием высокого профессионализма является такое распределение приоритетов на множестве ресурсов, когда важнейшим среди них считается чистота профессиональных интересов (и никакие другие приоритеты не заслоняют этого)[13].

Квалификация – не просто приоритетный ресурс, но и ценность, которую культурно-ценностная политика должна повышать, накапливать и передавать. Когда работник действует и строит жизненные отношения, определяясь ценностью своей квалификации, реализуя представления и требования своей профессиональной картины мира, т.е. действует, исходя из своих профессиональных интересов, он становится мастером, носителем высокого профессионализма. Способность к сознаванию квалификации в качестве ценности и к выбору ее как приоритета среди других ресурсов и стратегий построения деятельности – это личностное качество, наличие которого впрямую зависит от самообраза человека как работника, от его отношения к труду.

Находясь на рабочем месте, человек не только работает, но и сознает, что работает. У него есть определенное отношение к выполняемой работе, на формировании которого сказываются:

– профессиональная подготовка, взятая и со стороны квалификации работника, и со стороны освоенности ценностного содержания профессии;

– ближайшее социальное окружение, прежде всего сообщество коллег, бытующая в нем атмосфера переживания работы;

---

[13] Голов А.А. Кумулятивные процессы, ресурсный подход и тайна высокого профессионализма. // Гуманитарно-художественные проблемы образа жизни и предметной среды. М., ВНИИТЭ, 1989.

– трудовая этика, общекультурные нормы отношения к труду, принятые в данном обществе и задающие общую для всех точку отсчета в осознании ценности труда как такового и личной работы.

Отношение к работе имеет собственное, непосредственное психологическое содержание. Во-первых, это установка человека на форму своего участия в работе (участие может быть осмысленным, мастерским, творческим; иметь целью жизнеобеспечение, достижение значимого положения в обществе, самореализацию личности, испытание своих возможностей и т.д.), то есть ориентировать на те или иные нормы и ценности трудовой этики. Во-вторых, это соответствующий данной установке сюжет лично выраженного присутствия в пространстве-времени работы, сюжет, в котором принятая установка разворачивается как сквозное переживание работы, сопутствующее ей состояние души. И, в-третьих, это самообраз работника, в котором интегрированы и заведомая, установочная часть отношения к работе, и ведомая, сюжетная его часть. Причем в самообразе отражены не только отношение к работе, но и составляющие, заданные функциональным состоянием, а через них – предметные условия деятельности. Отношение к работе, проявленное в самообразе работника, – интенциональная психическая структура более высокого уровня, чем функциональное состояние. Оно выражено личностно, с его помощью регулируются связи между психическим органом занятия, психической работоспособностью и общей жизнеспособностью.

Именно благодаря наличию в составе всякого занятия такого рефлексивного элемента, как самообраз, становится понятным, почему с каждым занятием связана своя ценность, сколь бы свернуто, скрыто она в иных занятиях ни присутствовала. Всякое занятие – вне зависимости от свернутости/развернутости, сокрытости/раскрытости самообраза работника – есть ценностно окрашенная, интонируемая и переинтонируемая в изменяющихся контекстах реальность. Очеловечение, внутреннее обживание разных видов деятельности есть реальная тенденция антропогенного типа цивилизации, для которой главным богатством общества и любой организации признается личность, ее инициатива и творческие усилия. Это не только предлагаемая, но и достаточно опробованная социальная практика, относящаяся к сфере "практического разума", где сегодня интерес к экзистенциальным корням *самоотдачи* человека-работника куда больший, чем ко всевозможным моделям, программам и системам.

Ценностный ориентир личностного роста в профессиональном горизонте – формирование установки на хорошую, высокопрофессиональную работу (как самоценность и носитель различных ценностей), установки, институционализируемой в профессиональной этике того или иного цеха.

Имея в виду общество с высокой степенью разделения труда, Э.Дюркгейм писал, что "одной из своих сторон категорический императив морального сознания теперь принимает следующую форму: сделай

себя способным с пользой осуществлять определенную функцию"[14]. Профессиональная этика выражает в понятиях, символах и ритуализированных обычаях самообраз человека как работника, стиль его живого отношения к своей работе. Она утверждает ценность пребывания в работе, выражает не столько ее утилитарное – "доходное" или "престижное" – значение, сколько значение нравственное, а на высших ступенях профессионального мастерства и духовное.

Психологическая реализация этой установки касается в первую очередь таких профессиональных, а вместе с тем и социальных ценностей, как:

– личностная осмысленность и целесообразность процесса работы (пребывания в ней), при длительном культивировании перерастающая в ценность "трудничества", претерпевания в труде напряжений и разрядок, имеющих функцию психоэмоциональной саморегуляции,

– а потому: опознание за работой развивающего, воспитывающего значения, восприятие его как пространства личностного, а не только профессионального роста. В условиях, отчуждающих человека от процесса и результатов своего труда, недостижимость осмысленности и целесообразности чаще всего компенсируется идеологизацией его как социально полезного (для общества или организации). Если вклад работника в общее дело мыслится как отнесенный в отдаленное светлое будущее или растворяется в абстрактном общем благе, налицо превращенная форма ценностного отношения к труду, рано или поздно вырождающегося в апатию и откровенный цинизм.

Институциональный горизонт деятельности впрямую связан с реальностью социально-культурных институтов, традиций и практик.

Если объектом профессионализации является работа, то для институционализации – это занятия, т.е. виды деятельности, круг которых куда более широк, чем те или иные работы. Последние можно понимать как профессионализированные занятия, но не наоборот, поскольку в каждый данный момент в обществе налицо множество занятий, так или иначе социально признанных, введенных в существующий социальный порядок – уже институционализированных, но не являющихся профессиональными работами.

Зачастую принято считать, что занятия – индивидуальные или выполняемые множеством людей – суть деятельности социально менее значимые, чем работы. Их не оценивают на эффективность, рентабельность или ресурсообеспеченность, хотя и признают за ними возможность специальной подготовки, иногда весьма значительной.

Интерес к институциональной организации деятельности объясняется тем, что в прогностическом отношении превращение самого разного рода занятий в работы путем их профессионализации признается ничуть не менее важным направлением развития общественно значимых деятельностей, чем саморазвитие уже профессионализированных работ.

[14] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., Наука, 1990. С. 47.

Как нередко случалось в истории, профессиональные деятельности отпочковывались от ритуальных занятий или вызревали в занятиях досуговых, игровых. Так происходит и теперь, с той лишь разницей, что мир человеческих занятий стал куда шире, а стало быть, и шансы появления нетривиальных работ возросли.

Развитость институциональной структуры общества выражается, среди прочего, в богатстве тех социальных ролей, которые человек может играть в этом обществе. Социальные роли, в отличие от профессиональных, значимы не в производственной сфере, где они различаются по функционально-технологическим, квалификационным или иным признакам, а в социально-институциональной. Они характеризуются социальным статусом и престижем, определяющими возможности влияния на принятие политических решений, а также специфической стилистикой социального действия, разделяемой представителями данной субкультуры.

Есть и еще одна причина интереса к институциональному горизонту организации деятельности. С переходом к нему меняется социальный стиль профессиональной активности. Если в социально-производственной сфере работники объединяются в цеха, профсоюзы или группируются как выпускники одной школы, то в данном горизонте уместнее говорить о совершенно иных профессиональных площадках (ассоциациях, клубах), об иных формах социальной активности, о выдвигаемых концепциях социальной миссии данной профессии в обществе, о предпринимаемых профессионалами социальных инициативах и образуемых ими движениях.

Кроме того, если на предыдущих уровнях можно было говорить о политике занятости или повышения квалификации, субъектом которой, как правило, являются производственные корпорации или государственные ведомства, то здесь речь идет уже о политике развития, субъектами которой становятся профессиональные ассоциации. Они сами выдвигают концепции социальной миссии профессии, предпринимают те или иные инициативы, определяя ориентиры и стратегию развития профессии, формулируя свои профессиональные интересы, защита и реализация которых может и впредь гарантировать обществу высокий профессионализм. Все большую роль начинают играть неформальные, клубные способы общения профессионалов, в которых профессиональные ценности и интересы становятся темой обсуждений и дискуссий.

И наконец, институциональный горизонт деятельности является именно тем пространством, где отнесение самообраза деятельности к ее личностным образцам реализуется в полной мере. Здесь оно обеспечивается не только личностной активностью членов профессионального сообщества, но и специальными усилиями – написанием биографий выдающихся представителей цеха, их общественной активностью, выступлением по различным общечеловеческим и политическим вопросам и т.д. Образ мастера своего дела перерастает в образ мастера – деятеля культуры. Формирование ценностной ориентации на отправление всех

социально признанных (и авторитетных) занятий, как на возможное поле будущей профессиональной или общественной деятельности, важно для нормального функционирования общества и обеспечения социальной солидарности всех входящих в него групп и людей. Психопрактическая проработка этой ценностной ориентации касается как отдельных занятий, на глазах общества превращающихся в работы, так и тех общественных и профессиональных сообществ, в которые добровольно объединены носители тех или иных занятий.

Главная направленность психопрактики в институциональном горизонте – это установка на развитие специфической чувствительности к ценностному и психоэмоциональному строю каждого наблюдаемого и – далее – испытываемого занятия, способность за каждым стилем поведения видеть особого рода занятость и оценивать ее развивающие возможности, а также умение выбирать из множества предлагаемых жизненными обстоятельствами занятий те, что наиболее вероятно могли бы стать вехами на пути личностного роста.

В горизонте *инкультурации* деятельность целиком принадлежит культуре, осуществляется в ее символических и энергийных пространствах и притом именно на основе самообразов действующего человека.

Инкультурация – это вхождение в наличное тело культуры новых ценностно значимых содержаний (образов, персонажей, символических и энергийных комплексов). Это раскрытость культуры – через ценности как органы "внутреннего человека", способности сознания/воли, переживаемые душевные состояния – в реальность духовной жизни, означаемую в терминах той или иной картины мира. Причем вхождение это происходит в форме виртуальных событий, спонтанно раскрывающих для сознавания сокрытые ранее пространства ценностно-подлинного опыта, запечатлевающиеся в целостных, симультанных образах возможной жизни, обитания в открывшихся жизненных мирах. Традиционно подобные события обозначались как "озарения", "духовные запечатления" и трактовались как "воображение" или "творчество". Нужно заметить, что в отношении инкультурации названные имена сохраняют разве что метафорическое значение, а схватываемая ими реальность нуждается в иной, гуманитарно-психологической концептуализации, например в качестве актов ценностного сознавания и замечивания. Такая концептуализация позволяет удерживать интуицию о том, что в наличной культуре происходят постоянные ценностные, символические и энергийные трансформации; что культура, говоря на даосский манер, есть "тело перемен", переживаемых как естественный процесс в естественной же среде; что вхождение в нее ценностных содержаний, выявление сокрытого или небывшего еще – суть реальность, в целом независящая от целенаправленных усилий отдельных личностей или элит.

Процесс инкультурации самым тесным образом сопряжен с действительностью личностного роста, с сознаванием ценностных изменений в аксиоматическом ядре самообраза. Их замечивание осуществляется в терминах разного рода самоотношений – самобытия, самомышле-

ния, самодействия – и переживается как опыт самоценности. Личностный рост и есть накопление и проработка в переживании опыта самоценного существования, самобытия и самодействия.

Сопряженность процессов личностного роста и инкультурации (в предположении синергийной открытости сознания и воли человека экзистенциально доступным ему реальностям духовной жизни) определяется нами как *процепция,* т.е. как предвосхищающая схватывание возможности какого-то жизненного мира, испытываемого далее ценностным сознаванием на его обитаемость.

Процепция – самый "сильный" культурно-антропологический объект в нашем рассмотрении. Благодаря ей смена аксиоматических состояний сознания/воли протекает как сюжетно-иконически выраженный процесс, постоянно соотносимый с самообразом человека, как путь духовного возрастания, в ходе которого сохраняется естественность и свободосообразность обитания в процептивно схваченном жизненном мире. Что касается культуры, то – в процептивно-аксиоматической рефлексии – она понимается как совокупность сюжетно-иконических контекстов, различающихся по признакам сознаваемости/несознаваемости и произвольности/непроизвольности. Доступность какого-то контекста сознаванию и произволению будет свидетельствовать об обитаемости означенного в нем жизненного мира, а недоступность – о необходимости его ценностного устроения.

Для культурно-ценностной политики процепция имеет то значение, что она отсылает к проектному пониманию культуры и с этой точки зрения сама может быть истолкована как ее глубинная проектность[15]. Опознание проектного смысла процепции – содержание большого потока философской и критической литературы, в которой обсуждаются темы "ценности и проект", "утопия и проект", "теургия и проектирование" и т.д. В некоторых концепциях проектной культуры процепция психологически описывается как специфическая способность проектного воображения, что позволяет распознать в процепции важнейший источник проектно ориентированной культурно-ценностной политики. В основе процептирующего проектного воображения лежит взаимосвязь аффективных и символических процессов. В силу этой взаимосвязи ценностные переживания могут выражаться в проектных образах, являющихся по сути своей ценностными замыслами о будущих состояниях жизни, в которых забота о ее ценностном устроении переживалась бы как удовлетворенная.

Порождаемый образ-замысел заряжен энергией ожидаемого удовлетворения и как бы хочет воплотиться в жизнь, а образно удовлетворенная забота, в свою очередь, вызывает потребность в работе по осуществлению обретенного замысла. Поэтому проектирование внутренне нацелено на реализацию проектных образов желаемого жизненного мира и вне этой реализации просто не может считаться таковым.

---

[15] Генисаретский О.И. Методологические и гуманитарно-художественные проблемы развития проектной культуры. М., ВНИИТЭ, 1992.

Творческая суть так понятого проектирования состоит в сюжетно-иконическом, процептивном схватывании, прояснении и воплощении жизненных ценностей, первоначально данных в событиях ценностного сознавания и осуществляемых далее в устроении избранного таким образом жизненного мира. Основной личностной задачей при этом оказывается *взвешивание* – прочувствование и продумывание ценностных качеств: "когда найдена новая конфигурация ценностей... ни в коем случае нельзя допускать, чтобы при определении основных направлений деятельности... проблемы реализации превалировали бы над проблемами ценностной ориентации"[16].

Благодаря процепции человек способен творчески предвосхищать появление на горизонте культуры новых ценностей, новых жизненных миров и сообщать об этом другим людям. Однако от этого момента до отчетливого понимания вновь схваченных ценностей еще достаточно далеко. Новые ценности, воплощенные в образных структурах, могут открываться другим членам общества не до того, как структуры эти будут созданы, а лишь после их создания. Ценностные значения образов, возникших в ходе их сюжетно-иконической рефлексии, раскрываются для сознания/воли постепенно, лишь после того, как будут найдены точки и углы зрения, позволяющие опознать личностный смысл сотворенного и открытого.

В этом положении дел коренится и жизненная, и культурная неизбежность проектного творчества, процептирующего видения, и их обреченность постоянной ценностной рефлексии. Говорить о каких-то ценностных ориентирах психопрактики в горизонте инкультурации вряд ли уместно, поскольку личностный рост в нем самоценен. Что касается процепции, то ее оспособление выходит за рамки культурно-психологического подхода. Оно принадлежит области психопрактик духовной жизни, лежащей между традиционными психологическими культурами и современной гуманитарной психотехникой. Эта проблема нуждается в особом рассмотрении, основывающемся на иных концептуальных предположениях, чем те, что были приняты в данной работе.

Заметим, однако, что в горизонте инкультурации гуманитарное целеполагание неотделимо от параллельного ему смыслополагания (поскольку цели и смыслы производны от ценностей). А смыслополагание реализуется концептуальной рефлексией в развитии концепций, интеллектуально артикулирующих содержание избранной ценности. Поэтому целеполагания, обеспечивающего достаточно высокий уровень общественного согласия, нельзя достичь без введения в профессиональный и публичный оборот разнообразного концептуального материала, представляющего содержание избранной цели. Принятие какой-то цели для дальнейшей научной или проектной работы, стало быть, – не только практическая, но и "умная" работа.

---

[16] Institutions for a Post-technological Society: The Universitas Project/ A Research Project / The Museum of Modern Art. Preprint. N.J., 1971.

Итак, мы перечислили некоторые, представляющиеся на сегодня существенными ориентиры культурно-ценностной политики в разных функционально-аксиологических горизонтах организации деятельности. Этот обзор дает возможность убедиться, что накопление личностного потенциала культуры действительно происходит в куда более широком пространстве социальных практик, чем культура (в ее принятом аксиологическом или социологическом понимании). Фокусировка рассмотрения на самообразах личности позволяет совмещать широту социально-практического горизонта с гуманитарно-психологической конкретностью личностного роста.

Отсюда – процептивная проектность видения культурно-антропологической перспективы, придающая нам уверенность в исторической значимости предложенного в статье варианта этого видения.

Этнокультурная идентичность

В заключение нашей аналитической экспозиции культурно-антропологической перспективы обратимся еще к одному, созначному с ней сюжету – к этнокультурной идентичности и ее ценностному смыслу. Целесообразность замыкания культурно-антропологической перспективы на этнокультурную проблематику для нас мотивирована тем, что этнос (в отличие от большинства объектов социологического воображения) – живая, витальная реальность, как и сам человек, непременно являющийся членом какой-то (каких-то?) этнической общности.

Многие из ключевых понятий, использованных в нашей работе, приобретают свой смысл как раз в рамках витальной онтологии. Таковы: обитание, общая жизнеспособность, личностный рост, самообраз, другие упоминавшиеся психические реальности и – в рамках нашего подхода – сама культурно-антропологическая перспектива. Жизнесообразность, витальная значимость присуща также экологическому видению любых социальных и культурных реальностей. Какие бы конструкции ни использовались для методологической артикуляции культурно-антропологической перспективы, регулятивной идеей ее рассмотрения должна, по нашему убеждению, оставаться забота о сохранении и приумножении качества жизнесообразности.

Экологическое движение способствовало осознанию того, что первичным является охранительное и причастное отношение к ценностям природы и культуры. Но ведь и этнос, будучи носителем культуры и обитателем культурной среды, также суть явление природы. Потому естественно, что в атмосфере экологического движения окрепло убеждение в плодотворности воспроизводственного, экологически осмысленного отношения к этносам и их витальным ресурсам, в недопустимости хищнически-потребительского отношения ко всему духовно-самобытному, жизнетворческому в них.

Механизм регенерации живых систем не безграничен, и только на него полагаться никак нельзя. Чем интенсивнее потоки технологических, экономических и организационных изменений в образе жизни, тем острее ощущается угроза сохранению этносами их жизнеспособности и духовного своеобразия. До недавнего времени подобные вопросы было

принято описывать скорее в общегуманитарных терминах национального своеобразия, чем в терминах этнологии. Однако теперь, когда этнические проблемы стоят столь остро, стало очевиднее несовпадение понятий нация и этнос; нация, этнос и государство; нация, этнос и культура.

Это заставляет обратить внимание на три разных измерения в историческом и экологическом бытии этносов:

– на присущие культуре каждого этноса черты, отличающие ее от культур других этносов (участие в культурном разнообразии);

– на способность данной культуры влиять на другие этнические культуры и, в свою очередь, испытывать их влияние (участие в межкультурном взаимодействии);

– на самотождественность этносов во времени и во всех других значимых для их бытия измерениях, достигаемую через ценностную преемственность их среды/культуры (участие в родовой подлинности).

Этнокультурная идентичность предполагает все три вида участия и потому является исторически динамичным качеством бытия этносов. Ей присуща специфическая историчность, обеспечиваемая механизмом трансляции/инновации. В экологическом отношении этнокультурная идентичность означает также динамическую обитаемость в среде и культуре, границы между которыми исторически подвижны (в силу действия того же механизма трансляции/инновации).

Нерв этнокультурной проблематики – в соотношении модернизации, обновления и перестройки образа жизни, с одной стороны, и его преемственности, ценностной непрерывности с другой.

Становление научной технологии как новой исторической силы, основанной на интеграции исследовательского, проектного, организационного и технологического процессов, дает теперь ощутимые последствия в жизни одного поколения, делая образ жизни все более динамичным, изменчивым и разнообразным. Никогда еще поток нововведений самого разного толка не был столь плотным и интенсивным; никогда еще он не стимулировал столь энергичного процесса смены стилей и образов жизни, притязаний на переоценку всех и всяческих ценностей; никогда не грозил такой радикальной трансформацией социальной и профессиональной этики, эмоционально-ценностного строя личности.

Предлагаемые историей структурные инновации каждый раз выступают как вызов, ставящий перед этносом новые исторические задачи. В связи с этим мы сочли возможным сформулировать историко-экологический императив *этнокультурной идентичности во всех возможных мирах.* Суть его состоит в том, что в любых предлагаемых историей обстоятельствах развития, при любых возмущающих воздействиях важно искать и находить такой поворот событий, такую практическую стратегию освоения предлагаемых обстоятельств, которые служили бы усилению, развитию, а не ослаблению этнокультурной идентичности. Ни один из возможных миров обитания не должен заведомо исключаться из рассмотрения и работы освоения. Сославшись на употребленное Л.Н.Гумилевым понятие "исторической судьбы народа", императив этнокультурной идентичности можно трактовать так же, как

принцип сохранения исторической судьбы в любых предлагаемых историей обстоятельствах.

"Во всех возможных мирах"? В модальной логике, откуда происходит понятие возможного мира, *возможение,* т.е. обретение мыслью какого-то мира как возможного или невозможного, определенно связывается с помысленностью его. Область действия мысли, управляющейся с помощью критериев логической истинности, – возможные или невозможные, но всегда помышляемые миры. Вместе с тем очевидно, что помысленность – это также и возможность самой мысли, которая для логики непроблематична, а вот для человека, не утратившего еще вкуса к мысли, весьма и весьма часто составляет проблему. Невозможность самой мысли в логике остается по ту сторону рассмотрения, хотя для нашего контекста она не менее существенна, чем возможность или невозможность помышляемых миров.

С точки зрения модальной методологии суть формулы "во всех возможных мирах" можно видеть в том, что не только помышляемые невозможные, но и непомышляемые мыслью миры уже предположены, предприняты в сокрытости, таинственности той судьбы, которая должна быть сохранена во всех помышляемых и непомышляемых возможных мирах.

Тем самым судьба оказывается предназначенной для познания свободы и для самоопределения в свободе. Судьба, в предопределениях которой часто видят одну лишь несвободу, сама оказывается сугубо свободной. Свобода – смысл и предмет исторической судьбы.

Непомышляемые возможные или невозможные в реальности миры – это скрытая от мысли, но вполне доступная для иных способностей человека граница между подверженностью судьбе и тем невозможным для мысли, что возмогается только в опыте испытания судьбы.

Здесь же проясняется смысл созначности возможности/невозможности с ценностностью[17]. Аксиоматические, помышляемые и энигматические, непомышляемые состояния сознания/воли соотнесены как раз с возможным и невозможным для мысли в этих состояниях. Что, между прочим, свидетельствует об экзистенциальной независимости лица от мысли как таковой.

Всем сказанным задается разнообразие культурно-ценностных и личностных выборов для самоопределения в ситуациях, осознаваемых через возможение. Допуская свободу принятия или отказа от данного в помышляемом/непомышляемом и возможном/невозможном, мы различаем:

– в помышляемых возможных мирах: *претворение* мыслимого через творческую деятельность в реальном мире или *воздержание* от него, способное, между прочим, обернуться изменой реальности;

– в непомышляемых возможных мирах: *превозможение* через открытие новых горизонтов познавательной постижимости или творческой достижимости; или отказ от них, неминуемо приводящий к сужению горизонтов мысли и сжатию спектра перспектив деятельности;

---

[17] Генисаретский О.И. Место критики в системе суждений об искусстве. // Декоративное искусство СССР, №6, 1976.

– в помышляемых невозможных мирах: *самоограничение* от деятельности в невозможном; или же попадание в разнос, рассеивающий энергию мысли и действия;

– наконец, в непомышляемых невозможных мирах регистрируется одно лишь *претикновение* мыследеятельности, провал за провалом в черные дыры непомышляемого невозможного.

Перечисленные способы самоопределения имеют прямейшее отношение к проблематике этнокультурной идентичности, коль скоро она понимается как динамическое качество историко-экологического бытия этносов. Благодаря взаимодействию среды/культуры, с одной стороны, и трансляции/инновации – с другой, образуется пространственно-временной континуум, в котором и совершается процесс этнокультурной идентификации – самоопределение через претворение, воздержание, превозможение и самоограничение.

Иначе говоря, этнокультурная идентичность – это не столько данность, нуждающаяся в подтверждении, сколько заданность для свободного самоопределения и самореализации в деятельности. Ценностный смысл понятия о сохранении исторической судьбы при этом отнюдь не утрачивается, а расширяется и уточняется, но аксиологическое ударение в этом обновленном понимании с "судьбы" переносится на "этнос", принимающий на себя волю к историческому самоопределению в своем бытии и в судьбе своего бытия.

В этом же направлении переосмысливается и понятие об этнозащитных функциях культуры, предполагающее, что культура и этнос, являющийся ее носителем, в каком-то смысле тождественны друг другу. Забота об этнокультурной идентичности, напротив, подразумевает известную дистанцию между этносом и его культурой, дистанцию, которая никогда не равна нулю, но и не может быть слишком большой, что означало бы гипокультурность этноса, а в пределе – полную потерю им своей культуры.

С точки зрения процесса этнокультурной идентификации культура опознается как пространство свободы и судьбы, где они – судьба и свобода – сначала предпринимаются, помышляются в свободе постижимости/достижимости и лишь затем осуществляются в прямом социокультурном действии, на том или ином пути культурно-ценностного самоопределения.

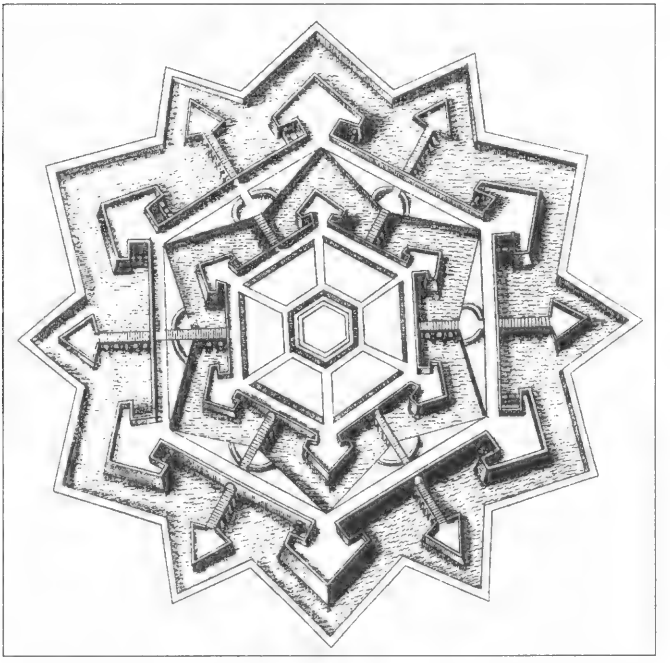
Точка зрения этнокультурной идентичности – это точка зрения рефлектированного реализма. Наивный реализм в отношении к культуре, коим во многом грешит позитивистски ориентированная культурология, слишком часто оборачивается отнюдь не невинным утопизмом, жизненные последствия которого слишком хорошо известны. Напротив, реализм рефлектированный делает возможным вполне трезвое проектное отношение к культурно-антропологическим реальностям, опирающееся как на данные культурной традиции (миметическое проектирование), так и на всевозможные культурно-ценностные инновации (футурологическое проектирование)[18].

---

[18] Генисаретский О.И. Культурно-психологическое измерение Евразии. // Евразийская перспектива. М., Международный фонд "Культура и будущее России", 1994.

РОССИЯ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ "ЭТНОКРАТИЯ-ИМПЕРИЯ-НАЦИЯ"

А. КАРА-МУРЗА



Работа посвящена анализу драматической истории России на перекрестке разнонаправленных тенденций – к «этнократической замкнутости», «имперскому мессианизму» и «национальному обустройству». Особое внимание уделяется истории России коммунистического и посткоммунистического периодов.

© Кара-Мурза А.А., 1995

А. КАРА-МУРЗА

История знает три интегративные формы, в которых возможно социальное сосуществование индивидов. Во-первых, **"этнократии"** – основанные на принципе "крови", этнического родства, непременным атрибутом которых является ксенофобия или по меньшей мере этническая сегрегация. Во-вторых, **"империи"** – базирующиеся на универсальном, надэтническом принципе "подданства". И, в-третьих, **"нации"** – основанные на гражданско-территориальном принципе. Нация, в отличие от Империи, формируется в той мере, в какой в универсализирующем плавильном котле межэтнического взаимодействия участвует не только имперское государство, но и гражданское общество. Нация, таким образом, отличается от Империи тем, что Империя объединяет людей через "службу себе" (через "государево дело"), а Нация – через взаимозависимость "каждого с каждым", через взаимосвязь всех автономных, приватных "дел".

Разумеется, "этнократии", "империи" и "нации" – это философские концепты, логически очищенные **"идеальные типы"**, если угодно – вершины своеобразного треугольника, внутри которого и развивается любой социум. Отслеживание конкретной траектории социума внутри треугольника – дело уже исторического анализа. (Существуют, к примеру, два пути формирования национальных государств: если Америка – типичный пример того, как гражданское общество "нанимает" для своих нужд государство, то Франция, напротив, – пример того, как гражданское общество вызревает под крылом авторитарного государства, которое, однако, специализируясь и профессионализируясь, постепенно уходит из многих сфер жизни в свой собственный, достаточно ограниченный "домен".)

"Государство" как **инструмент** реализации базового интегративного принципа ("крови", "подданства" или "гражданства") имеет место и в этнократиях, и в империях, и в нациях. В "этнократии" оно может иметь протогосударственный, потестарный характер, ибо эффективно интегрировать через кровнородственную связь могут и социальные инструменты более низшего порядка – кланы, общины и т.д.

В "Империи" Государство имеет тенденцию к приобретению самодовлеющего статуса. Тоталитарное Государство – предельное выражение имперского принципа универсального "подданства" (черты агрессивной ксенофобии – например, в "третьем рейхе" – свидетельство неполноты тоталитарно-имперского принципа, атавизм или рецидив этнократии). В "Нации" государство (уже со строчной буквы) сохраняется постольку, поскольку в состоянии выполнять делегированную ему обществом функцию обеспечения взаимосвязи граждан друг с другом. Одна из важных функций государства в "Нации" – защита общества (и каждой конкретной личности) **от самого государства** (отсюда – "разделение властей", их "взаимное сдерживание" и пр.). Естественно и то, что в Нации сохраняются обязательства каждого индивида по отношению к своему государству – обязательства уже гражданские, а не подданнические.

"Этнократия", "Империя", "Нация" – разные механизмы **социальной адаптации** общества к изменяющемуся миру. Трудно уловить, в какой момент и при каких условиях общества, тяготеющие к "этнократиям", начинают уступать место "империям", а те, в свою очередь, – "нациям". Ясно, однако, что смена базового интегративного

принципа происходит тогда, когда адаптационные возможности прежнего принципа оказываются исчерпанными либо очевидно недостаточными.

Так, "этнократии" в ходе жесткой конкуренции между собой (своего рода естественного отбора) на каком-то этапе "вымываются" из цивилизации и уступают место государствам имперского типа, ибо родственные связи оказываются недостаточным интегратором для сообществ, желающих выжить в условиях жестких политических противостояний. Более или менее "чистым этнократиям" неизбежно приходится рано или поздно становиться все и более более терпимыми по отношению к иноплеменникам, нанимаемым на службу к этнократическим по своему генезису правителям. Наемники-инородцы всегда в истории оказывались более эффективными не только для внешнего противодействия соседям, но и для наведения порядка внутри структуры. ("Родственники" всегда непокладисты, амбициозны, болезненно чувствительны к растущему внутриэтническому неравенству. Чтобы обуздать их родственные претензии, проще нанять людей "со стороны": "свои" не всегда готовы на репрессии по отношению к "своим же".) Этнократический принцип, таким образом, постепенно размывается, и однажды выясняется, что перед нами социум, "перешедший" (внутри описанного выше логического "треугольника") к иному интеграционному принципу – на базе **надэтнического подданства**, т.е. **к Империи**.

"Чистая Империя" не может иметь (вопреки распространенному заблуждению) внутреннего деления на "метрополию" и "колонии". В Империи (ее классическая историческая модель, близкая к идеал-типической, – Римская Империя) существуют "провинции", "заморские территории", но не "колонии"; все жители Империи – независимо от этноса – являются ее подданными и в этом смысле равны, а к верховной власти (как это и бывало неоднократно в Риме) вполне могут приходить и "инородцы". В этом смысле ссылки на Британскую Империю в качестве некоего эталона "Империи" также являются недоразумением; британская система колониального управления несла на себе как родимые пятна "этнократии", так и новые отпечатки уже развившейся – с помощью гражданского общества – "нации". В силу определенных и хорошо исследованных причин англичанам было удобнее управлять косвенными, т.е. "этнонациональными", а не "имперскими" методами и через посредство местных "этнократий" или "субимперий". В этом смысле французская колониальная система "прямого управления", более нейтральная по отношению к этническим различиям, – куда более имперская, нежели британская.

"Империи", явившись в истории мощным инструментом универсализации и переплавки этносов, рано или поздно также теряют свои адаптационные возможности и рушатся под собственным весом; бывшие провинции Империи оказываются самодостаточными в культурном и хозяйственном отношении и становятся месторазвитием более жизнестойких **"наций"**, исторически функционирующих в режиме национальных государств.

Мировая история многократно подтвердила еще одно важное обстоятельство: успешная **смена** формы адаптации не гарантирована ("можно потерять все"), но, **раз переменив форму адаптации, очень трудно (практически невозможно) вернуться к прошлой форме.** Так,

Этнократия практически невосстановима после вступления социума в стадию Империи и некоторого пребывания в этом новом состоянии. Ибо, сменив принцип кровного родства на принцип подданства ("*свой*" теперь – это не тот, кто с тобой *одной крови*, а тот, кто *служит одному с тобой государю*), социум может попытаться "отыграть назад", восстановить полузабытые этнократические правила игры лишь ценой пролития огромной крови – эскалация этнических чисток ведет к **самоубийству общества**. (Вот почему реставрация этнократического принципа не пройдет ни в Грузии, ни в Абхазии, ни в Эстонии. Тезис о строительстве здесь "наций" произносится искренне, но объективно демагогичен; нация – это понятие гражданско-территориальное, и этнической чисткой ее не сформируешь. С другой стороны, фактический этнократизм лидеров, называющих себя "строителями нации", вызван реальной проблемой: как сформировать нацию на территории, часть населения которой по-прежнему считает себя **подданными** другого суверена, например российского?)

Точно таким же образом обстоит дело и с соотношением "Империи" (как доминантного догражданского отношения власти/подданства) и "Нации". Если принцип подданства рухнул, если значительная часть граждан воспринимает себя уже как членов *само*организующегося и *само*обустраивающегося гражданского общества – **реставрация тотальной власти Государства здесь уже невозможна**. Российский тоталитаризм XX в. был потому и страшен: это была попытка восстановления тотального принципа "власти/подданства" **после** сформирования фрагментов гражданского общества, которые теперь подлежали уничтожению. Тоталитаризм в России оказался чудовищен **именно в силу своей конечной нереализуемости;** косвенным, но симптоматичным признанием этого обстоятельства явился сталинский тезис (а может быть, проговорка?) о **"нарастании классовой борьбы по мере приближения к социализму".** (Иными словами, "главный свидетель" подтвердил: тоталитарная реставрация Империи может осуществляться только в режиме перманентной и все нарастающей "чистки".)

Теперь, после этих предварительных и представляющихся автору крайне важными методологических замечаний, можно поместить в выстроенный логический треугольник "Этнократия – Империя – Нация" реальную **историческую Россию** и проследить ее конкретную социальную траекторию.

Бесспорно то, что Русь очень быстро и для письменной истории практически незаметно вышла из состояния этнократии. Сколько мы знаем Русь – она не была этнократией. Эпизод с "призванием варягов" говорит о том, что наши прародичи готовы были пойти очень далеко в отказе от этнократического принципа кровного родства ради налаживания другого механизма – "служения князю", пусть даже и пришлому. Русь **"структурировалась как военный лагерь"** (Александр Кизеветтер) – разбираться, кто есть кто "по крови", в этом лагере было бессмысленно, да и некогда.

Русские, таким образом, очень давно не являются этносом – они "переросли" это состояние. Их дальнейшая история вызревала в конкуренции двух антиэтнократических тенденций: к "империи" (на основе доминирования надэтнического принципа государственной службы) и к

"нации" (на основе надэтнического же принципа совместного обустройства данной территории).

Петр Первый: принцип "служения" против принципа "крови"

Имперская доминанта воспроизводства российского социума заключалась в том, что "русские" стали идентифицироваться в первую очередь как **подданные русского государства**. В этом смысле даже наименование "россияне" (как и само пришедшее при Петре на смену Руси понятие Россия) возникло не столько как этап на пути становления "нации", а скорее как терминологическое оформление принципа **надэтнического имперского подданства**.

"Подданство российскому государству" – вот **главная характеристика русского народа**, перекрывшая этнокультурную идентификацию, абсорбировавшая и подчинившая конфессиональную (православную) идентификацию и получившая предельное выражение в имперских реформах Петра Великого. В логике Петра швейцарец Лефорт или шотландец Гордон – не менее "россияне", чем русский Меншиков или этнический еврей Шафиров; все они "россияне", поскольку находятся **на службе российского государства.** Приверженность Петра Великого к найму на службу иностранцев свидетельствует не столько о его "западничестве", сколько о простом **прагматизме**. Петр брал на российскую службу (т.е. службу российскому царю) **лучших** из возможных специалистов **независимо от этноса**. Точно так же и то, что позднее Петр стал предпочитать на службе "своих", не свидетельствует о якобы проявившемся со временем русофильстве. Петр остался прагматиком и из хороших специалистов (а в качестве таковых к тому времени подросли и "свои") стал брать именно "своих" – как специалистов, во-первых, наиболее дешевых, а во-вторых, как более надежно "приписанных к петровскому хозяйству" ("не сбегут", "не переменят подданства"). Борьба Петра против русской старины объяснялась в немалой степени тем, что бороды и кафтаны казались ему цеплянием за этнокультурную особость и локализм, за те "ниши", которые могли помешать "*вытащить всех людишек пред царевы очи*", т.е. стать барьером на пути унификации всех подданных в несении ими равномерного "государственного тягла". Петру же нужны были именно "подданные" без каких-либо этнокультурных перегородок. Можно сказать и резче: "более россиянином" был для Петра тот, кто лучше и полезнее служил российскому государству; в этом смысле Лефорт, Брюс или Гордон были более россияне, чем сопящие на печи бояре, бунтующие против законного государя стрельцы или дворянские недоросли, отлынивающие от "государева дела".

Есть, на мой взгляд, два предельных, архетипических для петровской системы символов победы "принципа служения" над "принципом крови". Это, во-первых, убиение наследника, царевича Алексея. И, во-вторых, демонстративное приближение к самодержцу "арапа" Ибрагима Ганнибала: "*стал негр ему истинным сыном*" (Марина Цветаева). Русская православная монархия, таким образом, – это исторически максимальное для своего времени выражение принципа "подданства" и "служения государству" – т.е. принципа **Империи**. Недаром и Иван Грозный, и Петр Великий стремились закрепить отсчет своей генеало-

гии от римских императоров – Рим в истории (с его подчеркнутым универсализмом, "провинциями" вместо "колоний" и пр.) был, повторяю, наиболее чистым имперским образованием древнего мира. Православная Россия – при всех ограничениях и оговорках (о них речь пойдет ниже) – наиболее прямой наследник Рима: такой относительной однородности в принципе надэтнического подданства, такой очищенности от принципа "крови" не было ни в одной другой Империи. Русофобские стоны по поводу "великорусского шовинизма", "эксплуатации русскими покоренных народов" столь же нелепы, как и зеркально симметричные им русофильские всхлипы по поводу наибольших потерь, якобы понесенных именно русскими в собственной же Империи. Я более согласен со спокойной и точной оценкой Ивана Солоневича: "*Ни одна нация в истории человечества не строила и не постигла такой государственности, при которой все втянутые в орбиту этого строительства нации, народы и племена чувствовали себя – одинаково удобно или неудобно, – но так же удобно или неудобно, как и русский народ. Если было удобно – было удобно всем, если было неудобно – то тоже всем. Это есть основная черта русского государственного строительства. Она может называться интернационализмом, космополитизмом, универсализмом или "вселенскостью", но она проходит определяющей чертой через всю русскую историю*".

Солоневич прав в своей оценке: Россия развивалась как надэтническое образование и в этом смысле была достаточно "космополитична". Он, правда, явно недооценивает тот факт, что характер этого надэтнического развития, протекавшего в борьбе двух тенденций (что победит: "*служба начальству*" или "*служение земле*"?), был прежде всего "имперский", а не "национальный". При этом Солоневич абсолютно точно причисляет себя к "русским националистам": подобно ранним славянофилам, идеализировавшим допетровскую Русь как страну с доминированием принципа национального территориального обустройства, он был противником петровской Империи как бюрократической службистской вертикали, в которой ему виделись чуждые "русской земле" черты "неметчины".

От православного универсализма к коммунистическому

Итак, в деле преодоления в России этнократического принципа принцип Империи ("службы начальству") побеждал принцип Нации ("служения земле"). В то же время следует признать, что, блокируя процесс созревания нации, российская православная монархия, несмотря на свой значительный универсалистский потенциал, так и не стала до конца Империей в чистом виде. Более того, крах Российской империи в начале нашего века произошел, как представляется, именно из-за **недостижения** ею полноты имперского универсализма, из-за серьезных **нарушений принципа надэтнического подданства**. Политика форсированного строительства "общероссийской нации" преимущественно "сверху", силами главным образом Государства (при отставании инициатив еще не созревшего гражданского общества) логически привела к **рецидивам методов "этнократического правления"**. Действия последних царей по принудительной ассимиляции этнических меньшинств, жесткий сегрегационный прессинг на украинцев, поляков, финнов, ев-

реев были справедливо восприняты последними не как "строительство общероссийской нации" (раз зрелого гражданского общества нет, значит, нация "не выйдет"), а как **нарушение имперских, надэтнических "правил игры" в пользу русской этнократии**.

Таким образом, российская православная монархия не смогла достигнуть полноты реализации надэтнического принципа подданства, и именно поэтому **была преодолена Империей еще более универсалистского типа – большевистско-коммунистической.** При таком взгляде на вещи становится понятным, во-первых, почему интернационалистский коммунистический проект реализовался **именно в России** (она была к нему привычна; она в значительной мере уже в нем жила) и, во-вторых, почему в его реализации приняли особенно активное участие лица, **дискриминируемые в прежней "недоуниверсалистской" структуре**.

Логика революционного прорыва из православного универсализма к коммунистическому (силами главным образом непримиримых врагов православной монархии) занесла и в Коммунистическую Империю разрушающий, дезинтеграционный, **этнократический ген**, подорвавший в конечном счете универсалистские претензии и новой Империи.

Итак, победа большевизма в России объективно была переходом от одной достаточно универсальной Империи к другой, еще более универсальной. Имперский принцип коммунистического служения охватил полмира, а коммунизм – в отличие от православия – фактически стал **"мировой религией"**. (Наиболее законченный и предельный в своей визуальности пример имперской иерархии – совещание коммунистических и рабочих партий, новый Коминтерн – смотр имперских наместников, где представлены фигуры, поставленные Империей отвечать за ту или иную территорию – *"кто там у нас на хозяйстве в Австралии?"*)

Однако в конкретной исторической обстановке первых послереволюционных лет этот переход от одного имперского универсализма (православного) к другому (коммунистическому) мог произойти лишь за счет активизации антиправославных сил любого сорта. Геноцид русского народа силами так называемых "воинов-интернационалистов", поддержка местных этнократических правителей, присягнувших на верность коммунизму, против субимперских центров силы – все шло в зачет новой коммунистической империи, но одновременно консервировало внутриимперские противоречия. Взрыв этнократизма в новой Империи был, таким образом, изначально запрограммирован.

Более того, этнонациональная асимметрия в высшей коммунистической номенклатуре "первого призыва" привела к тому, что **"проблема нацнональности" стала полем внутриполитической межклановой борьбы**. В ней, как известно, победил Сталин – лидер антикосмополитической группировки (группировки Троцкого – Зиновьева). Смена лозунга "мировой революции" на "социализм в одной стране" опять же несла в себе семена, приглушающие универсалистские амбиции тоталитарной империи. При этом личный, бытовой антисемитизм диктатора, заигрывание с "русской темой" (интерпретируемой скорее этнократически), "борьба с космополитизмом" и пр. еще более усугубили кризис коммунистического универсализма в СССР, способствовали тому, что Империя начала снова (как и во времена двух последних царей) **насыщаться этнократическимн принципамн управления**.

А. КАРА-МУРЗА

В сталинский период беспрецедентные репрессии в отношении не только лиц, отказывавшихся признать принцип универсального коммунистического подданства, но и вернейших **слуг империи** (иногда ее "архитекторов"!), привели к тому, что "верное служение" (государству, партии, идее) стало символом не только высокого социального статуса, но и принадлежности к "группе повышенного риска". Это также вело к **эрозии имперских принципов.**

Нельзя тем не менее утверждать, что в борьбе имперских и этнократических принципов в коммунистический период полностью утратило смысл **третье измерение социальности – "национальное"**, т.е. гражданский принцип территориального обустройства. Я, например, склонен считать, что в значительной мере именно регенерация принципов "нации", т.е. принципов "служения земле" (а вовсе "не служения партийному начальству"), была основным фактором победы СССР в войне с фашизмом. Более того, Сталин интуитивно верно пошел на этот компромисс с "нацией"; его первое обращение к народу, как известно, начиналось с совсем "неимперских" слов: "*братья и сестры*", "*друзья мои*". Думаю, что и сами солдаты Отечественной войны воевали в первую очередь "за Родину", а уже в связи с этим и после этого – "за Сталина", т.е., по сути дела, защищали вполне либеральные, гражданские ценности: семью, дом, Родину. Называть военное поколение "сталинистами" в этом смысле еще и безграмотно с профессиональной точки зрения, не говоря уже об этической стороне вопроса.

Между тем, выиграв войну, Сталин снова реактивировал имперские принципы интеграции коммунистического социума. Один из ярких примеров в этом смысле – его репрессивная политика по отношению к людям, побывавшим во вражеском плену. Для имперского начальника люди, оказавшиеся хоть на малое время под юрисдикцией другой "империи", перестают быть подданными, а потому перестают считаться и людьми. Кроме того, этнические репрессии и чистки, имевшие в своей основе ту же имперскую логику, ранжирование "по этносу", что не могло опять-таки не подточить имперские (в идеале, повторяю, – надэтнические) принципы интеграции социума.

На фоне деградации Имперства и при заблокированности становления Общества (запрета на общественную гражданскую самодеятельность), импровизации власти типа введения "национальных квот" при занятии определенных должностей оказались не столько факторами установления этнонационального баланса, сколько провокаторами серьезной социальной дестабилизации.

В итоге, точно так же как ее православная предшественница, **"Коммунистическая Империя", продержавшаяся семь десятилетий, была развенчана как антиуниверсалистская затея**, как локальная ниша (можно сказать грубее: "провинциальная дыра"), в которой прячутся от мировой цивилизации не "гармонично развитые универсалы", а, напротив, люди, не готовые "*жить как все*". На излете коммунистической Империи развитая часть остального мира перешла уже к куда большему универсализму – миру "наций", где интернациональное "гражданское общество" набрало такую силу, что уже тяготится перегородками даже в лице "национальных государств".

Андропов: попытка реставрации Империи

Попытка "освежить" универсалистско-службистские принципы Империи принадлежит Ю.В.Андропову. Если для Петра Великого моделью служения государству и государю была **система армейской иерархии** (продублированная и в гражданской практике "табелью о рангах"), то для Андропова идеально функционирующим органом в анатомии Коммунистической Империи были вверенные ему **органы государственной безопасности**. (Это имело некоторые основания: именно "Комитет" – в сравнении с остальными органами Империи – был наименее атрофирован, менее подвержен коррупции, более интеллектуален и т.д.) Андропов использовал систему госбезопасности "по прямому назначению" – для обеспечения реставрации и очищения Империи перед государственной опасностью внутреннего разложения (стимулируемого и извне в духе "доктрины Бжезинского" об "эрозии коммунизма"). Попытка имперской реставрации с новым "орденом меченосцев" во главе включала в качестве основных компонентов борьбу с коррупцией в государственном и партийном аппарате; выдвижение новых кадров на место "заплывших жиром" функционеров; чистку правоохранительных органов, особенно опасно подрывающих иммунную систему Империи; борьбу с "теневой экономикой" как деятельностью "в обход государственного служения". (Сам термин **"теневая"** – вполне в имперском духе Петра Первого, которому любое отлынивание от "государственного тягла" казалось "теневым делом", требовавшим немедленного "прояснения" на дыбе.)

Горбачев-1: от "неоимперства" к космополитизму

М.С.Горбачев начинал как **прямой последователь Андропова** в деле ликвидации всех возможных "локальных ниш" приватного существования в пользу очищенного от грязи имперского принципа "служения государству и партии". Секрет сравнительно быстрого превращения "коммуниста" в "демократа" (факта, до сих пор оскорбляющего сознание диссидентствующих нонконформистов) довольно прост: **коммунисты прошли хорошую школу надэтнического универсализма**. "*Пролетарии всех стран*", "*все люди доброй воли*", "*все честные люди планеты*", "*носители общечеловеческих ценностей*", "*свободные граждане нового мира*" – это понятия из одного смыслового ряда. Неизбежная дополнительная мифологизация этих терминов – непременный спутник нашего идеократического сознания – окончательно стирает существенные смысловые различия между этими понятиями. И коммунизм, и либерализм во главу угла ставят "универсального человека". Поэтому самые искренние коммунисты могут без особого насилия над собой превратиться в искренних же либерал-демократов. Другое дело, что уровень их персональной культуры зачастую равно девальвирует, профанирует и то, и другое... Возможна, кстати, и обратная траектория (мы ее сейчас наблюдаем у вчерашних "отцов русской демократии") – превращения "либералов-космополитов" в "неоимперцев". Общим знаменателем этого сознания является универсалистский принцип "*где мне хорошо (дышится-зарабатывается), там и родина*", который вполне может обрести форму апологии неоимперства – "*где мне хорошо (служится-зарабатывается), там и родина*". При условии, разумеется, если неофит этой идеи занял "достойное место" в неоимперской

служебной иерархии. Дело житейское: вчера хорошо служилось-зарабатывалось **"там"**, сегодня – **"здесь"**. Такая метаморфоза, кстати, уже один раз имела место в российской истории, когда космополитические идеологи мировой революции довольно быстро убавили свой универсалистский энтузиазм и удовлетворились постами в коммунистической Империи.

Горбачев-2: между "неоимперством" и либерализмом

Итак, превращение "имперского универсалиста" в "либерального универсалиста" – явление неудивительное. Однако "феномен Горбачева" – намного сложнее. Суть этого феномена – в том, что Горбачев стал **компромиссной фигурой между "Обществом"** с его антиимперскими настроениями **и "Неоимперством"** (андроповского типа). Принцип "*так жить нельзя*" – доминантный для легитимации горбачевской "перестройки" – с самого начала был не оформлением однородного смысла, а **симбиотическим выражением** по меньшей мере **двух основных умонастроений – "либерально-общественного"** ("*хотим быть гражданами, а не подданными, тем более в кровавой Коммунистической Империи*") и **"неоимперского"** ("*этим конкретным маразматикам служить стыдно. Хотим служить достойной системе и достойным лидерам*"). Поэтому если для "граждан" Горбачев был "Лидером Общества", то для "неоимперцев" он был "новым Сувереном" (на манер Петра I или Андропова).

Это противоречие – ключевое для горбачевской эпохи, но именно его неразрешенность, неартикулированность, "смазанность" в неоднозначной фигуре самого "генсека-диссидента" позволили Горбачеву контролировать власть в течение времени, достаточного для демонтажа Империи (хотя собственная "неоимперская составляющая" лидера, похоже, противилась этому демонтажу).

Личная драма Горбачева (но именно она-то и сделала его символом целой эпохи) состояла в том, что по мере все более точной артикуляции противоречия между "неоимперским принципом служения/подданства" и "либерально-демократическим антиимперством" (или, что то же самое в данном случае: между "неокоммунизмом" и "антикоммунизмом") Горбачев из фигуры, так или иначе устраивающей обе стороны, превратился в фигуру, не устраивающую никого.

Попытка сохранить бывшее имперское пространство, с тем чтобы наполнить его новым либерально-демократическим содержанием ("*Куда и зачем вы уходите, вы ведь еще не жили в том, что мы хотим построить?!*"), – одновременно и причина, и следствие того, что Горбачев проиграл и "неоимперский обновленческий вариант" ("очищение, но сохранение партии-идеологии"; проиграл лигачевым-полозковым), и "либерально-демократический вариант" ("строительство российской нации"; проиграл Ельцину). Задуманный Горбачевым "кентавр" – **"Либерально-гражданской Империи"** или **"Советской Нации"** – оказался нежизнеспособным. Что же касается нынешнего ностальгического отката части общества "назад, к Горбачеву" – он объясняется тем, что Ельцину тоже не удалось реализовать либерально-демократический вариант построения "российской нации", и все более набирает силу новая имперская бюрократия еще худшего качества, чем при Горбачеве.

Горбачев-3: "гражданин России" или "гражданин мира"?

Как бы то ни было, именно при М.С.Горбачеве была разрушена имперская надстройка, тяготевшая над общественной структурой. Очень быстро выяснилось, однако, что силы, которые Горбачев освободил *"из-под глыб"* Империи, были крайне неоднородными по своим глубинным мотивациям. Точнее и корректнее сказать, что Горбачев **освободил не "общество"**, а разнородный конгломерат **антиимперских сил**, которые были придавлены имперской структурой.

Прежде всего это оказались силы **не "постимперские"** ("протонациональные"), а **"доимперские"** (этнократические). Высвобождение этнократического потенциала, ранее плохо-бедно замиренного в имперских скрепах партийно-идеологической иерархической структуры с центром в Москве, **привело к этнополитическому хаосу** в ряде регионов бывшей Империи; глубоко неоднородно было и само "Общество". Дело в том, что **"российское общество"** и **"общество на территории России"** – это две принципиально различные вещи. Значительные (и, может быть, наиболее активные) элементы гражданского общества решили продолжить свое гражданское существование **в иных политических конфигурациях**, покинуть пределы Империи, пусть одряхлевшей, но (как показывает история) склонной к возрожденческим **псевдоморфозам,** к тому же с периодическими рецидивами этнократических настроений. Эта часть Общества, выросшего под Империей и вопреки ей, предпочла отъехать в более предсказуемый и органичный для себя контекст, комфортный и в этнокультурном отношении, и с сильным гражданским обществом, способным защитить приватные пространства личности от произвола власти. В этом смысле эмиграция в Германию, Израиль и т.д., с одной стороны, и создание независимых государств (например, в Прибалтике) – с другой, – суть явления **не столь разнородные**, как это иногда представляется. И эмигранты, и "национальные сепаратисты" почти во всем близки. Как члены Общества, эти лица равно не захотели рисковать снова очутиться в репрессивной Империи; как представители этносов, не растворившихся в прежней имперской структуре, они пожелали более точно оформить свою этнонациональную идентичность, защищенную "своим" государством. Разница лишь в том, что у немцев или евреев "национальное государство" **уже имелось** в наличии; у прибалтов эту государственность надо было **восстановить**; а у украинцев или молдаван – по существу, **создать заново**. То, что Горбачев является героем для этой части бывшего имперского "общества", закономерно. Он не только "освободил" их, но и дал возможность "обрести себя". В Германии Горбачев уже назван *"лучшим немцем года"*; но и прибалты должны признать, что именно он создал условия, при которых они только и смогли вырваться "к себе домой", правда, "от него же". (Но ведь то обстоятельство, что *"колобок от бабушки ушел"*, не отменяет того факта, что именно *"бабушка испекла колобок"*.) С **оставшейся частью общества**, которое потенциально яв-

лялась частью "российской нации", получилось хуже: за разжатие имперского кулака это "общество" заплатило тяжелую цену – разрушение пространства, в котором оно могло бы со временем оформиться как "национальное общество", как "российская нация". Вместе с крушением Империи рухнул и механизм государственности вообще, который теоретически из "пресса над обществом" мог бы (путем трансформации) превратиться в союзника в деле построения национального государства. Вот почему, в отличие от уединившихся немцев, евреев, прибалтов (доброго им здоровья!), российское общество не так однозначно относится к реформаторству Горбачева. Западные общества (говорю пока об "обществах", а не "государствах") поддержали Горбачева, ибо они видели главную опасность для себя именно в лице Советского Тоталитарного Государства. Горбачев оказался **реальным союзником** западных обществ в борьбе с единым врагом – советским тоталитарным государством. То, что раньше и за большие деньги делали нанятые западными обществами их собственные государства, Горбачев стал делать бесплатно. И не просто бесплатно, а освобождая общества Запада от бремени налогов и – что еще дороже – бремени катастрофического сознания, ощущения, что, сколько ни плати своим чиновникам за собственную защищенность, советского удара все равно не избежать.

Горбачев стал героем на Западе и потому, что объективно стал **защитником западных обществ от их собственных государств**. Он позволил им снять с себя бремя государственного (= антиобщественного) прессинга не только в виде уменьшения общественных налогов на оборону, но и идеологического оболванивания, нагнетания военного психоза и т.д. Горбачев выступил гарантом удешевления западных государств – в этом его успех среди граждан Запада.

Ельцин: между "демократией" и "неоимперством"

То, что способствовало росту популярности М.С.Горбачева, тормозило на Западе рост рейтинга Б.Н.Ельцина. Причина этого – интуитивное недоверие к Ельцину как к **человеку государства, а не общества**, как к прагматику "чистой власти", а не идейному защитнику общечеловеческих ценностей. Нынешний президент России также начинал как "неоимперец", как "верный слуга партии". В имперской структуре "отлучение от партии", "от политики" (горбачевское: "*я тебя в политику не пущу*") было эквивалентно отлучению "от службы Отечеству", жизненной катастрофой. Парадокс дальнейшей жизненной траектории Ельцина состоит в том, что длительное время для укрепления личной власти он был обязан укреплять (или делать вид, что укрепляет) Общество. В какой степени удастся "запараллелить" авторитарные претензии Президента (а также его "ближнего круга") и демократические общественные тенденции – большой вопрос. Проблема борьбы между демократией и "неоимперством" в политике нынешнего режима усложняется еще и заметной активизацией "третьей силы". В свое время Б.Н.Ельцин, как известно, сознательно использовал против горбачевской политики этнократические настроения – "*берите столько суверe-*

нитета, сколько сможете переварить". Третья, этнократическая вершина нашего Треугольника (этнократия – империя – нация) обрела, таким образом, значение, с которым придется считаться и "строителям общероссийской нации", и потенциальным новым "собирателям Империи".

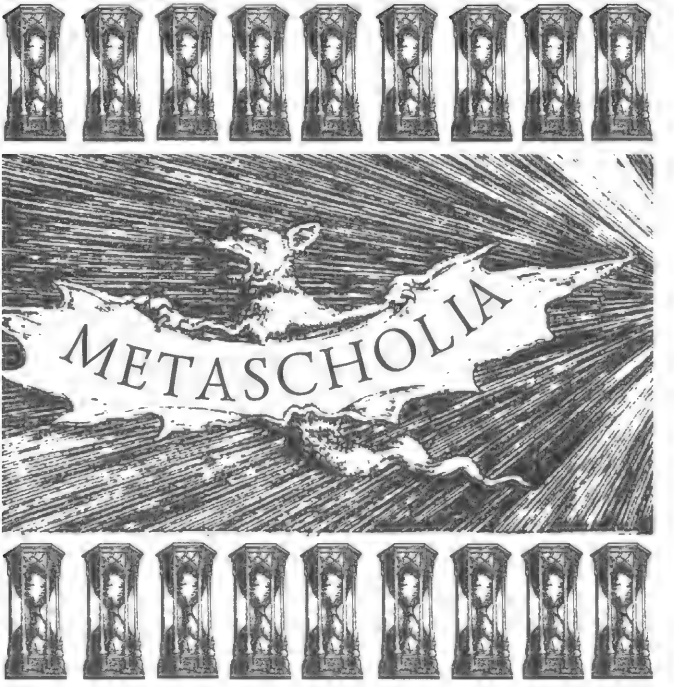
Некоторые возможные сценарии

Конкретные исторические тенденции в треугольнике "этнократия – империя – нация" сегодня весьма различны. Это и **этнократическое** выжимание титульным этносом инородцев. Это и передел сфер **кланового надэтнического** влияния между региональными элитами (вырожденный, **варваризованный имперский вариант** мафиозной субординации); этот вариант, по сути дела, вообще не меняет имперской природы социальности: просто имперский монолит (жесткая иерархия комитетов КПСС) дробится на множество имперских же фрагментов. Такой передел кланового влияния, в том числе в политической сфере, имеет место не только в провинции, но и в центрах бывшей Империи – космополитических мегаполисах. Это, наконец, попытки формирования на основе местных элементов гражданского общества **региональных наций** (в том числе русских), стремящихся высвободиться из-под чиновно-имперского давления Центра. По существу, речь идет о специфических формах **национально-освободительного движения** в истинном смысле этого понятия (как конфликтного процесса высвобождения политэтнических **территорий**, обретающих культурную и хозяйственную самодостаточность, из-под оболочки имперского Центра).

Разумеется, все три вышеназванных варианта развития опять-таки представлены автором скорее как "логически очищенные", "идеальные типы". На практике наблюдается взаимное переплетение указанных тенденций, что, с одной стороны, усугубляет внутреннюю конфликтность процесса (ибо каждая из тенденций представлена своими субъектами из числа локальных элит), а с другой стороны, позволяет в перспективе выработать тот или иной "результирующий вектор" процесса. В тех случаях, когда гражданское общество имеет более или менее налаженные формы самореализации, процесс имеет большие шансы окончиться формированием локально-территориальных "наций". При этом этнократические тенденции будут вытесняться на периферию процесса, а "клановые" интересы, несколько окультуренные, войдут (небесконфликтно) составной частью "нормального" гражданского процесса. Пока же, к сожалению, превалирует другая, вырожденческо-имперская, бюрократическо-клановая тенденция: через перераздел сфер влияния между постимперскими элитами. Эта тенденция связана с большей степенью бюрократизации и криминализации общества, а также с тенденциями к политическому авторитаризму.

РУССКИЙ ВОПРОС И ИНСТИТУТ БУДУЩЕГО

С. КУРГИНЯН



Работа «Русский вопрос и институт будущего» посвящена разработке теории субъектности. Исходя из соображений как нравственного, так и методологического характера, автор считает недопустимым игнорирование в исследованиях, касающихся субъектности, якобы избыточно приземленных реалий современного политического процесса. Отсюда включение в статью об общих вопросах элементов анализа российского оппозиционного движения. Отношение к нему у автора неоднозначно. Таким образом, автор заявляет о своей принадлежности к той исследовательской школе, для которой включение ценностного аспекта в исследовательскую деятельность является и допустимым, и эффективным.

© Кургинян С.Е., 1995

С. КУРГИНЯН

Введение

Современная действительность как бы искушает исследователя, предлагая ему никчемный и безнравственный выбор: либо безоглядно и безраздельно окунуться в мутную пену всего того, что гордо утверждает себя в статусе реального, явленного, действительного; либо уйти от этой грязи и сутолоки в мир Иного, в мир высоких, но ничего не значащих в плане решения вопросов нашей больной жизни Абстракций.

Как преодолеть на деле, а не на словах эту мучительную раздвоенность между публицистической "смутологией" и аналитическим "пеноведением", с одной стороны, и философствованием "над бездной", "в минуте от Апокалипсиса" с другой? Только сохранив в душе столь яростно вытаптываемую и миллионы раз уже осужденную "музыкальность" и ей питаемую уверенность в том, что все это нагромождение знаков исчерпанности и вырождения, все это изобилие отбросов и фекалий в самой своей сокровенной сердцевине есть не пошлость, а тайна, не банальность, а сложнейшая теоретическая проблема, не феноменология конца, а противоречивый в онтологических своих основаниях, а значит, движущийся, а значит, живой, а значит, вовсе не безнадежный сгусток исторического все еще и одновременно уже не исторического в полной мере, не классического, нового бытия.

Верность подобной вере сразу же диктует свои условия. Ты уже не можешь и не должен уклоняться от прикладного, суетного сегодняшнего. **Это первое.** Ты не имеешь права льстить ему. **Это второе.** Ты должен объяснить и раскрыть его. **Это третье.** Ты должен угадать проблемное, идеальное начало, дух этого развертываемого процесса. **Это четвертое.** Ты должен, возвращаясь с небес на землю, дать пусть и печальный, но смысл тому, что выглядит как "ничто". **Это пятое.** И наконец, ты должен дать некий контур выхода из того, что все более видится как безвыходное, – должен выдвигать некую модель и понимания, и разрешения тобою же вскрываемой ситуации. **Это шестое.**

Осуществив такой синтез, а речь здесь может идти, конечно же, лишь о синтезе (сразу возникает вопрос, возможно ли такое, так сказать, "в отдельно взятой статье"), ты можешь Быть здесь и сейчас, не отстраняясь, но и не растворяясь в том сейчасном и здешнем, без которого (и в этом приходится однажды признаться самому себе) нет для тебя никакого желания играть в иное. О каком бы ином ни шла речь. Инобытийном, иноментальном, инодуховном. Так много вокруг горя, мерзости, ненависти, сострадания, любви, что некуда от них деться.

ЧАСТЬ 1. Предмет исследования

Я намерен анализировать нашу политическую реальность в самом ее больном аспекте. Этим аспектом для меня является наша политическая оппозиция. Я намерен говорить о ней и только о ней еще и потому, что не отделяю самого себя от этого многоликого и странного беспомощного "нечто". Почему нет дееспособной оппозиции? Почему сегодня при пусть не идеальных, но, скажем честно, и не безнадежных вовсе граничных условиях, задаваемых правящим режимом, этот ре-

жим, разрушив страну и обокрав население, явив неслыханные образцы коррупции и ущербности, все еще держится на плаву? Почему, напротив, имея (признаемся себе в этом честно!) достаточно высокую степень свободы действования, оппозиция выглядит столь нелицеприятно и ущербно? В чем дело? Этот простой вопрос не имеет, как я намерен показать, простого ответа. Напротив, двигаясь от элементарного ко все более сложному, мы обнаруживаем, что ответ требует анализа ряда вполне глубоких и всеобщих сторон нынешней ситуации, которая, в свою очередь, может быть понята нами лишь в развитии как некое единство идеала и действительности, формы и содержания, исторического и логического.

Но начнем с выяснения элементарного. Почему, собственно, мы называем нынешнее состояние дел в политической оппозиции тупиковым? Разве не крепнут ряды сторонников оппозиционного дела? Разве не отворачивается народ от режима? Разве не проявилось на горизонте достаточное количество пусть несовершенных, но признаваемых и внутри страны, и за рубежом реальных оппозиционных политиков?

Чтобы понять ситуацию, я прибегну к методу, достаточно хорошо известному, но почему-то не применяемому для узкоприкладных, сугубо политических целей. Я проведу диахронный анализ поступков и риторических экспликаций оппозиционного субъекта с тем, чтобы понять логику его действий во времени, именно во времени, т.е. в той исчезающей вертикали, в которой только и можно судить о сущностной силе и сущностной слабости политического субъекта, поверяемого в столь критической ситуации именно с позиций Истории.

ЧАСТЬ 2. Деструкция политического времени как следствие деструкции времени исторического

Все началось тогда, когда оппозиция стала играть по фундаментальным правилам, заимствованным ею у ее противников, победивших сначала в идеологических дебатах 1987 – 1988 гг., а затем на выборах 1990 г. Эта победа где-то в самой сердцевине своей надломила веру оппозиции в свою самость. Началась погоня за ненавидимым и вместе с тем как-то извращенно любимым победившим демократизмом. Эта погоня была сродни той, которую десятилетиями раньше навязали СССР. Я имею в виду пресловутое "догоним и перегоним", чья двусмысленность (догоняющий никогда не догонит, догоняющая модернизация обречена) была столь очевидна, что вряд ли стоит объяснять принятие такой тупиковой модели только лишь (в избытке, конечно же, имевшимся) политическим слабоумием. Закон политики гласит, что там, где согласованно действует слишком много глупости, там незримо присутствует подлый и гибкий ум. Можно, конечно, сразу же обвинить автора в приверженности теории заговора. Не желая оправдываться, я намерен обозначить, в чем *именно* мое, и именно *мое*, несогласие с подобной теорией. Прежде всего скажу, что не считаю саму теорию, сам принцип заведомо и однозначно порочным. Думается, при всей своей наивности и несуразности теория заговора методологически конструктивнее внеш-

не респектабельной, но совсем в политике непригодной теории объективных закономерностей.

В самом деле, никто не будет отрицать, что заговоры в истории имели место. Но многие, и в том числе ваш покорный слуга, отказываются признавать наличие в ней так называемых "объективных законов". Нет, не потому теория заговоров претит мне, что она не столь сциентически респектабельна, как ее миф-двойник – теория объективных закономерностей. В теории заговоров меня категорически не устраивает стремление всех или почти всех ее творцов-конспирологов овладевать содержанием исследуемого ими субъекта сугубо символически, так сказать, этикеточно. В этот смысле теория заговоров, проклиная и презирая масскультурное общество, сама принадлежит ему и в этом смысле должна быть отвергнута как соблазн. Соблазн этот вдвойне вредоносен в России, где всегда особо любили и любят рассуждать в мировом масштабе, "сидя на завалинке", не слишком утруждая себя при этом освоением всерьез некоего поверхностно и символически (в худшем смысле этого слова) присваиваемого себе содержания. Простейший пример: некий имярек откуда-то узнает, что Гегель, к примеру, является масоном такого-то разлива и такого-то градуса. Освоил ли имярек содержание "Науки логики"? Является ли он хозяином этого содержания? Приблизился ли он в этом смысле к Гегелю? Ни на йоту. Но в символическом, вновь повторю, худшем смысле имярек стал хозяином Гегеля, ибо он, как говорится в старом одесском анекдоте, "его вичислил".

Кстати, говоря о русской завалинке, я имею в виду не блестящую плеяду русских философов и историков, создавших теорию исторического субъекта, гораздо более близкую к реальности, нежели позитивизм, а банальную и соблазнительную в своей слащавой банальности конспирологию. Что касается высокой русской традиции, то она не устраивает меня тем, что не до конца учитывает новый тип реальности, сложившейся на исходе первой половины XX в., реальности, в которой историческое и игровое (т.е. манипулятивное в самом глубоком смысле этого слова) не то чтобы даже и поменялись местами, а вышли на один уровень, создавая историко-игровой или игро-исторический мир. Называть этот новый виток эпохой, эрой, периодом и т.п. я не считаю правильным, ибо эти понятия относятся к фазам собственно исторического процесса, который стал, подчеркиваю, неумолимо превращаться в нечто иное, проблемное, в противостояние игры и истории.

Определить точно, когда началось такое превращение, я не берусь, и вряд ли это вообще возможно. Но симптомы новой ситуации (а именно ситуацией, а не эрой, эпохой или периодом следует называть, на мой взгляд, время прямого противоборства истории и игры) для меня очевидны. Кстати, в них нет ничего таинственно конспирологического. Напротив, речь идет почти что о банальных вещах, таких, как неоколониализм с его необходимостью управлять за счет создания дефектных субъектов, ядерный мир с его необходимостью воевать без войны, мир транснациональных корпораций с его необходимостью скрытого управления государствами как дефектными субъектами (в этом смысле раз-

витые государства для ТНК суть то же, что развивающиеся государства для государств развитых). Сюда входит и новое качество, новая мощь разведсистем, ставших победителями в войне с силовыми в строгом смысле этого слова (т.е. сугубо милитаристскими) системами и структурами. Сюда, наконец, безусловно входит телевидение, превратившее (а точнее, завершившее превращение) собственно исторического мира в нечто иное, ибо, будем откровенными, именно банальный ящик с экраном, а не Гегель с Фукуямой, проблематизировал понятие истории. Итак, классическая русская теория субъекта не устраивает меня прежде всего своей классичностью. Тогда как речь идет о "не совсем классическом исследовании с почти уже неклассическими инструментами почти совсем уже неклассического мира"... в котором, кажется, мы собираемся жить. Отсюда необходимость... нет, не выдумывания новой теории и новых методов, а самого признания неклассичности ситуации вкупе с отказом от пресловутых "трех П": постмодернизм, постиндустриализм, постистория. Отказ диктуется для меня как соображениями вкусового порядка (слишком это банально, чтобы быть действительно реальным, а не устойчиво иллюзорным), так и вполне реальными опасениями, которые я разделяю со многими другими исследователями. Суть этих опасений в том, что, образно говоря, обидевшись на "три П", история вдруг может сама поиграть в постмодерн и начать многократно переписывать самое себя на манер гофмановских "Похождений кота Мурра".

Отрицание "трех П" и признание неклассичности (или не-вполне-классичности) историко-игрового континуума создает некоторую напряженность высшего плана, а открытость этой напряженности сознания исследователя неминуемо начнет порождать то новое, что просто так быть выдумано не может. Таким мне видится формирование новой исследовательской парадигмы. Спасая нас от банальности, от лжи и безвкусия, она, парадигма этакая, может заодно и спасти сам мир, задыхающийся в лжи, безвкусии и банальности и готовый от бешенства, вызванного неслыханным самонепониманием, уничтожить себя, что мне не представляется приемлемым выходом из и в самом деле **слишком унизительной** ситуации. И наконец, видя иной мир иными глазами, мы не можем не видеть узкие каналы сосредоточенной воли субъектов разного ранга, пронизывающие исторический континуум и порождаемые сгустками высоких смысловых энергий, способных воспроизводить себя буквально тысячелетиями. Эти каналы, как каналы на Марсе, как морщины на лице человека или на человеческой руке, не описывают целиком исследуемое. Морщины, к примеру, не задают анатомии, а каналы не позволяют даже при полном их исследовании описать, к примеру, геологию Марса. Но эти тонкие, почти незримые сети при их достойном прочтении, при извлечении этих сетей из содержаний, а не из выдумок могут кое-что рассказать из того, что не может быть рассказано без их участия. Гадают же по рукам! Не научно? Но достоверно! А если есть наука без достоверности и достоверность почти без науки (или с другой наукой), что выберем? Лично я – достоверность...

Прошу прощения у читателя за долгое и не сразу объяснимое отступление. Надеюсь, дочитав до конца, читатель поймет, что двигало мною в момент его написания. И – возвращаюсь, тяжело вздохнув, к оппозиции.

Итак, она пошла вдогонку... Или ее погнали вдогонку? Или – она пошла, а ее погнали? Оставим здесь пока зазор и признаем, что гонка эта началась созданием самой лучшей, самой современной оппозиционной газеты "День". Без Проханова и его "Дня" оппозиция рыдала бы по ленинизму или хлебала щи лаптем. Проханов модернизировал оппозицию. И тем самым сделал для торжества западной модернизации гораздо больше, чем Новодворская. Более того, Проханов пошел дальше многих, реализовав политический постмодерн. В этом смысле он как журналист стоит в одном ряду с В.Ерофеевым, Т.Толстой, Д.Приговым. То, что они сделали с литературой, он сделал с оппозиционной публицистикой. Возможно, это получилось случайно. Возможно, что "сработали" и рассуждения о необходимости выстраивания широкого спектра политических сил "право-левой оппозиции" и ставка на принципиальный эклектизм ("не время сейчас тратить порох на философствование"), и, главное – идея заимствования у противника его политических технологий, т.е. догоняющей модернизации. Кстати, идея всеобщей консолидации с оставлением этих консолидированных "свободными" носителями своих идеологических "кредо" поразительно созвучна идее наращивания классических агентурных сетей. Согласно последней, два агента всегда лучше, чем один, три лучше, чем два и т.д. При этом мощь агентов складывается арифметически на оси положительных чисел. Политической алгебры здесь нет, а есть агентурная арифметика. Эта арифметика плюс твердолобость консолидируемых плюс отсутствие новых **технологий** метаидеологического, метаязыкового синтеза плюс талант Проханова плюс стратегия догоняния демократов родили "День" как явление политической мысли, весьма и весьма интересное и для историка, и для политика. Ведя оппозицию вперед, Проханов одновременно гробит ее. Осуждая мондиализм, действует как ультрамондиалист – творец постмодерна. В результате, догоняя демократов и заимствуя (под крики о своем пути) их политический язык и их приемы борьбы с оппонентом, оппозиция процветает и гибнет одновременно. Внутри постмодерна, естественно, находится то, чему и полагается находиться, – здоровенная червоточина. "День" конца 1992 и всего 1993 г. стал в силу такой "работы с реальностью" просто гигантской оберткой для тухлой селедки, в качестве коей, как может догадаться читатель, по моему мнению, выступают пресловутые "Элементы". Вот такой у нас "пикник на обочине". Призвав учиться у демократов и начав учиться у них пошлости, цинизму, современному высокому журналистскому мастерству, презрению к массам, блефу, эклектике и многому другому – как нужному, так и ненужному для политики – и не предложив ничего "нового, кроме хорошо забытого" Дугина, Проханов заразил своим талантом подражания наших оппозиционных политиков. В результате началось почти поголовное бритье оппозиционных бород.

Исчез или хотя бы отчасти испарился запах щей, зато сильно запахло французским лосьоном и в целом классной политической парикмахерской. Инерция войны за правду продолжалась, но правда наивных и мощных демонстраций ноября 1991 – марта 1992 г. очень постепенно и волнами гасла, заменяясь краснобригадовским спецмероприятием. Запахло игрой. И всегда рядом с ней припрятанной кровью. После октября 1993 г. выбор между жертвой всерьез и кровавым игрательством стал неминуем. Предшествующий оппозиционный нигилизм – копия демократического нигилизма – предопределил этот выбор. Оппозиция встала на путь игры, изменив истории. И тут же ушла в прошлое, начав одновременно резко набирать политические очки. Так резко, будто кто-то, изъяв душу, стал усиленно надувать это уже по сути "превращенное" оппозиционное тело.

Ниже я анализирую, как нарастает разрыв между тем, что требовали от масс до 3 – 4 октября, и тем, что начали делать и к чему стали призывать после 3 – 4 октября. Конечно, всякий реальный политик корректирует свое поведение и приводит его в соответствие с изменившейся ситуацией. Но это происходит обычно все же с некоторой последовательностью, в некоей единой логике, при очевидном для рядовых членов движения заботе о понимании смысла и задач нового политического этапа. Это фиксируется в открытой политической дискуссии, является предметом обсуждения на представительных собраниях членов тех или иных политических организаций, и, наконец, в любом случае в таких ситуациях политические лидеры и политические структуры заботятся о сохранении лица. Это – немаловажно. Поговорки всех народов мира и уж особенно наши отечественные фиксируют эту важность: дом потерял – мало потерял, честь потерял – все потерял. Сброс этой парадигмы чести особенно опасен, если массы членов политических организаций потворствуют потере лица. О каких победах можно после этого говорить, о каких количественных успехах, если столь зрима потеря качества.

А то, что она зрима, явствует из таблицы 1.

Таблица 1.

Что говорилось и делалось до 3–4 октября	Что делалось и говорилось сразу же после 3–4 октября
1 Яростные призывы множества парламентариев и лидеров политических движений к борьбе за власть Советов, за необходимость отстаивать Белый дом, не допускать разгона съезда и перевыборов. Вхождение в руководство созданного для этой борьбы Фронта национального спасения.	Мгновенное отмежевание от экстремизма наиболее непримиримых оппозиционеров после проигранного сражения. Участие в выборах Думы. Различные демонстрации лояльности.
2 Все настойчивее предъявляемые в своих документах советско-социалистические ориентиры и политические установки вплоть	Реальное содействие ликвидации Советской власти (единственно сохранившегося в стране остатка "социалистичности" и

до социалистического выбора и коммунистической перспективы.	"советичности") через поддержку (участием в выборах!) новой, очевидно буржуазной конституции, через принятие (за счет факта участия в выборах) смены институтов именно Советской предстовительной власти на институты столь яростно критикуемого ранее буржуазного (причем очевидно не демократического) парламентаризма.
3 Предельный психологический накал темы кровавости режима, оперирование острономическими цифрами погибших, клятвы по части своей готовности расшибиться в лепешку, дабы отомстить "Борису Кровавому".	Отсутствие элементарной политической воли в проведении до конца вдумчивого, достаточно полного, последовательного и убедительного политического расследования происшедшего 3 – 4 октября. Отсутствие каких-либо масштабных действий по моральной и социальной защите рядовых жертв кровавого Октября в сочетании с разрушительным прилюдным рекламным сентиментализмом по отношению к вождям и столь же разрушительным закулисным обсуждением их провокаторской роли.
4 Критика социального неравенства, пира во время чумы, позорного расслоения общества на богатых и бедных.	Достаточно мягкий (весьма далекий от аскетичного) режим обеспечения самих себя как парламентариев, при полном безразличии к обеспечению ресурсами даже своих политических структур.

Случилось то, о чем так долго предупреждали опасавшиеся издержек стратегии гонки за лидером. Разорвав в эклектике оппозиционного постмодерна историческое время, смешав вся и все и начав играть по чужим правилам, оппозиция перешла от деструкции исторического времени к деструкции времени политического. Со всеми вытекающими последствиями.

ЧАСТЬ 3. От деструкции к мороку

Сами по себе приведенные в таблице 1 несоответствия еще не свидетельствуют о разрушении политического субъекта. Они лишь адресуют к неким моральным несоответствиям. Перед нами возникает проблема соотношения политики и морали вообще, а также проблема специфики подобного соотношения применительно к российской действительности. То, что в России моральный фактор играет более высокую роль в политике, нежели где-либо на земном шаре, видимо, не требует развернутых доказательств. Это вытекает из неразделенности, если хотите, спутанности всех основ человеческого существования, из взаимоувязанности всех форм деятельности в российском властном и духовном континууме, из сути, из ядра российской культуры, из самой идеи нераздельности идеала, в котором нет истины, добра и красоты как от-

дельных его частей, а есть лишь правда, в которой слиты все ипостаси, есть лишь единая субстанция с ее потоками, вихрями, разливами и переливами. Такова Россия, и я не берусь здесь оценивать издержки и приобретения, плюсы и минусы в том, что есть часть меня самого, я лишь фиксирую это особое качество. Поэтому нельзя здесь отмахнуться от морали и апеллировать к макиавеллизму, к чужому моральному духу того, что мы именуем большой политикой. Но и впадать в жанр моралите тоже не хотелось бы, ибо этот жанр в политике, действительно, весьма уязвим.

Большая политика, конечно, предполагает двусмысленные маневры, уловки, фигуры умолчания, риторические жесты и пр. Но она не только к ним не сводится, что достаточно очевидно, она вдобавок ими не обусловливается. Дух политики, ее сущность остаются по ту сторону столь хорошо усваиваемой нашей сегодняшней политической элитой игровой стихии. Поглощенность формами этой игры, прикованность к этим новомодным формам, сходная с избыточной увлеченностью атрибутами той, столь долго бывшей недоступной западной жизни, чревата крупными неприятностями. Беда даже не в цинизме, и автор достаточно самокритичен для того, чтобы не претендовать на роль очередного савонаролы. Беда в том, что теряется баланс между хорошо освоенными феноменами политики и абсолютно неощущаемыми ноуменами той же политики, между политически имманентным и трансцендентным, между явлением и сущностью, частью и целым, формой и содержанием. Ибо есть в западной политической культуре с ее игрой свои противоядия против этой игры, вырабатывавшиеся многими веками, как есть в восточной политике такие же противоядия против порождаемой ее закрытой элитной, коридорной, дворцовой культурой политической нирваны, застоя, консенсуса в непринятии решений. Попытка оторваться от Востока и неадекватно усвоить Запад в очередной раз приводит нас к плачевнейшим результатам. Для начала, "по минимуму", политика становится не желанно циничной, игровой, рационально бесстрастной, т.е. западной по существу, а просто вымороченной. Возникает то явление превращенной формы, которое всегда приковывало к себе мое внимание в силу скорее угадываемого, чем осознаваемого корня самой российской беды. Вымороченный и превращенный субъект прежде всего теряет то, к чему он так напряженно стремился: рациональность, логичность, целеподчиненный цинизм. Об этом свидетельствует таблица 2.

Таблица 2.

Тип оппозиции	Уровень соглашения с властью
1 Оппозиция национально-освободительной войны (ОНОВ)	Согласие, например, о неприменении ядерного терроризма. Вообще согласие о правилах ведения войны. Даже война СССР с Германией велась с соблюдением взаимного соглашения о неприменении химического оружия, что показывает: между борющимися всерьез

	силами соглашение существует всегда.
2 Оппозиция гражданской войны (ОГВ)	Несколько "мягче" ОНОВ. Сознательно минимизирует издержки, связанные с масштабными демографическими потерями, необратимыми с точки зрения целостного государства вмешательствами иностранных государств, необратимыми деструкциями государственной целостности и т.п. Соглашения оформляют (чаще в неявном виде) такие минимизации и регулируют формы протекания конфликтов.
3 Непримиримая мирная оппозиция (НМО)	Соблюдает все типы регуляции, свойственные ОНОВ и ОГВ, плюс условия недопущения гражданской войны. Отмежевывается категорически от политической и социальной линии режима. Открыто сотрудничает по вопросам недопущения катастроф и крупномасштабных силовых конфронтаций.
4 Оппозиция условного сотрудничества (ОУС)	Оговаривает коридор сотрудничества и его условия. Отмежевывается от непопулярных мер. Не входит в правительство.
5 Оппозиция безусловного сотрудничества (коалиция)	Соглашается поддержать непопулярные меры правительства в обмен на вход в правительство своих представителей, способных повлиять на смену курса.
6 Странная (она же карманная) оппозиция (КО)	Соглашается поддержать непопулярные меры правительства без властных уступок со стороны оного.
7 Очень странная оппозиция (ОСО)	Соглашается на те же меры сотрудничества, как и ее предшественница КО, но при этом не снимает лозунг "Долой временное оккупационное правительство!", т.е. сама себя обвиняет в коллаборационизме. Феномен унтер-офицерской вдовы из "Ревизора" Гоголя, которая сама себя высекла.

ЧАСТЬ 4. От морока к так называемым превращенным формам

Создавая странные политические субъекты, оппозиция в конечном итоге превратилась в то, с чем боролась. Она стала режимом, его сутью и квинтэссенцией. Ибо квинтэссенцией всего замысленного как раз и был неразвивающийся мир замкнутых политических и прочих монад, лишенных внутренней связи, но объединенных консенсусом неразвития. Неразвитие подается как идеал. Пока еще скорбят о новых технологи-

ях, но более для проформы. На деле же аппарат самореализовался, уничтожив идеальное начало в стихии всеобщего постмодерна и осуществив чужую идею конца истории в превращенных формах и, конечно же, в отдельно взятой стране. Диалектика перехода от морока к превращенным формам достаточно проста и в общем-то описывается определенным рецептом анекдотического характера, согласно которому "бублик делается так: берется дырка и обмазывается тестом". Всмотримся в сей кулинарно-онтологический прием, осуществляемый и уже почти осуществленный теми, кто все еще именуют себя оппозицией.

Что мы увидим? Все приметы застоя. Они налицо. И они есть выражение того тупика, в который вообще нас загоняет принцип копирования. Мы уже получили безыдеальное общество в результате двух катастроф: одной шумной, с разгромом коммунизма, осуществленным правящим классом (интереснейший пример превращенной формы, для анализа которого здесь у меня просто нет места, и я адресую читателя к своим работам "Уроки Октября" и "Россия и ее зазеркалье"). И второй – бесшумной, с крахом демократического либерального идеала в ходе превращения власти в собственность. В последней фазе, когда собственность начнет превращаться в новую власть, она в поисках каких-то идеальных легитимаций вновь начнет в той же стратегии догоняющей модернизации устремляться в некий новый тупик, устремляя в него и общество. Этим тупиком будет заимствованный у Запада национализм, который на русской почве, да при содействии новых постмодернистов обратится, боюсь, все в ту же труху с непредсказуемыми и для России, и для мира последствиями. И снова – национализм ничем не плох сам по себе. Как ничем не плохи для меня и коммунизм, и демократия. Плоха же эта страсть тупого рабского слепого подражанья, страсть копирования с примесью паскудного самолюбования. Здесь гибель России, здесь, а не в национальном, коммунальном, народовластном началах ее исторического самобытия. Чтобы осознать, до какой степени опасна эта новая фаза все той же катастрофы копирования, я должен буду проанализировать разницу между тремя постоянно путаемыми понятиями: национализм, фашизм, русская идея. В результате такого анализа я надеюсь завершить описание катастрофы копирования в ее динамике и на примере оппозиционного движения и начать поиск позитивных оснований для выхода. Но вначале – ряд понятий и базовых разграничений.

ЧАСТЬ 5. Национализм, фашизм и русская идея

Давно ли все молились на либерализм, космополитизм, а автора этих строк, заявившего, что он – русский националист, обвиняли в фашизме? Теперь националистов у нас, что называется, "пруд пруди". Куда ни плюнь – националист. Перекраска идет полным ходом. И вчерашние ненавистники национализма, демократы из демократов (они же позавчерашние ревнители чистоты марксизма-ленинизма) перекрашиваются со скрипом, но быстро и с автоматизмом профессиональных перекрашивателей – в националов. Что будет завтра? Не появятся ли те

же ребята в строю (хороших, конечно же) русских фашистов? Думаю, не без этого. Но бог с ними, с перекрашивателями. Предоставим их – их печальной участи. И поговорим по существу о непростых, но очень нужных вещах. О понятиях и разграничениях. Ибо для того, чтобы стать кем-то (ну, хоть фашистом), нужно, как минимум, знать – кем становишься. В этом плане мое заявление о приверженности национализму есть лишь первое приближение. Я от него не отказываюсь. Но пользуюсь возможностью кое-что уточнить в новых условиях, при повальной и бездумной, увы, националистической моде. Время первых приближений и грубых разграничений кончилось. Новые идеологические и политические баталии будут разворачиваться в более тонких и многомерных смысловых и понятийных пространствах. И речь идет не об элитаризации политики. А о том, что сложные разграничения придется производить не профессионалам и не элите только, а всей политически активной части нашего общества, коль скоро она всерьез озабочена непростым и небезоблачным будущим Отечества нашего.

Сама сумятица вокруг национальной идеи говорит о том, как трудно дается нашим согражданам новая система координат, которую можно назвать "нациоцентрической". Слово "нация" используется вообще как синоним слова "народ". Русский народ и русская нация. Национальное и народное. Понятия близкие, но не тождественные. Сегодня, когда говорят о русском народе, слегка акцентируют социальный аспект понятия (народ – это простые люди, большинство, неэлита). Говоря же о нации, о национальном интересе, национальных целях, напротив, стирают этот социальный аспект и выводят на первый план общность неких несоциальных параметров (*язык*, культура, религия, "кровь и почва"). На этом зыбкость употребляемых самоопределяющих дефиниций не исчерпывается, поскольку есть еще "этнос", "суперэтнос", "гиперэтнос". А определение оных размыто трудами выдающегося исследователя Л.Гумилева, биологизировавшего эти коллективные сущности и, следом за Шпенглером, Тойнби, в меньшей мере Данилевским, заложившим ложную, на мой взгляд, идею рокового предопределения, неумолимых стадий этногенеза, ведущих от рождения к смерти. Вот такая палитра понятий и нюансировок. Специалисту трудно разобраться. А нормальному гражданину, желающему понять, частью какого целого он является?! Гражданину, которому с пеленок твердили про интернационализм, а теперь предлагают с большой настойчивостью отказаться от каких-либо "мы", превышающих по количеству и уровню сложности его семейную, как говорят, "нуклеарную" микроячейку. Но и интернационализм не спасает от необходимости как-то соотноситься с понятием "нация". Ибо в противном случае неизбежно возникает вопрос: интер... что? И если все, стоящее после "интер", не определено, то и сам этот "интернационализм" превращается в бессодержательное понятие.

Еще хуже обстоит дело с космополитизмом. То его проклинали, то проклинали тех, кто боролся с ним, а его восхваляли, то снова проклинать начинают... А о чем речь? Содержание остается за кадром. И,

возможно, главное в том и состоит, чтобы не дать возникнуть системе четких определений, преодолевающей хаос недоопределенных понятий, тот хаос в сознании, который не дает оформиться и нашему все более хаотизирующемуся бытию.

Нация – понятие исторически и географически закрепленное. Географически – поскольку речь идет о феномене, порожденном европейской историей и базирующемся на ее фундаментальных принципах. Исторически – поскольку речь идет о понятии, рожденном в огне буржуазных революций и носящем на себе все родовые и видовые отпечатки Нового времени. Нация есть упрощение и стандартизация неких человеческих донациональных обществ и общностей (народов). Нация есть промежуточная форма стандартизации и существует всецело как фаза стандартизирующего процесса, имеющего своей конечной целью полную унификацию человечества.

Националист в строгом смысле этого слова является "предкосмополитом". Стирая в национальном все своеобразие сложных форм и нюансов, в которых кроется специфика различных способов организации человеческой общности, националист готовит космополита. Обидно, но факт. Национальное государство есть унифицированный элемент в структуре космополитической мировой бюрократии. Нации – формы общности, вылепленные всемирным буржуазным классом для себя и по своему образу и подобию.

Признав национальное во всей полноте этого непростого понятия, мы тем самым уже признаем, что для нас нет проблемы, каковы будут формы всемирного общежития в XXI столетии. Доделав свое дело, нации создадут единое унифицированное человечество. Поделив рынки (для чего и нужен национализм), буржуазия сынтегрируется в мировой спрут. Место пролетарской интернации займет транснациональное сообщество, сумевшее преодолеть противоречия между центрами власти. Националист – это тот, кто признает безальтернативность версии мирового развития, но стремится обеспечить для своей национальной общности некое место в рамках этой версии, обеспечивающее определенный приоритет. В этом смысле националист – союзник для всех, кто отстаивает какие-то интересы своего народа. Как отстаиватель, он входит в единство сил, стремящихся предотвратить народное бедствие и конец истории своего народа.

Но разве есть одна версия?

Величайшие народы мира, народы–создатели цивилизованных миров, в своем историческом творчестве по-разному видели всечеловеческое единство. Можно выделить следующие основные модели.

1. Унификационный муравейник. Творение европейского буржуазного гения.

2. Единство в вере. Модель народов–создателей мировых религий.

3. Единство через прямое доминирование одной макрообщности (расы, народа) над другой. Модель, адресующая не к духовной, а к чисто силовой экспансии (легитимированной через ту или иную формулу расовой исключительности).

4. Единство как многообразие форм и способов исторического движения.

Вторая и третья модели предполагают "всего лишь" разные субъекты чистого доминирования. И там, и там идет навязывание некой формы, либо духовной, либо обнаженно силовой. Разница огромна, но велико и общее стремление к моноформизму. При этом моноформа может быть достаточно тонкой и сложной. Первая модель не подавляет, а конвейеризирует. В сущности, речь идет о более тонких формах подавления. Их, по видимости, бессиловой характер компенсируется примитивизмом моноформ. Выбирайте – в чем жить: в штампующей формы цивилизации статуса или, например, в духовно тонкой, но все подминающей под себя мировой цивилизации, построенной на фундаменте любой из победивших мировых религий. Или же – в режиме, где какая-то из биосоциальных коллективных особей, обосновав свою исключительность тем или иным мифом XXI столетия, подавила все оставшееся человечество.

Честно говоря, ни в одной из этих трех печальных альтернатив я лично жить не хочу. И любую победу рассматриваю здесь как поражение. Но, может быть, дело лишь в личном вкусе? Отнюдь. Ибо закон продуктивного многообразия говорит о том, что любая моноформа обречена, что в рамках моноформизма может быть организована лишь гибель, деградация человечества. Однако и общего планетарного будущего на все более тесной планете не избежать. Что же остается? Только четвертая версия. Авторство ее несомненно. И поскольку оно наличествует, русский народ при любых бедствиях, любых лишениях, любой смуте и в любом унижении остается одним из величайших народов мира: народом–автором одной из версий мировой истории. Эта версия проглядывается сквозь все фазы и циклы исторического движения моего многострадального Отечества.

Находясь на стыке с другими авторскими вариантами, Россия терпела страшные лишения в этой своей роли межцивилизационного коммуникатора. Процветание было для нее недоступно, ибо, находясь на семи ветрах, она слишком много должна была тратить просто на выживание. Сформировавшийся военно-аскетический идеал блокировал становление буржуазных отношений. Об этом сказано много. Но меньше – о том, что цепь "буржуазность – национализм – унификационизм" противоречила четвертому авторскому варианту движения мировой истории. И потому отторгалась.

Как назвать ту общность, которая формировалась на базе четвертой версии? Конечно, это не нация... Но не потому, что наличествует нечто меньшее, недонациональное, как утверждают многие из отрицателей русской нации. А потому, что есть нечто большее, не сверх-, не транс-, не интернациональное, а, если уж отстраивать от национального корня, **МЕТАНАЦИОНАЛЬНОЕ**. Говоря о метанациональном, я вновь возвращаюсь к тому, с чего начал статью, – к анализу ошибок оппозиции в сфере методологической. Ибо, соединяя правое с левым и ужа с ежом при сохранении их самости и отсутствии синтезирующего начала,

оппозиция стала на путь игры, на путь постмодерна с его множеством суверенных и несовместимых языков. Вавилонская башня политических языков, "ячеистая структура" политического континуума не могла не породить аналогичную структуру общностей ("наций") и территориальных образований. Дальше – либо распад, либо террор, либо... Сведение к одному знаменателю. Провокация классической теории операций, претендующей на роль объединителя в науке, постмодерна, претендующего на роль объединителя в культуре, и космополитизма, претендующего на роль объединителя наций (или – "цивилизационных типов"), состоит в том, что подобный тип объединения отнимает у человечества право на единство в многообразии, право на Большую Форму, на единство Большой теории. Русские особым чутьем ощущали этот подвох и постоянно искали иную модель всеобщего. Она и описывается для меня с помощью превращения некоей совокупности начал в сложное и слиянно-многообразное метаначало. Это касается всего. Метаязыка и языковых систем, группы теории и метатеории, национальных типов и метанации. Не гнить в постмодерне ("многообразие без единства") и не стричь под одну гребенку ("единство в ущерб многообразию"), а через метакачество искать "цветущую сложность", – вот к чему стремились русские во всем: в государственном строительстве, культуре, политике. И в этом всемирно-историческое значение русской идеи, ее притягательность для вошедших в ее поле народов, ее значение для будущего человечества.

Русский народ, отстаивающий себя как народа-творца мировой истории, – это метанация. Может ли он стать чем-то другим? Чем? Народом, вписывающимся в первую модель, т.е. нацией, возглавляемой националистами? Наверное, может. И упрекнуть его за это нельзя. Но шанс на выживание в этом качестве с потерей первородства и статуса народа – творца мировой истории – меньше, чем при отстаивании этого статуса. Слишком многое надо перестраивать в коде, слишком слаба и неэффективна буржуазия. А главное – слишком поздно. И слишком горько для народа. Психологическая травма исторической личности делает на этом пути чересчур высоковероятным срыв, мутацию. И – следующую за ней гибель.

Мутацией (причем весьма и весьма непродуктивной) как раз и будет фашизм. Отождествлять русский фашизм с русским национализмом не просто непродуктивно, а, мягко говоря, странно. Русский националист требует своего уравнивания в правах с националистом европейским (французским, англосаксонским, немецким). Он так же адресует к культурно-историческому типу, так же секуляризован, так же прагматичен, так же "покорно предкосмополитичен". Отрицать за ним это право – значит однозначно свидетельствовать, что в первой версии мировой истории, в которую он согласился войти фактически на коленях, ему нет места вообще, при любом сокращении амбиций, даже в хвосте общемировой очереди. В таком отказе русские читают знакомый текст: "Хороший русский – это мертвый русский". И восстают, вливаясь в другую версию – скорее всего в третью.

В этом качестве они могут быть использованы для перевода всемирной стрелки с космополитизма на этноплюральный еврофашизм в модели черного интернационала. Но катализатор исчезнет в реакции. Народ-мутант будет поглощен чуждой ему и омерзительной для него исторической версией. Русская Октябрьская революция 1917 г. была провидческой реакцией на угрозу перевода стрелок мировой истории, Великая Отечественная война – ответом на вызов переводящих стрелки мировых сил. Такое не забывается. Фашизм антинационален для русских, ибо, отстаивая модель доминирования избранных, он никогда в эти избранные русских не включал и не включит.

ЧАСТЬ 6. Институт будущего

Анализируя патриотическую оппозицию, выявляя парадоксы и противоречия в ее политическом поведении, проводя анализы и сравнивая отдельные составные части того, что не представляет, как это видно из анализа, никакой целостности, я вовсе не стремился доказать отсутствие в России оппозиционного политического субъекта. Описывать столь подробно то, что как бы не существует... Вряд ли описывающий после работы такого рода может испытать весь тот комплекс чувств и впечатлений, который привычно именуют самореализацией. Сама по себе эта игра в тотальное отсутствие не представляется мне сколькнибудь продуктивной. Не утешают и ссылки на необходимость расчистить путь иному, тому, что рекламирует себя в качестве нового. Ибо я не понимаю, о каком новом идет речь и почему происходящее у нас сегодня зовет себя новым. А ведь оно настаивает на подобном самоопределении, навязчиво и крикливо рекламируя себя как "новое русское". Что в нем нового? Что в нем русского? Долгое время не слишком искушенное большинство пытались убедить в том, что оно на протяжении двух поколений пребывало в аду, а теперь переходит к нормальной жизни, что капитализм, рынок, национализм, из них вытекающий, ограбление населения (то бишь первоначальное накопление) и прочие реалии того процесса, который, как мы знаем, "пошел", хотя и тягостны, но объективно закономерны и нормальны. Я не принимал и не принимаю этой точки зрения, но, даже становясь на нее, не могу понять, почему это надо называть новым. Скажите в этом случае, что вы – другие русские, иные русские, нормальные русские. Все будет лучше, чем лживо объявлять себя новыми. Еще проще говорить о становлении буржуазных отношений, чья несовместимость с субстанцией российской истории и феноменом небуржуазной метанациональности была показана мной выше. Но ликовать по поводу того, что в конце XX в. в России идет процесс, имевший место в XVIII в., а то и ранее; ликовать, именуя это старое новым, – значит, как мне думается, извращать само понятие нового. Вещи надо называть своими именами. Они от этого лучше не становятся, но приобретают хотя бы минимальную удобоваримость. Итак, я утверждаю следующее.

1. В конце XX в. в России (СССР) произошел сброс исторического времени на два столетия, как минимум. Формирующиеся отношения есть отношения именно старые.

2. Поскольку этот сброс не был подкреплен хотя бы социально-инженерным проектом движения от этого старого – хоть куда-то, хоть в

какое-то будущее, поскольку разрушение было революционным, а созидание почему-то предполагалось эволюционным и органичным, то сброс запустил весь механизм инверсий исторического времени, и мы находимся в ситуации всеобъемлющего регресса.

3. Этот регресс почти не имеет тормозов, и общество может двигаться достаточно далеко в свое прошлое, вплоть до патриархально-родовых отношений.

4. В этом движении возникает особый субъект, именуемый "патриотической оппозицией". Этот субъект борется не против регресса как такового, а за свое место в нем, т.е. он реализует политическую функцию не в политическом, а совсем в ином времени и пространстве. Действуя таким способом, этот субъект начинает мутировать определенным образом и по определенной программе, становясь, по сути, катализатором тех же регрессивных тенденций.

5. В этих условиях особенно пагубно действует фактор иллюзорной модернизации. В случае патриотической оппозиции мы имеем дело с особым и интересным с теоретической точки зрения феноменом двойной иллюзии: демократам казалось (а кое-кому кажется до сих пор), что они догоняют Запад, а патриотам кажется, что они догоняют (вот-вот догонят и перегонят) ненавидимых демократов. Иллюзия догоняния и перегоняния приводит к своеобразному регрессивному консенсусу (выработке правил проведения банкетов и презентаций посреди нарастающей катастрофы).

6. Весь этот процесс скомпрометировал само понятие будущего, нового, качественно иного.

7. Эта компрометация происходит в весьма специфической общемировой ситуации, которая за счет процессов, указанных в предшествующих шести пунктах, из критической прямо у нас на глазах превращается в тупиковую. В результате малоинтересные сами по себе и до предела заангажированные бессубъектные лица – бритые и бородатые, интеллигентные и хамоватые, патлатые и стриженые, лживо-воодушевленные рынком и лживо-скорбящие о былом величии – превращаются в нечто зловещее и, я бы сказал, бессубъектно-значимое, что тоже представляет собой интереснейший феномен, заслуживающий теоретического рассмотрения. Такое рассмотрение не может быть осуществлено без хотя бы краткой экспликации того, что я более или менее условно именую "институтом будущего".

Дело в том, что происходящий в России процесс есть одновременно и существенная часть общемирового процесса. Симптомы глобального неблагополучия множатся у нас на глазах. Россия первой приняла вызов глобального кризиса, и в этом пионерстве есть, мне думается, как крупные и очевидные минусы, так и пока еще почти неуловимые плюсы. Много говорится о циклах русской и мировой истории. Эти циклы не представляют собой для исследователей, которые относятся к истории всерьез (а я отношу себя именно к такой категории), просто модифицированные повторы одного и того же инварианта. Можно сколько угодно описывать морфологические совпадения фаз рождения и умирания цивилизаций. Не зря, видимо, Шпенглер, особо смаковавший смертность цивилизационных субъектов, именовал себя учеником Гераклита. Спор о цикличности, видимо, вообще лишен особого смысла, ибо рано или поздно он адресует к транспонятийному, к символу и неким духов-

ным реалиям, к интуиции целого, к интеллектуальному откровению, говорящему о существовании существенно нового как субстанции общемирового исторического процесса. В связи с этим, не вступая ни в какие особые споры, я просто предлагаю читателю свою модель исторических циклов – не круговых и не спиральных, как это принято, а "пучковых", представляющих собою совокупность сужающихся и расширяющихся потоков, входящих время от времени в критические фазы. Я изображаю их в виде исторических горловин **(рис. 1)**.

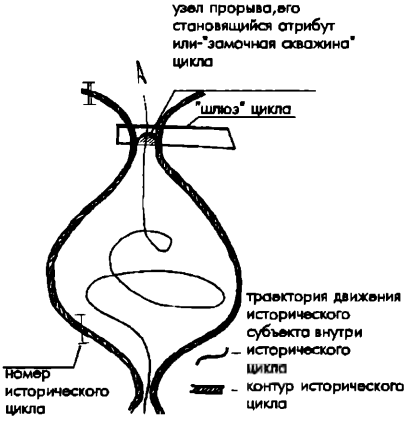


Рис. 1. Модель движения исторического субъекта (народа, цивилизации) в рамках исторического цикла.

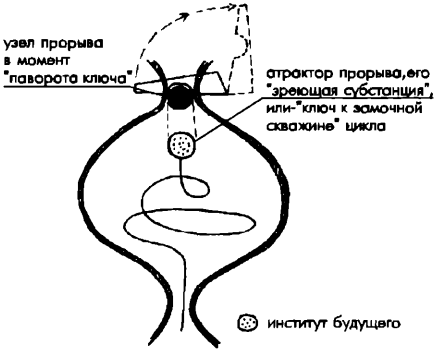


Рис. 2. Модель входа исторического субъекта в горловину между циклами.

Различные цивилизации проходят эти, всегда малоблагоприятные эволюционные горловины различными способами. Описание этих способов могло бы быть (и, видимо, будет) предметом отдельной монографии. Если же свести это описание к образу, то получится следующее: горловины циклов как бы закрыты некими историческими заслонками; цивилизационная субстанция, двигаясь к горловине, все более сжимается, но горловина при этом остается закрытой. Для того чтобы открыть ее, сжатый до предела субъект должен тем или иным способом извлечь

из себя и вложить в историческую заслонку в виде своего "пропуска" некий особый шар, который я и называю "институт будущего" **(рис. 2)**.

Что это за шар? Здесь, как и в вопросе об исторических горловинах, нужно говорить либо очень много, либо почти ничего, адресуясь в последнем случае к интеллектуальному и иному опыту читателей. Что я и делаю. Вложенный в заслонку шар открывает новый исторический цикл, и историческая субстанция данной цивилизации прорывается в новый цикл, трансформируясь и становясь существенно новой. При этом институт будущего в этом превращении играет особую роль, действуя внутри турбулентного исторического потока неким особым образом, сходным с тем, который в термодинамике именуется действием пресловутого "демона Максвелла". Институт будущего сочетает в себе проективно-теоретические формы исторической рефлексии и основанного на ней метаисторического прогноза с формами духовной и "высокой социальной" инженерии. Он является их синтезом, ибо, с одной стороны, его задача – преодолевать энтропию, собирать и вести, т.е. обладать самобытием в катастрофической горловине, а с другой стороны, поскольку исторический процесс в пределах горловин нелинеен, бифуркационен, этот институт не может не проявлять себя теоретико-проективным образом, так как в противном случае перевод потока исторической субстанции в то или иное русло становится неуправляемым, а значит, как показывает теория, вероятность сбросов в мутационные и тупиковые ветви бифуркационной горловины становится слишком большой. В этом смысле институт будущего и знает, и не знает будущее, ибо, двигаясь внутри исторического коллапса, он пребывает и вне его. Разумеется, этот институт обладает и некой социальной организацией, и встроенными механизмами саморазвития, и инфраструктурой развернутых коммуникаций с той исторической субстанцией, частью которой, носителем кодов которой он является. Нет ничего более преступно ошибочного, нежели понимание института будущего как формы, внешней по отношению к движущейся субстанции всемирной и цивилизационной истории.

И здесь мы подходим к главному. Ибо сосуществование этой субстанции со своим институтом строится по-разному в различных цивилизациях. Так, Запад размещает данный институт внутри самого себя, в эпицентре сжимаемого вещества. По прохождении цикла он почти не смещает точку нахождения и контур данного института, прочно сосуществуя с ним **(рис. 3)**.

Комментарий. *Модель 3 демонстрирует конфигурацию западного цивилизационного типа в состоянии относительного спокойствия и комфорта **(рис. 3а)** и в состоянии входа в горловину **(рис. 3б)**. Сам цивилизационный образ представляет собой тело "галактического" типа с осью вращения и соответствующим расположением силовых линий (они же – силовые структуры разного типа).*

Принципиален здесь конфликт церкви с Коперником и Бруно по поводу центра вращения, поскольку весь этот механизм действует при строгом соблюдении главного условия: непрерывной совмещенности цивилизационного ядра с временным вектором,

так называемым "осевым временем", по которому система вращения продвигается к горловине, занимая при этом весь допустимый диаметр.

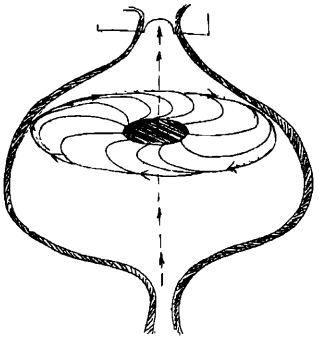


Рис. 3а

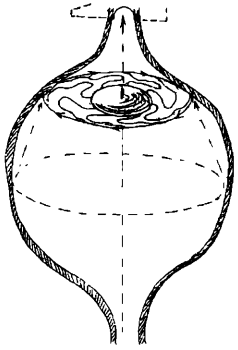


Рис. 3б

В непосредственной близости к горловине ***(рис. 3б)*** *система испытывает резкое усиление давления стенок горловины; ее силовые линии сминаются по всей окружности, не разрушаясь, их упругость и сопротивляемость сжатию повышаются, поддерживаемые центробежной силой. Увеличив мощность внешним давлением, система получает возможность, вращаясь, и продвигаться вверх по оси, и раздвигать стенки горловины, одновременно на них опираясь. После вскрытия шлюза может быть использован способ работы поршневого двигателя.*

Конец комментария.

Напротив, Восток дистанцирует свой институт от сгустка субстанции, включая его в себя лишь в критические моменты прохождения горловин и тут же вновь дистанцируясь от него в новом историческом цикле **(рис. 4)**.

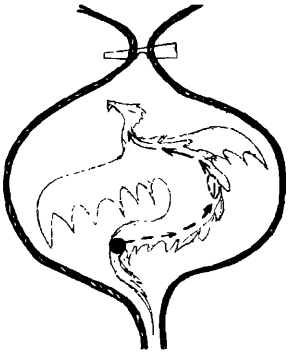


Рис. 4а

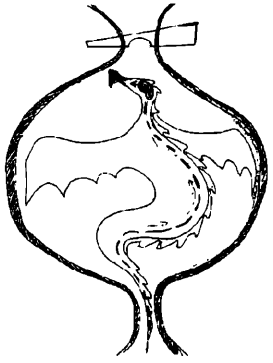


Рис. 4б

Комментарий. *Восточная модель, в отличие от западной "небесной механики", остается телом органическим, но не менее целостным. Говоря о расположении шара института будущего в глубокой периферии, мы подчеркиваем всю значимость самой этой периферии – мощного "хвоста" традиции* ***(рис. 4а)****, который, спускаясь в глубины прошедших циклов, обеспечивает систему "кундалини" восточной цивилизации. Соответственно и движение шара идет не по оси, как в западной модели, а по*

вычлененному узкому каналу, как бы по "позвоночнику", и толкается "лавой" прошлых циклов, нагреваемой тысячелетиями.

Этот "лавовый фонтан", неся шар в головную часть ***(рис. 4б)****, раскаляет его и в конце выплавляет оружие (условно – "клюв дракона"), которым вскрывается запечатанная горловина. Затем той же лавой вскрытая горловина продувается (условно "огненное дыхание дракона").*

"Крылья" цивилизационных институтов для восточного типа имеют, помимо основной функции, побочную – сопротивление сжатию.

Конец комментария.

Трагедия российской истории состоит в том, что институт будущего не формируется как обособленный контур того или иного типа, а выплавляется каждый раз заново из самой субстанции истории в ее критические периоды. Я могу подтвердить это свое утверждение большим числом примеров как философского, так и духовно-символического плана, но ограничусь лишь всем знакомой "Сказкой о Коньке-Горбунке", где этот механизм описан достаточно подробно. Чем чревата подобная игра в историческую рулетку? Прежде всего тем, что при максимальном сжатии при минимальных сроках прохода через горловины формируется экстремальный институт будущего, рассчитанный

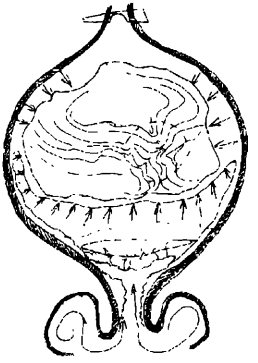


Рис. 5а

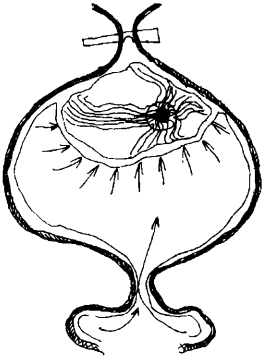


Рис. 5б

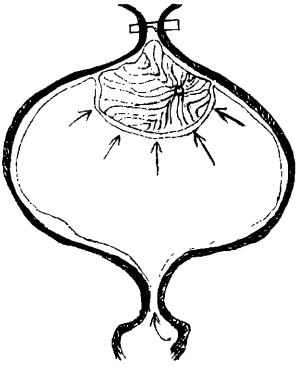


Рис. 5в

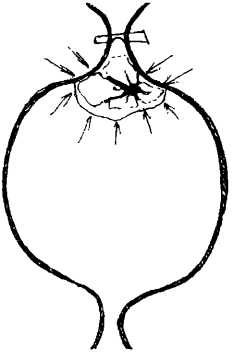


Рис. 5г

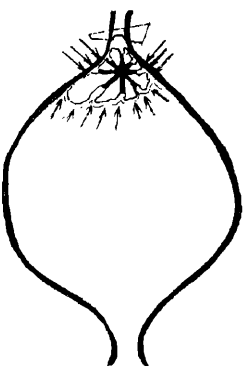


Рис. 5д

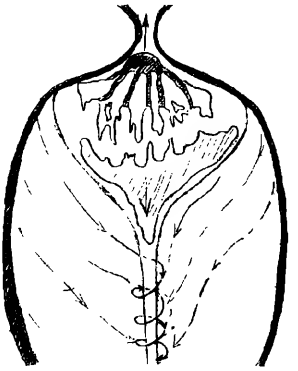


Рис. 5е

на катастрофичность ситуации, который располагает такими технологиями и ведет к таким издержкам, что становится враждебен основной исторической субстанции, которая, получив родовую травму, настолько истончается, что для существования в горловине оказывается вынужденной втянуть институт будущего и растворить в себе для своего константного воспроизводства (уже воспринимая его при этом как супостата и еще раз самотравмируясь). Тем самым информационные гены, несущие знание о горловинах, частью тают, переваренные необходимостью линейного функционирования основной субстанции, и память, опыт исчезают, а часть оставшихся субстратов института будущего в силу его экстремальности воспринимается резко отрицательно и отторгается как угроза для жизни. Полуразложившийся остов института будущего заполняется презирающими детьми. В результате складывается такой новый исторический контур, который не способен включить в себя понятие новой горловины и тем более рассчитать траекторию полета. В этой ситуации каждая новая горловина требует от исторического субъекта такой степени саморазрушения, которая, во-первых, снимет запрет на ненавидимый институт будущего, а во-вторых – высвободит достаточно энергии и для формирования механизма прошибания двери в будущее, и для самого этого прошибания.

Комментарий. *Особенность этого последнего цивилизационного типа заключается, во-первых, в аморфности и рыхлости самой субстанции* ***(рис. 5а)****, о чем постоянно твердят геоглобалисты и все, кому не лень, и, во-вторых, в наличии "мешков" отработанных исторических шлаков. Это хранилище отработанного материала, иначе "лавка старьевщика", превращается в колыбель "бесов", которые поедают пространство современного и последующих циклов, создавая внутреннего агрессора. Этим объясняется необходимость перегородки в виде пломбы революционной идеологии. Такое ее использование цивилизацией делает совершенно неизбежным ее окостенение при бетонировании "дыры в преисподнюю", где начинается брожение закупоренных отходов. Износ нереформируемого идеологического блока приводит к его*

смещению, а затем просто к слому под давлением подводных течений и времени (в его активных формах); постисторическое вещество из отстойников вторгается в цикл и давит на цивилизационное тело, тесня его к горловине. Изолинии сдавленного цивилизационного тела сминаются, и там, где при первом толчке было просто их скопление ***(рис. 5а)****, теперь появляется затемнение* ***(рис. 5б)****. При следующих толчках* ***(рис. 5в)*** *оно превращается в небольшой пузырь (еще не ядро), а затемнение распространяется передачей по пикам флюктуаций, образуя флюктуативные ленты.*

Поскольку давление растет, а жизненное пространство сокращается ***(рис. 5г)****, то возникает наконец ядро института будущего (перерожденная сверхплотная масса), которое уже существующими ремнями (бывшими лентообразными затемнениями, уже оформившимися в вытянутые плотные сгустки) удерживает телесную массу, быстро формируя новые крепления.*

К тому моменту, когда давление становится критическим, ядро этими уже стянутыми ремнями выжимает из массы тела строительное вещество для себя, одновременно уменьшая его объем и проталкивая в горловину ***(рис. 5д)****. (Существенно необходимо, чтобы внутреннее давление повышалось быстрее внешнего.) Однако довести соотношение объемов тела и института будущего до оптимума цивилизация не успевает, так как процесс переходит в стадию временного взрыва, когда сами стенки контура приходят в движение и смыкаются в воронку с поворотом стрелы времени* ***(рис. 5е)****. Под угрозой немедленного затягивания институт будущего успевает только развернуться и, войдя в горловину, открыть шлюз, пронося как бы "в когтях" удерживающих оснований, расположенных в тыловой части сгустка – в следующий цикл лохмотья плотно схваченной части цивилизационного организма. Оставшаяся значительная часть срывается и уходит в воронку, пополняя полости захоронения субстанциональных отходов.*

В этом историческом процессе активно действует время, более активно, чем в других цивилизациях (в западной оно – циклично, а в восточной играет роль пассивного катализатора). Здесь оно импульсивно, взрывно, и в этом смысле можно говорить об исторических дельта-функциях времени применительно к данному типу цивилизации.

Собственно субстанциональная рыхлость цивилизации заключает в себе, с одной стороны, опасность оборотничества, химеричности принимаемых форм, а с другой преимущество выбора и самовыращивания скелета института будущего в соответствии с духом времени.

Конец комментария.

Такой метод движения в будущее заставляет цивилизацию не только не избегать разрушений и дискомфортов при сжатии "горловины", но в каком-то смысле "ждать" такого давления, такой степени раскаленности своей массы, при которой наконец гром грянет, и в хаотическом верчении сплющенной массы возникнет вероятность флюктуации, близкая к единице. Эта бесконечная эксплуатация создания института будущего в отсутствие ядра методом достижения флюктуации за счет усиленных потрясений неизбежно ведет к тому, что каждый новый институт будущего и каждая новая горловина все более дорого стоят цивилизационному субъекту, поскольку при глобальном истощении требуют все большей жертвы при стремительно убыстряющемся времени. И сказать здесь что-то в упрек оппозиции, как современной, так и прошедшей столыпинской, было бы огромной несправедливостью, ее роль – ведение боев в арьергарде истории; ибо ее усилиями, как и усилиями Сто-

лыпина у порога прошлой горловины, или – Алексея Михайловича Романова у порога горловины пред-предшествующей, замедляется темп сжатия субстанции у порога истории, т.е. в преддверии очередной исторической горловины.

Мы, таким образом, начинаем находить некий смысл в кажущейся бессмысленности и абсурдности действий нашей политической оппозиции. Все эти кривлянья, гримасы, все эти разрывы, гротески и несоответствия – не только комичны, но и трагичны, не только абсурдны – но и осмысленны, потому что представляют собой как бы "страдания умирающей ткани". Я не хочу смеяться над этим, не хочу надменничать в микроне от катастрофы. Если старая оппозиция, если все наше "старое" выдержит "бои в арьергарде истории" – честь ему и хвала.

Важно, чтобы старое не задушило в объятиях формирующийся институт будущего. Задача-минимум – не допустить этого и, помогая арьергардным боям, внося хоть какой-то порядок в их хаотичность и хоть какую-то пластику в их неудержимую судорожность, вести основную работу над институтом будущего. Задача-максимум – сформировать институт и обеспечить прорыв уже в первом десятилетии XXI в.

Сверхзадача – добиться совместимости нового института с исторической субстанцией, снять антагонизм, сохраняя способ исторического движения – трансформировать его, спасти тем самым от очередной катастрофы *просто людей*, то главное, ради чего мы мыслим и существуем и над чем не смеем приподыматься, становясь в надменную позу неких экспериментаторов и знатоков. Хотим мы или нет, но, отдавая дань Алексею Михайловичу, мы должны видеть при всех аномалиях и отклонениях роковое и вместе с тем просветленное историческое величие Петра I. Хотим мы или нет, но, отдавая дань Столыпину, Витте и даже Деникину, мы должны без патетики, трезво и в чем-то даже жестоко анализируя фигуру Ленина, видеть его историческое величие, причем величие иное, нежели у его антагонистов. Здесь не может быть смешения авангардистов с арьергардистами, чем пробавляется сегодня эклектическая старая оппозиция.

Иное напряжение мысли нужно, чтобы проникнуть в суть и понять полярность и единство, понять неизбежность двойственности и место ее элементов в тройственном целом. Если мой разбор типов "институтов будущего", при всей его неполноте и пунктирности, хоть в чем-то поможет такому пониманию, я буду считать решенной хотя бы часть задачи-минимум. Но не сниму с повестки дня ни главной задачи, ни сверхзадачи. Ибо XX век – особое время в развитии цивилизации, и новые циклы не суть повторение старых.

Возможно, открыть заслонку и пройти горловину не удастся. Тогда цивилизация начнет испаряться. Но это будет особый тип испарения. Не тот, с помощью которого уходили из истории нынешние мертвые цивилизации. Может быть, это описание, мною проделанное, объяснит мыслящему меньшинству мира, что его ожидает даже не испарение некоего важного элемента симфонического целого, а колоссальный и смертоубийственный взрыв в узле сжатой и не проходящей в новый цикл русской субстанции. Как может выглядеть этот взрыв? Я уже много писал о фашизме. Это отдельная тема, и здесь я лишь кратко обозначу самое важное.

В случае неоткрытия горловины конфликтность цивилизационного субъекта со своим институтом будущего возрастает существенно и нелинейно, происходит симбиоз старого и нового, т.е. мутация. Это соединение порождает особого монстра, который питается всем веществом субстанции, превращая его в антивещество. Соприкасаясь со стенками цикла и полостями циклов, антивещество взрывается, уничтожая форму и разнося обломки этой формы далеко за пределы зоны истории данной цивилизации. Вулкан антивещества выплескивается, накрывая других черной лавой и исторически аннигилируя все смысловое и историческое субстанциональное вещество всеобщей истории. Ни каналов изоляции, ни кладбищ исторического захоронения не будет. Будет – **НИЧТО**, действительно ставшее в этот момент всем. Будет исторический коллапс.

Завершая этот анализ, в котором мне хотелось совместить практический и теоретический дискурс, я могу в очередной раз выделить его ключевые моменты.

Это, во-первых, утверждение о догоняюще-модернизационном характере нашей патриотической оппозиции, образно говоря, "догоняющей догонятелей".

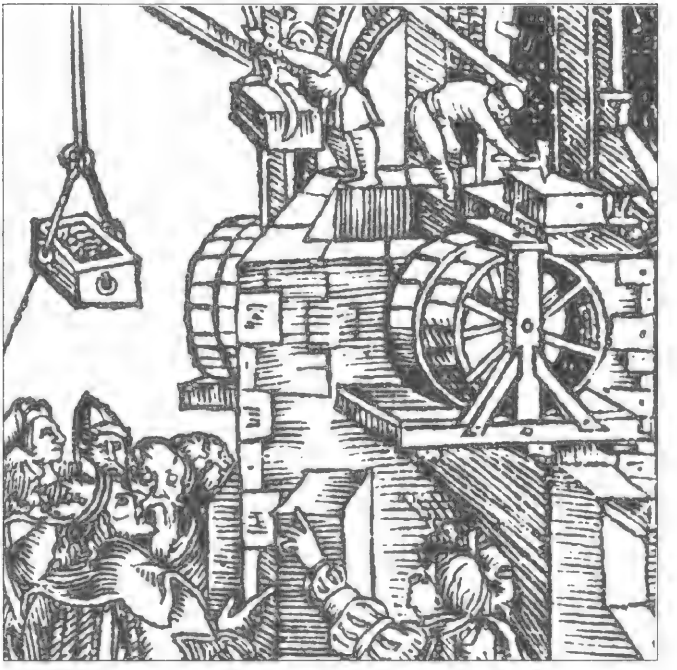
Это, во-вторых, динамика гротескных превращений, вызванных догонятельной квадратурой, взятой в виде стратегии действия.

Это, в-третьих, образование запрещенной, заколдованной зоны в мышлении, называющем себя патриотическим. Это мышление не в силах выйти в ключевых вопросах за пределы навязанных ему форм субъектности и типов исторического движения. При этом исчезновение метаформы, авторского изобретения русской культуры, производимое под фанфары патриотизма, добивает Россию как субъект мировой истории, а не отстаивает ее.

Это, в-четвертых, расшифровка причин подобного извращенного действования, расшифровка технологий формирования усеченного и деформированного мышления через введение понятия "бои в арьергарде". Введя это понятие, я задним числом объясняю и исторически оправдываю этот тип поведения. Вместе с тем проблема нового встает во всей ее полноте. Решить эту проблему – т.е. создать институт будущего и осуществить прорыв – суть не теоретическая или не только теоретическая задача. Работая на ее решение вместе с другими, я верю и в будущее, и в прорыв. Что касается понимания, то важнее всего, наверное, понять всю неизбежность решения нами именно этой задачи. Здесь и судьба России, и судьба всемирной истории.

СИСТЕМНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА КРИЗИС: ПОТЕРЯ УПРАВЛЯЕМОСТИ

З. КУЧКАРОВ



Современному кризису дается системная управленческая трактовка. Неэффективность общественного функционирования и развития объясняется неадекватностью процессов выработки и принятия решений. Центральным элементом объяснительной схемы при такой точке зрения становится так называемая *потеря управляемости.*

Методами восстановления управляемости и придания целостности и эффективности решениям занимается оригинальное отечественное научно-техническое направление, объединенное в Ассоциацию концептуального анализа и проектирования. С позиций этого направления объясняется и обосновывается минимальный организационный инструментарий субъекта реформ, а также иной, системный принцип разделения властей, необходимый для эффективного развития.

© Кучкаров З.А., 1995

З. КУЧКАРОВ

1. Каждый в отдельности умный, а все вместе – ...

О неэффективности произведенных в стране "обобществления", "огосударствления", "идеологизации" и прочего сказано немало и сломана бездна "научных" и публицистических копий. Вместе с тем очень мало говорится о том колоссальном пласте, в котором, на наш взгляд, заключена масса не осмысленных до сих пор "таинственных" явлений. В нем сокрыты *причины краха Системы, ее научная и методологическая несостоятельность, детективные завязки (sic!), культурные проплешины и неумолимая инерция дальнейшего штопора*. Речь идет об организации и управлении. Система, имевшая фактическую возможность (невиданную доселе в истории!) манипулировать колоссальными ресурсами (природными, людскими, интеллектуальными...), одновременно имела к.п.д. ниже, чем у паровоза. У этой непостижимой неэффективности, а зачастую и полной бессмысленности функционирования системы при огромной растрате ресурсов есть вполне определенное, системное наименование – потеря управляемости. Над ресурсами одной шестой части суши господствовала неадекватная система управления.

Но что же такое потеря управляемости? Хотя эти слова за последнее время побывали на устах и в статьях и публицистов, и даже высших чиновников России, их содержание как специальных терминов требует некоторого внимания и терпения[1].

2. Что такое управление и так ли уж легко и приятно управлять?

2.1. Из их истории

Так уж получилось, но в силу определенных обстоятельств в нашей стране узнавали об управленческих инновациях Запада в первую очередь в военной, а не гражданской сфере. Поэтому и наш экскурс в историю будет слегка "милитаризованным".

В 1961 г. в Министерстве обороны США одновременно были внедрены две системы: "планирование–программирование–разработка бюджета" (PPBS) и анализ систем (systems analysis). На внедрение был "брошен" Чарльз Хитч, помощник министра обороны по финансово-контрольной службе[2]. Принципы планирования и программирования военного бюджета оказались настолько удачными, что распоряжением президента Л.Джонсона были затем распространены на все федеральные ведомства.

---

[1] Мы рассматриваем здесь природу кризиса примерно так, как это видится с позиций одного из оригинальных направлений системного движения, называемого *концептуальным проектированием систем организоционного управления* ("КП СОУ") и развиваемого Ассоциацией концептуального анализа и проектирования под руководством С.П.Никанорова. Вместе с тем настоящий текст не является ни результатом специально поставленной работы, ни полноценным ответом направления КП СОУ на проблему, и ответственность за него несет только автор и составитель настоящего текста. Прямым цитированием из трудов концептуалистов являются п.п. 2.7 и 4.4.

[2] Проведя на этом посту 5 лет и практически применив научные разработки корпорации РЭНД (RAND Corp.), Хитч стал затем президентом Калифорнийского университета.

В прошлом и в настоящее время в оборонной и внешнеполитической сфере эксплуатируются десятки машинных систем организационного управления (PPBS, QUEST, PATTERN, PERT, DOD, PARA и др.). Завершена работа над созданием единой разведывательно-информационной системы DOD Intelligence Information System. С учетом разных уровней управления, возникли целые "связки" или сети систем организационного управления.

По типам систем организационного управления в деловой и промышленной сфере счет идет на сотни. При этом важно отметить "социокультурный" аспект организационного управления. Вот, скажем, в Европе давно существует Ассоциация INTERNET, объединяющая сотни фирм, специализирующихся на управлении проектами (project management) и предоставляющих услуги правительственным органам и частным компаниям. И вся эта обширная деятельность *"социализировала", ввела в культуру,* по существу, только один из типов систем организационного управления – PERT, известный у нас как СПУ – система сетевого планирования и управления.

Обратим внимание – это принципиально важно с той точки зрения, которую мы проводим в настоящем тексте, – речь идет не об органах (Совет национальной безопасности, или Комитет начальников штабов, или еще что-то), а о системах – системах организационного управления (СОУ).

2.2. Легко ли быть "объектом управления", или Управляемость объекта

Если речь идет не об органах, а системах управления, то чем управляют эти системы, каковы их объекты управления? Хотя этот вопрос предметно интересен, нам все же придется порассуждать о более отвлеченных вещах. Можно ли "управлять обороной"? "Управлять безопасностью"? Что значит управлять проектами, какими такими свойствами обладают проекты, что ими можно управлять? Чем или кем, вообще говоря, можно в принципе управлять? Иначе говоря, обладает ли *нечто* свойством управляемости – вот в чем вопрос. Что это за свойство?

Далее, если нам укажут на это свойство, можно ли будет, поглядев на объекты (пусть даже смотреть придется достаточно долго и пристально), однозначно сказать: да, вот ЭТИМ можно управлять, вот ЭТО управляемо, а вот ЭТО не управляемо. Совершенно не вызовет сомнений вопрос о том, можно ли управлять кирпичом или автомобилем – первым, скажут, нельзя, вторым можно. После некоторых раздумий могут появиться оговорки... Типа: ну, при условии, что не в кромешной тьме... Менее очевидным покажется вопрос об управляемости школьного класса или процесса строительства крупной электростанции. Совершенно безапелляционен (благодаря усилиям публицистов-ниспровергателей) будет, конечно, ответ на вопрос об управляемости экономики или народного хозяйства – нет, нет, чур меня, нет! И совсем неочевиден, но, черт возьми, до зарезу необходим ответ на вопрос, управ-

ляем ли процесс реформы так называемых "социалистического хозяйства" и "тоталитарного государства".

Но – к делу. Эти свойства давно известны каждому грамотному специалисту по теории управления. Итак:

Во-первых, объект должен иметь определенные *границы*, которые объективно не могут быть произвольными, а должны выделять некоторую *целостность.*

Во-вторых, объект должен быть *наблюдаем* – проще говоря, его, а точнее, интересующие нас стороны объекта надо "видеть" регулярно и достоверно.

В-третьих, должна иметься возможность на объект *воздействовать,* и в ответ на известные воздействия объект должен *реагировать известным и гарантированным образом.*

Итак, целостность – наблюдаемость – управляемость. Как минимум такой тройкой свойств объект должен обладать (мелким шрифтом добавим: обладать не "вообще", а только по отношению к субъекту, его целям и возможностям).

2.3. Вторая природа – мир решений

Заранее соглашаясь на любой "изм" из уст философов (можно, например, назвать это объективным идеализмом), мы объясняем *происхождение* этих самых объектов следующим образом.

Окружающий нас мир (за вычетом так называемой "природы") состоит из материализованных решений, и ничего, кроме решений, во "второй природе" не существует. Дома и дороги, парки и магазины, сорта колбасы, типы самолетов и расписание их полетов, рождение детей и состав воды в кране являются результатом *кем-то, когда-то, как-то* принимаемых решений. Более того, пробки на дорогах, очереди в магазинах, конфронтация с соседним государством и даже вспышки давно побежденных инфекционных болезней тоже являются следствием *кем-то, когда-то, как-то* принятых решений. "Наш мир хорош настолько, насколько хороши решения" (С.П.Никаноров).

"Допусти технократов к реформам... – скажет экономист. – Ну каким еще решением определяется равновесная цена? Нет, конечно, цены можно и назначать высочайшим решением, но только это мы уже проходили и это уже не экономика".

Согласимся с ним при глубоком уважении к его предмету. Действительно, если вырабатывает, принимает и реализует свои собственные решения великое множество единичных субъектов, то на экономику придется смотреть, как на некий "неидеальный газ" решений. "Атомарные" решения сталкиваются друг с другом, отражаются или слипаются в "молекулы". Возникают макрокачества, не сводимые к набору решений-атомов и называемые "температурой", "давлением", "объемом", а если перейти к экономическим интерпретациям, то, соответственно, "равновесие спроса и предложения", "перепроизводство", "рынок товаров" и пр.

"Это еще можно стерпеть, если уж вам, физикам, так удобнее понимать экономику, – скрипит экономист, – но уж вы тогда со своим "управлением" не вылезайте дальше этого самого "атома".

Мы бы рады, только ведь нет у нас этих самых единичных экономических субъектов, да еще и "цивилизованных". Что же, ждать триста лет, пока народятся, посталкиваются лбами и займут форму приличного сосуда с цивилизованным "объемом", "температурой" и "давлением"? Некогда, некогда нам...

Так что придется принимать решения, тем более что все равно принимаем, да и за бугром не чураются. Просто решения могут быть и другого сорта – обо всем "газе" элементарных решений. Если развивать аналогию с газом дальше, то, это, например, решения о разветвлениях трубопровода или углах поворота вентиля – это всего лишь другой уровень решений. Если быть точным, то это *решения о решениях*, об условиях или правилах их выработки на атомарном уровне. "Рейганомика", "Клинтономика", да и *решительные* (!) действия Рузвельта в период Великой депрессии) – это, как ни крути, не "чистая" экономика, а, если угодно, РЕШЕНОМИКА.

...Такой вот получился содержательный раздельчик некой "общей решенологии".

2.4. Что о решениях говорит решенология?

Решения имеет смысл вырабатывать только относительно целостностей. Управлять кусками целостностей настолько же бессмысленно, насколько строить плотину до середины реки. И если *системные* границы проходят по одним линиям, а *ведомственные* по другим, малопродуктивно заниматься "сокращением штатов", менять министров, ругать бюрократию. Вначале то, относительно чего вырабатывается управленческое решение, должно быть реконструировано как некая определенная целостность. Система управления должна быть построена над этой целостностью. Иначе одна система сегодня асфальтирует, а другая назавтра вскрывает канализационные трубы.

Что это за целостности, сколько их всего и какие они бывают – об этом чуть ниже. Как их восстанавливать в системе управления, дело профессионалов-системщиков.

Но сколько и каких решений необходимо? Начнем с *количества решений.* Наши чисто умозрительные прикидки таковы.

Выбор сорта колбасы покупателем – это 1 решение, выбор специальности абитуриентом – 2 решения (институт и факультет), проведенная брокером торговая операция – 6 – 10 решений, проект новой авторучки, вымучиваемый конструктором, – 100 – 200 решений, жилой дом – 1000 – 10000 решений, автомобиль – 10000 – 100000 решений, самолет – 100000 – 1 млн. решений, бизнес-план – 100 – 10000 решений, развитие региона – 1 млн. – 100 млн. решений, народное хозяйство – 1 – 1000 млрд. решений.

Меня, как говорил поэт, не поймаете на слове. Знаю, что отвечают на эти выкладки: "Решений мы напринимали много, а толку чуть – они же не выполняются". Так вот теперь *о качестве решений.*

Наш ответ предельно прост и на первый взгляд смахивает на отговорку или уловку. Но тем не менее в этом пункте мы ортодоксальны: ***то, что не выполняется, не является решением***. По определению. Если вы "решили" покупать колбасу останкинскую, потом развернулись и вышли из магазина, значит, ничего вы не решили. Если ресурсы ограничены, а исполнители тупы (т.е. тоже в некотором смысле ограниченны), то решения должны включать в себя все эти факторы. Т.е. решение – это то, что удовлетворяет всем ограничениям. Главное его качество – это именно "быть решением", т.е. удовлетворять ряду логических и системных требований. Интенции, благие намерения, пожелания – это не решения. Решение – это сконструированная, добротно сделанная "вещь" (не зря еще с 50-х гг. американцы говорят: decision making).

Насчет "материализации духа" (т.е. решений), о которой шла речь выше, сделаем оговорку, которая, по существу, является одним из специальных разделов решенологии. Эта оговорка уточняет понимание тезиса о том, что мир есть результат реализации решений. Да, он является таковым, но в той или иной степени не точно таким, каким ему предписано было стать согласно решениям. Такая "недоматериализация" или, если угодно, "перематериализация" решений – неустранимое свойство самих человеческих решений. Поскольку они основаны не только на точных знаниях (которые сами всегда ограниченны), но и на некоторых явных или скрытых предположениях, постольку были, есть и будут неучтенные последствия одних решений, требующие принятия других, новых решений. Это во-первых.

И, во-вторых, поскольку субъектный мир рефлексивен (см. п. 4.5.3), зачастую прогнозы, даже самые маловероятные, приобретают свойства решений, т.е. материализуются, а решения, даже не самые болезненные для общества, приобретают свойства неудачных прогнозов. Скажем, к примеру, если кому-то нужно, чтобы курс рубля упал, надо выдать "авторитетный прогноз", что он будет падать. И он упадет как миленький, ибо, руководствуясь этим прогнозом, начнут скупать валюту... Но на этом конец оговорки.

2.5. Процесс определяет результат

Итак, мы договорились: нам нужно много решений, хороших и разных. Как их получать? Тут мы вновь ортодоксальны: хотя существуют книжки, типа "Искусство решения проблем", эвристика и, конечно, интуиция и опыт мудрых людей, тем не менее на сегодняшний день хорошие, комплексные решения являются выходом, результатом весьма "высокой" технологии процесса выработки решений (я бы предложил – decision manufacturing). Процесс выработки решений и составляет ядро т.н. системы организационного управления – СОУ.

СОУ – вещь тривиальная только на первый взгляд и исходя из укоренившихся на высших этажах власти представлений. Но вовсе не тривиальны СОУ крупных концернов и транснациональных корпораций, СОУ оборонного комплекса США. Это масштабные, сложные, человеко-машинные системы с комплексом регламентирующей документации, моделей, техническими средствами, другими видами обеспечений. В одной и той же организации или ведомстве могут одновременно эксплуатироваться десятки разных СОУ.

Что же такое СОУ? Формально СОУ – это материализация некоего проекта (об этом подробнее чуть ниже). А содержательно проект СОУ – это ответ на пять вопросов:

КТО? – КОМУ? – ЧТО? – КАК? – КОГДА?

Начнем с ЧТО, это – главное, и об этом мы уже говорили. ЧТО – это типы решений, которые подлежат формированию в данной СОУ. Это также и все исходные и промежуточные данные, на которых основываются решения. Это посылки, которые принимаются без доказательств. Это обоснования и мотивировки решений.

КАК – это некие предустановленные организационно-управленческие правила, рутина (т.е. "порядок", "программа") преобразования входных данных и отправных гипотез, целей и ограничений в проекты решений, правила их документирования, передачи, хранения, использования, корректировки.

Если определены формы входов и выходов этих процессов, если имеются инструкции по преобразованию данных, квалификационные требования к лицам, участвующим в процессах, формы и виды их ответственности, описания необходимых технических средств и других видов обеспечения, можно говорить об *организационных процедурах*. Грубо говоря, организационные процедуры определяют КТО ЧТО КОМУ КАК КОГДА должен:

– сообщить – передать – поручить – узнать и т. д., чтобы:

– выяснить текущее состояние объекта управления;

– сравнить его с желаемым состоянием объекта (это "желаемое" надо для начала четко представлять – о нетривиальности целеполагания, т.е. создания образа этого желаемого см. п. 4.2);

– установить смысл различия текущего и желаемого состояния объекта и оценить значение этого различия;

– выработать альтернативные варианты решений;

– выбрать вариант, т.е. принять решение, взять на себя ответственность;

– сформировать и произвести требумое и допустимое (с учетом всех ограничений) воздействие на объект управления[3]. КАК – это каналы связи, алгоритмы вычислений, формы документирования и передачи решений.

---

[3] По существу, только последнее есть власть, точнее, функциональная роль власти. А все предыдущее – это технология управления плюс компетенция. В существующих организационных формах выработка решений и властные отношения не разделены. И решения хороши по одному тому, что принадлежат лицу, наделенному властью ("Ты начальник, я ..., я начальник, ты ... "). Проектирование процессов выработки решений неизбежно затрагивает властные отношения.

КТО и КОМУ – здесь разделение ролей имеет принципиальное значение. Это лица, ответственные за *выработку* решений, и лица, ответственные за *принятие* решений, лица, дающие экспертные оценки, и лица, обеспечивающие рутинные процедуры, и т.д. Каждый из них должен точно представлять, что, когда и кому он передает, что, когда и от кого получает.

КОГДА – это согласование последовательных и параллельных действий персонала СОУ, временные точки запуска и окончания тех или иных процедур.

Заметим, что все пять компонент СОУ взаимозависимы, но некоторые могут приобретать в каждом конкретном случае превалирующее значение. Если проектируется "*КТО-центристская*" СОУ, т.е. персональная система организационного управления, а не, скажем, проблемная, то ЧТО – предмет и типы решений – ограничивается областью интересов лица, а КАК подбирается под эти обстоятельства. Если проектируется "*ЧТО-центристская*" система, то главным является предметная область, проблема, типы решений, управленческие функции, а лица (КТО–КОМУ), методы и технология управления (КАК–КОГДА) подбираются, проектируются под решение проблемы. Наконец, если создаются "*КАК-центристские*" системы, то организации строятся вокруг мощных организационных методов, т.е. принимаются в рассмотрение те проблемы, решение которых стало возможным благодаря возникновению этих мощных методов.

2.6. Управляемость и концептуальное правовое регулирование

Какие бы новые экономические, социальные и другие *аспектные* отношения (в т.ч. *организационные)* реформаторы ни собирались вводить, надо помнить, что существовать эти отношения могут только *в форме* реальных правовых отношений, часть из которых присутствует в формально определенном праве (здесь, не вдаваясь в дискуссионные глубины, будем различать реальные правовые отношения и формально определенное право, как право и закон).

В 1988 г. в одной из наших прикладных разработок говорилось о том, что модная в то время идея о предстоящем колоссальном сокращении объема регламентирующей документации, так сказать, "глобальном нормативном разоружении" – миф, который быстро развеется, а нормотворчество вновь наберет обороты, причем на той же самой негодной (см. п. 3.1) юридической технике. Правоведы из Института Государства и Права слушали нас с мудро-снисходительными глазами. Но вот избрали народных депутатов СССР, и за год Верховный Совет принял около 130 (!) законов. Не отставал и ВС, а теперь и Госдума России, трудясь в первом чтении и корпя во втором, а конца-краю списку законов не видно. Из них законов прямого действия немного. А ведь ко всем остальным требуются подзаконные акты, конкретные нормативно-методические документы.

Вместе с тем *идея сквозного, сверху донизу, нормативно-правового регулирования, комплексного, внутренне непротиворечивого, лег-*

ко обозримого, легко изменяемого и адресного, для нас не выглядит утопией.

Подзаконный акт конкретизирует обобщенные правовые отношения. Конструктивной идеей, делающей реализуемым такой принцип сквозной подзаконности нормативных документов, является *свойство и принцип всеобщей обусловленности решений* (да, вновь – решений). Ибо "гражданин имеет право на труд" – это не закон природы, а решение, которое приняло данное общество. Оно *абстрактно*, это решение, но есть КЗОТ, который его *конкретизирует*, подробно регламентируя действия работника аппарата, работодателя, работника, судьи... (А кроме как от абстрактного к конкретному, увы, ничего не получится.) Документ более высокого уровня фиксирует решения, являющиеся основанием для принятия документа нижележащего уровня. Этот последний фиксирует решения, конкретизирующие то социально-приемлемое нормативное разнообразие поведений, действий, объектов и т.д., которое предопределено "предрешением".

Концептуалистами показано и теоретически (1988 г.), и (на ограниченных примерах) экспериментально (1990 – 1994 гг.), что можно сконструировать такой процесс формирования сложных комплексов нормативных документов – от основополагающих до низовых, – при использовании которого будет гарантированно достигаться целостность комплекса, его полнота и непротиворечивость, однозначность трактовки и возможность вносить изменения на любом уровне и в любой фрагмент без нарушения логичности. Более того, становится возможной автоматизация этого процесса, а следовательно, быстрый выпуск и перевыпуск комплекса или, скажем, мгновенный ответ на запрос о том, какими документами и статьями регулируется конкретная хозяйственная либо иная ситуация.

Законодатель или иной орган, выпускающий нормативные документы, в рамках описываемого процесса должен принять решение лишь о принципах регламентации рассматриваемой предметной сферы, а их последовательное и точное воплощение в статьях становится делом разработанной нами юридической техники. Заметим, что *наш опыт в конкретизации (без логических перескоков) реально показал чрезвычайную чувствительность низовых документов к тем отличиям в основах, принципах, которые заложены в высшем документе.* Например, регламентируется сфера использования обществом экстремальных систем (АЭС и т.п.). В законе может быть записано, что "граждане имеют право на безопасность от экстремальных систем", или что "граждане имеют право на компенсацию ущерба от экстремальных систем", или что "государство гарантирует гражданам безопасность от экстремальных систем". В первом случае на низовом уровне появится, в частности, регламентация процедур получения информации и контроля любым гражданином того или иного процесса, связанного с экстремальной системой. Во втором случае – правила определения ущерба и нормативы компенсации за установленные типы ущерба. В третьем случае появится регламентация действий госорганов по обеспечению безопасности экст-

ремальных систем на всех стадиях их жизненного цикла – от проектирования до ликвидации.

2.7. Легко ли быть "системой управления", или Управляемость системы

Человеческие организации имеют нормативный характер, т.е. сознательно создаются людьми из людей и технических средств для достижения определенных целей и по миновании надобности ликвидируются. Известно, однако, что после создания организации, несмотря на мощные средства, удерживающие ее в рамках ее нормативной конструкции, она нередко сама определяет свои цели, интерпретируя предъявленные к ней требования как ограничения.

Организации являются *труднонаблюдаемыми* объектами – многие их процессы не наблюдаемы непосредственно. Организации имеют большие масштабы, подвижны, их процессы рассеяны во времени и пространстве, что требует при современных методах наблюдения большого количества наблюдателей, сравнимого с числом руководителей и даже исполнителей.

Организации *рефлексируют* любое воздействие, поэтому крайне затруднено экспериментирование с организациями.

Организации в условиях смены экономической, научно-технической, технологической политики представляют собой "напластования" решений различных "эпох". В целом организации представляют собой постоянно перестраивающееся здание, части которого построены по разным, плохо согласованным друг с другом проектам. Их *недостаточная управляемость* проявляется:

– в трудностях указания цели и методов проведения отдельного мероприятия;

– в трудностях определения действительных последствий проведения мероприятия;

– в трудностях определения взаимозависимости отдельных мероприятий; и, наконец,

– в удивительной неэффективности проводимых мероприятий.

Обеспечение управляемости системы управления – это сложная, крупномасштабная проблема. Главное здесь – развитие технологий, позволяющих контролируемым образом создавать и изменять организации в приемлемые сроки.

Под "проектированием организаций" понимается процесс, приводящий к проекту организации. Проект организации – это комплекс документов ("регламентирующая документация"), определяющих части организации и их взаимодействие и позволяющих обеспечить контролируемое создание и изменение организаций.

Далее, деятельность организации настолько хороша, насколько хороша ее система управления, определяемая проектом. Поскольку, как известно, человеческие организации норовят отклониться от регла-

ментации, то соответствие деятельности организации ее проекту поддерживает специально проектируемая *система ответственности*[4].

Если рассматриваются те или иные недостатки деятельности организаций, то внимание должно быть обращено главным образом на содержание документации. *Если же рассматривается проблема управляемости, то внимание должно быть обращено на способ, каким задана документация.* Таким образом, проблема проектирования организаций распадается на две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные части: собственно проектирование организации и обеспечение управляемости проектируемой системы управления (организации).

Условием управляемости является возможность рассматривать, анализировать и изменять содержание регламентирующей документации как целого. Но масштабы, сложность, интегрированность и динамичность регламентирующей документации при используемых способах представления ее содержания привели и приводят к утере этой возможности и ухудшению управляемости системы управления.

Так, сравнительный логический анализ текстов законов "О собственности", "О предприятиях и предпринимательской деятельности", "Об инвестициях", "Об иностранных инвестициях" выявил несколько десятков противоречий, пробелов и дублирований предметов регулирования. Внесение одного изменения требует его "проведения" во многих местах текста. Внесение второго требует проведения его... во многих местах уже новой редакции текста. Третье изменение, которое планировалось ввести, в свете новой редакции текста само нуждается в корректировке. И т.д. "*Волны последствий*" *от внесения изменений в конечном итоге полностью разрушают и без того шаткие понятийные конструкции законов.*

Если ответ на животрепещущий вопрос из п. 2.2 положителен, т.е. установлено, что некий вариант процесса реформирования управляем, возникает второй вопрос: можно ли спроектировать и построить систему управления этим процессом, каков ее хотя бы эскизный облик и можно ли удержать эту систему управления в узде, т.е. обеспечить ее управляемость? Но вначале немного ретроспективы.

3. Было ли управление, или К вопросу о субъекте управления

3.1. Из нашей истории

Потеря управляемости наступила не в январе 1992 г. и не в апреле 1985-го. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, остальное правда. В известном анекдоте середины 70-х гг. утверждалось, что страной совсем не управляют. Эффективные решения по развитию народного хозяйства не вырабатывались, система воспроизводства не работала, хозяйственно-технологический комплекс устаревал морально и

[4] Система ответственности – это механизм принуждения, система, предопределяющая, соотносящая ценность решений с ущербом от неверных решений и применяющая адекватные санкции.

ветшал физически. Основными священнодействиями по совершенствованию управления были слияние организаций, разделение организаций, "сокращение" звенности, "сокращение" штатов, "повышение" ответственности и прочие бессодержательные, проблемно неориентированные мероприятия.

Неуправляемое нормотворчество. Ежегодно выходили крупные постановления Совета Министров СССР по различным аспектам организационно-экономических форм в народном хозяйстве, но постоянно существовали проблемы соответствия этих постановлений экономическим и организационным проблемам народного хозяйства, соответствия различных положений друг другу внутри одного постановления, между совокупностью действующих постановлений и вновь выходящими и в особенности между постановлениями и конкретизирующими их инструкциями, положениями и методиками. Разработка, согласование, рассмотрение и принятие постановления и связанных с ним низовых документов затягивались на многие месяцы и даже годы. Юридическая корректность документов во многих случаях была неудовлетворительной, нередко открытым оставлялся вопрос ответственности.

Правовое содержание документов часто затемнялось неконструктивными декларациями. В громоздкой системе действующих документов было трудно найти комплекс положений, относящихся к конкретной ситуации. Многочисленные "письма" центральных функциональных ведомств, "разъясняющие" и "уточняющие" изданные нормативные документы, вносили дополнительные затруднения в использование низовых документов и не обеспечивали ликвидацию "*пробелов*" – неурегулированных вопросов. Результатом этих недостатков была не только неэффективность правового регулирования хозяйственных отношений, но и утрата доверия к правовому регулированию как таковому. Важно отметить, что недостатки действующих комплексов нормативных документов *не рассматривались как прямое следствие недостатков процесса нормотворчества.*

В условиях перестройки накопившаяся неудовлетворенность запутанной и громоздкой системой нормативных документов нашла выход в массовой отмене по указанию сверху, а не исходя из конкретных проблем, значительной части действовавших документов и существенной переработке других. Как крайнее выражение этой тенденции возникло и на определенное время довольно широко распространилось представление о том, что нормативная документация и даже сам принцип правового регулирования (sic!) не нужны. Но, тем не менее, выпуск нормативных актов продолжался, общий неудовлетворительный характер комплекса нормативных документов сохранялся. И вновь *процесс нормотворчества не являлся объектом рассмотрения* и совершенствования. Более того, крупные изменения в экономических отношениях и организационных формах и связанные с ними проблемы замаскировали существование давно назревшего комплекса вопросов нормотворчества.

Вопрос этот не устарел и сейчас. 27 июля 1994 г. руководитель аппарата правительства В.Квасов в интервью телепрограмме "Итоги" с

гордостью сообщил, что носит на подпись премьер-министра документы... чемоданами. Блестящий пример *симптома потери управляемости*, который я теперь привожу на лекциях студентам Физтеха.

Куда смотрели ученые. Доклад об общегосударственной АСУ – автоматизированной системе управления, сделанный на самом высоком уровне академиком, председателем Научного совета по комплексной проблеме "Кибернетика" АН СССР Акселем Ивановичем Бергом, вызвал сакраментальный вопрос: а что же мы получим в результате разработки и внедрения этих систем управления? "Как что? – ответил чистосердечно Аксель Иванович. – *Поскольку самые общие, крупные народнохозяйственные решения требуют колоссальной переработки информации, максимальной объективности и предельно доступной в данный момент обоснованности, минимальной субъективности и т.д., то* самый верхний уровень управления как орган, состоящий из лиц, можно будет отменить. *Его место займет система формирования этих решений*".

Думаю, понятно, куда было указано идти ученым после таких заявлений. Нелишне помянуть и "продажную девку империализма" – кибернетику. Благодаря этой кампании с "наукой об общих принципах управления в технике, природе и обществе" мы оторвались от "них" лет на пятнадцать... назад. Надо бы "приобщить к делу" и ликвидированный в 30-е гг. Центральный институт труда (ЦИТ) Гастева, который пытался ввести в производство что-то вроде тейлоризма, тоже некстати и походя обруганного.

Но логически ясные, ориентированные на достижение целей понятия и процедуры *системы сетевого планирования и управления* никак не могли втиснуться в "методологию" и практику пятилетнего, годового, квартального планирования. Потому что целевые события "не хотят" наступать к круглым датам, а как только надо отчитываться к 31 декабря, так тут же вместо достижения промежуточных или конечных *целей* появляются пресловутые *объемы.* Десятки специально созданных институтов и служб этих систем в строительстве и машиностроении были обречены играть роль "второй бухгалтерии" и постепенно благополучно вымерли везде, кроме небольших оазисов в судостроении и ракетно-космической промышленности. А ведь начиналось тоже с докладов специалистов в ЦК и Совмине, в Комиссии по военно-промышленным вопросам и в Госплане...

Что касается истории отечественной вычислительной техники, то эта история требует специального парламентского (или уголовного?) расследования. Переход на так называемую Единую серию ЭВМ (ЕС ЭВМ) *с прекращением финансирования всех альтернативных (и, кстати, не отставáвших на тот момент от американских) разработок...* По крайней мере пересказы очевидцев принятия этого решения на высоком совещании сопровождаются недоуменно-виноватым выражением лица... Страна уже имела компьютер БЭСМ-6 с быстродействием 1 млн. операций в секунду и заделы по БЭСМ-10, а получила через

2 года (кажется, в 1971 г.) компьютер типа ЕС-1010 с быстродействием... 10 тыс. операций в секунду, т.е. в 100 раз меньше!

3.2. Ножницы власти и компетенции

Итак, власть не захотела или не смогла обзавестись современными методами и средствами управления, управляемость была потеряна. "Ножницы" власти и компетентности разошлись очень широко: компетентность молчала, уезжала или изгонялась, ждала лучших времен, старела и готовила учеников. Лучшие времена так и не наступили. Постаревший академик Амосов сказал, что это общество без обратных связей, оно мертво. Кто его услышал?

Но читать мораль – не наш профиль. Для нас как исследователей эти "ножницы" – проблема, еще не решенная и человечеством в целом. Ведь чтобы *узнать* – нужно время, а чтобы *стать* – нужно то же самое время. Однако жизнь коротка: профессорами и губернаторами становятся примерно в одном возрасте.

Между тем техническое решение проблемы максимального потребления наличной компетентности имеется. Это, как сказал один американец, *принцип аквариума* (т.е. полной прозрачности для наблюдения), по которому строятся наиболее ответственные процедуры выработки решений.

3.3. Абстрактно-командная Система

"Я пошел,– говорит Иван Иванович, большой или малый начальник, когда мы рассказываем ему концептуальную схему той целостности, которая является (точнее, должна являться) его объектом управления. – Вы здесь абстракциями (теориями, моделями, концепциями – нужное подчеркнуть) балуетесь, а я занимаюсь конкретными вещами". На примере наших многочисленных работ по концептуальному проектированию систем организационного управления можно было бы детально показать (и мы готовы это сделать), что на самом деле все, как в Зеркальном королевстве, наоборот. Уровень, на котором оперировала старая система и оперирует новая, *неизмеримо абстрактнее*, чем тот, который возникает в результате минимальной концептуализации. Посудите сами. Ведь считалось, например:

что планы можно арифметически складывать и вычитать, план отрасли есть сумма планов предприятий, план народного хозяйства есть сумма планов отраслей и что равномерный и пропорциональный "арифметический" рост производства и есть развитие (Методические указания к народнохозяйственному планированию);

что директивно требуемую экономию ресурсов можно "поровну" распределить в виде заданий между трестами, а сами ресурсы независимы друг от друга, и можно сэкономить все подряд (Программы ресурсосбережения);

что чем мощнее трактора и чем больше вносится удобрений, тем выше урожайность;

что создание одного рабочего места стоит "в среднем" (т.е. абстрактно) 50 000 рублей;

что материалы и конструкции можно заказывать на абстрактный объем строительно-монтажных работ (нормы расхода стройматериалов на 1 миллион рублей или так называемый "миллионник");

что можно связать производителя абстрактного "стекла" с потребителем абстрактного же "стекла", хотя оно имеет профиль, размеры листа и т.д., и потребителю нужно конкретное стекло; и т.д. и т.п.

Ведь считалось, например:

что можно обеспечить равенство и/или справедливость, раздав людям, неравным по социальному статусу, месту жительства, возрасту, стажу и т.д., т.е. неравным по возможностям, "равные" ваучеры;

что уникальное оборудование и технологии можно делить пополам и модернизировать одну половину, не трогая другую (Программа конверсии);

что календарный год является характерным периодом времени и для обучения и развития личности школьника, и для строительства мостов;

что, пропуская через валютную биржу небольшую часть денежного потока, можно назначать "курс" рубля; и т.д. и т.п.

И все это в основном не "извращения" и не преднамеренность, а ее величество АБСТРАКЦИЯ – следствие управленческой процедурно-технологической немощи.

Рональд Коуз, недавно ставший лауреатом Нобелевской премии за работу 1937 г., задался простым до безнадежности вопросом – где границы административного и рыночного? Тот же самый вопрос можно сформулировать по-иному: чем определяется размер фирмы и вообще – почему существуют фирмы? Действительно, ведь внутри себя фирма функционирует "административно", а вовне – рыночно. Но тогда почему рыночные отношения не *расслаивают* фирму до *элементарных рыночных субъектов,* и, наоборот, почему все фирмы не сливаются в конце концов в *одну большую "общенародную" фирму*? Да потому, что по мере роста фирмы усложняется управление, возникают управленческие редукции (упрощения, подмены понятий) и в конце концов потеря управляемости. И, наоборот, если перейти на "договорные цены" по каждому поручению референту, экспедитору, военному летчику, торг усложняется и превращается в бесконечный и безграничный хаос.

Границы возможностей управления определяются способностью КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ те абстракции, о которые "обломилась" не одна только наша Система.

4. Можно ли восстановить управляемость?

Можно. Необходимо перейти от существующих сложившихся и непрерывно складывающихся форм организационного управления к спроектированным, нормативным формам. Что означает этот переход и какова цена?

4.1. Чтобы управлять, надо конструктивно знать

Сколько у нас будет объектов управления и каких? Каковы границы этих объектов? Где, например, начинается и кончается оборонный комплекс? Мы задаем этот вопрос не с пафосом критика, а как системщики и управленцы. Где кончается чрезвычайная ситуация, где конфликт, а где война? Где границы между промышленностью и строительством? Может ли фундаментальная наука быть определена как объект управления? Сколько и каких понадобится процессов выработки решений?

Задача номер один, таким образом, ясна – субъект управления, тем более субъект реформы, должен конструктивно знать все основные целостности, которые находятся под его присмотром. Это, во-первых, *системные целостности*:

функциональные, например, технологические цепочки и, шире, целевые производственные системы;

инфраструктурные, например, транспортные целостности;

целостности поддержания (восстановление, ремонт, профилактика, сохранение квалификации кадров...). Всякая работа осуществляется за счет износа структур. Все живое и косное изнашивается: металл корродирует, смазка высыхает, асфальт разбивается, люди устают, забывают, стареют. Противодействие этому износу или его компенсация и есть поддержание;

целостности развития (появление новых функций в организации, качественные изменения в технологии, структурные сдвиги в экономике и т.п.).

И это, во-вторых, *предметные или содержательные целостности:*

ресурсные;

естественно-географические;

этно-культурные и др.

Каждый из указанных типов целостностей задан своей системой понятий – концептуальной схемой. Концептуальные схемы и представляют собой то особое конструктивное системное знание, которое не заключено в цифрах объемов производства или оборотных средств предприятий. Многие из таких концептуализаций проведены и проводятся в копилку гипотетических "современных реформаторов". Но одних схем мало. Надо еще соединить аксиомы концептуальных схем с предметным содержанием и установить законы поведения этих целостностей, причины и следствия их существования и изменения, а это трудоемкие, кропотливые вещи, и этого пока нет. Но методы для этого есть.

Задача номер два – субъект реформ должен знать необходимые и достаточные условия перехода, его внутренние закономерности. Исследование принципов **перехода к концептуально спроектированным системам организационного управления** начато, и некоторые принципы, носящие пока характер абстрактных общесистемных законов, а не конкретных рекомендаций, установлены. Один из них, в частности, указывает на то, что сферы перестройки организационного управления не являются независимыми друг от друга, внедрение нормативно спроек-

тированных СОУ в одних сферах может быть условием внедряемости их в других. Говоря совсем кратко, начинать переход надо:

– с высших уровней развития, т.е. с совершенствования подсистемы управления развитием народного хозяйства, осуществляемым через:

• капитальное строительство,

• высшее образование,

• фундаментальную и прикладную науку;

– с иерархически высших уровней управления;

– с сырьевых отраслей.

Эти концептуальные исследования выполнены в предположении, что препятствий для распространения нормативно спроектированных СОУ нет. Теперь необходимо овладеть реальными условиями перехода, когда на пути к восстановлению управляемости будут стоять *многочисленные препятствия.*

"Кандидатский минимум", которым должен владеть соискатель-реформатор (см. п. 4.4), – это хотя бы несколько (хотя бы больше одного) промежуточных состояний народного хозяйства и подпрограммы перехода от предыдущего к последующему. Если видение реформаторов сводится к целям, типа: "стабилизируем, потом посмотрим...", то они каждый раз оказываются в ситуации неопределенности или "бесцельности". До сих пор эта последовательность отсутствовала во всех программах. *Ни в одной концепции не сказано, через что общество пройдет, во сколько этапов и к чему придет.*

Сославшись на т.н. *здравый смысл*, большинство считает проблему решенной, а между тем *конструктивное знание* достигается с большим трудом. Ведь оно гораздо сложнее здравого смысла.

4.2. Чтобы управлять, надо конструктивно хотеть

Малопродуктивно хотеть абстрактного блага. Желаемое должно приобрести конкретные контуры, сложная мозаика соотношения целей и реальных возможностей каждого из субъектов социума должна быть прописана конструктивно. Слово *целесообразность* произносится восхитительно легко, а цели формируются удивительно трудно. Проблему целеполагания субъект должен решить и прескриптивную модель цели иметь. А цели вообще-то берутся из системы ценностей, из идеалов. Так что последние – вещь очень практичная. Очень современная.

4.3. Чтобы управлять, надо конструктивно мочь

Допустим, комплексная программа реформ будет содержать 500 пунктов. По одному сотруднику на пункт иметь надо? Как организовать взаимодействие персонала в 500 человек? Ясно, что они с первых же шагов вступят в несметное число попарных конфликтов. Если за их разрешением они будут обращаться к начальству, их, по закону Миллера, придется разбивать на пятерки-семерки, а их начальников первого уровня, в свою очередь, на пятерки-семерки и ставить над ними начальников второго уровня... Несложно подсчитать, что возникнет трех-пятиуровневая система управления. Уже "похорошело"? Теперь взаимодействие двух чиновников, которым необходимо согласовать решения, но которым не повезло попасть в одну и ту же пятерку, пойдет через согласование двух начальников первого уровня и их начальника второго уровня... если, конечно, эти начальники из одной пятерки. А

если нет, то через 5 начальников – двух первого, двух второго и одного третьего уровня. "Узнаю брата Колю!" – воскликнул бы герой бестселлера, это же административно-командная система, которую (слава богу, объяснили) – долой! А взамен-то что?

Это арифметическое упражнение показывает, что *у нас никогда не было комплексных программ*, а если бы и были, то, как легко видеть, не могли быть претворены в жизнь – *субъект управления был и остается несостоятельным организационно-технологически.*

Минимальной единицей "фондовооруженности" СУБЪЕКТА РЕФОРМ является так называемая Технологическая линия концептуального проектирования систем организационного управления (ТЛКП СОУ). На "верхнем" уровне это должна быть Государственная ТЛКП СОУ народным хозяйством в целом, в том числе Государственная ТЛКП правовых отношений. На "среднем" и "нижнем" уровне должна быть создана целая индустрия проектирования СОУ – до 10000 концептуальных фабрик или "мануфактур", которые должны обеспечить проектами систем организационного управления все разнообразие организационно-экономических форм[5]. Фактически это беспрецедентная инвестиция, возможно, превосходящая:

- по капвложениям – индустриализацию, выведшую страну в промышленные державы[6];
- по интеллектоемкости – советские и американские атомные и ракетные программы;
- по широте социализации – ликвидацию безграмотности.

Но альтернативного выхода в современность нет. Человеку, потерпевшему крупную жизненную неудачу, советуют: соберись с мыслями, начни с начала.

Заделы для такой инвестиции есть, и покоятся они на самых солидных основаниях, хотя и не обязательно только на самых свежих и модных. Если говорить о "первоисточниках", – это и тектология Богданова (всеобщая организационная наука, непонятая и забытая). Это и системотехника, системный анализ, конструирование организаций, и общая теория систем, и логика и методология науки... Это мощный и современный математический аппарат теории структур, поддерживающий инженерную версию многотрудной "технологии" восхождения от абстрактного к конкретному. В общем "я видел далеко, потому что стоял на плечах гигантов" (И.Ньютон). За бугром уже идет "вторая кибернетика" или "кибернетика кибернетики" (second cybernetics или "cybernetics of cybernetics"), десятки лабораторий искусственного интеллекта в США и Европе засели штудировать Канта и Гегеля. Японцы коллекционируют все известные и вновь создаваемые логические исчисления. Мы в России стремимся не догонять, а опережать. Но пока очень медленно запрягаем, в надежде, что когда-нибудь с чьей-нибудь помощью быстро поедем.

---

[5] "Ну, и где все это в Германии, процветающей и без вашего КП СОУ?", – строго сказал первый читатель настоящего текста. Мы уже говорили выше об Ассоциации INTERNET, которая объединяет сотни консалтинговых фирм, занимающихся только одним типом СОУ – Project management. О том, на каких путях идет подготовка прорывов в организационных технологиях, чуть ниже.

[6] Кстоти, где-то автору доводилось читать, что, скажем, в той же Германии и Франции в топках XIX в. были сожжены огромные и прекрасные леса, и это было платой за индустриализацию (т.е. красивую жизнь сегодня).

4.4. Чтобы управлять, надо конструктивно владеть

Применение теории систем к созданию организаций – мощное средство, которое, однако, требует предельно квалифицированного и осторожного обращения.

Применение системных конструкций не только не исключает, но, напротив, требует использования и всемерного развития интуитивных, эмпирических и традиционных подходов. За пределами строгой дисциплины мышления и действия, устанавливаемых принимаемой системной концепцией, должна сохраняться свобода понимания и действия, диктуемая содержательным контекстом принятой схемы.

Владеть обстановкой или ситуацией – значит уметь конструктивно менять то, что зафиксировано в "знать" и "хотеть", варьировать ими, оперировать знанием, желанием, возможностью и необходимостью, приводя их в некоторое согласованное между собой и с ситуацией соотношение.

Более того, конвенциональный характер организации, отражающий объективные потребности развития, опирающийся на коллективное понимание намечаемых перестроек и подкрепленный правовыми нормами, должен стать общераспространенным явлением. Адекватность или неуместность той или иной системной концепции как основы деятельности организации в конечном счете может быть установлена лишь путем строжайшего и настойчивого применения выбранной схемы и наблюдения за тенденциями ее изменения. Свобода выбора концепции существенно зависит от того, насколько принимающая данную концепцию команда способна провести ее в жизнь. Создание и развитие системы управления требует от руководителей и исполнителей способности воспринять и активно использовать принимаемую схему. Поэтому необходимость конструктивно владеть также требует специфики подготовки профессиональных руководителей.

4.5. Чтобы управлять, надо конструктивно быть

4.5.1. Социальная диспозиция, или Полисубъектность

Для упрощения изложения мы в данном тексте не будем "разрешать" субъекту отвечать на гамлетовский вопрос – быть или не быть. Будем считать, что субъект ЕСТЬ, если некий "*комплекс*" (по тектологии А.А.Богданова) имеет некие *специфические интересы* и некие *реальные возможности*. Если либо того, либо другого нет, субъекта нет, и ему не дано самому по себе в одночасье СТАТЬ. Причем интересы и возможности у субъектов не обязательно "гармонично" соединены, т.е. это не обязательно возможности реализовать именно собственные интересы. Но возможности какой-либо пары субъектов могут, к взаимному удовольствию, оказаться комплементарными, взаимодополнительными: мои возможности могут удовлетворить твои интересы, а твои возможности могут удовлетворить мои интересы. Или, говоря "кухонно", "ты – мне, я – тебе".

Еще несколько строк "чистого постулирования" – и можно будет говорить содержательным языком. Будем полагать, что реальные возможности разных субъектов ограничивают друг друга, могут взаимно наносить ущерб, т.е. находятся *в конфликтных отношениях*. Итак, социальные позиции представлены интересами и возможностями, а на "штабных картах" социальной диспозиции нанесены и соотношения этих

возможностей, и альтернативы компромиссов по всем конфликтам с минимизацией взаимного ущерба.

Интуитивно ясно, что фактическая карта оказывается чрезвычайно пестрой и многополюсной, хотя еще надо потрудиться, чтобы ее реально реконструировать. Является ли тот или иной "регион" субъектом, т.е. (обращаемся к определению) имеет ли он специфические интересы и реальные возможности? Не пронизаны ли регионы как спрутами иными субъектами, субстраты которых образованы профессиональными, конфессиональными, этническими, технологическими, финансовыми, культурными и иными интересами? Ясное дело, проблема управляемости резко усложняется вследствие такой многополюсности и многообразия субъектов управления.

А на полюсах – "ресурсники" (Татарстан или Саха) и "хайтехники" (ракетно-космический или радиопромышленный комплекс), "родоплеменники" и "свободоличностники" (уважаем и тех и других, но не будем указывать пальцем), "колбасники" ("давайте сначала накормим народ") и "не-хлебом-единники" ("Россия – страна духа"). Жаль, что нет теоретической социологии, она бы многое объяснила и очень помогла в управлении. Ну, да бог с ней, с социологией. Для нас главное – реальные возможности управлять, которые есть у каждого отдельно взятого субъекта и полисубъекта в целом. Чтобы добиться управления, основанного на балансе интересов и возможностей, придется сформировать многоступенчатую, многоаспектную систему принятия решений, в качестве важнейших принципов строения которой можно предложить:

– принцип выработки решений на том уровне и тем субъектом или совокупностью субъектов (слоев общества), которые непосредственно задеваются положительными или отрицательными последствиями решения;

– принцип дискурсии и достигаемого в результате консенсуса.

4.5.2. Каждому укладу – свое право?

Вернемся к принципу сквозного нормативно-правового регулирования (п. 2.4). Если общество полисубъектно, а хозяйство многоукладно, то и *право должно быть* (страшновато представить гнев читающих текст правоверных правоведов)... "*многоукладным*". А что? Согласитесь, странно было бы судить фараона по законам капиталистического общества XIX в. И поскольку переходим мы ни к какому не к "рынку", а от одного многоукладного хозяйства к другому, опять же многоукладному, хозяйству, то идея многоукладного права делает понятной одну из объективных причин современного кризиса правоприменения. Понятия мошенничества или халатности в разных укладах должны быть переопределены по-разному. И уж, конечно, формы ответственности частного инвестора и распорядителя госсобственности должны быть разными. Но все же должны быть и у первого, и у второго.

4.5.3. Объект, он же субъект или рефлексирующий объект управления

К несчастью, каждый из нас и все мы вместе взятые не автомобиль и тем более не кирпич, с которыми все было ясно еще в начале статьи. Когда нами управляют (т.е. мы – объект управления), мы оцениваем

"снизу" качество управления. И... можем поменять (переизбрать, свергнуть – нужное подчеркнуть) субъекта управления. Теория рефлексивных систем – это уже концептуальные дебри предметной области. Хотя концептуальному анализу структура общественной оценки (и, разумеется, хотелось бы – общественного одобрения) реформ тоже поддается. А уж за этим последуют и *возможности управления общественной оценкой*. Здесь "остановка по требованию" на втором этапе работы.

5. А нужно ли управлять, или Что будет, если не управлять?

Управление – граница между *иррационализмом*, господствующим в обществе, политике, экономике, и струйками *рациональности*, попытками внести во все это *целесообразность*.

В 16-м докладе Римского клуба роль возможности и способности управлять в обеспечении существования человечества авторы ставят на первое место. Обсуждаются (без "апологетики") преимущества и недостатки разных типов процедур выработки решений: демократической (достижение квазиконсенсуса, но медленность), административной (ущемление многих частных интересов, но быстрота) и т.д.

Необходимость борьбы с иррациональным, роль целеориентированного управления возрастают пропорционально тому, как возрастает (пока по неизвестному закону – арифметической или геометрической прогрессии, степенной или экспоненциальной зависимости, но точно, что не по логарифмической!):

– сложность технико-технологическая, в т.ч. опасность так называемых *экстремальных систем*, которые проектируются, создаются и эксплуатируются обществом;

– сложность развивающихся техноприродных и социотехнических систем;

– сложность социального устройства, усиление специализации и интеграции лиц и организаций;

– сложность "know-how", переход к массовому использованию фундаментальных научных результатов и эффектов;

– сложность *неизвестного*, при которой с каждым изменением-причиной связана целая сеть изменений-последствий.

Все это приведет к необходимости постоянного и массового изменения сложившихся отношений, установления новых, более адекватных корпоративных отношений. Выработка решений об установлении таких отношений – задача гиперсложная из-за многообразия альтернатив, элементов риска, объективных противоречий отраслевого, целевого и регионального управления, и она не может быть решена на децентрализованной основе из-за исторического дефицита времени и очевидной опасности расхождения итераций. *Сообщество, не оснащенное методологическими и инструментальными средствами, не в состоянии вырабатывать такие решения.*

Говоря "не в состоянии", мы, естественно, ведем речь об управляемом прогрессивном развитии, а не о развитии-регрессе, ведущем к примитивизации социальных форм. Если речь о первом, то уж извольте холить, лелеять, совершенствовать, развивать процессы выработки ре-

шений, т.е. управление. А если речь о втором, то тут вполне достаточно инерции того штопора потери управляемости, в котором мы находимся уже минимум лет пятнадцать. Только еще и *скорость падения возрастает по мере падения.*

6. О так называемых "конкретных предложениях"

Больше половины сказанного опубликовано, многократно в разных вариациях рассказывалось на разных уровнях управления. После рассказа следует один или несколько вопросов (из года в год одних и тех же):

– А у вас есть внедрения?

– А где в управлении вы применили ваш подход?

– Наука ваша, может быть, и хороша, но вы дайте конкретные предложения.

– У "них" это может быть и пошло бы, но в нашей стране...

– Что делать-то?

– Это все очень долго, вы про перспективы, про будущее, а нам нужно сейчас, сегодняшние проблемы решать!

– Ну, хорошо, давайте про перспективы, но вы пока не разрабатывайте всего, а дайте первый шаг в правильном направлении.

И так всю жизнь. Сколько было этих первых шагов, за которыми ни разу не последовали вторые. То, что было далеким чиновничьим будущим, становится сегодняшними проблемами нового чиновничества, и вновь история повторяется. То, на что мы предлагали направить усилия, остается недостигнутым и вновь актуальным. А время все равно ушло. А проблема управляемости все равно усугубилась.

В чем дело? Границы "оврага", который нас разделяет, проходят вот где. Начальство хочет получить "здесь и немедленно" некие спасительные *решения*. Мы же говорим и предлагаем *процессы их получения*, регулярно, адекватно, устойчиво работающие процедуры их выработки. Ценностью должно стать КАК, а не ЧТО. Это и вызывает начальственное уныние, поскольку "чудо" отодвигается – это раз. Для его получения надо построить систему организационного управления, запустить ее и поработать в ней – это всего-навсего два. Ну, а тут, как всегда, не до того, некогда... Нет, мы не впадаем в уныние, но опять заякориваемся на рейде и ждем.

Однако поскольку "иного не дано", мы все же скрепя сердце переходим к так называемым "конкретным предложениям". Они намеренно не адаптированы к бюрократическому языку. Извините, чтоб не было соблазна хватать и вставлять в сиюминутные конъюнктурные документы, а также, не дай бог, постановления. Так что все же это "абстрактные предложения". Итак:

1) Необходимо полностью снять ограничение на эффективность управления, которое накладывается традиционной техникой нормотворчества. Для этого предлагается перейти на концептуальную технологию формирования комплексов нормативных документов сначала в "ручном", а затем и в машинно-поддерживаемом варианте.

2) "Зародыш" не зависящей от ведомств ни административно, ни финансово и "изначально правильной" **Общегосударственной экспери-**

ментальной концептуальной системы организационного управления надо создавать немедленно. Развертывание "зародыша" происходит по следующим этапам:

- учреждение и начальное обеспечение СОУ;
- имитационное функционирование в режиме "теневой", параллельной системы управления на общедоступных и собственных источниках информации;
- подключение СОУ ко всем правительственным источникам информации и продолжение имитационного функционирования на основе всех исходных данных;
- передача в СОУ и интеграция в нее ряда управленческих функций вместе с персоналом, материально-технической базой и др.;
- передача в СОУ всех полномочий и полноты ответственности за функционирование, поддержание и развитие народного хозяйства.

3) Параллельно необходима постановка работ по концептуализации хозяйственно-технологического комплекса и проектирование **Государственных концептуальных систем организационного управления.**

Государственная концептуальная СОУ функционированием ("министерство" функционирования). Здесь целевые производственные системы: система питания, система одежды, система жилья, система здоровья и др. Это так называемые полные системы (total systems в системном анализе). При такой целевой точке зрения нет машиностроения "вообще", а есть машины, дающие питание, жилье, здоровье и т.д. Нет сырьевых ресурсов "вообще", а есть сырье для системы питания (включая то, которое идет на машины для питания, и др.). Нет транспортных систем вообще, а есть транспорт системы питания, транспорт системы жилья и т.д.

Государственная концептуальная СОУ поддержанием ("министерство" воспроизводства). Здесь системогенные системы, обеспечивающие поддержание функционирующих целевых производственных систем: ремонт, профилактику, восстановление в случае выхода из строя, предотвращение нарушений функционирования вследствие случайных, природных факторов и преднамеренных действий. Производственникам (особенно эксплуатационщикам) не нужно объяснять, что организации, типа "Котлонадзора", попадают в сферу действия данной системы организационного управления – это поддержание производственных систем в технологическом аспекте. Поддержанием производственных систем в кадровом аспекте занимаются многочисленные факультеты переподготовки и повышения квалификации кадров. К этому же системному классу относятся пожарная служба, санитарно-эпидемиологическая служба, комитет по чрезвычайным ситуациям, но они специализированы на предотвращении нарушений функционирования не по какому-то аспекту функционирования, а по источникам возможных нарушений, их масштабам, затрагиваемым производственным системам. Здесь, как это ни странно для несистемного мышления, находятся и системы безопасности во всех аспектах – криминальном, экологическом, военном, экономическом, научно-техническом, в т.ч. специализированные по тем производственным системам и их аспектам, безопасность функционирования которых они обеспечивают.

Государственная концептуальная СОУ развитием ("министерство" развития). Здесь системогенные системы, обеспечивающие

развитие целевых производственных систем, в т.ч. создание новых и ликвидацию старых. В сфере интересов этой СОУ весь инвестиционный блок, в т.ч. капитальное строительство, структурные сдвиги и модернизации, здесь фундаментальная и прикладная наука, целенаправленно "социализирующая" новые физические и прочие эффекты, новые силы природы, здесь система образования, пополняющая людьми новые уклады, новые технологии, новые общественные институты и т.д.

За что же должен отвечать "премьер"? За развитие или функционирование? Или как урегулировать конфликт вице-премьеров, отвечающих за поддержание и развитие? Как говорится, кто главнее...

Очевидно, что существуют периоды в жизни общества, когда доминировать должно уже налаженное функционирование, когда главное – его воспроизводство. Тут у власти становятся "консерваторы".

Но столь же очевидно, что без развития жизнь общества часто становится невозможной (из-за актуализации каких-то ограничений) или просто бессмысленной (кроме разве что чрезвычайно ритуализированного и табуизированного общества). Тогда на какой-то период доминирующим должно стать развитие и соответственно у власти стать "реформаторы".

И в их периодической смене и текущем противоборстве – суть. *Сдержки и противовесы должны быть обеспечены между этими тремя властями – ВЛАСТЬЮ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ и ВЛАСТЬЮ ПОДДЕРЖАНИЯ в статике, ВЛАСТЬЮ ПОДДЕРЖАНИЯ и ВЛАСТЬЮ РАЗВИТИЯ в динамике, ВЛАСТЬЮ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ и ВЛАСТЬЮ РАЗВИТИЯ в отношении ограниченных ресурсов.* Чтобы реформатор в своем рвении и при помощи данных ему полномочий не разрушил текущее функционирование, а функционер в своем стремлении сохранить достигнутое не превратился в стража мертвечины. Чтобы нерадивый энергетик не отмахивался от инспектора "Котлонадзора", требующего остановить ТЭЦ на профилактику (это разделение сфер ответственности именно таково в действительности). Вот это разделение имеет отношение к народному хозяйству, а не фетишизируемое разделение законодательной, исполнительной и судебной властей (имеющее лишь определенное значение в определенный исторический период для обеспечения определенных свойств государственно-политической системы определенного типа общества).

7. Как сделать, чтобы управляемость возникла?

Ныне, к сожалению, вместе с отрицаемыми старыми организационно-экономическими формами отрицается и сама идея рационального выбора и использования организационных форм.

Здесь нужна новая "идеологическая" поддержка. Надо ввести в общественное сознание понимание или, если угодно, веру, что путь в светлое будущее лежит через отлаженные процессы выработки и принятия решений. Процессы выработки решений надо лелеять, выращивать, совершенствовать, беречь от невежества, диверсий, саботажа и халатности, они должны рассматриваться как общественное достояние, потому что светлое будущее (или темное) – материализация решений. Повторим совсем кратко цепочку наших тезисов:

- **управление – это выработка и реализация решений;**
- **наш мир – это воплощение наших решений;**

- **наш мир хорош (или плох) настолько, насколько хороши (или плохи) наши решения;**
- **наши решения хороши (или плохи) настолько, насколько хороши (или плохи) наши процессы выработки решений;**
- **наши процессы выработки решений хороши (или плохи) настолько, насколько хорошо (или плохо) они спроектированы;**
- **наши проекты хороши (или плохи) настолько, насколько хороши (или плохи) средства проектирования.**

Между распространенным обыденным сознанием и приведенной цепочкой тезисов – пропасть, преодолеть которую непросто. Мы пишем, пропагандируем, учим. Возможно, какое-то поколение уже не перестроится. Надежда – на подготовку кадров. Через развитие и поддержку интеллектуальной управленческой элиты. Элиты разработчиков – светлых голов. **Э-ЛИ-ТЫ**. А с остальными объясняйтесь как хотите. Придумывайте легенды для "неэлиты", огораживайте элиту заборами, как раньше номенклатуру, создавайте вокруг этого мифы, но дайте элите вырасти.

8. Специалист подобен флюсу...

...и полнота его одностороння. Кризис-то комплексный, а объект сложный. Поэтому никакой отдельно взятый подход, в т.ч. и несколько сбивчиво изложенный нами выше, и никакая отдельно взятая модель не могут быть положены в основу реформ. В ту палитру точек зрения, объяснений и подходов, которые представлены в книге, мы, есть надежда, внесли один мазок. И, упреждая подозрения в оголтелости, скажем, что только *сочетание многих разнородных, разноуровневых подходов и методов (наверно, не только тех, что вошли в "Иное", но и иных) дадут определенные гарантии успеха.*

ИМПЕРИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

В. МАХНАЧ

В работе рассмотрена империя как историко-культурное явление и совершенно конкретный тип государства.

Не предлагая новой модели, автор отбрасывает наслоения и искажения новейшего времени, возвращаясь к семантике понятия «империя», существенно не менявшейся на протяжении более чем двух тысячелетий.

Проведено сравнение империи с федерацией и унитарным государством, а также с колониальной державой.

© Махнач В.Л., 1995

1. О чистоте терминов

а. Первоначальный смысл понятия.

б. Не размером единым.

в. Император и монарх.

Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке – понятие "империя". Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы. Трудно сказать, когда это сложилось. В понятие империи не вдумывались в минувшем столетии. А в XX в. сразу заговорили об имперском мышлении, имперских амбициях. Об имперской традиции, наконец, даже не обязательно с негативной оценкой. Но собственно сущность империи оставалась за скобками. Между тем принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу этого понятия.

...Невозможно представить себе, чтобы империю делали таковой только ее размеры. В 1261 г. Михаил Палеолог вышвырнул из Константинополя крестоносных оккупантов и восстановил империю с ее имперской столицей. Это не вызвало всеобщего восторга, но было **признано** всеми без звука, в том числе и на Западе. Последние же два столетия Византийской империи до турецкой оккупации – это непрерывная агония, сокращение территории. Однако даже несчастный Константин XI Драгас, павший при защите Константинополя (доказав, что он был достоин пурпурной обуви), владевший небольшим участком земли вокруг столицы, несколькими островами Эгейского моря и небольшим кусочком в южной Элладе, безусловно, оставался для всех **василевсом** – в латинизированной форме, следовательно, императором.

Более того, несмотря на то что за имперской столицей все охотились, пожалуй, имперская идея почти на два века продлила жизнь Византии, которая, не будь она империей, прекратила бы свое существование, видимо, раньше. Византия XIV – XV вв. – противоестественная держава, однако она живет. На протяжении многих веков люди прекрасно улавливали различия между **императором** и просто **монархом**. Например, величайший из исландцев Снорри Стурлуссон в своей "Младшей Эдде" детально разбирает, какие кенниги (т.е. эпитеты, иногда с оттенком славословия) полагаются императору, какие – только конунгу, королю, какие могут доставаться ярлу и так далее. Теперь присмотримся к самому титулу императора. "Impe-rium" – это вообще высшая власть в Риме еще республиканского периода. Кстати сказать, это являлось только почетным титулом главы государства. Как лицо уважаемое, он **был** императором, но императором **не работал**. По должности он был **принцепсом**, "первенствующим", подразумевалось первоначально – первенствующим в сенате. И пусть византийский титул мало о чем говорит, ибо василевс – это просто царь. Но вот персидский монарх столетиями назывался "шаханшах" – **царь царей**, именно в том смысле, что есть и просто цари (например, царь армянский, царь лидийский или даже среди чисто персидского населения – царь саксаганский). Это не единственный пример: император Эфиопии тоже носил

титул царя царей – "ныгусе негест" (негус негусов). Уже во времена ахеменидского Ирана (Эраншахра), а при Римской империи окончательно в сознании народов складывается идея универсальности империи. Не то чтобы империя могла поглотить весь обитаемый мир: на это претендовал только Александр Македонский, а у него-то империя как раз не удалась. Но веками император мыслился единственным первенствующим среди вполне суверенных правителей и республик. На него возлагали миссию поддержания политического равновесия, элементарной порядочности в международных отношениях. Эта мысль дожила до нашей эпохи. В 1894 г. в одном из французских некрологов на смерть императора Александра III писалось: "...Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости". Другой француз тогда же отмечал, что в царствование Александра III в Европе нельзя было воевать без согласия русского царя, а он этого согласия не давал.

Еще пример, вдвое более близкий к нам. Пробужденный после многовекового сна Мерлин в фантастической "Мерзейшей мощи" К.С.Льюиса узнает, что современная Англия бессильна бороться с демоническим нашествием, и предлагает прибегнуть к помощи императора. Известие, что императора больше нет, повергает великого мага в ужас. Когда лучшие из римских императоров учиняли гонения на христиан (при исключительной веротерпимости Рима!), это было вызвано прежде всего столкновением двух мировых универсальностей – Церкви и Империи. Чтобы, продолжая честно исполнять свой долг, примириться с Церковью, Константин Великий мог стать только христианином. Но уже апостол Павел считает языческого императора Удерживающим мировое зло. Это становится на столетия стержневой идеей христианской философии и политики. В ее развитие появляется принцип "симфонии" Церкви и христианского Царства, которые поддерживают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Причем Церковь, не вмешиваясь в дела управления, имеет право нравственного суждения по любому политическому решению.

Универсальность империи сознавалась всегда. До восстановления Западной империи Карлом Великим для западных христиан императором был византийский василевс. Оттуда: Константинополь – Новый Рим. Пятый вселенский собор признает равенство чести римского и константинопольского епископов, так как последний – епископ царского города. Оттуда же, после захвата Константинополя турками, Москва становится Третьим Римом. Универсальность права подтверждается императором: в Средние века на Западе полноценный юрист должен был иметь диплом императорской школы. При этом он мог вовсе не служить императору, а служить, скажем, французскому королю, который в тот момент мог враждовать с императором. Средневековый университет, вместилище универсального знания, – тоже своеобразное отражение римской идеи универсальности империи.

Трудно не заметить, что империя на протяжении двух с половиной тысячелетий лучше справлялась с функцией вселенского арбитра, чем Лига наций в течение всего лишь двадцати лет или ООН – последние полвека. Поэтому неудивительно, что значительная часть западной политологии и журналистики враждебна самому понятию "империя". Оно противостоит космополитической идее новой мировой универсальности. Забегая вперед, скажу, что империя есть нечто с "царем царей" во главе, объединяющее государства, разумеется, потерявшие часть своей независимости, в основном внешней. По этому принципу была, например, смоделирована – смешно подумать, всего лишь 120 лет назад – германская империя. Не совсем обычная, она ведь не была многонациональной. Но тем не менее она была составлена из независимых государств, которые сохранили определенные прерогативы, и король прусский, став кайзером Германии, оставался все тем же королем прусским.

2. Империя и провинция

а. Самобытность римских провинций.

б. Почта, дороги, водопровод и др. как имперские учреждения.

в. Русь и Касимовское царство.

Может быть, нелишне отметить, что впервые автора подтолкнуло к размышлению о сущности империи. В 1971 г. был выпущен сборник в двух выпусках, которые назывались "Рабство в западных провинциях Римской империи" и соответственно "...в восточных провинциях...". Листая этот сборник, автор, еще студент, с изумлением отметил, что **рабства универсального** там на самом деле **не существовало.** Рабство из школьных учебников, толпы невольников в огромных латифундиях – это встречалось, но только в Италии и Северной Африке, и не везде. Совершенно другим, патриархальным, мелковладельческим, было рабство в Элладе. Оставалось ветхозаветным рабство в Иудее с обязательством отпускать рабов в юбилейные годы. А в Египте и вообще никакого рабства не было, зато имелось зависимое, "крепостное" крестьянство, из чего надлежало сделать вывод, что египетская провинция была феодальной частью Римской империи. Автор стал вникать в детали, обратился к другой литературе и пришел к кощунственному для того времени выводу: провинции, охватывающие почти все Средиземноморье, благополучно сохраняли **нисколько не поврежденный Римом уклад жизни**, со своими обычаями, часто со своим законодательством, со своими неповторимыми социополитическими, социоэкономическими отношениями. Да, их связывал чисто условный, выполнявший роль государственной присяги культ императора. Но и такие **чисто имперские учреждения**, как почта, дороги, в какой-то степени регулируемое мореплавание – к общей радости провинций. И все они были разными, хотя и не все равноправными. Наиболее уважаемыми, наиболее самостоятельными были старые римские союзники, старые римские друзья, близкие по культуре или охотно принявшие Рим. Но все жили поразному.

Таким образом, по крайней мере Рим подсказывал, что империя не может существовать без понятия провинции, а "провинция" – это не оскорбление, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории. В истории Руси классическая иллюстрация сказанного – **Касимовское царство**, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV в. Касимов – это некоторый противовес Казани, но в XVII в. – какая Казань?! Кто мог угрожать на этом направлении России?

А тем не менее никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно остается действительно государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь – это ведь титул императорский. Единственная причина, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, это *пресечение династии.*

Другой пример. 1611 год, Смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ – Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские.

Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, т.е. марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу – враг моего врага мой друг – казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы первой мировой войны по возможности на немцев – слишком натерпелись от англичан.

Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и **отправляются освобождать Москву**. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы.

Вот примеры имперского духа и имперской идеи, того, без чего империя не существует и что является необходимым, хотя, может быть, и недостаточным условием для их существования.

...Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. **Романизация – это дороги, почты, акведуки, водопроводы.** Римская культура была необычайно водолюбивой. Достаточно сказать, что вы-

сокоцивилизованная Западная Европа только к рубежу XIX – XX вв. начала в крупнейших городах доставлять на душу населения столько воды, сколько доставлялось в Риме. И такое навязывание всеми, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства – безусловно, **общее благо** для всего Средиземноморья. Рим правил, опираясь не только на титул римского гражданина, статут муниципия, на звание друга и союзника римского народа. Рим, безусловно, правил под лозунгом *единства во имя общего блага.* И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

3. Империя и провинциальная элита

а. Первый опыт создания империи.

б. Интернационализация знати как римская традиция.

в. "Москва – третий Рим". Для всех.

Есть, разумеется, и другие общие черты империй. Каждая империя стремится создать **имперскую знать**, аристократию, в состав которой обязательно приглашаются представители знати народов, завоеванных империей или, что бывало часто, прибегших к помощи империи. Представление о необходимости создания имперской знати относится к **древнейшему** и, как представляется, первому опыту создания империи – ассирийской, точнее, **новоассирийской державы**. Начиная с Ашшурубаллита Первого, а особенно при великих монархах Синаххерибе, Асархаддоне интенсивно формируется имперская знать. Старинная аристократия Ашшура, связанная с древней столицей, уходит в тень. А в Ниневии интенсивно формируется имперская знать – не только из военных кругов предельно милитаризованной державы (по сути дела, Ассирия – это народ-войско), но и из знати покоренных народов. Это был совершенно осознанный и правильный выбор. Заметим также, что Ассирия была не чужда сохранению и государственных образований внутри империи. Она сохранила Вавилонское царство, но настолько третировала его, что спровоцировала вавилонское восстание, потом разрушение Вавилона. Здесь не было последовательности и разумной политики. Поэтому я говорю только о *первом опыте* создания империи. Что же касается имперской знати, то это, безусловно, и **римская традиция**. Конечно, римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов: "*Греция, взятая в плен, победителей диких пленила*". Это не грек написал, а римлянин, Вергилий. Романизируя, тем не менее римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно – и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами. Точно так же действует потом наследница римской политической традиции – Византия. Если опереться на исследования А.Каждана, то получится, что в средневизантийский период по крайней мере армян вместе со славянами в сумме было больше, чем фамилий истинно греческого византийского происхождения. ...У рус-

ского народа имперская культура вполне сложилась к XVI в. Известный тезис "Москва – третий Рим" не имел **ни малейшего оттенка самодовольства.** Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточнохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься. Тогда же вполне проявляется и важный аспект – включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий, при всем том, что Россия никогда не забывала о своей миссии.

4. Империя и ее союзники

а. Вассал воюет за... предоставление гражданства.

б. О верных империалистах и продажных республиканцах.

На римском примере мы можем увидеть, как в жесточайшей конкурентной борьбе этнос имперский победил и рассеял этнос принципиально не имперский – пунов, карфагенян. Рим – империя задолго до того, как его устройство сменилось с республиканского на монархическое. Кстати, переход был очень плавный, грани здесь нет, тенденция к установлению монархического образа правления много древнее Августа, и после Августа очень долго держались республиканские традиции. Они, по-видимому, **не противоречат** факту существования империи. Римляне, несомненно, были величайшими администраторами древности, величайшими государственными созидателями. То, что было у персов на уровне чутья, гениальной интуиции, у римлян было предельно четко разработано. Римляне великолепно использовали различные **градации** признаваемого **гражданства**: италийское гражданство, латинское гражданство, наконец, на самом верху, римское гражданство. И все это даровалось. Я думаю, что каждый приличный школьник знает о самнитских войнах. За что сражались самниты? Стереотипно мыслящие люди полагают – за свою независимость. Ничуть не бывало. Самниты обрушивались на римлян за то, что те **затягивали предоставление Самнию латинского гражданства.** Представим для сравнения, что Чечня объявляет сейчас войну России по причине непредоставления ей аналогичных прав... Если бы такие войны объявлялись, я бы считал, что с Россией все в порядке. Предоставлением этих иерархически организованных прав римляне созидали стройное здание имперского организма. Классическая формула: "Я – римский гражданин!" – произносилась с такой значительностью и гордостью, что с этим считались везде, даже за пределами империи. Для парфян это тоже звучало. "Я – римский гражданин!" – произносит подозреваемый в антигосударственной деятельности апостол Павел. Это означает, что его нельзя пороть, нельзя пытать, правда, можно казнить, но это будут решать император, имперский суд,

для этого надо подозреваемого этапировать в Рим. Апостола и этапируют в Рим, где казнят. Но по пути он обращает в веру Христову тысячи и тысячи новых прозелитов (согласитесь, это не советский этап).

Действовал и статут города. **Муниципий** – это, в общем, и есть римский полис, только имперский, обладающий самоуправлением, полисными прерогативами, но в рамках империи. Статут муниципия даровался существовавшим полисам, и его принимали с удовлетворением. Принимали не из страха перед римским легионом. Почему?

Римско-карфагенская парадигма давно занимает не только историков, но и поэтов, философов. Ее сущность блестяще раскрывает Гилберт Честертон в своем "Вечном человеке", может быть, даже не полностью. Карфаген как торговая держава был предельно **эгоистичен**. Все войны, которые он вел, – это войны в обеспечение торговых монополий. Карфагенян терпели нехотя. У них были союзники, в основном из тех, кто опасался возрастания могущества Рима, но не любил карфагенян никто. Как любой торговый город-республика, он был слишком эгоистичен. Карфаген мог даже по-обезьяньи копировать римскую политику. Например, лучшим своим солдатам-ливийцам мог пообещать карфагенское гражданство... и его не дать. Самый пламенный патриот Карфагена, великий Ганнибал, пытался немного корректировать эту эгоистичную политику, дарить карфагенские титулы нумидийским царям, даровать ливийцам карфагенское гражданство. Карфагенская аристократия на это не шла и подозревала Ганнибала (может быть, и обоснованно) в стремлении установить царскую власть. Поэтому Карфаген легко лишался союзников. В решающем сражении при Заме Ганнибал мог видеть против себя ту самую нумидийскую конницу, которая столько раз оказывала ему неоценимые услуги.

Карфаген предавал легко. Рим **не предавал союзников** никогда. "Друг и союзник римского народа" – вот, пожалуйста, еще один титул, которым оперировал Рим, создавая империю. Конечно, "друг и союзник римского народа" – это тот правитель, а иногда и город, который должен срочно раскошеливаться на военные нужды, предоставлять свои корабли, участвовать как союзник в войне римского народа. Никакого равноправия здесь не было, это был уважительный, но вассалитет. И Рим являлся властным сюзереном. Но римляне даже в безнадежной ситуации не предавали союзников. Это запоминалось. Вот римский механизм созидания империи, его еще одна чрезвычайно важная черта. Похожим образом вела себя Священная римская империя германской нации. Позднее – австрийская держава, защищавшая любых своих окраинных подданных или союзников от турецкой экспансии. Так вела себя Византийская империя по отношению к христианам Кавказа и Закавказья. Общеизвестно поведение Российской империи. Это не прерогатива России – быть честной по отношению к подданным и младшим союзникам, это **имперская традиция**. Все настоящие имперские организмы в той или иной степени выдерживали этот экзамен.

5. Империи и химеры

а. Завоевали – и не режут?!

б. Имперскость и/или унитарность.

в. Терпимость к народам и терпимость к культурам.

Кто впервые в мировой истории создал настоящее имперское образование? Думается, Персия при Ахеменидах. Как заметил однажды человек, тонко знающий персидскую историю, все приняли радостно или, по крайней мере, терпимо великого Куруша (Кира) **от удивления**. Мол, странные какие-то люди эти персы – завоевали и не режут! Пожалуй, с ними можно жить...

Возьмем пример самый хрестоматийный. Могущественный Крез с репутацией богатейшего человека тогдашнего Средиземноморья вздумал воевать с Киром. Крез проиграл. Что мог сделать Кир? Мог великодушно выгнать вон, но тогда он создал бы себе непримиримого врага, реваншиста. Мог казнить – показательно, жестоко. Но он не делает и этого, а приглашает Креза во дворец, где нарочито титулует его царем. Крез считался лидийским царем, получал почести, даже доход, сохранял определенную власть в пределах Лидии и располагал своим войском. Стоит ли удивляться, что после этого побежденный при каждом удобном случае говорил, что Куруш – избранник богов, и если бы он понял это раньше, то не оказал бы ему сопротивления. Раздавленный монарх не говорил бы таких вещей. Потрясенный великодушием победителя – мог. Ахемениды создали свою державу, и настолько успешно, что, даже когда борьба с Персией была объявлена общегреческим делом, малоазийские греки **сохраняли верность своему царю-персу** и поставляли ему войска. А почему? Потому, что в державе Кира они жили в любезной их сердцу полисной организации. Было за что сохранять преданность Ахеменидам.

Теперь несколько слов – о самоназваниях. Империями называли себя многие государства. Мне представляется целесообразным считать не все организмы, принимающие некоторые элементы имперского устройства, собственно империями. Выше была сделана оговорка: Ассирия пыталась создать империю, но это ей не удалось. Ряд государств в мировой истории даже впрямую называли себя империями, но таковыми не являлись. Безусловно, **самозванкой** была так называемая **Британская империя** – обычная колониальная держава, имевшая основания на свое наименование ничуть не большие, чем, например, Нидерланды. Признаками частей имперского организма в английской политической системе обладали не колонии, а доминионы. Но в них как раз доминировало англосаксонское население. Это были тоже колонии, но в античном смысле этого слова, колонии с действующим лицом – не колонизатором, а колонистом. Колониальные державы посему не есть империи, даже если они так называются. Необычной являлась недолго просуществовавшая **Германская империя**. Она империя лишь постольку, поскольку конкурировала с Австрией за наследие Священной римской империи, очень старалась соответствовать своему названию, но была

державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя. Хотя, безусловно, это государство обладало рядом существенных черт имперской организации. Еще два государства, которые обладали определенными имперскими чертами, но так полноценными империями и не стали: **Турция** и **Китай**. Турки-османы были блестящими администраторами, под стать римлянам. У них могло получиться. Однако их поведение в качестве хозяев положения было настолько непоследовательным, что они постоянно вызывали центробежные настроения не только у многочисленного восточнохристианского населения – славян, греков, сирийцев, но и у подвластных им мусульман, например арабов и курдов. **Турция** не создала единого организма, ее отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX в. с колониями. Поэтому Турция очень легко потеряла свои нетурецкие территории. И хотя даже это повлекло за собой неприятные последствия для ряда малых народов, подпавших под новое владычество, вряд ли можно сейчас найти среди бывших вассалов сторонников идеи возвращения в Турцию. Более того, и сами турки-османы не имеют внутренней установки на воссоздание империи. Вероятно, это может означать, что Блистательная Порта при ее имперском аппарате, какомникаком имперском устройстве не имела имперской идеи. Ничто не удерживало ее на наднациональном уровне. В аналогичной ситуации оказался и **Китай**, но здесь сыграли роль другие факторы. Китайцы были исключительно терпимы к представителям других народов. Однако – абсолютно нетерпимы к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество некитайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай – страна, обладавшая и созидавшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики. Империи вообще – редкое явление. Но тем не менее мы видим, что они существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. И уже это позволяет полагать, что время империй не прошло. Так же как и время монархий, и время республик, которые, кстати, ничуть не моложе монархий.

6. Распад империй: причины и последствия

а. Распадается все, но империя – долгожительница.

б. За "последними римлянами" уходит Рим.

в. Малый и большой всегда объединяются против среднего.

Держава персов была разрушена Александром. Я склонен полагать, что причины крушения объяснила этнология Льва Николаевича Гумилева (старость имперского этноса).

Империя Александра не удалась, оказалась химерой, но после ее распада преемницей имперской идеи становится Селевкидская держава в примерно старых пределах. Потерпели фиаско Селевкиды. Следующие этапы – Парфянская держава, Сасанидская держава. Даже если исключить мусульманский период, то от начала Ахеменидов и до конца Сасанидов империя просуществовала четырнадцать веков. В какой-то степени имперскую идею подобрал и мусульманский Иран.

Позволю себе замечание a pro po. Да, империи распадаются. В этом мире распадается все, даже планеты и Земля когда-нибудь распадутся. Но из всех государственных образований империя – как раз **долгожительница**. Я не знаю, какая держава продолжительностью существования может конкурировать с Эраншахром. Можно привести много примеров, посмотреть, сколько просуществовала идея новой западной империи, если даже начинать ее не с Карла Великого, а с Отто Первого, тоже Великого. Все это будут державы огромной продолжительности жизни. Еще раз соглашусь с Гумилевым: Римская империя прекратила свое существование не потому, что разделилась, ибо она никогда не делилась. Не было восточной и западной Римской империи, а были восточный и западный императоры. У них были свои сферы управления, но империя воспринималась как целостный организм. Если бы дело было только в разделении, то тогда почему не удалось восстановление былого единства? Ведь его блестяще провел к середине VI в. император Юстиниан Великий. А дело вот в чем. Как мне кажется, империя, имея федеративное устройство (тем самым я утверждаю, что унитарная держава не есть империя), обязательно **опирается на стержневой этнос**. (Это наводит на осторожную гипотезу, что империя органичнее, например, федерации, она живой организм, она более связана с этносом.)

Действительно, мы всегда можем назвать имперские народы – персов, римлян, средневековых греков-византийцев (которые называли себя римлянами), немцев, русских. Нормальное окончание существования империи – это **исчерпание сил имперского этноса**. Где находим подтверждения? В истории Ирана – несколько раз. Во всяком случае, конец империи Ахеменидов и конец империи Сасанидов – это явно усталостные явления, закат этносов. У римлян это не оспаривает ни один исследователь античного мира. Сначала полководца Аэция, потом и философа Боэция называли последними римлянами. После гибели последнего римлянина не мог существовать и Рим. Византия даже пережила свой век. Здесь закат средневекового греческого этноса явно проявился в 1204 г., когда крестоносцы взяли Константинополь.

Россия была, безусловно, полноценной империей, но она прекратила свое существование **раньше**, чем состарился имперский великорусский этнос. Не здесь анализировать причины распада Российской империи. Версий очень много. Одна – что никакого распада вовсе не было. Другая объясняет случившееся исключительно внешними по отношению к России факторами. Есть версия, что повторилась австрийская ситуа-

ция: стержневой этнос, русский, уклонился от выполнения имперских функций. Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что **в 1917 г. повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й**, после чего, как известно, империя была восстановлена. Я думаю, что никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя и империя восстановлена быть не может.

...Представляется очевидным, что наиболее удобной, бесконфликтной является жизнь общества моноэтнического, но такое бывает чрезвычайно редко. Большинство из когда бы то ни было существовавших государств полиэтнично. Так вот, **среди немоноэтнических государств наиболее удобные условия для этносов предоставляли как раз империи**. Империя универсальна по своей идее, в силу этого она наиболее терпима. Империя всегда уравновешивает народы, а ведь было бы странным упрощением считать, что в государствах, тем более в имперских образованиях, существует только соотношение: большой народ – и множество малых. Среди подданных Рима существовали численно значительные копты, кельты, эллины, не столь значительные сирийцы, а иберов, последних этрусков было совсем немного. Жил какой-то странный народ на Балеарских островах, про который мы даже не знаем, кто они такие. Они тоже были подданными Римской империи. Мы вправе говорить о том, что существуют имперские и неимперские народы, этносы. Трудно сказать, врожденный ли это этнокультурный стереотип, который позволяет приступить к созиданию империи, или он приобретается в процессе созидания. Я склонен полагать, что он **исторически складывается**. Но способность выработать подобный стереотип – это условие и путь к созданию империи.

Если схематизировать этническую структуру некой обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя – защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: **"малый" всегда с "большим" против "среднего"**. Действие этого правила мы наблюдаем сейчас на территории нашей страны, анализ чего, кажется, не входит в наши задачи сегодня. Поэтому распад всякой империи, чем бы он ни вызывался, – всегда вселенская скорбь, всегда стон не только людей, а множества народов. Высвободившиеся из-под имперской опеки – не обязательно владычества, скорее опеки – более многочисленные средние, не имевшие навыка руководства имперским организмом, первым делом ужесточают положение малых народов. Немедленно! Империи даже не обязательно для этого полностью разваливаться. Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским, весьма прилично к немцам, ничего дурного о них, австрийских властителях, не помнят. Но при слове "мадьяр"... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А все почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория досталась

венграм. Венгры – не злодеи, конечно, а просто *средний народ, не имеющий имперских навыков*. И это тут же чудовищно ужесточило положение малых.

7. Имперская идея на Руси

а. Созвучие идей универсальности Церкви и универсальности государства.

б. Русский имперский этнос выковала православная Церковь.

в. От "своих поганых" к просто "своим".

Если уж мы заговорили о распаде империй, имеет смысл вернуться к тому, что удерживает их от распада, иногда вопреки стратегическим, этническим факторам, против которых, казалось бы, не попрешь. Речь об имперской идее. О Риме уже говорилось. То, что Рим нес благо общего спокойствия, гражданского благоденствия, **признают даже авторы Нового Завета**. Рим сменяет Византия. У нее стержневая идея гораздо мощнее. Это христианская держава, для каждого ее подданного сохранение империи, ее оборона, защита ее интересов – христианский долг. Для него соотечественник – **любой другой подданный православного царства**, более того, каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был, а они бывали очень замысловатого происхождения. Все они свои, все сородичи, такими их помнили. Идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией (религией большинства, а не религией всех!). Почему так случилось? Думается, потому, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались **созвучными**. Доказательства? Их очень много. Интересно, что когда после большого интервала на Западе была воссоздана империя (800 г., коронация Карла Великого), совершенно спокойно продолжали пользоваться наименованиями "западный император" и "восточный император". Хотя, конечно, налицо были разные государства, и не самые дружественные – империя Каролингов и Византия. Но в сознании народов империя **оставалась единой**. По сути дела, несмотря на разделение церквей, эта традиция сохранялась вплоть до гибели Константинополя. Надо сказать, что славянорусы домонгольского периода были совершенно **не имперским народом**, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в обстановке спокойной, на обширном, малонаселенном ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, вольнолюбием и установкой на федерализм. Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель-княжеств. Среди князей выделялся для общего удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом – Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако – против единой державы. Усилия объединителей Андрея Боголюбского и Всево-

лода III, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

А русские – этнос XIII в., который складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока, отторжения литовским, частично польским государствами западнорусских земель и ордынского владычества. Идея Владимирской державы, идея Андрея и Всеволода, сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII в. дрались **за добычу**, престиж, искали "себе чести, а князю славы", дрались за сферы влияния и рынки. А усобицы XIV в. – это борьба трех сторон **за создание Владимирской державы**: Суздаля, Твери и Москвы. И борьба двух сторон **за создание империи**: Владимира и Вильны.

Русские XIV в. уже обладают государственным инстинктом, что пока говорит лишь об определенной способности народа, потенциальной пригодности к воспитанию из него народа имперского. Импульс к созданию Российской империи, как представляется, был **привнесен извне** – не из Орды, не из Византии как государства, а из кругов вселенской православной Церкви. Церковь стремилась создать христианское царство как свою опору и приобрела его в Риме при Константине Великом. Церковь сохранила свое достояние в виде Византийской империи. В XIV в. любой русский, который побывал в Константинополе или хорошо был осведомлен о тамошних делах, прекрасно представлял себе, что империя идет к закату и скорее всего не выживет. А уж гректо в этом точно не сомневался.

Обратим внимание на характерную деталь. С момента ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди. Галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, москвич Алексий, болгарин Киприан, грек Фотий... Они разноэтничны и разнокультурны. **А действуют как одно лицо**. Даже политические симпатии у них несхожи. Не менялось одно: установка на созидание Российской державы. Церковь готовила в XIII в. союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV в. – ее преемницу. У князей такой четкости не было. Таким образом, созидателей государства из русских выковали враги, но как этнос имперский – идея православного царства, миссия защитника христиан. Поэтому религиозно и, что гораздо более существенно, культурно, я полагаю, Россия как империя была **запрограммирована**. Далее. Что программировало русский имперский этнос на, так сказать, обиходном, бытовом уровне? Тут многое разработано евразийцами, которыми столь увлекаются в последнее время. Я укажу важный аспект, который они проморгали, не придали ему большого значения. Русь ухитрялась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния **кочевников и полукочевников**. Вот этого не достигли ни римляне, ни византийцы, ни даже персы, потерпевшие неудачу в Туране.

Русские сумели. Торки и берендеи, затем половцы в XI в. именовались "свои поганые", в смысле "свои язычники", без всякого уничи-

жения. В XII в. они остаются *своими*, но перестают постепенно быть *погаными*; среди половцев и особенно торков все больше появляется христиан. Политически подчинившись Орде, Русь незамедлительно организует в Орде миссионерскую деятельность. Подразумеваю основание Сарайской епархии в 1261 г. Тогда миссия не увенчалась успехом по причине явной слабости народа. Было просто рано.

8. Российская империя

а. Она существует с XV в.

б. "Царь" значит "император".

в. Западничество ведет к нарушению долга.

г. СССР – неудачная пародия.

Россия приобретает черты империи, сохраняя автономию инородческих правителей, еще не став единой и независимой державой. В XVI – XVII вв. эта практика сохраняется: мы видим в составе империи Казанское, Астраханское, Сибирское царства. Кстати, Казань около века никто не собирался завоевывать. Россию вполне устраивала независимая Казань при дружественной династии, так сказать, "друг и союзник русского народа". Только укрепление на казанском престоле крымской династии, явного врага и турецкого агента, вынудило к жестким мерам. Впрочем, большинство территорий вошло в состав Российской империи добровольно. Некоторые по двести лет домогались права стать подданными России, как это было с мелкими властителями разных грузинских царств и княжеств. А вот идею имперскую, идею православного царства Россия приняла из рук погибшей Константинопольской империи в царствование великого создателя нашей державы Иоанна III. Интересно, мы – единственная страна, где нет памятника ее основателю? И, конечно, дело было не в браке с Софией Палеолог (империю в приданое получить даже русским не удалось бы). Мы приняли тяжелое наследство: оберегать Церковь, стать основным центром восточнохристианской культуры, помогать православным народам, особенно порабощенным. А к середине XVI в. за пределами России все православные были порабощены либо западными христианами, либо мусульманами. Россия получила Двуглавого Орла – символ симфонии Церкви и Царства, сам же Иоанн принял титул "царь". Во многих книгах можно прочесть об основании Российской империи в 1721 г. Это совершенно неверно. Обратите внимание, как сопротивлялся Запад титулованию русского государя "царем" в XV – XVI вв. (особенно Вена – столица Западной империи). Все объясняется просто: "царь" и значит "император". А в 1721 г. Петр I заменил православный русский титул на западный того же достоинства. Потому-то нового сопротивления и не было. Так что история петербургской империи – простое продолжение истории России как империи. К сожалению, в некоторых чертах Россия XVIII – XIX вв. отступает от норм безупречной имперской политики. Петр I создал самое бюрократическое государство своего времени. Всю остальную свою историю Россия боролась с бюрократизацией, смягчая

петровскую систему, но многое осталось. Бюрократия по сути своей стремится к унитарности. Но унитарное государство, как мы видели, не есть империя.

Россия петербургская безусловно пренебрегала первенствующим положением стержневого имперского этноса. В основном великороссы несли военную службу. И в основном великороссы были крепостными. Римляне тоже предпочитали римские легионы вспомогательным союзническим. Но если один этнос проливает больше крови, то остальные, естественно, должны больше пахать – в прямом и переносном смысле. Еще больше было утрачено в культурной ориентации в силу тенденций "западничества". Антицерковные петровские реформы разрушили симфонию, екатерининская секуляризация закрепила эту тенденцию. Церковь так и не удалось превратить в один из департаментов бюрократического государства, что довольно легко удавалось в протестантских странах, но империя почти лишилась сурового стража совести, а заодно и могущественного союзника. Примеры поразительно антиимперской (и антинациональной, кстати!) политики оставил нам Александр I. Стремясь быть благодетелем Европы, он уклоняется от православной политики на Балканах, ослабляет помощь грекам. Стремясь облагодетельствовать поляков, дарит им единую Польшу, которую тогда допустили бы существовать только под русским скипетром. И за это оставляет в руках Австрии исконно русские земли Галиции вместе с возможностью спасти от естественной смерти унию и вырастить к концу XIX в. украинский сепаратизм под австрийским желто-голубым стягом.

Однако, несмотря на указанные деструктивные тенденции, Россия в петербургский период как никогда успешно исполняет свой имперский долг. В так называемых "разделах Польши" она освобождает предков нынешних украинцев и белорусов; в войнах русско-турецких и кавказских – греков, сербов, болгар, молдаван, грузин, абхазов, осетин, армян... И имперская элита в России выращивается столь безупречно, что революционерам пришлось устроить обильное кровопускание почитай всем народам империи.

А СССР? Была ли советская империя? Или сталинская "Империя зла"? Решительно полагаю: все эти термины существуют лишь для дискредитации идеи империи. Прежде всего советское правительство сразу и демонстративно переориентирует внешнюю политику, сознательно разрушая имперское наследие. Мы курировали Балканы? Вон с Балкан! И еще Кемаль-паше денег побольше, чтобы воевал с греками и армянами, которых Россия всегда поддерживала! (Причем деньги ему передаются как раз во время голода в Поволжье и ограбления храмов!) Стержневой этнос? После 1917 г. великороссы всегда были если не истребляемым, то угнетаемым народом. Доказательства тому в изобилии приводит демография. Имперская культура уничтожалась, начиная с Февраля и по наши дни. Внутренняя политика даже самого жестокого из советских – сталинского режима была принципиально антиимпер-

ской: "средним" этносам не мешали втихую дискриминировать, а то и ассимилировать "малые". Так, латгальцы оказались "латышами", гуцулы и русины – "украинцами", памирцы – "таджиками". Общее число этносов за советское время сократилось вдвое (на бумаге, конечно). И самое главное: советская национальная политика включала попытку химеризации, создания ложноэтнической общности "советский народ".

9. Россия будущего: варианты выбора

а. Изоляционизм как симптом культурного упадка.

б. Русский этнос в фазе надлома.

в. Важнее не сколько земель, а какие земли.

Что бывает, когда имперский этнос начинает вести себя не "по-имперски"? По-видимому, это проявляется двояко: в отказе защитить старого союзника, старую провинцию, – и в отказе от самой идеи империи, в стремлении к изоляционизму. В австрийском варианте, например, это в конце концов привело к изоляционизму, желанию замкнуться в южногерманском, австрийском анклаве. В сегодняшней России такая тенденция есть, она достаточно широко распубликована. Корни явления, конечно, не в сфере этнологии. Это чистейшей воды **культурный упадок**, который, в отличие от этнического, может преодолеваться. Смею полагать, что если русские начинают легко переносить потерю бывших многовековых территорий Российской империи, то вскоре они перестанут по-имперски вести себя и с теми инородцами, которые остались на территории России. Это **взаимосвязанные явления**. Изоляционизм – опасная штука, изоляционисты гораздо менее справедливы и уж точно менее терпимы к малым сим, нежели империалисты. Если учесть, что русским уже объяснили понятие мигрант, будет неудивительно, если в самое ближайшее время о мигрантах заговорят русские.

Я принимаю, хотя и с известными оговорками, этнологическую теорию Л.Гумилева. Как ее осторожно ни применяй – у русских тяжелая фаза, **фаза надлома**. За выход из надлома немцы заплатили едва ли не тремя четвертями жизней, Тридцатилетней войной. Но оставшейся одной четверти немцев вполне хватило не только на битву с численно превосходящим противником в двух мировых войнах, но и на создание немецкой классической философии, немецкого романтизма, потрясающей немецкой музыки, много еще чего и, наконец, нынешней вполне благоденствующей Германии. Сегодня по многим аспектам это мощнейшая держава в Европе. Так что в нашей шкуре побывали и другие народы. И доказали, что из надлома все-таки выходят.

Неизбежен ли для нас 1453 год? Абсолютно неизбежен, в мире все заканчивается. Завершается история народов, следовательно, и государств, и империй. Правда, с одной маленькой оговоркой: бывают этнические подъемы, и тогда имперская эстафетная палочка передается по наследству. Это прослеживается, скажем, на примере Ирана. Мы не

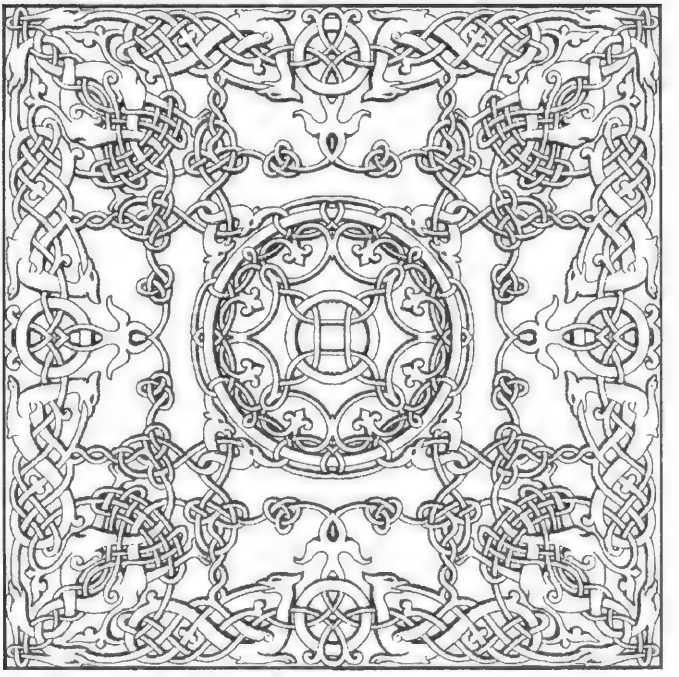
знаем, кто явится нашим наследником через несколько столетий; восстановится ли Россия как имперский организм или распадется. А может быть, она передаст эстафетную палочку. Я не пророк. Но позволю себе историческую аналогию. Когда в середине XIII в. **Александр Невский** спасал Русь, Русь совсем не хотела, чтобы ее кто-нибудь спасал. Александр Ярославович скончался на 43-м году жизни, хотя был крепким, здоровым, красивым мужем. Он надорвался, не вынес этой тяжести. Но исторически-то оправдан оказался Александр Невский! Он не знал этнологической теории Гумилева, руководствовался чувством долга, интуицией, не более того, как многие политики. И остался самым популярным правителем в исторической памяти нашего народа. Во всяком положении нужно просто достойно себя вести. Что же касается ориентации на будущее, то, как я думаю, возможны **три варианта выбора**. Можно стать на путь **изоляции** и породить скорее всего пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь – он, кстати, спокойный. Возможно **возвращение к имперскому самосознанию**. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен застолбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 г. вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получат необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи. Есть третий путь, не исключающий второго. Я бы его назвал **культурологическим**. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре – **восточнохристианской**. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем – мы можем воссоздаваться в таком ключе. Тем русским, которые ориентируются на такой вариант выбора, важно не сколько у них будет земель, а главное, **какие** это будут земли. Элементарная геополитика подсказывает, что Россия как классическая двубереговая держава не может держаться за Балтийское и Черное моря мизинцами, а должна все-таки держаться руками.

Что подсказывает культурология вопроса? Россия – страна восточнохристианского происхождения, восточноевропейская. Вследствие этого она не может подчиняться тем внутренним и внешним процессам, которые подталкивают ее сползание в глубь Азии. Что такое Россия без территорий по Днестру, без Закавказья, без Прибалтики, но со Средней Азией? Я никого не хочу обидеть, и пренебрежение к среднеазиатам мне чуждо, как и агрессивные амбиции в отношении тех, кто уже давно созрел для отделения. Я утверждаю только: Россия всегда экономически, политически, стратегически **тяготела к Балканам и Ближнему Востоку**. Россия – страна восточноевропейской культуры и должна тяготеть к Восточной Европе. Это ее нормальное состояние. Отовсюду слышится вопрос: а что, если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям – тогда плохо. Амбиции – это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория – наша земля, и отделяться они могут, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам. Многие считают, подобно льюисовскому Мерлину, что империя необходима. Я встречал печальные суждения не только глубоко религиозных православных, но и католиков, и мусульман, что, если Россия не восстановится, человечество выйдет на финишную прямую своей Истории. Это убеждение, конечно, лежит вне строго научного анализа, как и еще одно соображение. Византийцы сохраняли империю столько, сколько оставалось сил у имперского этноса "ромеев". Может быть, у них будут свои неприятности на Страшном Суде, но свой национальный долг они выполнили, что могут смело свидетельствовать перед Творцом.

А вот русским рано еще уходить с исторической арены. И передать эстафетную палочку – имперский скипетр – некому.

К РЕКОНСТРУКЦИИ "ВТОРОГО МИРА"

А. ПАНАРИН



По мнению автора работы, сегодня сложились два во многом альтернативных типа сознания: «цивилизационный» и «геополитический». Первый воспринимает мир как единый или идущий к единству. Второй — как войну всех против всех, где никому не гарантировано «жизненное пространство». Панарин не сомневается, что осевой идеей мировой истории является все-таки универсализм, становление общечеловеческой цивилизации, хотя это и не линейно-поступательный процесс. «Цивилизационное» сознание он предпочитает агрессивно-комплексующему «геополитическому». Но пространство СНГ должно стать, по его мнению, не «первым» и не «третьим», а «вторым миром». В поисках новой целостности на континенте автор с надеждой посматривает на евразийскую модель.

© Панарин А.С., 1995

1. 90-е годы: смена вех (Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма)

Девяностые годы отмечены резкой сменой вех, касающейся культурно-исторического самосознания народов России, Европы, а может быть, и всего мира.

Совсем недавно "постсоветское" обществоведение праздновало освобождение от формационной догматики в пользу цивилизационного подхода. Это означало обращение на новой основе к христианскому универсализму, к идее единого человечества, в котором "нет ни эллина, ни иудея", что предвещало и практическое возвращение страны в лоно единой мировой цивилизации.

Кроме того, это означало новую секуляризацию и демилитаризацию общественной жизни в бывших социалистических странах, население которых страдало от деспотичной власти, олицетворяемой двумя архаичными институтами: партийной теократией, ревниво следящей за тем, чтобы никакое цветение жизни не нарушало аскезы "революционного завета", и армейской казармой, где подданных рассматривают как стоящих под ружьем.

Альтернативная им идея нового мирового порядка основывалась на сочетании пацифизма и эмансипаторства, принимающего порою гедонистический образ "единого потребительского общества".

Наконец, цивилизационная идея была связана с ожиданиями того, что опасная стихия революционного скифства, выступающего под лозунгом "в переходную эпоху все позволено", будет наконец преодолена, подчинена порядку, закована в гранит цивилизационных правовых, моральных и культурных норм.

Эсхатологическое время конца старого мира должно было смениться стабильным срединным временем, равно удаленным и от варварских стихий начала истории, и от роковых развязок ее конца.

Соответственно торжеству срединного времени провозглашалось и торжество среднего класса над всеми социальными маргиналами, всеми изгоями цивилизации.

Все как будто обещало победоносную поступь цивилизационного процесса, преодолевающего внешнее и внутреннее варварство, постепенно интегрирующего внутренний и внешний пролетариат (Тойнби) и в итоге обещающего новый мировой порядок.

Тяготеющее над человеком в течение тысячелетий "цикличное время", то воодушевляющее его, то отбрасывающее назад, казалось, окончательно сменяется линейно-поступательным.

Катастрофа наступила, как всегда, внезапно и при этом в открытой христианством "диалектической" форме: кульминационный момент торжества обернулся моментом срыва, падения.

В качестве главного препятствия цивилизационного процесса воспринимался Советский Союз – оплот внутреннего и внешнего пролетариата, постоянный нарушитель Хельсинкских соглашений, преграда на пути объединения всей Европы.

Внезапная "безоговорочная капитуляция" Советского Союза, потерпевшего поражение в холодной войне с Западом, стала одновременно и кульминацией цивилизационного процесса, и его крушением.

С одной стороны, произошла небывалая в истории России переориентация на ценности "атлантизма" правящей элиты, заявившей о твердом намерении возвратить страну в "европейский дом". Эталонное в цивилизационном отношении пространство Запада резко расширилось за счет падения Берлинской стены, объединения Германии, крушения коммунистических режимов от Эльбы до Владивостока.

Но, с другой стороны, вслед за крушением СССР произошла резкая архаизация всего евразийского пространства: наружу вырвались старые демоны этноцентризма, национализма и сепаратизма; вспыхнули военные конфликты; поднял голову религиозный фундаментализм; на юго-востоке бывшего СССР стали возникать режимы, весьма напоминающие старые восточные деспотии. Мир гарантированных границ, закрепленных международными соглашениями, внезапно сменился миром, не имеющим территориально-правовых гарантий. Его пространство несет явные черты варварской, кочевой динамики, дионисийской стихии, грозящей затопить все границы, сделать проблематичными международные политико-правовые, цивилизованные нормы.

В этих условиях оживает и активизируется иной, геополитический тип сознания, в чем-то явно альтернативный цивилизационному. Он связан с ощущением состояния мира как войны всех против всех, где никому не гарантировано "жизненное пространство" и где смогут выжить только сильные и до зубов вооруженные.

Цивилизационная презумпция доверия готова смениться презумпцией всеобщего недоверия, с позиций которого формулируется жесткая дилемма поведения: агрессивное наступление или глухая оборона изоляционизма. Вместо философии открытого и однородного пространства – гарантии партнерского обмена – формируется философия "закрытого" или "разорванного" пространства. Не случайно геополитический тип сознания резко оживился накануне первой мировой войны, а пик геополитических изысканий пришелся на 20 – 30-е годы, и центром их стала поверженная, "изгойская" страна Запада – Германия.

Если цивилизационный тип сознания в чем-то существенном соответствует парадигме Просвещения и его системе оптимистически-рационалистических ожиданий, то геополитический тип представляет собой ревизию Просвещения с позиций органицизма, социал-дарвинизма и "дионисизма". Вместо презумпции единого (или идущего к единству) мира в геополитическом сознании довлеют различные пары манихейских оппозиций, питающих энергетику взаимных противостояний. При этом характерной особенностью геополитического мышления, в отличие от цивилизационного, является его "натуральный" характер. Здесь биология, антропология и география берут реванш над социологией. А в глубинном социокультурном смысле натуралистическая парадигма неоязычества – парадигма "тела" – вытесняет христианскую парадигму духа.

Открытия геополитического неоязычества касались то роковой несовместимости латинского и германского духа (Густав Ле Бон), то несовместимости германства и славянства, то противостояния белой и желтой рас, то, наконец, противостояния между морскими и континентальными народами (Ратцель) и близкой этому дихотомии "хартленд – римленд"[1] (Спайкмен). Дело не в том, что все перечисленные противопоставления носят бессодержательный, целиком надуманный характер – по крайней мере некоторые из них вскрывают весьма важные моменты дифференциации мира и могут служить важным подспорьем политической аналитике и прогностике. Дело в том, что все они утверждаются в натуралистическом качестве – как вечные, неизбывные, неподвластные каким бы то ни было цивилизационным усилиям человечества. Здесь древняя языческая "правда" неизменного или вращающегося по кругу мира восстает против христианской "правды" перерешаемой судьбы и линейной исторической перспективы, ведущей к конечному торжеству Добра над Злом.

Или, если пользоваться "светскими" терминами, геополитический тип сознания утверждает отступление ноосферы под давлением геобиосферы – природных детерминаций коллективного человеческого поведения. Надо сказать, этот детерминизм содержит в себе один социокультурный парадокс, сообщающий ему убедительность в борьбе с социологической парадигмой Просвещения. Суть в том, что Просвещение целиком отдается сциентистской "логике объяснения" – картине мира, где нет тайн, связанных с автономным статусом единичного – целостностью, уникальностью, неповторимостью. Не случайно романтизм в свое время восстал против просвещения, защищая эстетическую картину мира в противовес аналитической, связанной с торжеством всеобщего и тиражируемого над единичным и уникальным.

Геополитический тип мышления в чем-то наследует дух этой романтической критики Просвещения, утверждая несводимость существования к сущности, феномена – к закону (устойчивой, повторяющейся связи явлений). Но опору уникальности он ищет не во внутреннем мире культуры, а во внешнем мире природы, утверждая непреодолимое давление биологии и географии на историю и их конечный реванш над ней. Эволюция европейской культуры отмечена циклами, в чем-то совпадающими с кондратьевскими. В "повышательной" фазе, когда довлеют оптимистически-завышенные ожидания прогресса, природные детерминанты и ограничения как бы сводятся на нет и утверждается перспектива безостановочного пути в "светлое будущее".

В "понижательной" фазе активизируется сознание ограничений – ресурсных, экологических, демографических и т.д. Иными словами, ощущается реванш языческого (натуралистического) пессимизма над парадигмой христианской духовности, запрещающей оглядываться на природные (физические) обстоятельства и не видящей в них настоящей преграды.

---

[1] От англ. heart – сердцевина, центр; rim – кромка, край – зона морских побережий.

Наряду с этим наблюдается еще одна дифференциация. "Повышательной" фазе сопутствуют универсалистские ожидания человечества, идущего к своему "окончательному единству". Морфология разнокачественного мира связывается с пережитками прошлого, преодолимыми в перспективе прогресса. Напротив, в "понижательной" фазе активизируется сознание драматической неоднородности мира, разъединенности отдельных его частей, развивающихся с неодинаковой скоростью, а то и вовсе идущих в разные стороны. Тема всеобщего прогресса сменяется темой судьбы – неодинаковой у всех и при этом ненадежной, переменчивой. Мир раскалывается на победителей и неудачников – изгоев прогресса. Если первые тяготеют к парадигме объяснения – оценивают свое благополучное положение как закономерный итог всей предшествующей эволюции, то вторым ближе парадигма понимания – интуиция уникально складывающейся судьбы, не подчиняющейся "общим закономерностям" и рационалистическим предожиданиям. Не случайно Л.Толстой заметил, что все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Цивилизационное сознание представляет собой мироощущение заслуженного успеха; геополитическое сознание активизируется как сознание незаслуженной обиды.

У нас скачкообразность перехода от цивилизационного типа видения к геополитическому, несомненно, объясняется быстротой перехода от мироощущения страны, избавившейся от оков тоталитаризма и праздную свою приобщенность к передовому и победоносному "свободному миру", к мироощущению изгоев, потерпевших сокрушительное поражение в третьей мировой войне и испытывающих все последствия этого поражения.

В чем специфика геополитического видения по сравнению с цивилизационным? Главное отличие геополитического сценария от цивилизационного состоит в презумпции государственного одиночества. Цивилизационный сценарий исходит из картины упорядоченного, структурированного мира, где над каждым суверенным государством возвышается некая суперсистема – свод наднациональных, надгосударственных норм, которым все подчиняются, создавая тем самым стабильное пространство предсказуемости.

Геополитический сценарий исходит из другой, номиналистической установки, согласно которой действительной реальностью являются изолированные организмы – государства, ведущие трудную и опасную борьбу за выживание, а вся цивилизационная суперсистема – международное право, "новый мировой порядок", единые общечеловеческие интересы и т.д. – представляет собой конвенциалистскую призрачность – "дружбу до первого милиционера".

Геополитический "экзистенциализм" настаивает на принципиальном **одиночестве** государств и народов в этом мире, и потому его доминирующим мироощущением является **тревога**. Он не верит ни в какие цивилизационные гарантии: в мире нет гарантий, в нем господствуют столкновение разнонаправленной воли и коварство случая.

Надо сказать, интуиции геополитического сознания в чем-то существенном корректируют ощущение застрахованности от хаоса, свойственное цивилизационной идеологии.

В 90-е годы стало вполне возможным то, что казалось "навсегда преодоленным" с позиций цивилизованного порядка. Взять хотя бы проблему границ: она казалась "навсегда решенной" в Европе, во-первых, в силу особенностей ядерной эпохи, в которой всякая насильственная ревизия границ чревата всеобщей катастрофой, и, во-вторых, в силу закрепления сложившейся после второй мировой войны геополитической структуры мира системой общепризнанных договоров.

Обвал 90-х годов показал, что и в ядерный век государства и народы лишены гарантированного пространственного, геополитического статуса: старая истина восторжествовала над понятием нового мирового порядка. Аналогичной оказалась и судьба многих других цивилизационных приобретений человечества. Демоны изоляционизма, авторитаризма, братоубийственных конфликтов и кровной мести казались навсегда "заклятыми" и закованными цивилизационным разумом. Но стоило распасться послевоенному порядку, они тотчас же проснулись и потребовали человеческих жертв. Вчера еще казалось, что в современном "идущем к единству" и взаимозависимом мире система мирового порядка представляет надежную реальность, а мировое сообщество – ее гарант, мобилизующий свою энергию для защиты единых политико-правовых норм и гуманистических кодексов.

Однако стоило распасться биполярной структуре мира, как появились "мягкие" в геополитическом отношении пространства, и сразу же проявился неразумный эгоизм множества держав, готовых "прибрать их к рукам", не оглядываясь ни на какие международные нормы и мнение мирового сообщества.

Так стал оправдываться пессимистический натурализм геополитического сознания. Парадокс новейшей истории в том, что биполярная структура мира, несмотря на свои ужасающие издержки, связанные с бессмысленно расточительным соперничеством двух сверхдержав, все же больше соответствовала ожиданиям цивилизационного сознания, касающимся мирового порядка, стабильности, предсказуемости и "единых пространств", чем нынешняя бесструктурность, грозящая похоронить всякий порядок.

Достоянием нашего новейшего, обретенного в 90-х годах опыта является осознание того, что понятие мирового порядка включает в качестве необходимого компонента момент **силового контроля**. Связанные с этим понятием парадоксы состоят в следующем: а) крупные державы, обладающие большим потенциалом взаимного разрушения, ведут себя, как правило, более сдержанно и ответственно, чем более мелкие; б) мировой порядок – не столько имманентная структура, сколько результат внешнего контроля со стороны крупных государств – организаторов единого пространства в рамках определенной геополитической ниши. Словом, мировой порядок – не столько продукт либерально-демократического комплекса, связанного с идеологией свободы,

равенства, братства, терпимости и консенсуса, сколько наследие старой римской идеи **контролируемого пространства.**

Разрушение "римской идеи" под любыми предлогами, в том числе и с позиций либерально-демократической благонамеренности, чревато, как уже показал опыт "парада суверенитетов" в бывшем СССР, провалами в доцивилизованное состояние "войны всех против всех".

Постсоветский опыт "вхождения в Европейский дом" показал и другое: "римская идея" сразу же оказывается безнадежно утопической, если исходить из постулата одного Рима – моноцентричной мировой системы, контролируемой из единого центра. В мире со времен распада Древнего Рима на Восточный и Западный существует по меньшей мере два Рима – две качественно специфичные стратегии организации геополитического пространства, приспособленные соответственно к гомогенной западнохристианской и гетерогенной восточной (православно-мусульманской) частям ойкумены.

Естественно, интеграция каждого из этих двух типов пространства требует разных стратегий.

Иллюзии правящих российских "демократов" связаны либо с постулатом демократической имманентности мирового порядка, якобы целиком построенного на взаимном согласии, а не "римской идее" внешнего контроля со стороны сверхдержав, либо с постулатом американоцентричного мира, контролируемого из единого центра.

На это можно возразить: мир достаточно разнороден, плюралистичен, чтобы не быть организованным по единому шаблону; мир слишком разнороден, чтобы рассчитывать на имманентное согласие, лишенное подпорок силового контроля.

Поэтому реальные альтернативы российской геополитики могут быть связаны либо с римской идеей сверхдержавы, организующей евразийское пространство согласно новому разделу сфер влияния между западным и восточным "Римом", либо с "романтической" геополитической концепцией "государственного одиночества" России в мире, не имеющем гарантий. Первая концепция объективно является **конвенционалистской** и исходит из реальности супергосударственных систем в современном мире. Вторая – радикально номиналистической, не признающей других реальностей, кроме государственного суверенитета и государственного эгоизма.

Россия не может игнорировать ни собственную геополитическую традицию, ни систему внешних ожиданий, обращенных к ней (негативно или позитивно) как держателю хартленда. Ей необходимо понять, что она не может по своему произволу перейти из разряда континентальных держав в разряд океанических. Здесь самые горячие намерения, касающиеся возвращения в Европу или послушного следования Америке, помочь не смогут. Пребывание в континентальном евразийском пространстве как неперерешаемая особенность российской судьбы накладывает свои ограничения на политический выбор и геополитическое творчество. У евразийского пространства есть своя геополитическая логика, которую невозможно игнорировать. В чем она конк-

ретно заключается и в чем ее отличие от цивилизационной логики? Цивилизационная логика в современную эпоху может интерпретироваться как логика перехода от индустриального общества к постиндустриальному, с соответствующей сменой парадигм поведения, а заодно и снятием тех ограничений (ресурсных, территориальных, демографических и т.п.), которые ставила индустриальная эпоха. Геополитическая логика отражает столкновение старых, "инвариантных" факторов, связанных с топографией государства, с памятью веков, зафиксированной в политической истории и географии, и новых, вариативных. Реванш "инвариантов", что характерно для "понижательной" фазы кондратьевского Большого цикла, как раз и отражает специфику современного постмодернистского, постпрогрессистского сознания – экологического, геополитического, этнологического.

В этой связи возникает одна важная методологическая проблема: определить, в какой мере процесс дезинтеграции постсоветского пространства является реакцией на явно устаревшую систему большевизма, а в какой – представляет реванш древних геополитических и социокультурных дифференциаций, длительное время подавляемых и загоняемых вглубь?

А за ней стоят другие, историософские проблемы. Ритмика мировой истории пульсирует. В ней чередуются то интегративная фаза, связанная с механизмами становления единых надэтнических пространств, то фаза дезинтеграции, связанная с активизацией старых и появлением новых форм социокультурной дифференциации, обособления, противопоставления. Я лично не сомневаюсь, что осевой идеей мировой истории является универсализм – логика становления общечеловеческой цивилизации. Но эта логика проявляется не в линейно-поступательном времени, а в цикличном. Поначалу вновь обретенные цивилизационные синтезы хорошо работают: раскрепощают человеческую энергию, стимулируют созидательные процессы, способствуют повышению уровня мотивации – обретению воодушевляющего смысла жизни. Затем постепенно эти синтезы ветшают, превращаются в оковы, тормозят и обессмысливают инициативу. С одной стороны, обнаруживается их внутренняя исчерпанность, неспособность выполнять цивилизующие функции в соответствующей части ойкумены, а с другой – назревает потребность в более масштабных синтезах, с высоты которых прежние, несмотря на былой блеск и величие, уже осознаются как архаично-провинциальные.

Всякая философия истории связана с ощущением присутствия "мирового разума" – метафорой, отражающей неискоренимую потребность человечества находить смысл в истории. История – это коллективное творчество, и энергия этого творчества во многом зависит от того, верят ли люди в смысл истории. Скрытую волю "мирового разума" можно попытаться открывать в законах – это, в общем, соответствует дореформационной теологической парадигме, санкционирующей католическую традицию катафатического ("позитивного") богословия. В рамках этой традиции работал и марксизм, пытавшийся открыть объек-

тивные законы истории и предугадать ее финал ("светлое будущее всего человечества"). Но к истории (как и к Богу) можно подойти с уважением ее неисповедимых тайн, что означает следование традиции апофатического ("отрицательного") богословия. Эта традиция была подхвачена протестантизмом. Скрытую волю Бога, как и мирового исторического разума, протестанты предложили угадывать с помощью такого теста, как "удача". Применительно к историческому творчеству это следует понимать не столько прагматически, сколько мистически.

В истории мы наблюдаем, как та или иная цивилизационная, государственная, социокультурная идея обнаруживает большой воодушевляющий потенциал, создает сильный тип мотивации, привлекает яркие умы и характеры. Следовательно, в этой идее проявляется воля "исторического разума" – того, что дает смысл социальному творчеству. Но проходит определенное время, и наблюдается обратное: идея ветшает, и теперь все деятели, связанные с нею, практически или генетически, поражают незадачливостью своего политического поведения, мелкотравчатым характером своих "инициатив", бестолковостью и беспомощностью. Не это ли наблюдаем мы сегодня на примере нашей правящей политической элиты, вышедшей из коммунизма? Для многих ее представителей разрыв с обветшалой коммунистической идеей является вполне искренним. Но инверсионная логика "от противного" не есть настоящее творчество. Элита, достойная этого имени, способна к нетривиальным решениям, выходящим за рамки прежних оппозиций. Инверсионная логика, напротив, порождает явно стилизованные и превращенные формы поведения, изумляющие своей неподлинностью.

Дилемма нынешнего переходного времени весьма жесткая.

Вступят ли народы СНГ в XXI век с **цивилизационным** – мироустроительным и созидательным – сознанием, или они войдут в него с агрессивно-комплексующим **геополитическим** сознанием, способным подорвать основы человеческого согласия в масштабах целой планеты?

Только организация единого открытого пространства в масштабе СНГ способна так перераспределить общественные функции, чтобы максимально высвободить энергии цивилизованного творчества от давления носителей агрессивного фундаментализма и милитаризма. А это невозможно без восстановления единства стран СНГ в рамках современной федерации. Носители властных функций – политики и "воины" – во всех республиках СНГ должны быть выведены из узкого этнократического пространства, где им грозит архаизация в духе восточных деспотий, и введены в пространство римской идеи – единой большой цивилизации. Это, во-первых, будет означать их резкое численное сокращение (единая инфраструктура власти значительно экономнее многократно дублируемой), а во-вторых, резкое расширение их цивилизационного кругозора.

Сегодня повышение в статусе местной номенклатуры, связанное со строительством самостоятельной государственной власти на местах, куплено дорогой ценой для всех народов – резким понижением их цивилизационного статуса, архаизацией и провинциализацией их обще-

ственной жизни в целом. Возникла уже ощущаемая всем миром инволюция – регресс институтов, нравов, образа жизни и стиля общения. Вместо оптимистических цивилизационных ожиданий стала преобладать геополитическая **реакция защиты**. Уйти от этого можно только одним путем – восстановлением статуса России в рамках СНГ как страны – носительницы единой цивилизационной инфраструктуры.

Пространство СНГ никогда в точности не уподобится западному. Тяжесть евразийского хартленда такова, что носителем его может быть только особый **евразийский** народ, более склонный к героике и жертвенности, чем гедонистически ориентированные народы Запада. Жертвенность и героика означают особый – более высокий, чем на Западе, – статус архетипических фигур Жреца и Воина – носителей соответствующих начал общественной жизни. Я убежден, что эти функции нужно вырвать из рук местных этнократий, способствующих их бестиализации и варваризации, и вернуть центру новой федерации государств СНГ. Эту федерацию необходимо построить с учетом нового разделения функций между государством и гражданским обществом. При новом федеральном устройстве следует передать вниз, регионам, все права, касающиеся специфических интересов гражданского общества – экономических, социокультурных, этнических. А функции специфически государственные, предварительно резко урезанные в объеме (по сравнению с прежней тоталитарной системой вездесущего государственного патернализма), должны быть сосредоточены в руках федерального центра.

Вместо предельно идеологизированного и политизированного понятия национальной республики нам предстоит осваивать деидеологизированное и деполитизированное понятие "регион", права которого – суть гражданские права. И только федеральный центр берет на себя функции, связанные со специфической идентичностью постсоветского федерализма как особой, отличной и от Запада, и от Востока цивилизации, которая хранит великие традиции единого российского пространства и скрепляющей его осевой идеи.

Одно надо признать: нынешняя правящая элита не годится на роль элиты. Ее творческого потенциала явно не хватает, чтобы освоить пространство постсоветской Евразии как идейное духовное пространство, содержащее общие принципы жизнестроения и общие вдохновляющие цели. Экономикоцентризм ее мышления основан на социокультурном недоразумении: на неумении разгадать в послевоенном экономическом чуде Западной Германии, Европы, Японии скрытой энергетики больших целей – национального и цивилизационного самоутверждения народов, встретивших опасный вызов истории и мобилизовавшихся для достойного ответа. Подлинная элита отличается одной важной особенностью: искусством формулировать Большие цели и тем самым возвышать народы в их собственных глазах. Наша правящая элита до сих пор "играла на понижение" – неуклонное снижение статуса России в дальнем и ближнем зарубежье и снижение общей цивилизационной самооценки ее народа. Между тем международный государственный и

цивилизационный статус России имеет для нее величайшее **внутриполитическое** значение.

Перед нами стоит гигантская задача: реконструкция образа "второго мира", отличающегося как от "первого", так и от "третьего" и являющегося цивилизованным партнером Запада, но со своей спецификой. Коммунистический имидж "второго мира" оказался лживым или утопичным, но это вовсе не означает несостоятельности "евразийской идентичности" как таковой.

Но для такой реконструкции требуется настоящий подвиг творчества политической элиты, опирающейся на широкую народную поддержку. Такая поддержка возможна лишь в условиях несомненной легитимности власти.

2. Легитимна ли наша власть?

Проблема легитимности власти быстро превратилась из теоретической, заботящей только сообщество отечественных политологов, в насущную проблему национальной жизни. Теоретическое прояснение легитимности принадлежит Максу Веберу, различавшему следующие исторические ее типы:

традиционную легитимность, образцом которой является наследуемая власть монарха. Знаменитая российская смута XVII в. возникла как раз по причине нарушения этого типа легитимности, со смертью последнего представителя законной династии Калиты;

современная демократическая легитимность, когда власть осуществляет избранная большинством партия при соблюдении конституционно закрепленных правил игры.

Сложнее обстоит дело с третьим, харизматическим типом власти.

Харизматическая власть – это власть волею мирового разума или непреложных законов истории. В силу этого она лучше знает подлинные интересы народа, нежели сам народ. Обладая таким высшим призванием, она имеет право навязывать свою волю "неразумному" массовому сознанию (представляющему третируемый рационалистами чувственный опыт). Поэтому, даже потерпев поражение на выборах, авангардная партия, воплощающая мировой исторический разум (прогресс), призвана сохранять свой властный статус и вести общество дальше к великой цели.

Сравнивая перечисленные три типа власти, приходится признать, что из них только первый тип является по-настоящему стабильным. Его подстерегает лишь то, что можно назвать исторической случайностью, – обрыв династического наследия вследствие внезапной смерти наследника, оказавшегося последним и единственным.

Демократической легитимности угрожают демагоги – безответственные политики, обещающие всем недовольным (при условии, что такие составляют большинство) нечто такое, что заведомо противоречит экономическим и социальным возможностям общества (цивилизации). Что же касается стабильности харизматических режимов, то им угрожает то, что угрожает любой вере, – неверие (сомнение). В частности,

тоталитарный коммунистический режим опирался на своего рода континуум веры-страха. Слепо верующие избегали "пространства страха" до тех пор, пока их не настигало сомнение. Для сомневающихся была уготована невиданная по мощи и разветвленности "машина страха". Не случайно режим так неистово преследовал всех инакомыслящих и сомневающихся, так отграничивался от внешних влияний, называемых "идеологическими диверсиями": у него не было других оснований легитимности, кроме монополии на знание конечных целей истории – ключа к коллективному счастью. Горбачевская гласность подорвала былую коллективную веру, а с нею – и легитимность власти партии.

Демократию как систему, признающую волю избирателя последней инстанцией и основой власти, можно отстоять только с позиций **незнания высшей воли**, будь то воля Бога или воля ("законы") всемирной истории. Незнание высших смыслов и скрытых сущностей заставляет уважать эмпирический опыт; политический опыт избирателей при всем его несовершенстве как раз и является формой такого опыта. Напротив, всезнающую рационалистическую гордыню, исходящую из априорных сущностей, никакой опыт обескуражить не может. Столкнувшись с явлениями, противоречащими ее презумпциям, она объявит их ничтожной "правдой факта" и противопоставит этому одной только ей ведомую "высшую правду жизни".

Важнейший вопрос современного периода нашей политической истории: сменился ли в результате падения большевистского режима прежний идеократическо-харизматический тип легитимности на новый, демократический? Этот вопрос касается двух моментов: а) рухнула ли прежняя власть в силу того, что отечественная политическая культура исподволь рассталась с прежним типом легитимности, или потому, что режим перестал соответствовать этому, еще сохраняющемуся типу легитимности – обманул народную веру, которую теперь предстоит обрести с помощью нового, на этот раз "подлинного" великого учения? б) играют ли правящие "демократы" по правилам демократической игры (уважая волю эмпирического большинства, безотносительно к ее "исторической идентичности") или неосознанно тяготеют к историческому мистицизму и снова готовы противопоставить "неразумному большинству" свое эзотерическое знание пути прогресса, по которому "неминуемо пойдет" все человечество?

Судя по многим признакам, нашим демократическим интеллектуалам и сегодня неведома **эпистемологическая скромность** – готовность жить в открытой, богатой альтернативами истории, ходы которой никакое "великое учение" заранее оценить не в состоянии. Они просто сменили веру: вместо фанатичного поклонения одному великому учению отыскали (опять на стороне) другое, в частности "чикагскую школу", по рецептам которой они готовы заново пересмотреть всю национальную историю, даже если "неразумное" большинство откажет им в своем доверии. Оппозиция слева объявлена вне закона – как посягающая на единственно верный путь развития, ведомый просвещенным "демократам".

Этот политический вопрос имеет свою онтологическую и эпистемологическую подоплеку. Если в истории существует множество альтернатив, то взаимоотношения с оппозицией представляют игру с положительной суммой: чем больше вариантов развития осознано и легитимизировано в обществе, тем выше степень его свободы, выше вероятность избежать исторического тупика. Если же история ищет одну-единственную магистраль развития, то власть, просветленная высшим историческим разумом, не может терпеть оппозиции; взаимоотношения с нею – это игра с нулевой суммой, а предлагаемые оппозиционерами варианты – не что иное, как соблазны, сбивающие с пути истинного.

Ключевой вопрос в этой связи: связана ли нынешняя утрата легитимности российской властью с переходным периодом, когда прежняя идеократическо-харизматическая легитимность уже иссякла, а новая, демократическая, еще не утвердилась? Или смысл кризиса в том, что российский тип цивилизации вообще не может удовольствоваться западным типом легитимности, основывающимся на волеизъявлении электорального большинства?

Как показывает опыт переходных эпох, поразительной особенностью российского большинства является его готовность уступить меньшинству, если это меньшинство несет ему новую веру взамен старой, ослабленной сомнениями и противоречиями. Веру русский человек ценит выше любых земных благ; тяготы современного политического кризиса чаще всего оцениваются с этих позиций: "некому больше верить". Борис Ельцин – законный президент, получивший большинство на выборах. Однако легитимность его власти в массовом сознании поставлена под сомнение, ибо его правительству больше не верят. Массы разуверились в его способности отыскать землю обетованную, пути в светлое (на этот раз – капиталистическое) будущее: власть подозревается в коррупции, в потакании мафиозному капиталу. Вполне возможно, что и на следующих выборах она снова получит поддержку – ибо пока что отвращение к ней слабее страха перед коммунистической реставрацией. Но нация мстит за эту безысходность, отказывая законным властителям в том, что выше юридической законности, – в морально-идеологической санкции.

Отлученная от "невидимой церкви" – символического идеала правды-справедливости, власть теперь открыта любому колебанию силового равновесия, любым прихотям политической конъюнктуры. Словом, ее не отделяет от сил хаоса тот спасительный экран, который образует у нас легитимность особого рода – народная вера.

В западной культуре получить большинство – это и означает быть облеченным доверием избирателей. У нас это явления разного порядка. Политическое большинство, не санкционированное "невидимой национальной церковью" (идеалом правды-справедливости), остается случайным большинством, способным на другой день утратить свои позиции. Так, за единый СССР проголосовало явное большинство; но спустя некоторое время это же большинство проголосовало в пользу "республиканских суверенитетов", разрушивших этот СССР.

Нации не удается выстроить устойчивую систему приоритетов, в рамках которой более важное и менее важное четко отделены и выявлены. Поэтому она обречена на сиюминутные прельщения, в изобретении которых ныне состязаются наши конъюнктурные политики.

Поставить им преграду, исходя из легитимности западного типа – холодной нейтральности конституционно-правовых норм – вряд ли удастся. Учитывая особенности российской политической культуры и традиции, для легитимности необходима подпорка в виде "горячего" текста: современного толкования того, что зовется на Руси "народной правдой". Вот почему новый устойчивый тип легитимности Россия может получить только на основе новой реформации – духовного самоопределения нации в переходный период от индустриального общества к постиндустриальному, от "экономического" человека к "постэкономическому", который свою культурную и духовную аутентичность ставит выше эмпирически тестируемого индивидуального блага.

Пиетет и аскеза в качестве оснований российского типа духовности могут оказаться в чем-то существенном созвучными экологической аскезе (проповедуемой современной глобалистикой) и интенциям нового культуроцентризма взамен техноцентричных искусов индустриальной эпохи. В культуроцентричном космосе нет индивидов-атомов, ибо культура, как и религия, означает связь, объединение людей на основе общих ценностей. Благодаря этому и легитимность в рамках постмодернистского космоса строится не по логике механического большинства, перестраиваемого в ходе очередной предвыборной кампании, а на основе долговременных решений, касающихся вопросов высшего духовного порядка. Коррумпированная власть не бывает легитимной – она выглядит узурпатором даже тогда, когда опирается на электоральное большинство. Легитимность, следовательно, строится не на одном, а на двух основаниях: чтобы большинство выступило в качестве квалифицированного в духовном плане большинства, ему надо получить своего рода духовную санкцию, утолить национальную совесть, взыскующую идеала.

Сочетание социологического понимания демократии как власти большинства с культурологическим пониманием ее как духовно узаконенного большинства, возможно, даст нам работоспособный тип легитимности. Ибо народ – не всякая совокупность ныне живущих, но такая, которая хранит национальный дух и наследие предшественников.

3. Евразийская альтернатива "концу истории"

"Евразийская идея" России как особого типа незападной цивилизации лишена того сентиментального этноцентризма, который издавна является источником слабости почвеннических идей, не умеющих выстоять перед натиском доктринально строгих и рационализированных текстов цивилизационного типа. В потенции евразийская идея содержит две важнейшие составляющие "великого цивилизационного текста". С одной стороны, в силу достаточной этнической отстраненности она в принципе способна выполнить интегративную функцию объединения

различных этносов и регионов в единое пространство специфического цивилизационного типа; с другой – она может нести мотивирующую ("мессианистскую") функцию, так как вместо малоприемлемой роли ученичества и послушничества у чужой (западной) цивилизации она предлагает некоторым народам СНГ более воодушевляющую перспективу создания своей неповторимой цивилизации, имеющей к тому же шанс в качестве наследницы предыдущих цивилизаций учесть их слабости и тупики.

Как заметил А.Тойнби, "парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является то, что для того чтобы достигнуть какой-то определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то еще более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели"[2]. Более чем где-либо этот принцип справедлив в России. Российский тип сознания отличается особым религиозно-манихейским радикализмом: русского человека трудно подвигнуть на дело во имя повседневности, душа его взыскует "великих идей" и целей, и только в их контексте он готов признавать и оправдывать повседневность. Не нужно впадать в правый или левый радикализм, но радикалом целеполагания, обладающим историософской и культурологической интуицией, российский реформатор обязан быть.

Евразийская версия российского консерватизма отличается от славянофильской субкультуры еще одной продуктивной особенностью. Его антропология и аксиология подкреплены своеобразной онтологией и космологией, обещающими свою достаточно целостную догматику[3]. Высший онтологический вопрос касается того, закончился ли в современном мире "космогонический" процесс образования новых цивилизационных моделей (то, что Ф.Фукуяма называет "концом истории"), или вулкан истории продолжает дышать и способен к новым цивилизационным "выбросам".

Если справедлив первый вывод, то период "цветущего многообразия" (по выражению К.Леонтьева) оставлен навсегда позади, и отныне перед всеми народами возникает жесткая дилемма: присоединиться к западной модели или прозябать на варварской периферии цивилизации с перспективой скорого исчезновения вообще. Если же космогонические процессы образования новых цивилизационных миров (моделей) продолжаются, то история остается открытой для творчества, для поисков новых, неизведанных путей развития. Это не перечеркивает вовсе вопрос об общечеловеческих универсалиях, в том числе о тех общезначимых обретениях, которыми мир обязан западной цивилизации. В то же время, как показывает опыт Японии и других резко вырвавшихся вперед стран Тихоокеанского бассейна, творческое прочтение западного опыта с позиций своей культуры и традиции предпочтительнее пассивного заимствования.

---

[2] Тойнби А. Постижение истории. М., 1991, С. 515 – 516.

[3] Говоря о роли догматики, А.Н. Уайтхед замечает: "...выступления либерального духовенства и мирян в XVIII и XIX веках против систематической теологии были совершенно ошибочны. Они отбрасывали главное средство, способное предохранить нас от диких эмоций, – суеверия". См.: Уайтхед А.Н. Избранные работы. М., 1990, С. 363.

А. ПАНАРИН

Космогонические процессы в мире, в горниле которых рождаются не только новые государства, но и новые цивилизационные типы, отнюдь не прекратились. Всего за 30 – 40 послевоенных лет в мире появилась (наряду с атлантической) новая цивилизационная модель – тихоокеанская. Нет оснований безусловно отвергать возможность появления еще одной модели – евразийской, получающей столь ревностную поддержку у представителей самых разных течений.

Присоединение к уже готовой и апробированной, западной, модели многим может показаться предпочтительнее, ибо чревато меньшим риском, связанным с искушениями новой самобытностью и великодержавностью. Однако слепое подражание и копирование не менее рискованно: оно грозит утратой собственных основ, оставляя проблематичной "натурализацию" страны в чужой цивилизационной системе.

Как заметил Тойнби, "недостаток мимесиса (подражания) в том, что он предлагает механический ответ, заимствованный из чужого опыта, т.е. действие, выработанное посредством мимесиса, не предполагает собственной внутренней инициативы"[4]. Народ, лишенный внутренней инициативы, быстро вырождается в люмпенов мировой цивилизации, ждущих подачек со стороны. Некоторые симптомы такого вырождения мы уже наблюдаем. Как отдельному человеку, так и целому народу нельзя овладеть наследием, не произведя творческой его реинтерпретации, не подтвердив право на него подвигом собственного созидания. Основной вопрос современной реформы не в том, станет ли Россия "вторым Западом" либо его частью. Основной вопрос в том, обогатит ли она мировую цивилизацию самобытным историческим творчеством или станет "неудачником истории", вечно ждущим подачек и примеряющим чужие образцы.

К тому же в рамках евразийской идеи посттоталитарная модернизация России может разрешить свое основное социокультурное противоречие, состоящее в том, что этот процесс протекает в ценностных границах новой, постмодернистской культуры.

В свое время большевистская модернизация, несмотря на ужасающие издержки и крайности, получила культурную легитимацию – своего рода высшую санкцию со стороны ведущих идей века. Не случайно многие представители левого "авангарда" в искусстве, от романтиков "нового скифства" до футуристов, кубистов и других предвестников "технического века", усмотрели в большевистской ломке старой культуры подтверждение своих интуиций. Сегодня модернизация развертывается в климате, определяемом стилем "ретро" в культуре, постмодернистскими откровениями относительно экологических, культурных, антропологических "пределов" прогресса.

В свете этого возрастает зависимость любых концепций социального преобразования и обновления от санкций постмодернизма; только вписавшись в ценности культурного наследия и "инварианты" человеческого бытия и сознания, отраженные в великих мировых религиях,

---

[4] Тойнби А. Указ. соч., С. 304.

проекты преобразования могут преодолеть барьер ценностного неприятия. Весьма вероятно, что в России сегодня именно идея евразийского своеобразия открывает перспективу синтеза социально-политического модернизаторства с ценностной доминантой постмодернизма. Идея же "чистой вестернизации" встречает мощное противодействие не только со стороны национального политического консерватизма – русской государственной идеи, но и со стороны культурного консерватизма, связанного с мировой постмодернистской волной.

"Вызов" постмодернизма содержит в себе и две предостерегающие идеи, на которые идеология прогресса и вестернизации так и не смогла адекватно отреагировать. Это, во-первых, экологическая идея, связанная с осознанием естественного порога, нарушение которого грозит необратимыми разрушениями природной среды. На этом, в частности, основана критика концепции догоняющего развития – будущего социального и цивилизационного равенства во всемирном масштабе. Хорошо известно, что, если бы население мира уже сегодня имело американский или западноевропейский уровень потребления, т.е. осуществило западный эталон жизни, наша планета взорвалась бы от экологической перегрузки. И, во-вторых, идея антропологического порога, которая менее известна. В чем разрушительность прогресса для природы самого человека? В ответе на этот вопрос выявляются разные позиции. Культурология и культурная антропология говорят об опасности снижения культурного многообразия мира, помещенного в плавильный котел всемирной вестернизации. А разнообразие, как известно, составляет важнейший запас прочности, и снижение разнообразия как в природной, так и в культурной среде свидетельствует об опасности деградации, об энтропийных тенденциях.

Привлекает внимание и проблема, которую давно уже подняли представители церкви. Речь идет об утрате духа пиетета и аскезы, вытесняемом эмансипаторско-гедонистическими тенденциями.

Высший вопрос философской антропологии, возникающий в этой связи, является ли аскеза архаичным и преходящим свойством человеческого духа, соответствующим характеру и возможностям традиционных обществ, или некоторый "минимум аскезы" принадлежит к непреходящим – антропологически фундированным – характеристикам общественного человека, без которых в обществе происходит ослабление динамики развития?

Как только приоритеты нации (цивилизации) определяются в духе благополучия **любой ценой**, она теряет способность адекватного ответа на враждебный вызов со стороны. Это можно подтвердить, опираясь на опыт российской истории. В 1914 г. Россия вела войну с Германией как развитая страна с развитой (потери сторон были сопоставимы), но при этом терпела поражение. Для миллионов русских солдат в 1917 г. лозунг "долой войну" имел не столько ортодоксально-фундаменталистский смысл в духе "пролетарского интернационализма" и будущего "всеобщего братства людей труда", сколько "контркультурное значение" гедонистического "отказа" и ухода личности из неудобного большого

мира в приватный малый мир. Словом, это была реакция в чем-то прозревшей "буржуазно-помещичьей" цивилизации, заразившей своим гедонизмом и вольномыслием народные массы.

В 1941 – 1945 гг. СССР вел войну с Германией уже как слаборазвитое государство с развитым (с характерным соотношением потерь: десять к одному). Парадокс, однако, состоял в том, что коммунистический режим возродил аскезу как черту массовой психологии, вообще говоря, традиционную для России. Русская аскеза, как, вероятно, и всякая аскеза, связана с верой. Коммунизм дал России новую религию взамен старой, отступившей перед натиском секуляризации. По словам Н.Бердяева, "народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистические идеи, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед Русским государством"[5]. Надо только определить цену этой заслуги: коммунизм возродил государство, разрушив цивилизацию, отбросив страну к архаичным пластам истории, к эпохе азиатского способа производства и теократических деспотий.

Эта диалектика цивилизованности и государственности, эмансипаторства и аскезы играет роковую роль в нашей истории: до сих пор русскому народу плохо удавалось сочетание цивилизованной отшлифованности нравов и институтов с минимумом необходимой дисциплины. Сегодня история повторяется: коммунистическая диктатура рухнула в тот самый момент, когда стала утрачивать черты азиатской деспотии. Грянувшая перестройка вооружилась идеологией цивилизованной благонамеренности: построить правовое государство, демократию, освободить общество и культуру от гнета партийной теократии. Но новый виток общественной эмансипации и на этот раз пока что привел к крушению государственности... По-видимому, пора сделать недвусмысленный вывод, давно уже ставший прочным достоянием теории модернизации: попытка механического заимствования западных ценностей и образцов приводит к самым негативным последствиям.

Западный соблазн для нашей культуры состоит не просто в том, что данная цивилизация стала для нас "референтной группой", и мы испытываем чувство ущемленности при сопоставлении с нею наших реалий. Проблема заключается в неадекватном прочтении чужого опыта. Тонкая внутренняя игра западной культуры, состоящая в балансировании между аскезой труда и гедонизмом досуга и потребительства, на расстоянии не улавливается. Как оказалось, **чужая** культура не может передать другим **свою аскезу** (в западном варианте это в первую очередь протестантская аскеза). А вот ее **внешние плоды** в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений впитываются, как наркотик. Применяемая к нашим условиям теория модернизации многое разъясняет. Если речь идет о заимствовании "субкультуры досуга и потребительства", то для некоторых слоев нашего населения, в особенности молодежи, это уже состоялось. Если же

[5] Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955, С. 109

иметь в виду продуктивную систему Запада, в основе которой лежит культура труда, профессиональной ответственности, законопослушания и т.п., то в этом отношении односторонняя имитаторская вестернизация скорее удаляет, чем приближает нас к целям подлинной модернизации. Нынешняя разруха и люмпенизация населения – феномен не социально-экономический в собственном смысле, а **культурный**. В основе его лежит не столько унаследованная от прошлого отсталость страны, сколько отторжение от собственной культуры, ее норм и традиций – цивилизационная дезориентация народа. Главное средство борьбы с этим – обретение своей цивилизационной идентичности: того внутреннего гармоничного универсума, в котором нормы-цели и нормы-рамки, притязания и возможности в основном совпадают. Но в процессе обретения своей цивилизационной идентичности России предстоит нелегкий путь.

Сегодня история во многом повторяется. Некогда большевистская "новая Россия" не узнала себя в образе своего крестьянского большинства – хранителя национальной трудовой аскезы и традиции. Последовавшее уничтожение крестьянства практически закрыло перед страной перспективу фермерского пути – она и сегодня по-настоящему не проявляется. Так обнажился парадокс насильственных модернизаций: выкорчевывание "отсталой" национальной культуры означало разрушение специфического цивилизационного этноса – аскезы, поддерживающей общество в работоспособном состоянии. Сегодня парадокс повторяется. Новая демократическая Россия снова не узнала себя в большинстве своего народа, представленного на этот раз промышленными регионами.

Распространена точка зрения, что в этих регионах находят социальную базу "красно-коричневые", ностальгические "государственники", сторонники возрождения "империи". Если оценить культуру наших промышленных регионов с позиций цивилизационной дихотомии Запада (отношение между "цивилизацией труда" и "цивилизацией досуга"), станет очевидным, что сегодня аскезу трудовой этики представляет индустриальная Россия. Что касается проявлений постиндустриальных черт России в центрах нового гуманитаризма и либерально-демократической политической культуры, то они – дальше ушедшие по пути "вестернизации" – представляют собой российский вариант "цивилизации досуга".

Дух труда и гражданской ответственности покидает эту культуру, что предопределяет ее одновременно утопический и зависимый от Запада, от "гуманитарной помощи" характер. Экономическая критика советской индустриальной культуры, бесспорно, имеет веские основания: около 70% занятого в тяжелой промышленности населения до сих пор производили не товары, нужные потребителю, а вооружение или оседающие на складах неликвиды. То была "антиэкономика" в действии. Но нельзя на основании этого отрицать цивилизационный потенциал нашей экономики и сформированную на ее основе социокультурную инфраструктуру. Разрушить ее в ходе модернизации и приватизации "динозавров промышленной гигантомании" – значит закрыть перед Россией дорогу в постиндустриальное общество, ибо иных путей туда (помимо всего накопленного в недрах индустриальной культуры) нет и быть не может. Для некоторых небольших стран возможен прорыв в постиндустриальную цивилизацию через экономику и индустрию ту-

ризма, услуг и т.п. Но для такого гиганта, как Россия, "постмодернистскую индустрию", связанную с коммерческой эксплуатацией доиндустриального "пейзажа" ремесленничества и другой экзотики в стиле "ретро", вряд ли стоит принимать за достаточную "модель модернизации". Перспективное и разумное решение для России, думается, состоит в разработке великого евразийского проекта: освоении специфической цивилизационной модели, отличной как от старой, атлантической, так и от послевоенной, тихоокеанской (в последнем случае сходства должно быть больше). Обществу необходим не только технологический, но и **духовный переворот** таких масштабов, которые сопоставимы с Реформацией или Просвещением в Европе.

Конец века, конец тысячелетия... Не каждому поколению доводится встретить сочетание таких календарных вех. Хотя с позиций современного светского сознания в них нет ничего особенного. Ни экономист, ни демограф, ни представитель естественных наук не найдут здесь достаточных оснований для завышенных ожиданий или, напротив, особой исторической настороженности. Но с позиций **культуролога** все выглядит несколько иначе. Культуролог знает, что как раз в такие периоды рождаются новые коллективные мифы. Вероятно, здесь сказывается влияние милленаристского архетипа в нашей культуре – ожидание нового "тысячелетнего царства".

Устами Фукуямы западная культура проговорилась – выдала свое тайное вожделение. В самом деле, что такое конец истории для нынешних победителей, для процветающих господ мира сего? Он обещает закрепление этого небывало выгодного и благоприятного положения на **вечные времена**.

В мифе конца истории проявляется не только традиционный европоцентризм – представление о западной цивилизации как о наконец-таки найденном непревзойденном образце для всего человечества, которому предстоит в обозримом будущем уподобиться Западу и тем самым покончить с опасной и архаичной экзотикой культурно-исторического разнообразия человечества. В этом мифе проявилась и потребность в цивилизованной стабильности людей, настрадавшихся от неслыханных катастроф XX в. Миф этот объединяет всех тех, на Востоке и на Западе, кто всерьез опасается пробуждения вулкана истории – извержения скрытых вулканических энергий социума, способных вновь решительно расстроить едва налаживающийся мировой порядок. В этом мифе мне видится проявление не столько действительно оптимистической веры, сколько нешуточного страха. Этот страх перед Историей (с большой буквы) оказывается и страхом перед Россией. По меркам цивилизационной теории Россия – незаживающее темя планеты – одновременно и точка ее загадочного роста, и крайне уязвимое место. Именно здесь, в промежутке между Востоком и Западом, вулкан истории никак не может потухнуть, грозя сюрпризами всему тому, что обрело четкие контуры и нормы, отлаженность и предсказуемость.

Решающим сегодня оказывается не противостояние тоталитаризма и демократии, а противостояние Истории и Цивилизации. Открытая, длящаяся история угрожает не только сегодняшним победителям в холодной войне, но и всем любителям цивилизованного порядка, стабиль-

ности и предсказуемости. Они образуют единый фронт "западничества" в современной российской и мировой культуре. В глазах представителей этого фронта Россия по-прежнему является **загадочной** страной, и, чтобы поскорее избавиться от этой небезопасной загадочности, ее надо решительно присоединить к западному ареалу, окончившему свое историческое строительство.

Таким образом, западническая вера в конец истории не является экзистенциально подлинной. Авторитарность этого сознания, готового тащить страну на Запад даже вопреки сопротивлению ее большинства, связана не столько с мессианской самоуверенностью, сколько со страхом. Между тем "конец истории" вряд ли сегодня может оцениваться как общепризнанное кредо самой западной культуры. Наряду с линейной перспективой неуклонного движения в одном и том же направлении, открытом еще на заре Нового времени, ощущается и присутствие другой перспективы, связанной с новым мифом постиндустриализма. Чем ознаменуется постиндустриальное общество? Дальнейшим развитием основных тенденций индустриальной эпохи или, напротив, крутым поворотом, качественной прерывностью? Усиливается экологическая и культурологическая самокритика западной цивилизации, как бы предчувствующей скорую исчерпанность резервов индустриальной экспансии, угрожающей опустошением и природной, и культурной среды. Усиленный поиск альтернатив, обращенность к опыту других цивилизаций, готовность реабилитировать те разновидности культурно-исторического опыта, в которых совсем недавно видели лишь знак отсталости, – все это можно оценить и как тонкую стилизацию западной культуры, и как действительную готовность пересмотреть некоторые ключевые принципы жизнестроения, оказавшиеся чреватыми тотальной катастрофой. Если справедлив последний вывод, то открывается возможность нового соединения западной идеологии постиндустриализма со всеми изгоями и неудачниками технического века.

Вероятность постиндустриального поворота в мировой культуре тем выше, чем скорее определится альтернатива американской гегемонии, с которой сегодня связывается всемерное насаждение морально устаревшего, опасного в экологическом и культурном отношении техноцентризма. Вдохновительная гипотеза евразийства состоит в том, что судьбы постиндустриальной эпохи в значительной мере зависят от судеб России. Восстановит Россия свой статус "Третьего Рима" – тогда повысятся шансы постиндустриального общества стать альтернативой мировому индустриальному гетто, враждебному природе и культуре.

Если же России суждена второразрядная роль запоздалого адепта американизма, тогда и постиндустриальная культура, оскопленная "евнухом индустрии", вероятнее всего, останется культурой одного измерения – технократического. Но тем самым угрожающим образом сократился бы набор альтернатив, имеющихся в распоряжении человечества. Плюрализм цивилизаций может сохраниться лишь в условиях полицентричного мира. Миссия России – способствовать этому полицентризму путем создания противовеса моноцентричной модели, насаждаемой США.

КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОАЗИАТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В. ПАСТУХОВ

Предлагаемая работа является одной из попыток научной реабилитации «советской» культуры и «советской» государственности. Когда то или иное историческое явление не вписывается в «логику истории», перед исследователем открываются две возможности: либо игнорировать явление как неправильное, либо искать новую логику, в рамках которой есть место и для того, что раньше казалось алогичным. В отношении советского периода российской истории в работе выбран второй путь. В ней обозначена линия исторической эволюции российской государственности, предполагающая советский период как один из отрезков сложного исторического пути и необходимое звено в формировании современного государства в России.

© Пастухов В.Б., 1995

Из всего "веера" идей относительно настоящего и будущего России наиболее законченными выглядят два концептуальных положения, тесно связанных между собой:

– коммунистический режим в России был исторической аномалией, отклонением от "нормального", "общечеловеческого" пути, вызванным как субъективными (точка зрения большинства), так и объективными (мнение меньшинства) причинами;

– распад коммунистической системы в России приведет к утверждению в российском обществе принципов и ценностей западной демократии, что, таким образом, еще раз подтвердит их универсальность.

В статье предполагается обосновать принципиально иные тезисы, связанные с указанной проблематикой, а именно:

– российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации, для России это была исторически логическая фаза ее развития;

– поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в посткоммунистическом российском обществе западные ценности не могут быть прямо заимствованы и усвоены, но неизбежно будут перерабатываться чуждой для них культурной средой.

Методологические рамки настоящей статьи заданы восемью перечисленными ниже положениями.

Россия – это особый мир. Ее история – это история развития уникальной мировой культуры, отличающейся от культур Запада и Востока.

Российская культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе европейское личностное и азиатское общинное начала.

Культура России образуется как неорганическое (неоднородное) явление и движется к органичности через длительную эволюцию.

История России – это прежде всего постоянная культурная трансформация. Субстанциональным воплощением неорганичности российской культуры является государство. Многие века государство в России было важнейшим фактором этногенеза. Именно поэтому вопрос о судьбе государственности всегда был принципиальным для общества.

Неорганичность российской культуры проявляла себя во времени как неравномерность исторического развития.

Периодические общественные кризисы имманентны российскому развитию. Именно в такие моменты происходил переход от одного внутреннего "культурного типа" к другому.

Российская революция есть прежде всего культурная революция.

I. Циклы развития российской культуры

В истории России традиционно выделяют пять эпох, олицетворяющих собой различные типы культуры: древнекиевский период, время удельных княжеств, Московское царство, Российскую империю и Советскую Россию. Строго говоря, российской истории принадлежат

только три последних. Древняя Русь и феодальные княжества под татаро-монгольским господством – предыстория России, когда закладывались предпосылки ее культуры. Собственно российская история как история развития особой цивилизации начинается с возникновением Московского государства.

На первый взгляд Московское царство было азиатской монархией в полном смысле слова[1]. Государственный строй был точным слепком с патриархально-общинного уклада, а тип вотчиновладельца – полного господина над своими имениями – лежал в основании власти государя и повторялся до последнего подданного. В этом отношении быт Московского царства представлял собой удивительное тождество. Все и вся были крепостными, обязанными нести службу или отправлять работу до смерти и наследственно подчинялись закону общины. Само государство, казалось, было лишь *моментом* в ее вечном и неизменном движении. Нигде индивидуальность не имела простора и личность не проявляла себя. Государственная власть ничем не выказывала того, что на нее возложена какая-то особая миссия, не обнаруживала своей главной функции – генератора общественного развития.

Петровская империя, признанная самой неорганичной эпохой российской истории, обычно противопоставляется Московскому царству как времени единства культуры и народного бытия. Такое противопоставление, по-моему, некорректно. В культурном отношении Московское царство было равно неорганичным как и наследовавшая его империя, но в скрытой (латентной) форме. Петровская эпоха не породила неорганичность, а лишь актуализировала, сделала явным то, что было заложено с самого начала формирования российского государства.

Индивидуальное начало незримо присутствует в российской истории испокон веков. Было готово к выполнению своей особой миссии и государство. Но в Московском царстве истинная роль личности и державы едва видимы под старыми традиционными формами[2]. Об этом можно судить лишь по косвенным признакам: хотя бы по тому как развивалось казачество и как активно велась борьба с местничеством в государственной жизни.

Внутри традиционного уклада и часто вопреки ему рождалась личность, которой было тесно в общине с ее неподвижными устоями. Она не хотела покорно нести вместе со всеми тяготы коллективного "государственного рабства" и рвалась на простор. Широкое распространение по землям России казачества[3] – свидетельство медленного назревания кризиса в самой общине: индивидуальное личностное начало входило в *конфликт* с коллективным общинным. Всю государственную

---

[1] Кавелин К.Д. Мысли и заметки по русской истории. / Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 229.

[2] Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России. / Цит. С. 48.

[3] "И в XVII веке, как в X, из общества продолжали выделяться люди, у которых "сила по жилочкам так живчиком и переливалась... и которые шли гулять в поле, в степь... Быт, подвиги богатырей древности сходны с бытом, подвигами казаков, и народное представление верно отождествляет эти два явления". (Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 246).

жизнь той эпохи пронизывает *борьба* царской власти с обычаями местничества, предполагавшими распределение должностей по знатности родов. Ее цель была двоякой. С одной стороны, забота о повышении эффективности государственного управления вынуждала государя стараться производить назначения с учетом прежде всего личных качеств кандидата, его способностей верно служить и выполнять установки. С другой – сопротивляясь местничеству, царь боролся за собственную эмансипацию от патриархального мира, за право властвовать по своему разумению и воле, а не соответственно традициям. Эти новые управленческие идеи московских государей указывают на достаточную распространенность элементов личностной индивидуальной культуры, ибо (вспомним к случаю Маркса) сама задача не может появиться раньше, чем созрели условия для ее решения.

Значит, в общественной и в государственной жизни Московского царства постепенно определялось противостояние двух начал, составляющих основу российской культуры. Рано или поздно должен был наступить момент, когда оно открыто проявит себя. Это случилось в XVII в.: власть в России вплотную подошла к необходимости осуществления глубоких реформ.

Московское царство впало в глубокий кризис. Со всей очевидностью обнаружилась его слабость по отношению к западным соседям. Их превосходство состояло не в грубой силе, а прежде всего в знании, искусстве, организованности, технике, т.е. во всем том, что может быть получено лишь благодаря использованию личной энергии индивида, достигшего относительно высокой ступени развития. Здесь нельзя было победить средствами, какими боролись раньше против нашествия с Востока. Потому Россия, не так давно одержавшая верх над Азией, терпит сокрушительное поражение от Европы. Для сопротивления Западу Московии нужна была культурная революция, которая помогла бы ей самой овладеть европейскими знаниями и техникой.

Но и внутри России началось великое брожение[4]. Сотни тысяч людей бросали насиженные места, порывали с общиной и уходили на окраины в казаки. Государственное управление деградировало. Традиционные властные институты не действовали в новых условиях. Кризис охватил православие. Сохранялась лишь внешняя религиозность, о чем свидетельствовали резкое падение нравов, повсеместное распространение пьянства и варварства.

В таких условиях стала заметной активная созидательная роль российского государства. Дело даже не в реформах, затевавшихся властью. Важнее другое: государство, содействуя развитию личностного начала, приступило к последовательному "насаждению" новой культуры. Расслоение общества по "*культурным типам*" становилось наконец зримым. Появлялось все больше самостоятельно мыслящих людей, подвергавших сомнению непоколебимость старинных устоев. Особенно от-

[4] Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 330.

личалась здесь конечно же столица[5]. Но в провинции все оставалось попрежнему. Суеверие и идиотизм деревенской жизни господствовали на огромных просторах. И у этой массы были свои пастыри, фанатичные начетчики, истово ненавидящие всякую самостоятельную мысль, всякое не освященное древней традицией слово.

Все дальше расходились между собой русские люди. Отчетливее обозначалась пропасть между двумя "культурными типами", выраставшими на российской почве. Все меньше общего оставалось между двумя частями одного народа. В подобных обстоятельствах не могла не возрасти роль государства как всеохватывающей силы, способной соединить эти культурные "классы" в единое целое. Однако государство оказалось поставлено в условия, когда само было вынуждено нарушать статус-кво в обществе, ускоряя тем самым процесс культурного расслоения. Власть постоянно решала дилеммы. К примеру такие. Государи предпринимали титанические усилия, чтобы заполучить практические знания европейцев, исключив при этом возможность их духовного влияния на русских людей, которое создавало угрозу для православия – главной, а иногда и единственной державной опоры. Борис Годунов отправил молодых людей учиться в Европу вместо вызова наставников в Россию. Но почти никто (а по свидетельству историков, вообще ни один) из посланных за знаниями не вернулся на родину. Тогда в XVII в. в Московию пригласили киевских и греческих монахов, знавших европейские науки, но все-таки православных. Этот прием впрочем не смог предотвратить рассеивание новых идей в российском обществе.

В конце концов власть была принуждена сделать выбор между такими уже вполне европейскими личностями, как, например, Матвеев или Ордин-Нащокин, и ревнителями старины. Повод не заставил себя ждать. Разгорелся спор в связи с начатой по инициативе верхов работой по исправлению церковных книг. В нем власть поддержала молодых, преимущественно малороссийских богословов. Но пошел вопль от старых исправителей книг, оскорбленных обвинениями в их искажении. Стоило, однако, раздаться кличу – вера в опасности, ее "переменяют", – как слова эти нашли сильный отзыв, тем более что и в других сферах уже началось движение к новому, ранее неизвестные обычаи бросались в глаза, раздражали. Пришли люди, провозгласившие наступление "последних времен" и надобность "стать и помереть за веру". Возникло массовое движение. Явился *раскол.*[6]

---

[5] "Мысль была возбуждена религиазными вопросами, люди с возбужденною мыслию просиживали в Москве ночи с учеными киевскими монахами; другие стремились в Киев, в тамошние школы, к тамошним ученым, и, возвратясь в Москву, спорили с своими отцами духовными, доказывая им, что они не так понимают дело... Богословские споры овладевают вниманием общества, в домах и на улицах мужчины и женщины спорят о времени пресуществления, упрекают друг друга в еретичестве" (Соловьев С.М. Россия перед эпохой преобразования. / Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 448).

[6] Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. / Цит. С. 448.

В. ПАСТУХОВ

Раскол – важнейший пункт российской истории. Им заканчивается первый ее цикл. С него же начинается следующий. Раскол – это внешнее проявление гетерогенного, неорганического характера российской культуры. Исподволь протекавшее культурное расслоение превратило государство в единственного гаранта целостности народа. Но оно же пребывало одновременно и гарантом общественного развития. Власть не только не могла приостановить дальнейшую стратификацию, но и выступила катализатором данного процесса. В стремлении преодолеть общественный кризис вначале она широко открыла двери России для европейского опыта, а затем, пытаясь адаптировать его к российским условиям, вынуждена была приступить к реформированию православной государственной идеологии. Эти меры чрезвычайно ускорили процесс и привели общество к окончательному расколу.

Положение власти оказалось незавидным. Она очутилась, если говорить иносказательно, между Сциллой с ее собачьими головами и зевом-водоворотом Харибды, и ощущения у нее (власти) были, думается, сродни одиссеевым. С одной стороны, государством же востребованные реформаторы желали решительных перемен везде и во всем. Критика распространялась как эпидемия. В рассылаемых по всей стране "обличительных письмах" бичевались казавшиеся незыблемыми вековые устои и нравы. Власть не хотела да и не могла двигаться вперед столь быстро, как того требовали сторонники прогресса. Сам государь Алексей Михайлович был человеком переходного времени. Не чуждый "новым веяниям", мягкий, склонный к компромиссам, он в то же время оставался целиком в плену традиций[7]. Между властью и нетерпеливыми приверженцами перемен все чаще стали возникать трения, и многие из последних не избежали опалы. С другой стороны стояли защитники старины, "раскольники", яростно выступившие против нововведений. За ними была сила, шли огромные массы людей. Но лозунг этого движения, ярко сформулированный протопопом Аввакумом – "До нас положено, лежи оно так во веки веков", – был совершенно неприемлем с точки зрения государственных интересов России. Потому власть должна была вести беспощадную борьбу с раскольниками[8].

Для понимания исторического момента полезно вспомнить психологически тонкую характеристику В.Ключевского: "Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту да так и остался в этом нерешительном переходном положении. Он вырос вместе с поколением, которое нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средства для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины... Люди прежних поколений боялись брать у Запада даже материальные удобства, чтобы ими не

[7] Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 108.
[8] Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. / Цит. С. 448.

повредить нравственного завета отцов и дедов, с которым не хотели расставаться как со святыней; после у нас стали охотно пренебрегать этим заветом, чтобы тем вкуснее были материальные удобства, заимствуемые у Запада. Царь Алексей и его сверстники не менее предков дорожили своей православной стариной; но некоторое время они были уверены, что можно щеголять в немецком кафтане, даже смотреть на иноземную потеху "комедийное действо" и при этом сохранить в неприкосновенности те чувства и понятия, какие необходимы, чтобы с набожным страхом помышлять о возможности нарушить пост в крещенский сочельник до звезды"[9].

Раскол, на мой взгляд, есть нечто большее, чем историческое явление, обычно обозначаемое данным термином. Это не столько массовое движение второй половины XVII в., сколько сущность нового типа российской культуры, пришедшего на смену культуре Московии. Это была особая, единая, но внутри себя расчлененная *надвое* культура. В одном народе как бы сосуществовало два социума, различавшихся между собой не условиями жизни, а своим бытом, ментальностью и даже таким индикатором культуры как язык. Иногда кажется, что "верхи" и "низы" (условно) российского общества в XVII – XIX вв. имели разную историю, настолько велика пропасть между ними. На самом деле то были две ветви одной культуры, а сама раздвоенность – определенный способ ее бытия в рамках данного исторического периода.

Таким образом, начав реформы, власть спровоцировала давно назревавшую культурную революцию. Не Петр, сын царя Алексея, изменил Русь, напротив, когда он взошел на трон, перед ним уже лежала другая Россия, где господствовала новая, двуликая, как Янус, культура. Поэтому задача, стоявшая перед властью, усложнилась. Она не только должна была довершить реформы, направление которых было предопределено историческим развитием последних полутора столетий, но и приспособиться к новой культурной среде, к пронизавшему общество расколу, к культурному противостоянию, разрывавшему народ на части.

Раскол может быть понят и как цивилизационное явление. Он был новой фазой в развитии присущего российской культуре противоречия, которое при всей своей уникальности изменялось соответственно "универсалиям" эволюции, а именно: "на поверхности явлений развивающееся сущностное противоречие до определенного момента выступает в облике разнообразных форм движения, которые носят, – как ни парадоксально, – непротиворечивый характер"[10]. Очевидно, что именно в таком скрытом виде противоречие между общинным и личностным началом в российской культуре проявляло себя в эпоху Московского царства. По мере созревания непротиворечивые формы сменяются непо-

[9] Ключевский В.О. / Цит. С. 108.

[10] Горлянский В.А., Горлянская М.Н. Единство противоречий и законов общества. / Соотношение противоречий и законов общества. Горький, 1981. С. 63.

средственным проявлением противоречия в виде антиномии, конфронтации внешне обособленных противоположностей. Раскол как раз и свидетельствовал, что развитие противоречия, определявшего характер российского типа культуры, вступило в эту новую открытую фазу. Борьба двух начал в российской культуре проявилась на поверхности в виде борьбы между собой двух культурных "классов" – европеизированных "верхов" и патриархальных (азиатского "стиля") "низов".

Общество не могло долго оставаться в расколотом состоянии, иначе оно неминуемо погибло бы. Противоречие должно было перейти в следующую фазу, когда движение противоположностей опосредствуется каким-либо третьим началом[11]. Именно такую роль в отношениях между двумя культурными "классами" общества сыграло государство. Выступив вначале как обыкновенный медиатор, оно постепенно вобрало в себя обе крайности и превратилось в итоге в *опосредствование самого себя*. В данном определении и скрывается, на мой взгляд, загадка происхождения и существования Российской империи.

К концу XVII в. становится заметным, что основное общественное противоречие как бы *удваивается*. Наряду с выраженным противостоянием отмеченных культурных слоев внутри общества вполне отчетливо вырисовывается противоречие между обществом в целом и государством. В этой сложной фигуре взаимоотношений положение государства было довольно двойственным. С одной стороны, чем дальше культурные крайности расходились между собой, тем труднее было государству управлять общественными процессами, тем менее эффективной была его деятельность. С другой – чем острее становилась общественная борьба, тем более угрожающе государственная власть возвышалась над ослабленным народом. Ни один из станов не представлял из себя сколькнибудь мощной самостоятельной силы, на которую власть могла бы опереться: "Ученые, призванные в Москву для защиты православия научными средствами, разногласят друг с другом..."[12] Но и на другом, патриархальном, ортодоксальном берегу не было единства: "Отвергнувши раз авторитет церковного правительства... раскол... должен был распрыснуться на множество толков по множеству толковников"[13]. В мире борющихся "партий" одна власть сохранялась как монолит. И чем больше их было, тем сильнее на этом фоне выглядело государство.

Силу и бессилие власти – вполне заурядный парадокс политики – познало и российское общество. По мере снижения результатов своей деятельности государство становилось все более мощным в сравнении с обществом. Рано или поздно оно должно было поглотить общество вместе со всеми его противоречиями. Однако старое государство эпохи Московского царства было не в состоянии сделать это. Оно "разры-

---

[11] См. подробнее о движении противоположностей: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 46, I. С. 288.

[12] Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. / Цит. С. 453.

[13] Соловьев С.М. Россия перед эпохой преобразования. / Цит. С. 328.

валось на части", пытаясь *раздельно* решить две задачи: сохранить единство общества и стимулировать его развитие. Нужно было реформировать само государство, чтобы совместить обе цели. Успех здесь пришел к энергичному Петру. Для его государства сохранение и культурное развитие России – уже не разные задачи, а лишь *стороны одного процесса*. Такое государство занимает по отношению к обществу активную позицию и почти мгновенно "проглатывает" его, разом огосударствляя все ранее самостоятельные сферы общественной жизни. Вместе с тем и раскол принимает государственную форму. Противоречие, бывшее причиной возникновения двух непримиримых культурных "классов", стало с того момента содержанием государства. Власть окончательно приняла вид *обруча*, намертво обхватившего общество и не дававшего ему распасться вследствие борьбы враждующих группировок.

Опосредствование есть безусловно высшая форма движения противоречия, но не его разрешение. Это обнаруживается, когда на определенном этапе развития противоречия его противоположности начинают сталкиваться, ломая сложившиеся опосредствующие связи[14]. Если в допетровскую эпоху раскол был чем-то внешним для власти и усиливавшееся культурное расслоение народа не ослабляло государство непосредственно, то в эпоху Империи раскол стал его внутренним моментом жизнедеятельности. Поэтому внешне незаметное, непрекращавшееся углубление раскола непрерывно подтачивало устои державности. После того как российское общество оказалось *поглощенным* государством, все то, что раньше ослабляло общество, стало впрямую истощать власть. С момента наибольшего возвышения государства над обществом началось разрушение именно государства.

Российская цивилизация между тем продемонстрировала потенциал своей устойчивости. В пределах Империи даже при углублении раскола начался встречный ему процесс. Благодаря сдерживающему, опосредствующему влиянию государства, отталкивание двух внешне обособленных культур было ограниченным. Накрепко прикованные властью друг к другу, они вынуждены были взаимодействовать между собой. На границе этого взаимодействия, там, где культурные "волны" накатывались друг на друга, зарождалась третья сила – некая *синкретическая* культура, в которой противоречие между общинным и личностным началами находило не мнимое, временное, а действительное разрешение.

Таким образом в Российской империи одновременно протекало два разнонаправленных культурных процесса. Углублялся распад общества на два культурных "класса". Вместе с тем в постоянном их столкновении возникал третий "класс", который был носителем и новой культуры. Опять политический парадокс: *третья сила*, развиваясь, действовала в отношении российской государственности в том же направлении, что и раскол, – ослабляя власть, подрывая ее устои. Это вполне естественно. Ведь государство было не альтернативой расколовшейся куль-

[14] См.: Маркс К. Капитал. Т. I. / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 23. С. 124.

туре, а ее органическим продолжением, опосредствованием заключенного в ней противоречия. Значит рождавшаяся из раскола новая ипостась российской культуры, в которой должно было найти свое разрешение основное цивилизационное противоречие, была враждебна не только самому расколу, но и созданной им государственности, отторгала ее от себя.

Было, однако, *отличие*. Раскол разрушал государственность пассивно, ослабляя ее самим фактом своего существования, т.е. неповиновения части общества. Новая культура боролась с властью активно, с самого начала демонстрируя свою агрессивность. С течением времени она будет в силе *взорвать российское государство* и вместе с ним уничтожить собственные культурные предпосылки. Но до сего момента новая культура должна была получить адекватное социальное, идеологическое и политическое воплощение в действительности, оформиться как новый культурный "класс" со своей идеологией и политическими представителями. На это ушло более полутора веков.

В первые десятилетия Империи не могло быть и речи о том, что *рядом* с властью в обществе образуется какая-нибудь иная социальная, политическая или духовная сила. Кроме всего прочего, поначалу власть вбирала в себя почти весь образованный класс российского общества, и потому иногда казалось, что они тождественны между собой[15]. Некоторое время власть была не только политическим, но и единственным *духовным центром* общества. Но такое положение оказалось возможным до тех пор, пока социальная база власти была очень узка. Это затрудняло обеспечение стабильности режима (подтверждением здесь служит период "дворцовых переворотов"), потому государство стремилось к расширению своей опоры. Лишь к началу XIX в. произошло "отделение дворянства от государства", и власть выступила уже представителем обоих культурных "классов" общества. Именно на данной стадии развития государство окончательно превратилось из посредника между двумя внешне обособленными культурами в опосредствование самого себя.

По мере расширения социальной базы власть утрачивала свое монопольное право быть просвещенной в темной стране: "образованный класс" стал *шире* чем государство. Возникло, если так можно выразиться, "диссидентство". Его представляли, естественно, выходцы из аристократических слоев. Это еще не новый культурный "класс", но уже его предтеча. Происходило нечто вроде удвоения идеологии. Наряду с официальными появились и неофициальные взгляды на народ, политику, экономику, а также опальные идеологи: Новиков, Щербатов, Радищев. Торжество окончательного становления Империи при Николае I

[15] "Петр противопоставил друг другу две культуры – традиционную русскую и западноевропейскую, причем они довольно четко разделились по разным уровням общественной иерархии... Понадобились десятилетия, чтобы европейская культура шире распространилась в русском обществе и космополитический облик высших сословий перестал вызывать неприязнь". – Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.11.

было омрачено восстанием декабристов. После прямого столкновения между государством и аристократической оппозицией развитие перешло в новую стадию, когда накапливались не столько количественные, сколько качественные изменения. Началось непосредственное оформление того специфического культурного "класса", который впоследствии был назван "*российской интеллигенцией*".

Пока формирование интеллигенции происходило в недрах европеизированного, образованного, а главное – властвовавшего культурного "класса", основным для нее был вопрос об отношении к противоположности – народу, представленному большей частью патриархальным крестьянством. Потому вначале деление внутри интеллигенции было по преимуществу на "западников" и "славянофилов", которые выясняли отношения между собой, однако социальный состав интеллигенции стремительно менялся. Экономическое развитие России шло полным ходом, что требовало распространения образования уже на весьма значительные массы населения: просвещенные слои российского общества стали заметно шире европеизированного культурного "класса". Существеннейший момент: у выходцев из народной среды образованность сочеталась с патриархальными взглядами и предрассудками. Внутри интеллигенции они сравнительно быстро обособились. Вопрос об отношении к "народу" был для них менее актуальным и болезненным, чем для интеллигентов, происходивших из высших слоев общества, так как разночинцы сохранили непосредственно "народное" мироощущение. Зато у них гораздо сильнее была тяга к практическому переустройству народного быта, господствовавших общественных отношений. На какое-то время внешнее противоречие между европеизированным и патриархальным "культурными типами" в России *интериоризировалось* как противоречие между различными течениями внутри интеллигенции. Прения западников и славянофилов утрачивали актуальность. Их сменили разногласия с далеко идущими политическими последствиями: между либералами, представленными главным образом выходцами из дворянско-буржуазной среды, и народниками, преимущественно разночинцами.

Это была качественно иная фаза становления интеллигенции как нового культурного "класса". На ней происходило *раздвоение* единого, целостного. Я уже пытался показать, как двумя веками ранее раскол в обществе породил внутреннее двоение государственных функций прежде, чем государство оказалось готовым "поглотить" ослабленное общество. Теперь же раскол в государстве вызвал к жизни раздвоение в среде интеллигенции прежде, чем она созрела для того, чтобы подчинить себе терявшее силы государство.

Либерализм и народничество как течения внутри российской интеллигенции были односторонними, причем каждое в своем роде. Либерализм, родившийся из взаимопреодоления западничества и славянофильства, был одинаково критичен относительно как искусственного европеизма верхов, так и традиционной патриархальности народа. Вместе с тем ему недоставало активного волевого начала, необходимого для

свершения практического переворота в общественных отношениях. Народничество было движением "энергии и воли", но оно совершенно некритично, абсолютно отвергало культуру "верхов" и фетишизировало культуру "низов".

Дальнейшее историческое развитие требовало, чтобы рационализм и воля соединились в единое целое. За два века до того для утверждения внутреннего единства государственных устремлений понадобилось, чтобы к власти пришло новое поколение деятелей. Теперь же, чтобы соединить волю и рационализм, была нужна *новая генерация* интеллигенции.

"Новые люди" появились в среде российской интеллигенции в 80-е годы XIX в. На смену романтическому и эмоциональному приходит жесткий и большей частью прагматичный тип личности[16]. Идейной же формой, в которой осуществился синтез воли и рационализма, стал "*русский марксизм*". Он имел мало общего со своим прародителем. Просто интеллигенция к тому часу полностью сложившаяся как особый культурный "класс", нуждалась в адекватной ее устремлениям идеологии. Как это уже бывало (и будет еще) в российской истории, соответствующая идеологическая система была импортирована с Запада и приспособлена к "домашним" потребностям. Данный процесс был растянут во времени. Окончательная адаптация европейского марксизма к российским условиям завершилась с появлением большевизма.

Большевизм был наиболее полным, законченным и логически последовательным воплощением *нового типа* российской культуры – своеобразного и неповторимого *синтеза европеизма и патриархальности, индивидуальности и коллективности*. Иными словами, большевизм есть итог развития интеллигенции как особого культурного "класса", возникшего на стыке двух основополагающих начал российской культуры. Правда, интеллигентская среда дала жизнь и другим направлениям. Но именно в большевизме присущие российско-интеллигентскому типу черты воплотились в наиболее адекватном, очищенном от исторических случайностей виде.

Большевизм знаменует собой завершение культурного развития интеллигенции. В его рамках происходит политическое оформление этого нового культурного "класса" в протогосударственное образование. То, что Лениным было осторожно названо "партией нового типа", было на деле зачатком *государственности будущего*. Следовательно не только в недрах старой культуры развивался новый "культурный тип", но и в недрах старого государства рождалось новое. Победа этого нового государства над изжившим себя, его переход из политического небытия в бытие означали, как представляется, *конец эволюции* российской интеллигенции, выполнившей таким образом свою историческую миссию.

"Обрыв" исторического развития в 1917 г., деление истории на российскую и советскую существуют, думается, лишь в воображении многих, а не в действительности. Советская история логически продол-

---

[16] Бердяев Н.А. / Цит. С. 79.

жает линию развития цивилизации, идущую через Российскую империю от самого Московского царства. Современные же попытки обосновать представления о революции как о бессмысленной трагедии – опять же пример "науки отрицания". Хотя, признаюсь, нелегко в сотый раз вслед за другими доказывать, что в истории не существует страниц, крупных событий, лишенных целесообразности, а "белые пятна" есть в ней для тех, кто не хочет или не умеет читать. История создает даже тогда, когда разрушает. Задача историко-политической науки видится мне не в критике революции, а в понимании ее на новом уровне знания, уяснении того, в чем собственно состоит ее исторический *смысл*.

Октябрьскую революцию действительно трудно объяснить, если смотреть на нее как на обыкновенную социальную революцию, в ходе которой происходит смена одного экономически господствующего класса другим. Ее подготовил и осуществил особый, не экономический, а *культурный класс*. Только в мифологии большевизма он был передовым отрядом пролетариата. В реальности это был авангард российской интеллигенции.

Победа революции означала прежде всего успех нового "культурного типа". Он был рожден старой культурой и одновременно глубоко враждебен ей. Исторический смысл революции состоял именно в том, в чем этот тип разнился с предшествовавшим. При сравнении можно найти массу сходств и различий. Однако главной родовой чертой нового "культурного типа" была его *гомогенность*, внутреннее единство. В его рамках преодолевался раскол, присущий культуре эпохи Империи. Таким образом историческое значение революции состояло, на мой взгляд, в преобразовании раскола, раздвоенности российской культуры, что означало *преодоление ее неорганичности*. В возобладавшем "культурном типе" личностное и общинное начала уже не являлись чем-то раздельным внутри целого. Теперь это были лишь разные стороны, моменты единого. Каким бы ужасным ни казался постреволюционный культурный "класс" в сравнении с "классами" предшествовавшей эпохи, он имел перед последними одно неоспоримое преимущество – был *органичным*.

Большевистская революция естественно вписывается в логику российской истории. Ею завершается длительный, многовековый процесс трансформации культуры, ее *движения от неорганичности к органичности*. Эта революция замыкает череду скачкообразных культурных "подвижек", которые несколько раз на протяжении истории потрясали общество. После нее начинается совершенно новый цикл развития России, "развертывания" ее уже вполне органичной культуры.

Означает ли вышесказанное, что революция была неизбежной? Для ответа нужно провести разграничение между исторически необходимым и исторически случайным. *Исторически необходимым* следует признать преодоление раскола. Культурное противостояние к концу XIX в. стало главным тормозом общественного развития, что постепенно осознавалось на самых различных уровнях. К примеру, столыпинская программа была контрастна по отношению к проектам российской

революции. Однако она нацеливалась на решение тех же вопросов, которые впоследствии были разрешены революцией. Реформы Столыпина предполагали постепенное уничтожение пропасти между образованными слоями и патриархальной массой, что, в свою очередь, должно было подготовить то перемирие между властью и умеренными элементами общества, без которого он не видел спасения[17]. Столыпин таким образом стремился к созданию органичной культуры, но хотел достичь этого поэтапно, эволюционным путем.

Исторически случайным был именно способ, которым одолевался раскол. Как почти всегда в истории была альтернатива – между стихийно-насильственным и управляемо-"либеральным" устранением культурного противоречия, раздиравшего Россию. Однако вероятность первого и второго вариантов была разной. Требовалось стечение слишком многих "счастливых" обстоятельств, чтобы раскол был "снят" "цивилизованно", под контролем власти. Это было маловероятно и не произошло. Потому проблемы были решены стихийно в ходе революции.

В связи с этим следовало бы различать исторически необходимые и исторически случайные *последствия* Октябрьской революции. К исторически необходимым, а значит неизбежным ее результатам можно отнести само преодоление раскола и установление господства нового "культурного типа". К исторически случайным, т.е. необязательным эффектам – воздействие, оказанное на общество в целом и на каждую отдельную личность, революционного, насильственного способа "снятия" раскола. Настолько долго состояние российского общества определялось прежде всего тем, **как, каким способом** установился новый "культурный тип", что это мешало осознать совершенное, т.е. **о каком именно** "культурном типе" идет речь.

За представителем новой культуры, возобладавшей в результате революции, прочно закрепилось уничижительное название "гомо советикус". Его неприятный имидж стал в последнее время объектом инвектив. Однако те, кто сегодня активно бичуют нарицательные черты "гомо советикуса", как правило не задаются вопросом, какие из них являются сущностными характеристиками данного "культурного типа", а какие – признаками, приобретенными в результате многолетнего применения по отношению к человеку чудовищного насилия, порожденного революцией.

Если отказаться от мифологизации российской интеллигенции[18], то можно обнаружить, что многие из приписываемых "гомо советикусу" черт вполне соответствуют душевному строю "русского интеллигента" XIX в. Обращусь за подтверждением сказанного сразу к двум авторитетным суждениям. Н. Бердяев: "При поверхностном взгляде кажется,

---

[17] Тимашев Н.С. Роль П.А.Столыпина в русской истории (Предисловие). / Бок М.А. П.А.Столыпин, воспоминония о моем отце. М., 1992. С.10.

[18] Это, конечно, нелегко, потому что "российский интеллигент" как тип был почитоем подавляющим числом представителей постреволюционных поколений моих соотечественников.

что в России произошел небывалый по радикализму переворот. Но более углубленное и проникновенное познание должно открыть в России революционный образ старой России, духов, давно уже обнаруженных в творчестве наших великих писателей, бесов, давно уже владеющих русскими людьми. Многое старое, давно знакомое является лишь в новом обличье"[19]. Или еще В. Муравьев: "Революция произошла тогда, когда народ пошел за интеллигенцией. Конечно, народ по совершенно независящим от последней причинам должен был куда-то идти. Великое народное движение, во всяком случае, должно было произойти в результате кризиса русской жизни, усугубленного войной. Но путь, по которому пошел народ, был указан ему интеллигенцией"[20]. Однако интеллигентское миросозерцание, став **народным мировоззрением**, т.е. будучи таким образом многократно растиражированным, утратило определенность и остроту, сделалось более сглаженным, аморфным. Во много раз снизился уровень образованности, малозаметной стала одержимость, обостренность воли. И свету явилась та безликая и агрессивно-пассивная посредственность, которая известна сегодня под именем "гомо советикус".

Каким бы существенным ни казалось на поверхности различие между "гомо советикусом" и российским интеллигентом – это представители **одного** "культурного типа". У них общий главный отличительный признак – синтез индивидуального, личностного и коллективного, общинного начал в **единое органическое целое.** Поэтому несмотря на свои внешне отталкивающие характеристики, "гомо советикус" исторически является представителем более **высокого** прогрессивного типа культуры, чем культура раскола. В этой культуре общинное начало уже не проявляет себя непосредственно, а как бы **интериоризировано** личностью. И в этом смысле в результате революции Россия, вслед за Европой, самобытно завершает процесс индивидуализации[21]. Но "Азия" теперь как бы живет отдельно в душе каждого индивида. Сознание новоиспеченной – органичной – личности еще насквозь проникнуто общинным духом.

И здесь вновь парадокс – общинное, азиатское начало выделяется в "гомо советикусе" как типе больше, чем тогда, когда оно непосредственно господствовало в российской культуре. Тысячекратно усиливается внешнее противоречие между острым сочетанием европеизма и азиатчины, оно приобретает совершенно особенный "привкус". Парадокс этот вполне объясним. Общинное начало по своей природе пассивно. Непосредственно присутствуя в русской культуре, оно не сильно броса-

---

[19] Бердяев Н.А. Духи русской революции. / Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 55.

[20] Муравьев В.Н. Рев племени. / Из глубины... С. 196.

[21] В Европе элементы Нового времени созрели в недрах средневекового феодализма. В ходе буржуазных революций вполне уже жизнеспособные нации сбрасывали устаревшую "оболочку". Россия же вступает в эпоху Нового времени долго и мучительно, прокладывая к нему особенный путь. В ней феодализма, феодальной культуры в европейском понимании не было.

лось в глаза, поскольку фон определялся личной активностью небольшого европеизированного "класса". В опосредованном виде, проявленное через энергию миллионов индивидов, оно создает такую яркую картину, что истинная причина (благодаря которой достигается столь мощный эффект) – *личностное начало* – перестает быть заметной.

"Гомо советикус" был и есть *закономерный итог* российского культурного развития. Энергия более чем двухвекового противостояния "верхов" и "низов", Европы и Азии вроде бы разрядилась, образовав внешне однообразную массу посредственных субъектов. На самом деле это очень *энергетически насыщенная протоплазма*, способная стать "питательной средой" для новой культурной "подвижки" (скачка) России. "Гомо советикус" – первый массовый тип личности, рожденный на почве российской культуры. Но очень долгое время облик этой личности определялся не ее действительной сущностью, а тем насилием, при помощи которого она появилась на свет и развивалась в эпоху коммунистического тоталитаризма.

Парадокс состоит в том, что появившаяся на свет после большевистской революции культура оказалась преддверием Нового времени в России. Особенность вхождения России в эпоху модерна состоит в том, что российскому Новому времени предшествовал особый ("эмбриональный") период развития, в рамках которого происходило вызревание элементов культуры модерна. Это компенсировало отсутствие феодальных отношений, подготовивших европейское Новое время. Именно поэтому Советскую эпоху можно, думается, обозначить – в зависимости от избранной точки отсчета – и как поздний квазифеодализм, и как ранний квазикапитализм.

Тезис о *советской культуре как протокультуре Нового времени* необходимо сопроводить двумя комментариями. На первый взгляд он опровергается явной антибуржуазной направленностью Октябрьского переворота. Но на самом деле в ходе большевистской "революции" уничтожалась буржуазная культура одной десятой части общества и создавались условия для будущего (отнесенного на несколько десятилетий в историческом времени) усвоения буржуазной культуры девятью десятыми общества, находившимися в 1917 г. на дофеодальной ступени развития. Кроме того, понимание советской культуры в качестве эмбриональной формы российского Нового времени позволяет критиковать миф о тоталитаризме как состоянии общества, при котором прекращается (замораживается) всякое развитие. На поверхности советское общество казалось застывшим, но внутри него происходило весьма интенсивное развитие. Общество действительно было закрытым, но динамические процессы в нем от этого не останавливались. Если "ранний тоталитаризм" выглядит как феодализм, впитавший в себя достижения научно-технической революции, то "поздний тоталитаризм" похож на капитализм, обремененный пережитками феодализма и отсталой технической базой.

В этом смысле необоснованным выглядит популярное ныне отождествление коммунизма и фашизма. Конечно, определенное сходство режимов здесь существует, но оно не выходит за рамки сходства двух любых деспотических культур. В таком контексте коммунизм похож на империю Чингисхана и на Россию времен Ивана Грозного не меньше, чем на германский нацизм. Природа же фашизма и коммунизма различна. Фашизм есть патологическое развитие культуры Нового времени. Как и всякая патология, он выглядит дегенерацией, провалом в историческое прошлое, в деспотическое средневековье. Коммунизм – это преддверие культуры Нового времени, ее недоразвитие, строй, не вырвавшийся до конца из тисков средневековья.

Россия еще не взошла в свое Новое время. Поэтому все институты, характерные для европейского Нового времени, находятся в России и других осколках бывшего Советского Союза в эмбриональном состоянии. Ни один процесс, подготовлявший эпоху модерна, не был в России завершен. Здесь так и не произошла полная эмансипация политической власти, государство не приобрело значение всеобщего, и, как следствие, не сложилась нация. Только сегодня этот процесс вступает в завершающую стадию.

II. Циклы развития российской государственности

Естественно, что государственность, развивающаяся в особой культурной среде, выглядит весьма специфично и мало похожа на европейские и, тем более, азиатские образцы.

Предпосылки развития российской государственности принципиально иные, чем в Европе. В Европе государственность, развивающаяся вместе с обществом, проходит путь от государства-класса через сословно-представительное государство к государству-бюрократии в его различных проявлениях и затем к государству-нации. В России государственность, вырастающая из "предобщества", проходит соответственно путь от Московского царства через земское государство к дворянскому государству и затем к самодержавной империи.

Предпосылки развития российской государственности принципиально иные, чем в Европе. Естественные отношения не вытесняются в России столь быстро и полно социальными отношениями, как в Европе, а еще долгое время продолжают оказывать влияние на характер общественного развития. В то же время это влияние не имеет определяющего значения, как в Азии. В результате в России изначально не складывалась стройная система социальных отношений, способная развиваться целиком из собственной основы. Свобода воли индивида была весьма ограничена. Тогда еще не существовало "коллективного сознания" как некоего единства – оно было фрагментарно.

Первоосновой социальности в России выступает не общество, а *община.* Многие отмечали ее гипертрофированное влияние на общественную и государственную жизнь в качестве главной особенности российского пути. Но община в России есть нечто совсем иное, чем на Древнем Востоке.

В. ПАСТУХОВ

Российская община – одна из разновидностей славянской общины-задруги как промежуточной стадии развития социальных отношений. В зависимости от обстоятельств она обладала большей или меньшей устойчивостью. Специфика славянского мира вообще и России в частности состоит, видимо, не в самом историческом факте существования общины. Через подобную стадию так или иначе проходили все европейские народы. Славянский мир поразил уникальным долгожительством этой общины, тем, что формирование социальных отношений на достаточно длительное время "застряло" на данном – переходном по своей сути – этапе.

Славянская община есть своего рода продукт полураспада естественных отношений. Но так же, как и радиоактивные изотопы различаются между собой периодами полураспада, "продукты полураспада естественных родовых отношений" отличаются друг от друга временем жизни. В этом смысле российская община обладала особой устойчивостью, потому ее влияние на общество и государство проявилось в наиболее яркой и рельефной форме.

Общинный строй в России есть незавершенная система социальных отношений, своего рода "п р е д о б щ е с т в о". В нем силы природы уже не господствуют безраздельно, но социальные механизмы еще не заработали в полную силу.

Развитие "предобщества" значительно отличается от развития общества. Нередко Россию предлагают формально понимать как "восточное" общество. Однако при ближайшем рассмотрении очевидны весьма существенные различия.

На "Востоке" община есть еще *естественное* образование, часть природы. В России – это уже несложившееся общество, предвестник более развитых социальных отношений. В общинную эпоху в России не было еще единого общества и обособленного индивида, равно как и сложившегося "коллективного сознания", но было бесчисленное количество маленьких социальных островков, тяготевших к сплочению и не успевавших сложиться в органичное целое. Внутри российской общины человек был уже в достаточной степени "социализирован", обладал частично индивидуальной волей.

"Восточная" община совершенно неподвижна и напоминает инертный газ. Она не стимулировала социальные отношения или, точнее, влияла на них в исчезающе малых величинах. А в России община – это скорее радиоактивный изотоп. Общественная жизнь здесь напоминала беспрерывный поток альфа-распадов, социальных "микровзрывов, во время которых община из своего ядра частицами исторгала индивидов. Устойчивость общины в России – только фасад, за которым скрывался процесс индивидуализации, что сближает ее с европейским институтом общины.

На базе предобщества возникло весьма любопытное образование – п р е д г о с у д а р с т в о.

Конститутивным признаком "предгосударства" является то, что оно не было отделено окончательно от общества, значит не обладало той

самостоятельностью по отношению к обществу, которая была присуща европейскому государству. В то же время "предгосударство" не было простой общественной формой как восточная государственность. Истории суждено было сложиться таким образом, что в России появилось на свет особое *общественно-государственное образование*.

Я определил бы "предгосударство" как стабилизацию одной из промежуточных форм становления государства. Подобную стадию проходило в своем развитии и европейское государство. Но там "героическая эпоха" – лишь момент в постоянном движении государственности, краткий транзитный пункт. В России же государственность задержалась на этой ступени на многие столетия.

Логично предположить, что появившееся в России "государство-полуфабрикат" должно было стремиться как можно скорее дойти до стадии "готового продукта". То есть "предгосударство" сначала превратилось бы в "нормальное" государство (по европейскому пути), а затем прошло бы свершенный ранее Европой путь. Однако на самом деле этот "государственный полуфабрикат" начинает самостоятельную историческую эволюцию, прокладывая собственный маршрут к современному государству. Его путь, в силу действия массы объективных и субъективных факторов, оказался, как известно нам сейчас, гораздо труднее европейского – государство российское буквально продиралось "наверх", к своей высшей форме сквозь "заросли" исторических обстоятельств.

В этом *самостоятельном, но асинхронно параллельном* Европе историческом развитии и заключена тайна российской государственности. Ее эволюция проходит через те же ступени, что и государство европейское. Однако в том, как именно проявляла себя сущность государства на каждой из этих ступеней, обнаруживала себя *недозрелость* соответствующих форм российского общества. Специфическое движение России к современному государству – это путь развития изначально ослабленного ребенка, которому долгие годы предстоит догонять сверстников, прежде чем они уравняются в силах, способностях и возможностях.

Вместе с тем в предпосылках развития нашей государственности заключено и его (развития) основное противоречие, определившее как судьбу российского государства, так и его облик. Это – противоречие между непреодоленным до конца *единством* государства и общества и постоянно усиливающимся *обособлением* их друг от друга. Уникальность ситуации в том, что российское государство в процессе эволюции все дальше и дальше отдаляется от общества, наподобие европейского, оставаясь при этом чрезмерно долгое время общественной формой, наподобие азиатского.

Уяснить специфику российской государственности в начальной стадии развития достаточно сложно. Она все время ускользает из поля анализа, растворяясь в бесконечных аналогиях. Основное противоречие российской государственности не выражено здесь пока достаточно ярко. С одной стороны, мы видим, что Московское царство возникло похо-

жим на европейское государство-класс. Государственные функции закреплялись за определенным общественным классом – за землевладельцами. Государь сам являлся наиболее крупным из них. В то же время деятельность этого государства была сверху донизу пронизана родовыми предрассудками, зажата в тисках традиции. Принцип "местничества" исключал характерное для Европы развитие личностного начала в государственной сфере. С другой – российское государство выглядело как восточная деспотия. "Внутренний быт России, – пишет К.Д.Кавелин, – в том виде, как он сложился в XVII в., представлял собою округленное и законченное целое. Московское государство было азиатской монархией в полном смысле слова"[22]. Но при более детальном рассмотрении это сходство может оказаться весьма поверхностным. Если довериться Гегелю, то "принципом восточного мира является субстанциональность нравственного начала. Это первое преодоление произвола, который утопает в этой субстанциональности. Нравственные определения выражены как законы, но так, что субъективная воля подчинена законам как внешней силе, что нет ничего внутреннего, нет ни убеждений, ни совести, ни формальной свободы, и поэтому законы соблюдаются лишь внешним образом и существуют лишь как право принуждения... В общем государственное устройство представляет собой теократию, и царство Божие также является и мирским царством, как и мирское царство не менее того является божественным"[23]. Достаточно бегло взглянуть на русскую историю под этим углом зрения, чтобы стало ясно, какой глубокий разлом отделяет Россию от восточного мира. Начиная от принятия христианства и кончая "Русской правдой" и первыми "Судебниками", которые последовательно проводили принцип виновности, – все буквально свидетельствуют о разделении в России внутреннего и внешнего закона, нравственного и правового начала. Везде мы находим признаки существования субъективной воли с присущими ей убеждениями, совестью и формальной свободой... Это приметы *индивидуализации.*

В Европе в исходиом пункте мы находим государство сильным. В России государство рождается слабым, раздираемым скрытыми внутренними противоречиями. Однако процесс индивидуализации, ослабившей европейское государство, в России приводит к иным последствиям.

Индивидуализация России имела *двухуровневый* характер, поскольку общество здесь так и не сложилось как целостная система, и социум представлял собой совокупность огромного количества достаточно замкнутых общин (микросоциумов). В результате процесс индивидуализации шел и на уровне отдельной общины, и на уровне всей их совокупности. На микроуровне из общины выталкивались ее наиболее индивидуалистические элементы. На макроуровне внутри государства, являвшегося связующим звеном между общинами, индивидуалистические элементы тоже формировались, но не выталкивались, а накапливались, постепенно подготавливая качественные изменения.

---

[22] Кавелин К.Д. Наш умственный строй. / Цит. С. 229.
[23] Гегель Г. Философия истории. М., 1993. С. 154.

Кроме того, индивидуализация в России носила *дискретный* характер. Это не был плавный и равномерный процесс, как в Европе. Время от времени происходили своеобразные "залповые" выбросы "индивидуального вещества". При этом если в Европе по мере нарастания индивидуализации происходило ослабление традиций и рутинных институтов, то в России традиционные структуры, изгнав из себя "индивидуалистов", консервировались и таким образом надолго сохраняли себя.

Индивидуализация в России отличалась от европейской также *односторонностью и неполнотой.* Индивид буквально "вылетал" из общины, как снаряд из пушки. Он быстро и активно усваивал негативное отношение к традиционному обществу с его сковывающими индивидуальную волю условностями. Но он практически не успевал рационализировать свое сознание, субъективно усвоить и переработать содержание "коллективного сознания".

Россиянин, выпавший из традиционного общества, вместо индивидуального сознания обладал смутным ощущением потребности в таковом. Чтобы прикрыть "наготу" разума, он был вынужден "примерять на себя" чужое самосознание. Источник *заимствования* тогда мог быть только один – Европа. Это и предопределило значение е в р о п е и з м а (в широком смысле слова) как необходимой формы существования самосознания для всех "продуктов" индивидуализации в российском обществе.

На протяжении многих веков фактор европеизма, который можно, не впадая в особые преувеличения, истолковать в качестве определенной зависимости от Европы, был "навязчивой идеей" российского самосознания, что до сих пор вызывает неадекватную реакцию. Зачастую западничество (ориентир, образ мышления и отвечающие ему действия в политике и т.д.) рассматривается как субъективная ошибка. В западничестве видят "адвоката дьявола". Косвенно предполагается, что развитие самосознания могло пойти по другому пути, что вызвало бы соответствующие изменения в судьбе, например, российской государственности. Подобную точку зрения можно найти в статье В.Л.Цымбурского, наиболее интересного представителя современного российского неоизоляционизма. "Слово произнесено – "век XVII", – пишет он. – И впрямь, двигаясь через нашу историю вспять, мы именно в этом веке находим ту эволюционную развилку, откуда одна линия ведет к Российской империи и СССР, а другая – к нынешней России"[24]. Почему "век XVII"? Потому что "Россия являет с XVI в. напряженное совмещение паттернов "острова" и "хартленда". История ее с данного первоначального века есть самоопределение между стратегиями, вытекающими из этих конфликтующих между собой паттернов"[25]. Как случилось, что победила одна ("прозападная") из двух стратегий? Это произошло "в силу принятия ее элитой западноцентристской картины мира", что опосредовало "усвоение государством панконтиненталистских стратегий", – заключает Цымбурский.

---

[24] Цымбурский В.Л. Остров Россия (Перспективы российской геополитики). / / "Полис", 1993, № 5. С. 8.

[25] Цымбурский В.Л. Остров Россия... С. 11.

В. ПАСТУХОВ

Отдавая должное "веку XVII" и той роли в российской истории, которую ему отводит Цымбурский, необходимо все-таки сказать о том, что даже XVI в. – это *не первоначальный* век нашей истории. Идеологические предпочтения людей и XVI, и XVII в. были во многом объективно предопределены историческими обстоятельствами и влияниями предшествующих столетий. Россияне в XVII в. не были свободны в своем выборе, как Адам и Ева в раю. Их европеизм был не столько выбран ими, сколько дан им. Не может быть субъективной ошибки там, где не было действительной свободы выбора. Вряд ли поэтому можно всерьез писать о другой – не "прозападной" – альтернативе развития, которую Россия якобы упустила. Западничество российской элиты было естественным и неизбежным следствием особого характера протекания процесса индивидуализации в обществе.

Индивидуализация в России рождала людей, без колебаний отвергавших старый традиционный мир, но при этом не способных противопоставить ему полноценный мир собственного "Я". В результате Россия вынуждена была пережить "европейское Просвещение без европейского Ренессанса".

В Европе индивидуализация привела к образованию сословий. Ничего подобного мы не найдем в России. Первый серьезный "всплеск" индивидуализации в жизни Московского царства дал о себе знать достаточно рано. Более всего он проявился на "микроуровне", т.е. на уровне общины. Весьма скоро стали заметными два основных следствия подобной индивидуализации.

Во-первых, община интенсивно выталкивала наиболее активных индивидов; в результате возникло *казачество*. По словам Соловьева, в XVII в. из общества выделялись люди, у которых наблюдался избыток индивидуальной энергии. Постепенно это привело к возникновению противоположности между земскими людьми и казаками, вылившейся в открытое столкновение во время Смуты[26]. *Во-вторых*, происходило ослабление общины. Она теряла постепенно значение хранительницы традиций и носительницы нравственного начала. Ее покидала энергия жизни. Вместе с тем она не растворилась в историческом небытии, как в Европе, а продолжала свое консервативное существование по инерции. На рубеже XVII в. община – уже не столько социальный феномен, сколько социальный призрак. Это тень от луны, форма, утратившая свое содержание.

Первой реакцией на данный "всплеск" индивидуализации со стороны государства стало *поглощение им общества*. Государство быстро нашло применение ослабевшей общине. Оно приспособило эту утратившую содержание, но существующую по инерции форму для своих нужд. *Поземельная* община незаметно вырождалась в *административную*. "Государству невозможно иметь дело непосредственно с каждым из податных людей в отдельности, – писал Кавелин, – и оно поручает это общинам, возлагает на них надзор за каждым из своих членов"[27]. Постепенно община из социального ядра превращалась в первичную

[26] Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 540.

[27] Цит. по Горлянский В.А., Горлянская М.Н. С. 95 – 96.

ячейку российского государства, его главный "финансово-административный орган". (Именно это превращение лежит в основе так называемого вторичного крепостничества. Таким "огосударствлением" объясняется и вся последующая уникальная живучесть русской общины.) Это значит, что произошла медленная трансформация "общественно-государственного образования", каким было российское "предгосударство", в *государственно-общественное образование.*

Кажется, что после этого российское государство окончательно приняло форму восточной деспотии. Но парадоксальным образом именно данное превращение в государственно-общественное образование сделало возможным совершить еще один значительный шаг по европейскому пути развития государственности. Поглотив общину, государство получило, наконец, в свое распоряжение ресурс, позволявший выделиться в качестве самостоятельного слоя профессиональному государственному аппарату, т.е. *бюрократии.* Раздача земель стала натуральной формой выплаты жалованья гражданским и военным чиновникам.

Как и в Европе, появление в России бюрократии знаменовало собой переход к качественно новой форме государственности. Но российская бюрократия оказалась явлением весьма специфическим. В Европе бюрократия появилась как нечто самостоятельное, "рядом стоящее" с государством-классом. Со всеми складывавшимися внутри общества корпорациями она (бюрократия) находилась в одинаковых отношениях. В России в рамках государственно-общественного образования подобное было невозможным. Здесь бюрократия возникла как *подразделение* внутри государства-класса – пожалованное *дворянство.*

Дворянство являлось превращенной формой существования бюрократии. Будучи по своей сути особым общественным классом, находившимся в специфическом положении ко всем другим сословиям и к обществу в целом, оно на поверхности явлений выступало как обыкновенный землевладельческий класс, *часть* земельной аристократии. Аристократизм российского дворянства ложен, он лишь до времени затемнял его бюрократическую природу. В отличие от Европы, где индивидуализация общественной жизни привела на первых порах к ослаблению государства, в России первым видимым ее результатом стало укрепление позиций государства. Поглощение общины и образование на этой основе бюрократии не только как особого, но и как землевладельческого класса сделали государство достаточно сильным и стабильным, скрепили его. Государство в России в результате индивидуализации не только не потерялось среди других корпораций, но превратилось в единственную реально существующую корпорацию. Уже ко времени правления Ивана III только государство представляло в России действительную общность, все остальные общности были скорее иллюзорны.

Однако эта стабильность государства достигалась за счет того, что индивидуалистические элементы, способные ее нарушить, удалялись из огосударствленного общества. На самом деле они никуда не исчезали. Казачество прирастало на государственной периферии, до поры как бы вынесенное "за скобки" государственности. Но с каждым годом потенциал этой антигосударственной силы рос, и стабильность государства начала вибрировать, как туго натянутая тетива.

В. ПАСТУХОВ

На каком-то историческом отрезке времени в России было достигнуто относительное равновесие между общиной, боярством, дворянством и казачеством. В тот период в России формируется *земское государство* – первое историческое отрицание "предгосударства". Как и всякое первичное отрицание, оно односторонне: отрицается *подчиненность* государства обществу, но не их *неразделенность*. Государство так и не обособилось целиком от общества. Просто с той поры уже не государство было надстройкой над общиной, а община стала элементом государственности. Вместе с тем присущее российской государственности противоречие на данной стадии открыто проявило себя как противоположность двух принципов, лежащих в ее основании. Это наиболее полно воплотилось в опричнине Ивана IV, когда единое государство удивительным образом раздвоилось на две параллельные государственные системы, построенные по разным схемам, но управляемые одним монархом.

Устойчивость земского государства была разрушена очередной волной индивидуализации. Второй ее "всплеск" в гораздо большей степени выразился на макроуровне. Со времен Ивана Грозного личностное начало громко заявляло о себе как о важнейшем критерии государственного строительства. Все большее влияние при дворе приобретали люди, отличавшиеся не столько своей родовитостью, сколько деловыми качествами. Началось медленное, но неуклонное наступление московских государей на систему местничества. В итоге объективно возросла роль дворянства-бюрократии.

На Западе укрепление бюрократии привело к всевластию государства, в конечном счете – к абсолютистскому режиму. В России результат оказался прямо противоположным. Усиление дворянства вызвало обострение его отношений с боярством (традиционными землевладельцами). В условиях, когда критически выросла масса и мощь казачества, это сыграло роль детонатора. Казачество с окраин хлынуло в "государственные земли". Государственность сотряслась от крепкого удара.

Началось Смутное время, которое было "запрограммировано" в качестве неизбежного этапа развития российской государственности предыдущими явлениями. Искусственная стабильность *земского государства*, достигавшаяся путем удаления антигосударственных (чересчур индивидуализированных) элементов из центра на периферию, оборачивалась их плотной концентрацией на границах: "Широкие степи... стали привольем казаков – людей, не хотевших в поте лица есть хлеб свой, – людей, которым по их природе, по обилию физических сил было тесно на городской и сельской улице"[28]. Происходило накопление критического напряжения на этих полюсах; было достаточно малейшего повода, чтобы случился искровой разряд. "Образовалась противоположность между земским человеком, который трудился, и казаком, который гулял, противоположность, которая необходимо должна была вызвать столкновение, борьбу. Эта борьба разыгралась в высшей степени в начале XVII в. в так называемое Смутное время, когда казаки из степей своих под знаменами самозванцев явились в государственные области и

[28] Соловьев С.М. Чтения и рассказы... С. 436.

страшно опустошили их, – они явились для земских людей свирепее поляков и немцев"[29].

Россия вошла в Смуту земским, а вышла из нее *дворянским государством.* Гражданская война если и не привела к исчезновению старой аристократии и казачества, то навсегда подорвала силы как первых, так и вторых. Шаг за шагом государство становилось государством дворян, т.е. бюрократическим государством.

Если в Европе государство-бюрократия было сильным, претендующим на абсолютный контроль над обществом, то в России подобный ему тип государства был невероятно ослаблен только что завершившейся войной, загнанными вглубь, не преодоленными до конца противоречиями. Поэтому бюрократический абсолютизм, соответствующий, например, империи Людовика во Франции, был выражен в России не очень контрастно, а позже – недооценен как особый этап в развитии государственности, занявший промежуток между первою и второю Смутами. Не успело дворянское государство стабилизироваться после испытаний Смутного времени, как выяснилось, что оно уже исчерпало себя. Из Смутного времени русские вышли людьми иной культуры. Традиционное государство-бюрократия не могло реализовывать свои потребности и функции в этой новой для него культурной среде.

В целом кризис дворянского государства имел ту же природу, что и кризис абсолютизма в Европе. Но содержание данного кризиса иное, что связано с принципиальным различием между собой результатов индивидуализации в Европе и России.

В европейском обществе в эпоху позднего абсолютизма появилось достаточное количество свободных, наделенных развитым самосознанием личностей. Эта индивидуалистическая среда в конечном счете отторгнет – через революцию – старый абсолютизм и на его месте создаст новое бюрократическое государство.

В России итогом индивидуализации стало рождение (в эпоху, предшествовавшую Петровским преобразованиям) *полуиндивидуалистической (промежуточной)* культуры, образно описанной С.Соловьевым так: "Два обстоятельства вредно действовали на гражданское развитие древнего русского человека: отсутствие образования, выпускавшее его ребенком к общественной деятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его в положении несовершеннолетнего, опека, необходимая, впрочем, потому что, во-первых, он был действительно несовершеннолетен, а во-вторых, потому что общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека делала его прежде всего робким перед всякою силой, что, впрочем, нисколько не исключало детского своеволия и самодурства"[30].

Русский человек конца XVII в. был натурой сколь необузданной, столь и *несамостоятельной.* Его самосознание находилось в зачаточной стадии оформления. Степень отрицания им традиционных устоев явно не соответствовала степени рационального осмысления им общественного бытия. Вырвавшись из тисков традиции, он все равно продолжал длительное время нуждаться в нравственной опеке. Однако ее он не

[29] Там же. С. 437.

[30] Соловьев С.М. Чтения и рассказы... С. 346.

получал ни в семье, ни в обществе. В новых условиях такое попечительство могло быть обеспечено только со стороны государства. Но старое дворянское государство не было способно на патернализм.

Противоречие, которое возникло в российском обществе на рубеже XVII – XVIII вв., принципиально отличалось от противоречия, обнаружившегося несколько раньше в Европе. Там сильное, всепроникающее государство–бюрократия вошло в противоречие с развитой, самостоятельной и стремящейся к свободе личностью. Здесь слабое, малоподвижное, опутанное предрассудками государство оказалось неспособным взять на себя функции нравственной опеки над "полуразвитым", зависимым и нуждавшимся в попечительстве индивидом. Если в Европе кризис государства проявился в избытке силы действия бюрократии, то в России обнаружился ее "дефицит".

Соответственно различались между собой способы разрешения противоречия. В Европе бюрократический монстр рухнул непосредственно под натиском общественного движения. В России источником преобразования стал *монарх*, опиравшийся на наиболее индивидуализировавшиеся слои дворянства-бюрократии. Если в Европе целью движения было подчинение бюрократии обществу, то в России она должна была покорствовать монарху, объективизировавшемуся как центр силы. Монарх превращался в России, таким образом, в некий "суррогат" нации, ее опосредование. Созданная Петром I *самодержавная империя* была не чем иным, как превращенной формой европейского государства-бюрократии Нового времени, но сама Россия до этого Времени – в смысле развития общества – еще не дошла.

Российское самодержавие было внутренне противоречивым, как была внутренне конфликтна его полуиндивидуалистическая культура. Процесс индивидуализации поляризовал общество, создав этот эффект двойственности в культуре, – едва ли не постоянную характеристику отечественной культуры вообще. На одном полюсе обнаружился переизбыток ничем не скованной, в т.ч. и ответственностью, индивидуальной энергии, в большом количестве появились люди, которым было тесно в рамках устоявшегося уклада жизни. На другом – прочно обосновалась община с ее обитателями, успевшая исторгнуть из себя почти всех сколь-нибудь энергичных индивидов и превратившая пассивность и безынициативность в доминирующий (и, видимо, единственно приемлемый для себя) психологический тип. Общественная депрессия была ее реактивным состоянием, травмой от индивидуалистических влияний. Именно это, думается, столетия спустя помешало реализации планов П.Столыпина.

Таким образом к концу XVII в. в России сложилась двойственная – *активно-пассивная, агрессивно-послушная*[31], т.е. "между анархическим бунтом и рабской привычкой", – культура. С внешней стороны эта гетерогенная культура выглядела как смешение европейских и традиционалистских начал. На деле в ней не было ни истинного европеизма, ни подлинного традиционализма. И то, и другое было мимикрией, двумя превращенными формами самой культуры.

---

[31] Последнее определение никак не связано с известной метафорой периода "перестройки".

Государство восполняло недостаток личной энергии у одних и обуздывало ее избыток у других. Это была воистину отцовская – патерналистская – задача. Таким манером российскому самодержавию удалось соединить в себе черты и государства Людовика, и государства Наполеона, не являясь в действительности ни тем, ни другим. В идее самодержавия странным образом слились тезисы об абсолютности и неограниченности прерогатив самодержца и о служении и ответственности самой власти.

Революция в Европе уничтожила старую бюрократию с тем, чтобы поставить на ее место новую. В ходе "революции наоборот" в России Петр I реорганизовал бюрократию, т.е. дворянство. Присущее российскому дворянству внутреннее противоречие нашло концентрированное выражение в созданной Петром Империи. Самодержавная Россия, будучи по своей природе государством-бюрократией, выступала в превращенной форме государства-класса, государства земельной аристократии. Это сочетание признаков как государства-бюрократии, так и государства-класса обусловило силу и слабость Российской империи.

Существование бюрократии в форме общественного класса придавало самодержавному государству уникальную устойчивость и обеспечивало его способность длительное время возвышаться над обществом, выполняя "попечительские" (полицейские, – по А.С.Лаппо-Данилевскому) функции, немыслимые для европейского государства-бюрократии. Скрещивание казалось бы несовместимых принципов в основании самодержавной государственности привело к рождению вполне жизнеспособного государственного организма. Но будучи сильным, как мул, это государство оказалось, подобно мулу, бесплодным – в историческом, разумеется, смысле.

В отличие от европейского государства-бюрократии, преобразованного буржуазной революцией, российское самодержавие *не поддавалось рационализации.* Оно лишь заимствовало некоторые рационалистические идеи для вящего упрочения утилитарности государства[32]. Значит оно не могло логично и плавно перейти на более высокую ступень государства-нации и тем самым подняться до уровня современного государства.

Поскольку бюрократия в России так и не оформилась окончательно в чистом виде в качестве *особого* класса, постольку противоречие между бюрократией и обществом не приобрело в рамках самодержавной империи *всеобщего* характера. Оно выступает в превращенной форме частного, классового противоречия между обществом и дворянством как землевладельческим классом. Это задает специфическое направление рационализации российской государственности. Его можно было бы назвать "*бегством от современности*" (выражение, использованное по другому поводу Е.Шацким).

На определенной стадии развития самодержавной империи в России, как и в Европе, все же постепенно обнаруживает себя позитивная сторона процесса индивидуализации, выразившаяся, в частности, в новых попытках рационализировать российскую государственность. На

[32] Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований. // "Полис", 1994, №1. С.182–183.

свет появился российский конституционализм. Этот конституционализм, однако, опять требует эпитета "особый", если сравнивать его с европейским.

Прежде всего он был нацелен не столько на овладение государством, сколько на его отрицание. Это вполне объяснимо, поскольку государство продолжало оставаться частной корпорацией. Но самое главное состоит в том, что развитие конституционных идей одной частью российского общества не подкреплялось стремлением к самоограничению индивидуального произвола на основе признания права в другой его части, составлявшей подавляющее большинство населения. Возникла парадоксальная ситуация, когда каждый шаг вперед в рационализации российской государственности, являвшийся следствием непрерывного и все возраставшего давления со стороны более индивидуализированного меньшинства, приводил к усилению энтропии, нарастанию произвола со стороны большинства. Таким образом самодержавие как специфическая форма государственности оказалось запрограммированным на самоуничтожение еще где-то в середине XIX в.

И еще одно обстоятельство. Позволю себе строками из того же письма Ф.Тютчева П.Вяземскому наконец объяснить, почему все вышеотмеченные тенденции в развитии российской государственности я определил как "*европейские*": "Очень большое неудобство нашего положения заключается в том, что мы принуждены называть *Европой* то, что никогда не должно бы иметь другого имени, кроме своего собственного: *Цивилизация*. Вот в чем кроется для нас источник бесконечных заблуждений и неизбежных недоразумений. Вот что искажает наши понятия... Впрочем, я все более и более убеждаюсь, что все, что могло сделать и могло дать нам *мирное подражание* Европе, – все это мы уже получили. Правда, это очень немного. Это не разбило лед, а лишь прикрыло его слоем мха, который довольно хорошо имитирует растительность"[33]. И написано это было в марте 1848 г. Революция государственности в Европе представляется как последовательное, обусловленное конкретными социальными и психологическими явлениями чередование государственных форм, когда на смену государству-классу (с "релейным" состоянием в виде сословно-представительной монархии) пришло государство–бюрократия (в двух его видах, разделенных революцией), которое в результате рационализации Нового времени доросло до государства-нации. Этой линии в России разновременно соответствовали древнее Московское царство, земское государство, дворянское государство и самодержавная империя. Качественные скачки между ними, в силу депрессивного действия консервативной постоянной – общины, были значительно менее выражены, нежели в Европе.

В ходе эволюции государственности в России так и не сформировалось государство-бюрократия в чистом виде. Оно существовало в превращенной форме государства-класса сначала как дворянское государство, а затем как самодержавная империя. Эти формы препятствовали рационализации государства-бюрократии, а следовательно, его восходящему развитию к государству-нации. Если самодержавная империя, будучи превращенной формой государства-бюрократии, не была способна развиваться *непосредственно* в государство-нацию, как в Ев-

[33] Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1986. С. 320.

ропе, значит, между самодержавием и современным государством в России должно было бы образоваться дополнительное звено, которому *нет аналогов* в европейском опыте.

Этим звеном могла быть только некоторая особая форма государственности, в рамках которой бюрократический принцип становится наконец в с е о б щ и м, в результате чего формируется искомая противоположность между бюрократией и обществом и создаются предпосылки для рационализации, превращающей государственность в современное государство-нацию. Эта *особая форма государственности* возникает на обломках Российской империи в результате коллапса самодержавия, потерявшего свою механическую устойчивость из-за присущих последнему внутренних противоречий. Несмотря на свое идеологическое оформление – *коммунизм*, понятый в числе прочего как стремление к идеалу безгосударственности, – данная особая форма является необходимым и логически оправданным звеном в эволюции российской государственности.

Пессимисты и оптимисты в вопросе о государстве в России разделились оригинальным образом. Оптимисты говорят о рождении российского государства, а пессимисты – о смерти российской государственности. Первые начинают исторический отсчет времени с августа 1991 г. Вторые заканчивают его октябрем 1917 г. Между октябрем 1917 г. и августом 1991 г. лежит н е ч т о, коммунистическое или советское государство, одинаково неприятное как оптимистам, так и пессимистам (одним – как жутковатое предисловие, другим – как омерзительное заключение).

В действительности российское государство не начинается августом 1991 г., а российская государственность не заканчивается октябрем 1917 г. Российское государство есть итог развития российской государственности. Коммунистическое, советское государство – необходимое звено в этом процессе. Корни российского государства запрятаны глубоко в имперской и доимперской эпохах, и сегодняшнее государство – это крона, выросшая из Московского царства и Петровской империи. Так называемое тоталитарное государство есть всего лишь ствол, связывающий корни и крону.

КАРМА ЭЛИТЫ: ВДОХ-ВЫДОХ, ПОЧЬ-ДЕНЬ...

Ш. СУЛТАНОВ

В работе Ш.Султанова понятие «элита» рассматривается как один из субстанциональных феноменов человеческой истории. С одной стороны, элита, в рациональном контексте, не может быть адекватно интерпретирована без системной связи с такими предельными понятиями, как свобода, иерархия, справедливость и т.д. С другой стороны, элита, в метафизическом контексте, глубочайшим образом отражает такие онтологические аспекты бытия, как число, ритмичность, циклы истории. В тексте Ш.Султанова сформулирована концепция иерархии исторических циклов в рамках т.н. «большого человеческого года». Примерами ситуации постсоветского пространства проиллюстрирована дилемма элиты – контрэлиты.

© Султанов Ш.З., 1995

Можно ли сравнивать Сократа и Ельцина? Даже у наиболее верных сторонников "первого президента РФ" возможность такого сравнения вызовет недоуменное молчание. Сократ – символ элиты Древних Афин. Ельцин – типичный представитель нынешнего российского истеблишмента.

Через тысячелетия прошли Египет, Индия, Иран, Китай. Их элиты бросали вызов времени и вели за собой свои общества, через кризисы и катастрофы, по тропе Традиции и Закона.

Есть те, которые с придыханием продолжают говорить о дореволюционной России, о нравственной чистоте предреволюционной аристократии. Чушь! Царь Николай II меланхолически пишет в своем дневнике: "Сегодня стрелял по воронам. Убил три штуки. После обеда пил чай на веранде с тетушкой". Через несколько страниц: "Сегодня стрелял по воронам. Убил пять штук. После обеда пил чай на веранде с..." До февральского переворота оставалось несколько лет. К 1917 г. бывшая российская, имперская элита прогнила основательно и безнадежно. И когда началась гражданская война, части этой царской "номенклатуры" шизофренически уничтожали друг друга – кто на стороне красных, кто на стороне белых! А затем миллионами благополучно эмигрировали в Европу, оставив в беде свою страну и народ. Они предпочли служить официантами в Париже, швейцарами в берлинских борделях, таксистами в Праге и Лондоне. Они выбрали жизнь, ибо чести у них уже не было.

В обществе может быть много талантливых, умных людей, но это еще не означает автоматического появления элиты... Если даже все общество состоит из замечательных личностей, но элиты не будет, не завидуйте им...

Есть бремя элиты... Но если элита дряхлеет, впадает в маразм, то все рано или поздно рушится: культура, цивилизация, личность... Есть бремя элиты...

Власть и ответственность

Понятие "элита" или его прямые или косвенные синонимы всегда играли важную роль в теориях и концепциях гуманитарных дисциплин. Можно выделить по крайней мере два основных подхода к объяснению и пониманию этого феномена – общепринятое, обывательское, не строгое, идеологическое, профаническое, с одной стороны, и системное, междисциплинарное, метафизическое, мистическое – с другой.

В первом случае элита прямо соотносится, непосредственно связана с понятием "власть" (чаще всего под этим подразумевают политическую власть, хотя и не всегда, – речь может идти также об экономическом, культурном и т.п. доминировании). Иначе говоря, элита в этом случае – это определенным образом структурированная группа, которая в силу своего особого социального статуса, соответствующих политических условий, общественного восприятия, определенных политических традиций, уникального места в системе властных институтов, идеологической картины мира, принятой в данном социуме, обладает потен-

циалом решающего влияния (культурного, экономического, идеологического или политического) на большинство других групп и институтов в этом обществе. Здесь понятие "элита" вполне соотносится – и в этом смысле вполне оправданно – с такими понятиями, как истеблишмент, правящий класс, властвующая верхушка, номенклатура и т.д. В социокультурном контексте такая элита, как группа, всегда экстравертна: ее самосознание формируется отчужденной от нее актуальной внешней средой. Такая модель элиты всегда и принципиально неорганична, нецелостна, что находит выражение и в семантических рядах языка (говорят, например, о научной, художественной, военной, экономической, политической элите и т.д.).

Собственно в этом случае речь идет даже не об элите как таковой, а о квазиэлите, т.е. группе, обладающей некими внешними, формальными признаками реальной элиты. Любая квазиэлита, поскольку она всегда частное, никогда не несет ответственности за всё органичное общество.

Во втором случае элита, **реальная элита**, соотносится, связана и актуально и латентно прежде всего с феноменами Традиции, Времени и Пространства. Элита здесь – воплощение высшей, сакральной ответственности за Целое. Функции власти такая элита может периодически реализовывать (а может и не реализовывать) именно потому, что выражает предельные императивы, т.е. воплощает конкретные традиции, конкретное пространство, конкретное время через причастность к сакральному потоку, сакральной ритмике Целого. Такая элита целостна и органична не потому, что статусно или каким-то иным образом выделена в иерархии социума, а потому, что она в конкретных условиях и конкретном месте воплощает и развивает целостную концепцию мира, в которой, с одной стороны, отражаются наиболее глубинные традиции, время и пространство конкретной секты, племени, народа, государства и т.д., а с другой – происходит самопознание Единого.

Метафизическая задача реальной элиты здесь и сейчас – интерпретация времени и пространства, прояснение смысла в русле живой Традиции. Настоящая элита как бы воплощает, выражает глубины группового, национального или имперского мифа. (Под мифом в данном случае подразумевается такая модель традиционного сознания, которая рефлексирует единство прошлого, настоящего и будущего как некой целостности.) Иначе говоря, истинная элита занята, собственно, тем, что постоянно проясняет (не только и не столько вербально, сколько созданием соответствующих моделей поведения) своему социуму, в чем именно сегодня смысл бытия, жизни, постоянно интерпретирует в рамках живого мифа поток профанической реальности, объединяет в нечто общее различного рода частные ответы на ключевые вопросы в любом социуме: "Кто мы? Откуда мы пришли? Куда мы идем?"

Действительная элита характеризуется непрерывностью своей внутренней, имманентной, глубинной традиции, этической принципиальностью. Здесь нравственные принципы – не способ приспособления к внешней среде, а скорее выражение внутренней независимости элиты

от данного социума. Образно можно сказать, что истинная элита – своего рода душа данного живого общества, и в этом случае она всегда – неотъемлемая часть данного социума. И только такая элита символизирует высшую сакральную свободу данного народа, государства во времени.

Реальная элита (в отличие от разнообразных квазиэлит) – не дифференцирована как "научная", "художественная" или "политическая". И тому есть даже известные исторические примеры. Крупный ученый или выдающийся политик, занимая даже высшие, статусные места в истеблишменте, могут не входить в национально-государственную элиту именно потому, что для интеграции в данную элиту не личностный успех становится ключевым, а то, в какой степени выдающийся деятель является выразителем, носителем базовых традиционных, нравственных ценностей этого социума.

Мистика элиты

Шопенгауэр отмечал: "На свете существует три типа аристократии: 1) аристократия рождения и ранга; 2) денежная аристократия и 3) аристократия ума и таланта. Последняя, собственно, самая знатная и именитая и признается такою, если только дать ей время. Еще Фридрих Великий сказал: "Les ames privilegiees rangent a l'egal des souveraines" – "одаренные люди наравне с монархами", – когда его гофмаршалу показалось неловким, что министрам и генералам отведено место за маршальским столом, а Вольтеру за столом царственных особ и принцев.

Каждая из этих аристократий окружена полчищем завистников, которые питают втайне злобу против каждого аристократа и, если им нечего его бояться, стараются всяким способом дать ему понять, что "ты, мол, отнюдь не выше нас". Но это-то старание именно и выдает, что они убеждены в противном. Зато и образ действия аристократов, применяемый ими ко всем посторонним, состоит в том, чтобы держать их на известном расстоянии и по возможности избегать всякого соприкосновения с ними"[1].

В этом высказывании Шопенгауэра необходимо выделить по крайней мере два тезиса, важных для дальнейшего анализа. Во-первых, понятие "элита", "аристократия" основано на принципе иерархии (причем конфликтной иерархии), признаваемом в той или иной форме и элитой, и не элитой. Во-вторых, высшей формой элиты является "аристократия ума и таланта".

Однако, в отличие от Шопенгауэра, можно предположить, что только "аристократия ума и таланта" и является собственно реальной элитой, поскольку только она не зависит от структуры и типа своего социума и в этом смысле независима от существующих социальных норм. Например, Сократ как уникальный тип личностного мышления в любом случае входил бы в "аристократию ума и таланта", родись он и в

[1] Артур Шопенгауэр. Афоризмы и максимы. Л., 1991. С. 129.

Персии, и в Индии, и в Китае. (Что касается обывательской известности, то реальная элита к этому равнодушна: не будь Платона, мы, возможно, и не знали бы о Сократе, которого это вряд ли бы как-то обеспокоило.) Другие виды шопенгауэровских типов слишком социетальны, слишком привязаны к типу общества, несвободны, т.е. это скорее квазиэлиты с точки зрения сакрального. Бурбоны являются порождением Франции как социального организма, а Ротшильды в Испании XIV в. никогда бы не стали известными нам Ротшильдами – финансовыми символами капитализма.

Другой очень важный момент – специфическая отстраненность, социальная отчужденность "элиты ума и таланта" от данного общества приводит к тому, что в эту элиту могут входить представители самых различных социальных групп.

Что значит "ум и талант"? Ведь при желании у каждого можно выделить нечто выдающееся в уме и нечто заметное из талантов! Но если исходить из того, что индивидуальный ум (Нус) может являться таковым только в силу своей имманентной связи с субстанцией, с Нусом как таковым, тогда можно утверждать, что "элита ума" есть некая сущность, смысл, эйдос, логос, связующий Нус с неким аспектом социальной реальности.

В таком случае какова форма выражения элиты как самодостаточной сущности? Для начала попробуем выделить эти атрибуты у таких очень разных авторов, как Платон, Юлиус Эвола и современный исследователь А.Проскурин.

Платон в своей книге "Государство" пишет (курсив мой. – *Ш.С.*):

"Раз философы – это *люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе*, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством?

– Как же нам ответить на это подобающим образом?

– Кто выкажет *способность охранять законы и обычаи государства*, тех и надо назначать стражами.

– Это верно.

– А ясно ли, какому стражу надо поручать любую охрану – слепому или тому, у кого острое зрение?

– Конечно, ясно.

– А чем лучше слепых те, кто, по существу, лишен знания сущности любой вещи и у кого в душе нет отчетливого ее образа? Они не способны, подобно художникам, *усматривать высшую истину и, не теряя ее из виду, постоянно воспроизводить ее* со всевозможной тщательностью. Потому им не дано, когда это требуется, устанавливать здесь новые законы о красоте, справедливости и благе или уберечь уже существующие.

– Да, клянусь Зевсом, мало чем они отличаются от слепых.

– Так кого же мы поставим стражами – их или тех, *кто познал сущность каждой вещи*, и вдобавок ничуть не уступает им в опытности, да и ни в какой другой части добродетели?..

– Относительно природы философов нам надо согласиться, что их *страстно влечет к познанию*, приоткрывающему им вечносущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие...

– Да, с этим надо согласиться.

– И надо сказать, *они стремятся ко всему бытию в целом*, не упуская из виду, насколько это от них зависит, ни одной его части, ни малой, ни большой, ни менее, ни более ценной...

– Ты прав.

– Посмотри вслед за этим, необходимо ли людям, которые должны стать такими, как мы говорим, иметь, кроме того, в своем характере еще и следующее...

– Что именно?

– *Правдивость, решительное неприятие какой бы то ни лжи, ненависть к ней и любовь к истине.*

– Естественно, им необходимо это иметь.

– Не только, друг мой, естественно, но и во всех отношениях неизбежно любой человек, если он в силу своей природы охвачен страстным стремлением, ценит все, что сродни и близко предмету его любви.

– Верно...

– Значит, *тот, кто действительно любознателен, должен сразу же с юных лет изо всех сил стремиться к истине*?

– Да, это стремление должно быть совершенным.

– Но когда у человека его вожделения резко клонятся к чему-нибудь одному, мы знаем, что от этого они слабеют в отношении всего остального, словно поток, отведенный в сторону.

– И что же?

– У кого они устремлены на приобретение знаний и подобные вещи, это, думаю я, доставляет удовольствие его душе как таковой, телесные же удовольствия для него пропадают, если он не притворно, а подлинно философ.

– Да, это неизбежно.

– Такой человек *рассудителен и ничуть не корыстолюбив* – ведь тратиться на то, ради чего люди гонятся за деньгами, подходило бы кому угодно, только не ему.

– Это так...

– Если ему свойственны возвышенные помыслы и *охват мысленным взором совокупного времени и бытия*, думаешь ли ты, что для такого человека много значит человеческая жизнь?

– Нет, это невозможно.

– Значит, такой человек *и смерть не будет считать чем-то ужасным*?

– Менее всего.

– А робкой и неблагородной натуре подлинная философия, видимо, недоступна.

– По-моему, нет.

– Что же? *Человек порядочный, не корыстолюбивый, а также благородный, не хвастливый, не робкий – может ли он каким-то образом стать неуживчивчивым и несправедливым?*

– Это невозможно...

– Значит, забывчивую душу мы никогда не отнесем к числу философских и будем искать ту, у которой хорошая память?

– Безусловно.

– Не можем ли мы сказать, что чуждая Музам и уродливая натура будет иметь влечение к чему-либо иному, кроме несоразмерности?

– И что же?

– А как, по-твоему, истина сродни несоразмерности или соразмерности?

– Соразмерности.

– Значит, кроме всего прочего, *требуется и соразмерность, и прирожденная тонкость ума, своеобразие которого делало бы человека восприимчивым к идее всего сущего*"[2].

А.Проскурин, рассматривая элиты Средневековья, выделяет в них несколько наиболее существенных атрибутов: "Только после признания *легитимности субъекта* за ним признаются основные права и некоторые человеческие качества – *доблесть, честность и т.п...*

Идеал человека, выработанный эпохой Средневековья, очень высок. В своих лучших проявлениях этот человек преодолевает страх смерти, причем не как индивидуальное временное переживание, и тем более не как моментное психологическое отношение. Преодоление страха смерти было социальной, достаточно стабильной нормой, действовавшей в течение довольно длительного времени... "*Честь выше жизни*" – в этом девизе и в следующем за ним действии заключено *своеобразное отрицание собственного телесного Я и примат Я духовного...*

Сама эта норма есть духовная доминанта феодализма, его главная специфическая черта, благодаря которой элита отделяет себя от остального социума. Действительно, первоначально выделялись личности, способные длительно и многократно рисковать жизнью во имя каких-либо целей. Впоследствии такое выделение трансформировалось *в неравенство*, закрепленное системой юридических, социальных, экономических и культурных отношений...

Степень интеграции данной элиты необыкновенно высока. В самом деле, когда люди подписывают своего рода договор о праве взаимного прекращения их жизней, это представляется такой степенью доверия или уважения к другому человеку, которая равносильна доверию и уважению к Творцу, доселе единственно владеющему правом давать и отнимать жизнь"[3].

---

[2] Платон. Соч. Т.3, Ч.1. М., 1971, С. 285 – 289.

[3] Проскурин А. Процессы элитооброзования: исторический и прогностический аспекты // ALMA MATER, 1993, № 2, С. 43 – 44

Наконец, приведем несколько пассажей из книги-манифеста "Языческий империализм", принадлежащего перу выдающегося интеллектуала и метафизика XX в. Юлиуса Эволы:

"В тишине, в строгой дисциплине самообладания и самоопределения мы должны с холодным настойчивым усердием создать из единиц элиту, возрождающую *солнечную мудрость*: то *мужество* (virtus), о котором нельзя говорить и которое исходит из глубин души и сознания, *доказывается не в спорах и книгах, а в творческом действии. Мы должны снова проснуться для обновленного, одухотворенного, терпкого переживания мира, но не в смысле философской категории, а как нечто вибрирующее в нашей крови: для переживания мира как могущества, ритуала, жертвоприношения.* Такое переживание мира создаст крепкую, жестокую, активную форму, существо чистой силы; такое переживание мира откроет то чувство свободы и величия, то космическое дыхание, даже самого слабого духовения которого еще не знали "мертвые" Европы. Вместо профанической, демократической науки, относительной и условной, являющейся рабой непонятных законов и явлений, глухой к глубинной реальности человека, мы должны в этой элите воскресить *священную внутреннюю, тайную, творческую науку реализации и "делания самого себя достойным"*, науку, которая ведет и может управлять невидимой силой, повелевающей нашими существами и соединяющейся с тайными корнями рас и вещей; и при этом она возродит, но не как миф, а как самую позитивную реальность, людей как существ, принадлежащих не к "жизни", а к "более чем жизни" и *способных к трансцендентному действию*. И тогда появятся вожди, род вождей. Невидимые вожди, которые не говорят и не показываются, но чьи действия не знают преград, вожди, могущие все. *Это – заблуждение считать, что обновление возможно без восстановления иерархии*, т.е. без установления в низших, связанных с землей и с материей, с человеком и в человеческих формах высшего закона, высшего права, высшего порядка... Это понимали люди древности, когда чтили во главе иерархии существ, королевская природа которых была сплавлена с сакральной и временная власть которых была пронизана духовным авторитетом "более нечеловеческой" природы – таинственных носителей могущественных и грозных сил "Победы" и "Счастья"; это понимали люди древности, когда в любой войне они переживали "священную войну", нечто универсальное, торжествующее, всеразрушающее и организующее заново с чистотой и неизбежностью великого природного могущества... Все отношения должны стать более жесткими, более живыми и более мужскими посредством *воинского самообладания, верности, чести и мужественного усердия в службе*. Верность (fides), бывшая одной из древних римских богинь, о которой Тит Ливий сказал, что обладание ею отличает римлянина от варвара; верность (fides), которую можно увидеть в индийских бхакти, преданность не только действий, но и мыслей и собственной воли, которую иранские воины клялись соблюдать в отношении своих обожествляемых вождей, – эта верность (fides) была также духовным цементом для отдельных феодаль-

но-политических единиц и позднее для их объединения в *unum quod non est pars*, в сверхполитический и сакральный центр средневековой Империи.

В такой верности (fides) мы нуждаемся и сегодня, и сегодня более, чем когда-либо.

В подчиненных должна проснуться гордость в служении вышестоящим. Служба должна быть снова пробуждена как свобода и преодоление, как преобразующее предложение, не унижающее, а, напротив, возвышающее – во всем, как в делах мира, так и в делах войны; как в частном, так и в общем.

На этой духовной основе должна образоваться структура, проходящая перпендикулярно сверху вниз, где вожди будут единственными сияющими центрами, а центры низших организаций, в свою очередь, будут подобны офицерам среди солдат.

Естественно, такая система в первую очередь требует создания элиты, истинной элиты, где не авторитет соответствует должности, а, напротив, должность авторитету, а он, в свою очередь, проистекает из реального превосходства. Всякая иерархия, строящаяся исходя из иных предпосылок, является лишь видимостью иерархии, противоположностью иерархии: насильственным и искусственным образованием, таящим в себе несправедливость, а следовательно, анархию.

Кроме того, надо твердо понять, что иерархия никоим образом не может исчерпываться тем уровнем, который сегодня называется "политикой". Более того, эта политика – как хозяйственно-промышленная, административная и, в материальном смысле, правомочная часть государства – должна быть подчинена ценностям более высокого порядка и служить для них лишь средством достижения цели. Идея качественного развития требует выработки определенного числа сверхполитических установок, реально соответствующих различным формам жизни и интереса, представляющих вождям истинный и неоспоримый авторитет, неподверженный влиянию всего временного и случайного"[4].

Итак, что же определяет ЭЛИТУ как сущность в контексте рассуждений этих трех, достаточно случайно выбранных авторов? Можно перечислить некий ряд определений, имен, атрибутов: традиция, свобода, истина, иерархия, мужество, презрение к смерти, стремление к познанию всего бытия в целом, ненависть ко лжи, память, творческое действие и т.д.

Но вот здесь и возникает первая существенная трудность. Дело в том, что сами по себе все эти определения, атрибуты – бессодержательны. Что такое свобода вообще? Или в чем реальный смысл понятия "презрение к смерти"? В рамках различных культурных и цивилизационных парадигм реальное содержание этих понятий может весьма сильно разниться и даже быть противоположным. Но тогда возникает воз-

[4] Юлиус Эвола. Языческий империализм. М., 1992. С. 6 – 7, 24 – 25.

можность исчезновения вообще самого понятия "элита", его превращения в зависимую переменную. Однако есть и иной путь.

Вся цепочка атрибутов феномена "элита" принципиально двойственна. С одной стороны, они отражают некие константные связи элит с внешней, социальной средой. С другой стороны, они имманентны феномену "элита" именно как определенной уникальной сущности. То есть в первом случае эти атрибуты выражают как бы социальный аспект эйдоса "элита", иначе говоря, здесь лик эйдоса обращен вовне. А во втором случае этот лик обращен вовнутрь, на самого себя. Внешняя среда для феномена "элита" – это социум вообще, данное конкретное государство, историческое время. Например, для элиты Рима – это римское общество вообще, конкретный тип режима, эсхатологическое отношение ко времени. Сама диалектика связей элиты со своей внешней средой предполагает наличие оппозиционных пар:

социум с элитой – социум без элиты,
государство с элитой – государство без элиты,
время с элитой – время без элиты.

Пока зафиксируем это возможное, логическое предположение о некой ритмике в истории, связанной с отсутствием или присутствием в потоке феномена "элита".

Вернемся ко второму аспекту этих атрибутов. Что означает, например, традиция для феномена "элита", взятого вне его социальных детерминант? Или почему имманентны феномену "элита" презрение к смерти или принцип иерархии?

Ответ на самом деле может быть только один: все эти атрибуты имманентны эйдосу "элиты" только тогда и потому, что они являются выражением причастности к некоей трансцендентности, сакральности, Абсолюту. То есть свобода имманентна элите только тогда, когда допускается принцип абсолютной свободы. Мужество может быть внутренне присуще элите только постольку, поскольку есть абсолютное мужество и т.д.

Итак, элита может быть определена как самодостаточная внутренняя сущность только в той мере, в какой она связана с сакральным, высшим, вечным и соответственно с отрицанием профанического. Соответственно зависимые переменные, такие, как элитарные ценности, элитарные интересы, элитарные цели, являются реально элитарными в той мере, в какой они сопряжены с трансцендентной сакральностью. *В психологическом плане наиболее человеческая форма проявления такой сакральности – это осознание некой тотальной сверхзадачи вне категорий реального социального бытия.*

Однако и "связанность с сакральным" может быть пустой, бессодержательной, высокопарной фразой, если не будет определена некая КОНКРЕТНАЯ модель такой "связанности". Или, иначе говоря, можно задать себе вопрос – есть ли некая парадигма мышления, специфическая для элиты, позволяющая преодолевать профанизацию грамматики

фразы "связанность с сакральным"? То есть как же эйдос элиты связан, сопряжен с нечто, что может быть названо сакральным, учитывая, что уже само название "сакральное" несет в себе начало десакрализации?

Элита – число – единое

Проблема всегда не в том, "что это?", а в том, "как это?". Ответ на вопрос "что это?" всегда ущербен; неимоверно важнее стать тем, кому уже не нужно задавать вопрос "что это?" для того, чтобы понять, видеть и быть "как именно это?".

Парадигма такого мышления основана на четырех базовых принципах. Иначе говоря, элитарное мышление тетрактично в своем основании.

1. ВСЕ ЕДИНО И ЦЕЛОСТНО. В "Скрижалях Гермеса Трисмегиста" говорится: "Все, что вверху, то и внизу. Все, что внизу, то и вверху... Все – во всем". Любой отказ от абсолютного монизма немедленно делает бессодержательным все остальное мышление.

2. *Все, которое едино и целостно, есть только живое.*

3. Поскольку *все*, которое едино и целостно, есть живое, оно пульсирует, оно *есть ритмичность, цикличность.*

4. *Все*, которое едино, целостно, живое, пульсирующее, ритмичное, *есть число.*

Ключевой парадокс нынешней профанической антиэлитарной цивилизации связан с игнорированием сакральности числа. Культура XX в. – это цифровая культура, культура цифры, т.е. счисляемого чувственного. Число же – нечто абсолютно иное, глубоко сокровенное и священное.

Достаточно известно, какое значение имело число во всех великих доктринах прошлого. В качестве примера можно привести только одно свидетельство Аристотеля: "В это же время и еще раньше названных философов (Левкиппа и Демокрита) так называемые пифагорейцы, предавшись математическим занятиям, первые выдвинули их вперед и пропитанные ими математические начала стали считать за начала всего существующего. А так как числа по своей природе суть первичные элементы их, в числах же они, по-видимому, усматривали многие сходства с существующим и с происходящим, гораздо более, чем в огне, в земле и в воде, потому что такое-то проявление чисел они считали справедливостью, такое-то – душою и разумом, такое-то – благоприятным временем для действий, словом сказать, и в остальном подобно тому, и в числах, кроме того, видели проявления и соотношения музыкальных гармоний; далее, так как им казалось, что и в остальном вся природа уподобляется числам, числа же суть нечто первоначальное сравнительно со всею природою – то ввиду всего этого они предположили, что элементы чисел суть элементы всех существ и что целое небо есть гармония и число"[5].

[5] "Метафизико", I 5, 986о 1 – 5.

Ш. СУЛТАНОВ

В шестой "Эннеаде" Плотина содержится один из наиболее сложных его трактатов – "О числах". С одной стороны, это ключ ко всей мистико-диалектической системе Плотина, с другой – возможно, единственный сохранившийся цельный текст, в котором в письменной форме отражен мерцающий дух сакральности понятия "число".

Но прежде одно важное предварительное замечание. Для Плотина условием мыслимости мира является тождественность каждой вещи, каждого элемента с миром в целом, т.е. как бы пребывание вселенскости в каждой мельчайшей вещи, принадлежащей ко Вселенной. Это и предполагает, что мир абсолютно единичен, а потому и пребывает в себе и держится собой, не рассыпается и не уходит в бесконечность беспредельного раздробления. "Как из Единого образуется множество? Тем, что Единое везде, ибо нет нигде ни одной точки, где бы его не было. Оно, значит, все наполняет. Этим, стало быть, и дано уже множественное или, лучше сказать, дано уже все. В самом деле, если только Оно одно везде существует, то Оно и было бы этим всем. Однако, так как Оно еще, кроме того, и нигде не существует, то, с одной стороны, получается, то, что возникает все через Него, так как Оно везде, а с другой – возникает все через Него как различное с ним, так как само Оно – нигде. Но почему же Оно не только везде, но опять сверх того еще и нигде? Это потому, что Единое должно быть раньше всего. Оно должно все наполнять и все создавать и не быть всем тем, что создает"[6]. Своего рода метамоделью (или метапрограммой) образования из чистого ничто (или Абсолюта) и функционирования бытия и является число.

Для Плотина число – это: а) архетип эйдоса, эйдетическая матрица, б) эйдос, в) окачествованность, внешнечувственное проявление. Чтобы реально говорить о последнем, необходимо, считает Плотин, иметь конструкцию чисто эйдетического, чисто смыслового числа, числа как смысла и как эйдоса. Число как эйдос мыслимо само по себе. Число как качество мыслимо лишь как осмысленное со стороны числа как смысла.

Если число – умный эйдос, то: а) оно есть некая абсолютная смысловая явленность и б) эта явленность не нуждается ни в чьем осмыслении или познавании со стороны. Оно, число, абсолютно самостоятельно, т.е. целиком знает и осмысляет себя как таковое – не по частям, или по порядку, но – сразу, без распределения внимания по частям и по отдельным временам. Но тогда число – не спутник эйдоса, но – самостоятельная эйдетичность, своего рода архетип эйдоса. Число как таковое предшествует счисляемой мыслимости, т.е. число, как таковое, сущность числа, предшествует расчленяемому эйдосу. Сущее, различие, тождество, покой и движение – основные "рода" мыслимого – уже предполагают число; и число тем самым их порождает; они из него выводятся.

---

[6] Плотин. Эннеады. III, 9, 3.

А.Ф.Лосев таким образом интерпретирует этот метафизический момент у Плотина: "Итак, при счислении лошади и собаки не имеет существенного значения ни сама лошадь и собака, счисляемые здесь, ни я, счисляющий, т.е. не важен ни субъект, ни объект. Но что же важно? Уже было сказано, что существенную роль играет сама мыслимость. Но как детализировать это общее суждение? Из вышеприведенного определения числа мы, отбросивши собак и лошадей, оставили без рассмотрения момент ПЕРЕХОДА. Значит, важно, чтобы была МЫСЛИМОСТЬ и чтобы был переход в сфере мыслимости. Что же теперь такое этот переход и кто его делает? "Объект" мы отвергли, "субъект" – тоже. Остается предположить, что мыслимость сама себя создает и двигает, сама собой переходит от одного своего момента к другому. Стало быть, тут не просто переход, но – СОЗИДАНИЕ МЫСЛЬЮ своей собственной структуры. Вот, стало быть, где подлинное лоно рождения числа. ЧИСЛО – ЭТО ЭНЕРГИЯ, ЭНЕРГИЙНОСТЬ МЫСЛИМОГО, ЭНЕРГИЙНОСТЬ САМОПОРОЖДАЮЩЕГОСЯ СМЫСЛА"[7].

В этом-то и заключается интеллигибельная сакральность числа. Число, понимаемое как ЧИСТАЯ ЭНЕРГИЯ ЕДИНОГО, требует перехода и порождения смыслом самого себя. Число требует созидания и иного: оно есть энергия различия в Едином. Число требует, чтобы порождение было тождественно с Единым: оно есть энергия тождества, множественного в Едином. Число требует, чтобы созидание смысла не ограничивалось выделением только двух моментов – "этого" и "иного", но чтобы в "ином" было какое угодно количество "этостей": оно есть энергия эйдетического движения Единого. Число требует, чтобы порождаемое тождество в различии, несмотря на всю свою смысловую подвижность, все-таки пребывало само в себе как Единое: число есть энергия эйдетического покоя Единого. Кроме того, число есть энергия СУЩЕГО, в которое превращается (оставаясь в то же время чистой трансцендентностью) Единое, оформляя и осмысляя себя путем саморазделения через соучастие в нем "иного".

Конечно, Единое не есть число, ибо Оно выше его, как и выше вообще всего сущего и мыслимого. Единое есть вечное самопорождение и самоутверждение. Единое порождает себя прежде всего как раздельность, оставаясь самим собой в каждой отдельной своей части. Это и есть порождение Себя как числа. Порождает Оно числа путем эйдетического, смыслового очерчивания себя самого в том или ином моменте самовыявления. Все сущее подчинено числам и имеет их принципом своего осмысленного бытия.

Отсюда понятно, что беспредельность есть атрибут числа, хотя, естественно, это не чувственная, материальная беспредельность. Числу свойственна бесконечность, но она вполне совместима с его ограниченностью, строжайшим оформлением. Речь идет об оформленной бесконечности или актуальной бесконечности: "В чем конкретно сказывается

---

[7] Лосев А.Ф. Диалектика числа у Плотина. М, 1928 С. 63 – 64

умная беспредельность числа? Нус раньше жизни, ибо он дает ее смысловые скрепы и скелет; он – вечное и неподвижное в постоянном течении и изменении живого мира. Одного движения не может быть. Необходимо, чтобы оставалось неподвижным то, что движется. Ум и умное число и есть это неподвижное. Но Нус и число в нем суть идеальные цели, законы, смыслы, картинные типы всяческих движений и изменений. В бурных и мутных потоках живой жизни они остаются нетронутыми и как бы невесомо пронизывают своими лучами тучи жизненных устремлений бытия. Умная бесконечность числа проявляется в живой жизни как неистощимая смысловая сила становлений, порывов, рождений и смертей, как вечно-подвижная смысловая опора, закон и цель непрестанно стремящегося потока бытия. *Жизнь мира и есть подлинное выявление умной бесконечности числа*"[8]. Здесь необходимо отметить и повторить один весьма существенный и важный для дальнейшего рассуждения момент: *ритмичность (цикличность) бытия и времени не является субъективной рефлексией, а имманентна числовой эйдетичности самого этого бытия.*

Вернемся к ответу на вопрос: каким образом все эти рассуждения о числе связаны с проблематикой элиты?

Необходимо повторить, что **реальная элита** определяется прежде всего своим отношением к священному, сакральному, Единому. А такое отношение, такая связь может быть обусловлена только через феномен числа. Именно числовая мегапрограмма (через определенные парадигмы воспитания, образования и т.д.) определяет специфический тип элитарного мышления, неотделимого от элитарного действия. Иначе говоря, в конкретном социуме реальная элита кристаллизируется не через социальное (статусное и т.д.) противопоставление иным группам, а через противопоставление элитарного типа мышления и элитарного типа поведения (являющегося продолжением такого мышления) всем другим, неэлитарным, профаническим моделям.

Выше уже приводился некий набор атрибутов реальной элиты: приверженность традиции, целостность, искренность, ответственность, мужество, приверженность иерархии, свободе и т.д. Вне связи с феноменом числа все эти атрибуты – всего лишь майя. Однако, если их рассматривать сквозь призму числа как архетипа эйдетичности, они приобретают черты абсолютной имманентности для элиты. Оказывается, что эти атрибуты – всего лишь внешнее проявление сакрального элитарного типа мышления.

Возьмем, например, такую характеристику, как приверженность иерархии или принципиальный антидемократизм элиты. Известно, что определенные числовые системы являются метапорождающими принципами. Из них наиболее творчески наполненные – единица, тетрактида и декада.

---

[8] Лосев А.Ф. Диалектика числа у Плотина. С. 87 – 88.

Священная тетрактида (геометрический ее символ – пирамида, а проекция на плоскость – треугольник) традиционно значима в магическом, мифологическом и диалектическом сознании. Например, тетрактида орфиков состояла из Эфира (1) или Монады (Прокл), первоматерии (2), Хроноса (3), Мирового закона, Необходимости, Адрастии (4). Прокл в комментариях к "Тимею" пишет об этой тетрактиде: "Из глубины несмешанной единицы исходит божественное Первоначало, пока не достигнет священной Тетрактиды, которая рождает затем мать всего, все вмещающую, первородную, всему полагающую предел, неуклонную, неутомимую, священную Десятерицу, имеющую ключ ко всему; все ведь причастно и равно Первочислу".

Тетрактида (по Лосеву) Плотина: Единое (1), созерцая себя, как бы переполняясь собой, порождает Нус, Сущее (2), который, в свою очередь, эманирует из себя Мировую Душу (3), которая, как принцип вечного становления, уже в свою очередь, эманирует индивидуальные логосы, как бы импульсируя их дальше, при котором и появляется тело логоса, действительность осмысления (4). Вот как А.Ф.Лосев образно определяет сложную их диалектическую иерархию: "Соответственную характеристику получает и отношение четвертого начала к каждому из трех первых. Первое начало – одно, единство, исток, корень, основание; четвертое начало – иное к этому. Следовательно, четвертое начало в отношении к первому есть восприемник основания, засеваемая семенем сверх-сущего смысла почва, рождающее лоно и соучастник оплодотворения. Второе начало есть смысл, оформление и мысль; четвертое же начало – иное к этому, носитель этого. Следовательно, четвертое начало есть тело смысла, материал оформления, субстрат осмысления, воплощение сущности и неподвижная смысловая отрасль бездны. Наконец, третье начало есть становление, или возникновение смысла, текучесть и вечная подвижность его, беспредельное нарастание самотождественного предела и предельная устойчивость самодвижущегося и неустанно саморазличающегося смысла; четвертое же начало – иное к нему и носитель его. Следовательно, четвертое начало есть осуществленное царство смысла, самодовлеющее утверждение факта взаимопронизанных смысловых энергий, неустанная мощь и тяжелая массивность подвижного и переливного взаимопроникновения смысловых обстояний, законченный и приснотекущий организм и живое тело навеки связанных и переходящих одно в другое силовых оформлений, идущих со дна неутомимой бездны сверх-сущего одного, первоначала и источника, цельное событие смысла"[9].

Вопрос даже не в том, адекватно или нет А.Ф.Лосев интерпретирует мистическую тетрактиду Плотина (последний скорее выдвигал следующее: Единое (1), Число (2), Нус (3), Душа (4). Принцип иерархии коренится не в человеческой истории, а в самом бытии и в самом мышлении как таковом.

---

[9] Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 150 – 151.

Или, например, трансцендентное, холодное мужество, которое имманентно реальной элите. Такое мужество обусловливается постоянной причастностью к Единому. Образно можно сказать, что шестерка, двадцатка или двухсотка "мужественны" только потому, что каждая из них "одно", т.е. каждая причастна Единице, которая и все порождает.

Циклы социума и циклы элиты

Число как мистическая ипостась Абсолюта является эйдетическим архетипом сущностных атрибутов элиты. Но одновременно число формирует ту особую среду, в которой возможно и существование, и особая форма трансформации элиты. Речь идет, во-первых, о реализации принципа единства времени и пространства (в этом-то случае и возможно доказательство постулата Плотина, что время – это тень вечности, или выпавшая вечность), а во-вторых, о принципе цикличности или ритмики (напомню, что скрытый смысл цикличности во всех мифологических системах мышления заключается в том, что все живое есть прежде всего цикличность).

Какова имманентная связь этих двух принципов? Цикличность выражена в принципе единства времени и пространства через общую мерность времени и пространства. А принцип единства времени и пространства манифестируется в принципе цикличности именно потому, что все разворачивается в едином мире, форма которого шар.

Но цикличность, ритмика несводима только к временной периодичности (как в конечном счете у Шпенглера или Л.Гумилева). Речь идет о более глубинном понимании, суть которого в магическом мифологическом мышлении формулируется как тотальное и постоянное повторение ритмики Абсолюта, великого космогонического акта, "божьего творения". Для подтверждения этого тезиса пока достаточно привести несколько цитат из книги М. Элиаде "Миф о вечном возвращении": "Если акт творения осуществляет переход от неявного к явному, или, говоря языком космологии, от Хаоса к Космосу, если Творение – при всей протяженности его объекта – начинается с некоего "центра", если, следовательно, все разнообразие бытия, от неодушевленного до живого, может начинать существование лишь в высшей степени священном виде – то как становятся совершенно ясными и символика священных городов ("центров мира"), и геомантические теории...

Напомним только два важных положения:

1) Всякое творение (рук человеческих. – *Ш.С.*) повторяет самый космогонический акт – Сотворение Мира;

2) следовательно, все, что основывается, основывается в Центре Мира (поскольку, как нам известно, само Сотворение началось с некоего центра)...

"...Мы должны делать то, что делали вначале боги" (Чаттападха Брахмана, VII, 2, 1, 4). "Так делали боги, так делают люди" (Тайттария Брахмана, I, 5, 9, 4). В этом индийском высказывании резюмируется вся теория, стоящая за ритуалами всех народов...

Для нас главным является то, что повсюду существует понятие конца и начала некоторого временного периода, основанное на наблюдении за биокосмическими ритмами, входящее в более широкую систему, в систему периодических очищений и периодического возрождения жизни... периодическое возрождение времени предполагает более или менее явно – особенно в исторических цивилизациях – новое сотворение, иначе говоря, повторение космогонического акта...

"Аллах – тот, кто вершит Сотворение, потому он его повторяет", – гласит Коран (Сура IV, 4). Это вечное повторение космогонического акта, превращающее каждый новый год в празднование начала эры, делает возможным возвращение мертвых к жизни и поддерживает надежду верующих в воскрешение плоти...

Но если сооружение алтаря имитирует космогонический акт, то само жертвоприношение имеет другую цель: восстановить первоначальное единство, существовавшее до Сотворения. Ведь Праджапати создал Космос из своей собственной субстанции и, когда был опустошен... ощутил страх смерти", и боги принесли ему жертвоприношения, чтобы воссоздать и оживить его. Тот, кто в наши дни совершает обряд жертвоприношения, также воспроизводит акт воссоздания Праджапати. "Всякий, кто, поняв это, совершает доброе дело или даже удовольствуется осознанием (не совершая никакого обряда), воссоздает божество, разъятое на части (делая его) целым и полным"[10].

Однако в нынешних рациональных гипотезах и концепциях ставится вопрос о взаимосвязи цикличности и единства времени и пространства. В качестве примера можно привести несколько образных отрывков из схемы Н.Черкашина и И.Пацем: "...время – это особого рода хрональное поле, неразрывно связанное с электромагнитной энергетикой пространства. И наряду с законом сохранения вещества и энергии существует и закон сохранения времени.

Прожитое время не исчезает. Вечность прошлого равна бездне будущего. Прошлое существует реально, а не в чьей-то памяти, даже если эта память – совокупный опыт всего человечества. За каждым из нас тянется цепь мгновений, составленная из нас самих, из фаз наших телодвижений, как некая голографическая кинограмма. У каждого тела есть своя траектория движения, роста, полета. Совокупность этих траекторий укладывается в русло общего течения времени.

Настоящего, как такого, нет. Любой миг будущего тут же становится мгновением прошлого. То, что мы называем настоящим временем, всего лишь вспышка сознания, пережигающего будущее в прошлое... Прожитый день – реальность, существующая вечно и поныне там, в "отрицательном времени", т.е. в тех лучах света, что отгорели, унеслись, угасли за нашей спиной. В него, во вчерашний день, можно вернуться, если устремиться туда со скоростью, превышающей скорость "отлетевшего" света.

---

[10] Мирча Элиаде. Космос и история. М., 1987. С. 43, 45, 66, 74, 86.

Ш. СУЛТАНОВ

Если время в нашем трехмерном пространстве – это вектор, необратимо направленный из прошлого в будущее, то в двухмерном пространстве время имеет точечную характеристику: застывшее мгновение. А в четырехмерном время приобретает свойства плоскости: оно имеет не только первое измерение – длительность, но и второе – ширину или, точнее будет сказать, глубину. Это не просто лента, а объемный поток.

...Время, говоря очень упрощенно, накручивается витками, как кабель на катушку, как слои конденсаторной фольги, так что прошлое существует параллельно будущему.

...Время энергично само по себе. Время, "хрональное поле" взаимосвязано с электромагнетизмом Вселенной. "Тахионы" – частицы этого поля".

Из приведенных выше принципов цикличности и единства времени и пространства проистекеют несколько важных выводов для дальнейшего анализа проблематики элит: во-первых, никакое повторение не есть пустая случайность, во-вторых, хаос (дезорганизация) всегда предшествует принципиально новой модели организации.

Халдеи, одними из первых обосновавшие принцип единства времени и пространства, исходили в своем мышлении из глубинно интуитивного восприятия шарообразного нашего мира. Поэтому совершенно не случайны такие меры, как 360 градусов и 360 суток (365,3), 60 минут и 60-летний солярный цикл...

Для практических проблем, связанных с анализом темы элиты, весьма важно предварительно систематизировать следующую совокупность утверждений:

– принцип единства времени и пространства может постулироваться только в рамках парадигмы шарообразности мира;

– следовательно, вся система циклов этого мира обусловливает его одушевленность (по Плотину: "Весь наш мир – живое существо");

– вся эта система циклов принципиально не может быть известна человеческому мышлению (так как, по определению, частное не может быть объемлющим целое), хотя именно вся эта система как целое и определяет эволюцию человечества как частное в рамках мира как целого;

– уникальность каждого момента человеческой истории – это особая мозаика принципиально неизвестного для человеческого сознания числа циклов разных векторов и разных динамик.

Но в рамках этой системы ритмики можно выделить те ключевые циклы, которые в конечном счете и важны для формирования тезиса о цикличности элит.

Для начала приведем одну, ключевую в рамках этой темы, цитату из книги "Науруз-наме", написанную Омаром Хайямом – поэтом, математиком и астрономом: "...когда всевышний и святой Изад приказал солнцу сдвинуться с места, чтобы его лучи и приносимая ими польза были бы повсеместно, солнце вышло из головы Овна, тьма отделилась от света, и появились день и ночь. Так началась история этого мира.

После этого оно через ТЫСЯЧУ ЧЕТЫРЕСТА ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН год вернулось на то же место в тот же день и в ту же минуту"[11]. Речь идет о следующем: если считать, что годовой оборот Солнца равен точно 365 1/4 суток, то через 1461 год Солнце возвращается в ту же точку небесного свода в ту же минуту.

Вот этот цикл – 1461 год – можно считать одним из ключевых для человеческой истории. Назовем его Большим Годом человечества, а соответственно полугодия этого Большого Года вполне будут коррелировать с фазами подъема и надлома в этногенезе (по Гумилеву), т.е. по 730,5 года. В теории Шпенглера фаза подъема будет соответствовать периоду культуры, а фаза надлома периоду цивилизации.

Большой Год человечества имеет четыре своих квартальных периода: весну, лето, осень и зиму – по 365,25 года, а также двенадцать своих месяцев – по 122,6 года. Каждый месяц Большого Года имеет две фазы – по 61,3 года (что соответствует приблизительно 60-летним классическим солярным циклам). Каждый солярный цикл традиционно разделяется на 5 двенадцатилетних периодов или на две недели Большого года по 30 лет. И тогда, в конечном счете, так называемые сутки Большого Года составят 4,3 года.

В результате получается следующий классификатор из важнейших восьми циклов:

- 1461 год,
- 730,5 года,
- 365,25 года,
- 122,6 года,
- 61,3 года,
- 30,6 года,
- 12,3 года,
- 4,3 года.

Для таких сложных организмов как социум, этнос, государство, империя (компоненты человечества), наиболее существенными являются циклы в 730,5 года, 365,25 года, 122,6 года, 61,3 года. Для личностной истории наиболее важны циклы 12,3 года и 4,3 года.

Рассмотрим некоторые закономерности динамики российской истории в контексте циклической парадигмы и с точки зрения проблем элит. Для этого построим ось координат, соответствующую ходу исторической эволюции. Для простоты в дальнейшем будем использовать округленные периоды, кратные солярным циклам. На этой оси отметим три даты, характеризующие начало соответствующих солярных циклов: 1264 г., 1624 г., 1984 г. Таким образом, период от 1264 до 1984 г. и составит половину Большого Года. Исторический смысл каждой этой даты вполне понятен и не нуждается в фактологическом комментарии.

[11] Омар Хайям. Трактаты. М., 1961. С. 183.

Для построения соответствующего графика выделим еще три даты: в нижней части оси координат – 1444 г., а в верхней части оси – 1804 г. Соединим все точки.

Период от 1144 до 1264 года характеризуется нарастанием внутренней нестабильности и внешней неустойчивости системы "древнерусский социум". В результате система дезинтегрируется и временно поглощается средой. Аналогично ситуация развивается в период с 1864 до 1984 г.

Период с 1264 по 1444 г. – первая половина следующего 360-летнего цикла. На новой основе происходит постепенная внутренняя стабилизация: создается принципиально новое, сложноиерархическое общество с чертами теократизма. Возрастает внешняя устойчивость системы. Формируется совершенно новый тип русско-православной культуры. Православие как религиозная система окончательно побеждает язычество и из идеологии превращается в религию. 1560 год – начало кризиса.

С 1624 г. начинается новый, имперский, этап в развитии. Национальное государство русских превращается в империю. Пассионарный подъем проецируется вовне. В 1684 г. заканчивается двоевластие: церковь с этого времени постепенно интегрируется в государство. Возрастает значение светской культуры. Пик могущества империи – первая половина шестидесятилетнего цикла (30 лет), который начался в 1804 г.: внутренняя стабильность сочетается с доминированием над внешней средой. Глубинный кризис системы начинает интенсивно развиваться после 1864 г.: система, чтобы не отстать от среды, начинает ее имитировать, тем самым стимулируя рост внутренних противоречий.

В 1984 г. закончился 360-летний имперский цикл в развитии страны. После 1984 г. система становится все более нестабильной и неустойчивой.

Любопытная и важная закономерность: переход к имперскому типу был связан с гораздо меньшим временным периодом, чем переход к постимперскому состоянию (кризис начался в 1864 г. и не закончился до сих пор).

Фактически в 1984 г. закончился 720-летний цикл в истории (хотя мало кто это заметил): первый период (1264 – 1624 гг.) характеризуется накоплением пассионарности, сменой моделей мышления, интенсивной религиозностью, внутренней духовной жизнью (именно в этот период появляется небывалое количество монастырей). Второй период (1624 – 1984 гг.) – время экстенсивного развития, взлет светской культуры, растрачивание пассионарности. Социум устает, и войны 1914 – 1918 гг. и 1941 – 1945 гг. требуют большого количества жертв.

За эти 720 лет произошло две смены моделей элит. Первый раз она поменялась в период с 1264 по 1384 год. С 1384 по 1564-й происходит расцвет, развитие новой элиты. Затем следует надлом, кризис, который продолжается до 1684 года. А затем, в течение следующих 120 лет формируется и господствует уже новая, имперская элита России, уже с

другой системой ценностей, в рамках которой сакральное оказалось подчиненным социальным, статусным, культурным императивам.

Энергетическое, пассионарное истощение имперской элиты привело к тому, что она так и не смогла во второй половине XIX в. дать толчок формированию принципиально нового типа элиты (в отличие, например, от традиционной самурайской аристократии в Японии, которая оказалась способной отреагировать на драматические вызовы революции Мэйдзи и самомодифицироваться). Поэтому после 1864 г. в России идет процесс структурирования неустойчивых квазиэлит (различные субкультуры, контрэлиты и т.д.), властного истеблишмента, но не реальный, живой процесс вызревания новой элиты.

Таким образом, процесс формирования и развития элит (на примере России) строго цикличен. По сути, элита, так же как и религия, принципиально двойственна: она манифестирует и социальное, и сакральное. Время социального периодически сменяется временем сакрального. Тип элиты определяется характером данной системы угроз. Однако если социальное полностью вытесняет сакральное, а сакральное – социальное, то элита неминуемо обречена на дезинтеграцию и уничтожение.

Новая модель элиты всегда требует прежде всего и новой формулы баланса сакрального и социального, обеспечивающего органичность элиты как таковой. Если такой формулы нет, то вместо элиты сцену заполняют многочисленные и, казалось бы, случайные квазиэлиты. Образно говоря, "бульканье" квазиэлит как бы демонстрация постепенного погружения данного социума в хаос. Квазиэлиты закономерны, как закономерен великий хаос.

Советские и постсоветские квазиэлиты

Общество Советского Союза представляло собой достаточно сложную и нетривиальную систему, включавшую два основных стержня: в социально-экономической сфере – корпоративно-отраслевую структуру, в политической – кадрово-организационный механизм КПСС. И то, и другое объединялось, комбинировалось в общую систему не верностью традиционным ценностям, а условной приверженностью неким идеологическим нормам. В этой материалистической и технократической системе не оставалось места реальной элите, поскольку не было каких-либо потребностей в ее специфических функциях. Если представить себе СССР в виде огромного завода, в заводском штатном расписании такая профессия, как элита, не значилась. Пока соблюдались определенные, сложившиеся еще в 20-е и 30-е годы суровые правила политической игры, обусловливавшие механизмы вертикальной политической динамики в советском социуме, а верхушка правящей советской бюрократии обеспечивала (идеологическими средствами, социальными льготами, угрозой насилия или прямым насилием) функционирование этих механизмов, советское общество так или иначе продолжало существовать и (прежде всего в технологической сфере) даже развиваться.

Но как только после 1985 г. стала рушиться отраслевая структура управления экономикой и одновременно кадровая структура КПСС, начались ревизия существовавших политических правил, эрозия механизмов вертикальной политической мобильности, обеспечивавших воспроизведение совноменклатуры. Советское общество, не обладавшее альтернативными внутренними иммунными средствами, оказалось обреченным. Начался быстрый, лавинообразный процесс дезинтеграции правящего советского класса по национальным, идеологическим, региональным, имущественным основаниям. Вполне закономерно не только то, что Советский Союз развалился, но и то, что это катастрофическое событие вызвало минимальный социальный протест. Неэффективный ход экономического реформирования 1992 – 1994 гг. придал дополнительный импульс этим центробежным процессам, росту конфликтной неопределенности уже в рамках Российской Федерации, внутри других бывших советских республик.

Попытки в РФ обновить, модифицировать или существенно изменить высшие управляющие государственные структуры, внедрить новые критерии государственной эффективности не увенчались какими-либо позитивными результатами. Дело в том, что сами эти попытки, достаточно дилетантские и некомпетентные, основывались на весьма второстепенных критериях: лояльность президенту, "преданность" идеалам демократии, идеологическая приверженность "курсу реформ" и т.д. Отсюда и постоянная "смена кадров" в высших эшелонах российской власти, перманентные столкновения интересов различных клик в окружении Б.Ельцина, появление прецедента физического устранения оппонентов во взаимоотношениях между квазиэлитами, использование прямого насилия для разрешения возникающих противоречий (сентябрь – октябрь 1993 г.).

Сегодня в Российской Федерации по-прежнему отсутствует непротиворечивая система правил политической игры, обеспечивающая эффективную политическую кадровую динамику, вертикальные каналы поступления адекватной информации, согласованные модели принятия решений и в конечном счете формирование устойчивого общенационального политического истеблишмента. Естественно, в этой ситуации и не могли быть выработаны какие-либо новые организационные модели, обеспечивающие воспроизводство и функционирование иного политического истеблишмента, способного объединить весь сложный спектр постсоветских квазиэлит. Потому не могло не произойти и кризисного усложнения в образовании новых квазиэлит, и обострения конкуренции во взаимодействии между ними.

Механизмы образования новых квазиэлит.

В течение последних "реформаторских" лет в Российской Федерации продолжалось формирование трех основных типов механизмов, через которые шло образование новых постсоветских квазиэлит: региональной, отраслевой, криминальной. Конечно, в спонтанной хаотической реальности постперестроечного общества таких механизмов гораздо больше (стоит, например, упомянуть, кроме вышеуказанных "чистых"

форм, и смешанные, в том числе регионально-криминальный, криминально-отраслевой, регионально-отраслевой).

Развитие этих механизмов происходило вокруг двух основных ценностей – власть и собственность. Конфликтный характер во взаимоотношениях между конкурирующими квазиэлитами обусловливался различными приоритетами в их ориентации во внешней социальной среде. Например, для криминальных квазиэлит таким приоритетом оставалась безопасность. Причем не столько даже во взаимоотношениях с государственными институтами, сколько в отношениях друг с другом, поскольку и традиционная советская криминальная структура стала в последние годы кардинально видоизменяться. Для конкурирующих региональных квазиэлит таким приоритетом оставалось обеспечение социальной стабильности, а для конкурирующих отраслевых – обеспечение сохранения жизнедеятельности экономических комплексов.

Можно сформулировать следующую закономерность образования квазиэлит в постсоветском пространстве: возрастание конкуренции между ними внутри каждого типа (криминального, регионального, отраслевого и т.д.) прямо пропорционально интенсивности взаимодействия между различными квазиэлитами, принадлежащими к разным типам (криминальному, региональному, отраслевому и т.д.). Иначе говоря, смешанные типы механизмов их образования постепенно и объективно начинали доминировать.

"Отраслевики"

В условиях продолжающегося размывания государственной власти в РФ, с одной стороны, и процесса так называемой приватизации государственной собственности – с другой, два обобщенных ключевых фактора стали определять сложные тренды формирования квазиэлит в стране. Это – отношение конкурирующих групп к власти и собственности. Достаточно единая в советских условиях "корпорация директоров" к середине 1994 г. претерпела кардинальные изменения. К этому времени насчитывалось свыше 150 различного рода общефедеральных, региональных и межрегиональных объединений и ассоциаций товаропроизводителей, промышленников и предпринимателей (фактических и на бумаге). Дифференциация по различным основаниям между ними позволяет выявить специфические группы интересов, влияющие на динамику образования квазиэлит.

Отраслевая дифференциация.

Появление и развитие отраслевых и межотраслевых объединений, ставящих во главу угла своей деятельности прежде всего защиту и лоббирование специфических отраслевых интересов, завоевание ими определенных, достаточно влиятельных политических позиций на общефедеральном уровне позволяет говорить, что именно дальнейшая отраслевая дифференциация, дающая возможность вполне определенным и известным способом кристаллизировать и выявлять общие интересы, становится на начальном этапе наиболее адекватным механизмом самоидентификации новых квазиэлит. Достаточно типичен пример Союза нефтепромышленников, чей формальный лидер В.Медведев после де-

кабрьских выборов 1993 г. возглавил одну из крупнейших фракций в Государственной Думе. Другой не менее примечательный пример – политический фактор Аграрного союза, ставшего практически за несколько месяцев 1993 г. одной из наиболее влиятельных сил в стране, что и отразилось, в частности, на итогах выборов в Госдуму.

Дифференциация по отношению к собственности.

Из общего числа отраслевых объединений товаропроизводителей особое место занимают те, чьи члены извлекали максимальную выгоду из своего местоположения в производственных и технологических цепочках (либо замыкая эти цепи, либо являясь специфическими монополистами). Наиболее типичный пример – Ассоциация акционированных и приватизированных предприятий, объединившая производственные единицы, в основном замыкающие технологические цепи, и специализирующаяся на выпуске конечной продукции.

Дифференциация по отношению к внешнему и внутреннему рынку.

В течение второй половины 1992 и всего 1993 года все более выпукло кристаллизировалась следующая закономерная тенденция: товаропроизводители, ориентировавшиеся на развитие экспорта (главным образом в сырьевых отраслях), стремились к объединению в вертикальные структуры, установлению непосредственных, чаще неформальных связей и контактов с соответствующими должностными лицами (ответственными за экспортные квоты и лицензии) в федеральном правительстве. А товаропроизводители, связанные преимущественно с внутренним рынком, скорее делали ставку на формирование региональных и межрегиональных структур и альянсов, поиск поддержки у региональных и местных властей.

"Регионалы"

В регионах с развивающейся острой конфликтной ситуацией или примыкающих к зонам с высокой кризисной напряженностью, где особо быстрыми темпами распространяется среди населения оружие, ключевую роль в формировании региональных квазиэлит играли ВОЕННО-СИЛОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ – общий силовой потенциал, силовые коалиционные связи, степень насыщенности региона оружием, наличие или отсутствие полевых командиров и характер их взаимоотношений, уровень общей преступности, наличие или отсутствие постоянных спецподразделений армии или МВД в данном регионе и т.д.

Один из наиболее примечательных примеров в 1993 – 1994 гг. – ситуация в Северной Осетии. Республика была фактически вовлечена в два острых силовых конфликта – с Грузией в Южной Осетии и с Ингушетией. В это же время в самой Северной Осетии разворачивалась острая борьба между несколькими внутриосетинскими политическими группами, приблизительно равными по своему военно-политическому потенциалу. В конечном счете к январю 1994 г. безусловным фаворитом оказалась группировка Галазова. И ключевую роль в данном случае

сыграли даже не его дипломатические способности в контактах и отношениях с Москвой, а его потенциал контроля над двумя ключевыми силовыми структурами в республике – частями армии РФ (путем непосредственного воздействия на офицерский корпус во Владикавказе, а также прямого или косвенного использования осетинского лобби в Москве) и военными формированиями кударцев – выходцев из Южной Осетии (путем интеграции их в традиционные или специально созданные при режиме Галазова силовые институты).

Важный фактор образования квазиэлит – ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ, СОЦИАЛЬНОЙ, ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТЬЮ в том или ином регионе. Этот фактор поразному действовал в трех различных типах регионов: наиболее эффективно – в национальных республиках с приблизительно равными пропорциями тех или иных групп населения (Татарстан, Башкортостан), в крупных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург), портовых центрах (Калининград, Владивосток, Новороссийск). Причем если в первом случае происходила консолидация ключевой (в республике) квазиэлиты и достаточно быстрое размывание всех остальных, то во втором случае наряду с доминирующей квазиэлитой во главе с формальным руководителем (например, Лужков) формируются и несколько значимых альтернативных квазиэлит. Наконец, в третьем случае образуется довольно широкий спектр квазиэлит, где практически в каждой представлены криминальные и полукриминальные элементы.

Эффективность управления региональной напряженностью прямо пропорционально связана с фактором, существенно воздействующим на формирование и динамику квазиэлит, – ФЕНОМЕНОМ ЛИДЕРА. Причем закономерная особенность постсоветского политического пространства заключается в том, что именно статусная роль (президент, председатель Верховного Совета, премьер) в значительной степени способствует развитию феномена ситуационного лидера, а вовсе не волевое, интеллектуальное превосходство данной личности.

Наконец, еще один важный фактор, стимулирующий процессы образования и развития квазиэлит, – это ПОТЕНЦИАЛ ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ. Она обусловливается либо этнонациональными, либо политическими причинами, либо обострившейся борьбой вокруг внутрирегиональных социально-экономических противоречий. Пример первой тенденции – образование Республики Адыгея, избрание ее президентом Аслана Джамирова и приобретение особого статуса Адыгеи в составе Краснодарского края. Пример второй тенденции – фактический выход из подчинения Грозному Надтеречного района Чечни в 1992 – 1994 гг. И пример третьей тенденции – внутрирегиональная ситуация в Тюменской области, где постепенно обостряются отношения между севером, центром и югом региона. При этом политические группы, стоящие за этими процессами, придерживаются собственных групповых взглядов на вопросы нефте- и газодобычи в регионе, перспектив экономического развития области и т.д.

"Криминалы"

В узком смысле слова собственно криминальным в общенациональном масштабе, т.е. прямо и агрессивно противопоставляющим себя закону, может считаться сообщество, состоящее из примерно 1,3 – 1,6 миллиона преступников (вместе с членами семей это около 5,5 – 6 миллионов человек на середину 1994 г.).

Непосредственная среда, с которой постоянно контактирует и в которой функционирует чисто криминальное сообщество, составляет (вместе с членами семей) около 22 – 25 миллионов человек. В целом же криминальная и непосредственно связанная с ней социальная страта вместе составляют около 28 – 30 миллионов человек, т.е. около 20 % всего населения Российской Федерации.

Существуют по крайней мере четыре канала, через которые криминальная система участвует в формировании квазиэлитных групп.

ПЕРВЫЙ КАНАЛ достаточно типичен. Речь идет о естественном объединении изолированных криминальных групп в определенные межрегиональные иерархизированные организации непосредственно мафиозного типа. При этом, хотя приоритетными остаются собственно экономические интересы, объективно на определенном этапе такие криминальные ассоциации становятся важными элементами прямого политического влияния. В 1993 г. это было наиболее характерно для столичных мегаполисов (Москва, Санкт-Петербург) и для портовых городов.

ВТОРОЙ КАНАЛ. Интеграция (в той или иной степени) национальных криминальных структур в международное преступное сообщество, в частности участие в обеспечении транснациональных потоков наркотиков, международной проституции, в торговле редкоземельными металлами, нефтью, золотом, алмазами, оружием. Поскольку трансконтинентальные мафиозные системы обычно уже имеют определенные связи с представителями тех или иных квазиэлитных групп официального российского политического истеблишмента, это дает дополнительные возможности для российских криминальных структур, участвующих в международном нелегальном бизнесе, оказывать воздействие на принятие необходимых политических и экономических решений в тех или иных регионах Российской Федерации.

ТРЕТИЙ КАНАЛ. Поглощение местных структур официальной власти преступным сообществом, когда локальные квазиэлиты интегрируются в криминальные структуры. Данная ситуация в 1993 г. в Российской Федерации была характерна прежде всего для целого ряда регионов, обладающих сырьевым экспортным потенциалом, а также специфических финансовых центров.

ЧЕТВЕРТЫЙ КАНАЛ. Возникновение достаточно устойчивых вертикальных связей между отдельными политическими группами в высших эшелонах российской власти и наиболее значимыми криминальными структурами. Причем инициатива налаживания таких оргсвязей после известных сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. почти всегда принадлежала именно официальным политикам. С одной стороны, такие факты свидетельствуют об общем усилении фактора воздействия криминального потенциала в политической сфере Российской

Федерации, а с другой – это пример появления на властной арене совершенно нового типа квазиэлит.

Сегодня весьма немногие и упрощенные правила игры определяют взаимодействие между многочисленными постсоветскими квазиэлитами, что подтверждает перманентность нынешней кризисной ситуации.

Во-первых, практически все возникающие и развивающиеся квазиэлиты (даже криминальные) функционируют в условиях сохраняющегося инерционного потенциала советской системы, что является важнейшим сдерживающим фактором в социально-экономической сфере.

Во-вторых, главный элемент, в относительной степени все еще стабилизирующий динамику борьбы между квазиэлитами, – УГРОЗА НАСИЛИЯ; при этом сам уровень насилия, общая конфликтность в постсоветском социуме постоянно возрастают. Однако ситуация здесь постепенно, но драматически меняется: в борьбе между квазиэлитами все чаще используется ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА. В условиях резкого ослабления соответствующих служб безопасности, а также неконтролируемой деформации технологической инфраструктуры критическое усиление терроризма может оказаться фатальным для всего социума.

* * *

Нынешнее жизненное кредо оптимиста в Российской Федерации можно сформулировать таким образом: "Сегодня – плохо, но это все же хорошо, ибо завтра будет еще хуже". Наше общество обречено потому, что не может сформулировать оригинальную сверхзадачу. А сверхзадачу оно не может сформулировать потому, что даже не думает о такой проблеме, как "элита".

...В один из январских дней 1921 г. в Харькове шло заседание писательской организации. Было холодно и голодно. Вставали уставшие, мерзнущие люди и говорили: кто-то напоминал о необходимости увеличить хлебный паек для литераторов, кто-то требовал решить вопрос о завозе дров, кто-то рассказывал о выпуске журнала со стихами пролетарских поэтов. А в самом углу комнаты сидел Велимир Хлебников. У него были худые ботинки, и ему было неинтересно слушать, что говорят тоскливо сморкающиеся писатели и писательницы. И тогда он встал и сказал: "Главная задача нашей писательской организации сегодня – обсудить вопрос о подготовке военной экспедиции для завоевания Индии. Я думаю, нам необходимы 150 тысяч казаков на лошадях и верблюдах". Потом сел и замолчал...

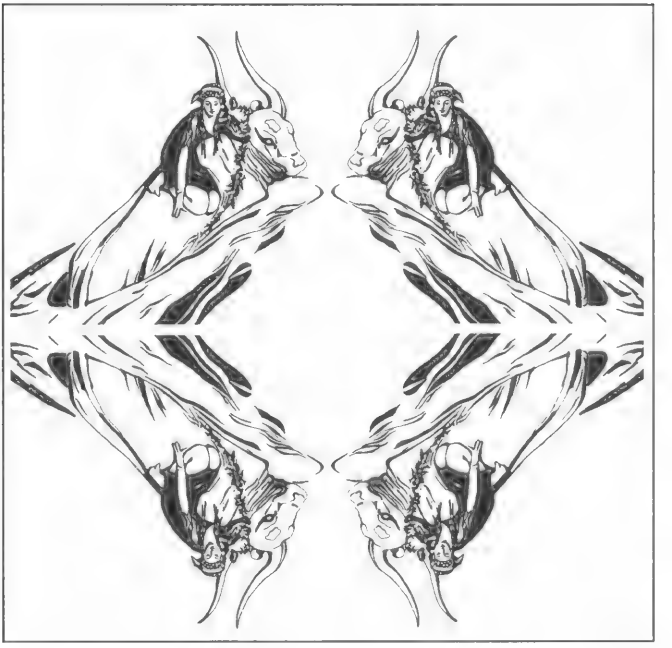
...Есть глубоко проникновенные строки:

"С закатом приходит любовь,
С закатом уходит надежда".

ОСТРОВ РОССИЯ. ЦИКЛЫ ПОХИЩЕНИЯ ЕВРОПЫ

(Большое примечание к "Острову Россия")

В. ЦЫМБУРСКИЙ



Статья «Остров Россия», при выходе в свет (1993 г.) воспринятая как декларация российского неоизоляционизма, представляла первый опыт разработки «цивилизационной геополитики» для России. В работе «Циклы похищения Европы» раскрывается «хронологическое» измерение российской геополитики: инварианты и последовательность из четырех событийных «больших ходов» трижды повторяется за историю XVIII–XX вв., образуя один и тот же сюжет впечатляющего, но неизменно провального «похищения Европы» русскими. Сегодня у России есть шанс оборвать эту дурную бесконечность «европохитительских» кругов. Будет ли он использован?

© Цымбурский В.Л., 1995

В. ЦЫМБУРСКИЙ

Есть бо во всем морем и островем
грозная твоя и крестная хругви.
Хвала Василию III,
первая треть XVI в.

И снился мне кондовый сон России,
Что мы живем на острове одни.
Ю.Кузнецов

Критерии российской идентичности

Никогда еще вопрос о критериях геополитической идентичности России не вставал перед ней самой и миром так насущно, как сейчас. Что представляет собой эта страна после 1991 г.? Надо ли ее рассматривать как совершенно новое государство, о чем охотно твердят российские лидеры, пытаясь отмазаться от международных грехов большевистского империализма? Или – что мир готов признать в самых разных формах, начав с передачи России места СССР в Совете Безопасности ООН, – РФ просто новая фаза истории того же самого государства, которое он знал раньше как Россию императоров и Россию-СССР коммунистов? Где критерии для ответа на эти вопросы?

Все демонтажи империй по своим итогам тяготеют к двум вариантам. При одном элиминируется место империи в мировом геополитическом раскладе, отчего структурно преобразуется весь этот расклад. Взамен империи в него входит группа государств с совершенно новыми судьбами, всецело проистекающими из постимперской ситуации и никак не продолжающими судьбы державы, смененной этими образованиями в пространстве и во времени. В другом варианте периферийные владения отпадают, ища собственной участи, но ядро империи сохраняет роль, связанную с прежней державной ролью одной из форм наследования – эпигонством, реваншизмом или сознательной ревизией самоопределения (возможны и комбинации этих форм). Первый случай – конец Римской империи, державы монголов или Австро-Венгрии: распад без оговорок. В другом же случае, как с ликвидацией колониальных империй европейских государств, мы говорим о сохранении метрополией государственной идентичности и о переходе все той же страны в постимперскую фазу.

В чем состоит отличие этих вариантов друг от друга? Прежде всего во втором варианте метрополия должна обладать геополитическими характеристиками, не присущими самоопределившейся периферии, что особо наглядно выступает, когда последнюю от метрополии отделяет море. При этом роль империи в мировом раскладе должна в основном задаваться позициями метрополии, так что с отмежеванием периферии важные структурные черты миропорядка, обусловленные существованием данного государства, пребывают в неизменности. Как это ни парадоксально, судьба, скажем, Османской империи скорее укладывается в британскую, чем в австро-венгерскую модель. Ведь постимперская Турция сохранила, вместе со своей окаймленной морями и хребтами анато-

лийской нишей, также доступ в Юго-Восточную Европу и контроль над черноморскими проливами, а тем самым весь базисный геополитический паттерн[1] Порты. Скорректированный в своих функциях новыми раскладами на Балканах, на Ближнем Востоке, он в то же время своим сохранением смягчает революционность перехода обоих регионов к этим раскладам.

А как же дело обстоит с Россией? Если ее геополитическая идентичность сохраняется, она должна быть определима в категориях подобного же инвариантного базисного паттерна, который объединял бы Российскую империю и СССР как ее инобытие с РФ после 1991 г. Выделим ли такой паттерн?

Сразу замечу: в этом отношении нам не поможет знаменитая концепция Х.Маккиндера, описывающая мировую роль России через контроль над так называемой сердцевиной суши (heartland) – зоной степей и пустынь, лежащей во внутренней части Евро-Азии и окаймленной с севера гигантским лесным массивом [1]. Не более приемлема и та версия теории "хартленда", которую без упоминания имени Маккиндера пропагандировал П.Н.Савицкий, видя генотип государственности "России-Евразии" в географическом и экономическом соединении "лесного" и "степного" компонентов, с особым акцентированием роли степи [2]. Для нас здесь эти концепции бесполезны постольку, поскольку они никак не обозначают границ российской самотождественности. В самом деле, какую часть "хартленда" или "лесостепного" комплекса должна потерять Россия, чтобы более не быть той Россией, которую мир знал веками? Перестала ли она ею быть с утратой степного Казахстана, лесной Беларуси и лесостепной Украины? Если нет, то почему? И возникнет ли принципиально иная ситуация при отделении от Европейской России зауральских территорий? Теории Маккиндера и наших эмигрантов-евразийцев никак не отвечают на эти вопросы и потому оказываются не в состоянии геополитически идентифицировать Россию. А тем самым за формулами "России-хартленда" и "России-Евразии" начинает просматриваться не неверное, но лишь окказиональное, историческое совмещение разнопорядковых геополитических сущностей.

Критерии идентичности России должны лежать в иной концептуальной плоскости. И тут нам неоценимо помогает обычная топика публицистов последних двух лет – как "имперцев", сетующих на неспособность Запада оценить "слишком благородный и односторонний возврат вчерашней "империи зла" к рубежам допетровской эпохи" [3], так и критических либералов, упивающихся тем, "что считанные месяцы политического развития вскрыли исторические пласты не XIX и XX, но XVIII и даже XVII столетий" [4]. Слово произнесено – "век XVII". И впрямь, двигаясь через нашу историю вспять, мы именно в этом веке находим ту эволюционную развилку, откуда одна линия ведет к Рос-

[1] "Паттерн" здесь понимается как самовоспроизводящаяся структурная схема, обеспечивающая распознаваемую устойчивость объекта или явления во множестве его вариантных воплощений.

сийской империи и СССР, а другая – к нынешней России. Представим, в порядке контрфактического моделирования, что в середине XVII в. Россия, прикрывшись от Польши, Крыма и Турции мягким сюзеренитетом над Левобережной Украиной, отвоевав выход в Балтику и Азов, а также приняв под свою руку часть племен Кавказа, в дальнейшем перешла бы на западе к обороне и торговле, а основную силу бросила бы на освоение Сибири и тихоокеанского Приморья – того самого, которое стало в нашей топономастике Приморьем с большой буквы и без уточнений в отличие от наших "окон" в приатлантические бассейны. Разве сильно отличалась бы своими контурами страна, возникшая таким путем, от РФ, которую мы имеем? Поправки, вероятно, пришлось бы сделать и существенные: на Кенигсберг – Гуантанамо Балтики, – на часть североказахстанских степей... и на степень обжитости, а значит, и вырубленности Сибири, и на Аляску, и на упущенные в XVIII – XIX вв. тихоокеанские перспективы. И тем не менее, легко прочерчивается мысленный пунктир, который срежет великоимперскую петлю, соединив царство первых Романовых с Россией исхода XX в.

Наша задача уточняется. В сегодняшнем строении России открываются признаки некой очень ранней альтернативы великоимперскому развитию. Мы еще не определили паттерна идентичности, общего у РФ с Российской империей и СССР, но знаем, что этот паттерн существует и должен совпасть с тем, который империя, сильно деформировав, переняла у Московского царства и пронесла через 280 лет. Неспособность теорий Маккиндера и евразийцев вывести этот паттерн, опираясь на физическую географию, позволяет выдвинуть следующий постулат. Чтобы геополитическая теория могла отвечать на вопросы, относящиеся собственно к России, она должна не редукционистски, а как к автономному уровню реальности подойти к пространственному распределению существующих этноцивилизационных платформ.

Остров в "сердцевине суши"

При таком подходе Россия как геополитический объект может быть описана тремя признаками. Во-первых, это целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, не относясь к ней, и уже в пору своего конституирования в XVI в. превзошедшая коренную Европу площадью, а в XVII в. образовавшая особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем. Слова о "нише русского этноса" не означают солидарности с идеей "России для русских", а лишь тот банальный факт, что веками проживание народов Поволжья, Урала и Сибири в одном государстве определялось включением собственных географических ниш этих народов внутрь оформленной в виде такого государства русской этноцивилизационной платформы.

Второй признак России – обширность трудных для освоения пространств на ее востоке, притом что за 400 с лишним лет своего государственного существования она не знала по-настоящему крупной угрозы с этой стороны света. Эксплуатация темы китайской и монгольской

"опасности" идеологами вроде В.Соловьева никак не коренится в реальном геополитическом опыте России и скорее апеллирует к более ранней ("перинатальной") памяти русского этноса о напоре монголоидов из степи. Напротив, органической частью становления самого Московского царства было решение "казанского вопроса", т.е. уничтожение на востоке последнего опасного антагониста, способного грозить жизненным центрам страны, и прорыв русских в кажущуюся беспредельность восточных трудных пространств: степей, тайги, тундры, океанов. После сибирских татар противники, попадавшиеся землепроходцам, вообще выглядели не политическими силами, а просто компонентами сопротивлявшихся освоению ландшафтов, "этно-экоценозов". Серьезные же соперники русских были на этом направлении в страшной дали за трудными пространствами, делавшими восточную границу открытой до встречи с китайцами и долгое время неопределенной даже потом.

Наконец, третьей чертой, конституитивной для России, является отделенность страны на западе от романо-германской Европы, родины либеральной цивилизации, поясом народов и территорий, примыкающих к этой коренной Европе, но не входящих в нее. Этот промежуток между первым очагом модернизации и русской платформой я называю "территориями-проливами" (strait-territories). Такое определение очевидно неприемлемо для тех российских и восточноевропейских западников, которые видят в Прибалтике, Польше, Чехии и Венгрии обездоленную внешними обстоятельствами часть истинной католически-протестантской Европы, то и дело беззаконно попиравшуюся грубым русским сапогом. Однако социальная и экономическая история опровергает патетическую склонность либералов к неразличению Европы Центральной и Восточной: уже в XVI в. между этими регионами пролегает явная граница, обозначенная так называемым "вторым изданием крепостничества".

К востоку от этой границы лежали земли, присоединявшиеся к мир-экономике Запада (по терминологии Ф.Броделя) как его внешние аграрные провинции, где идущая в коренной Европе модернизация имплицировала социальные матрицы, резко отличные от тех, которыми задавалась хозяйственная, политическая, гуманитарная динамика самого западного мира. Рынок, работавший в коренной Европе на расцвет городов и повышение престижа буржуа, оборачивается на "территориях-проливах" негативом западной социальности – крутой рефеодализацией региона и политической анемией бюргерства. Если в России "второе крепостничество" развивается позднее как часть общего закрепощения сословий интегративными структурами государства, выражая эндогенные тенденции русской этноцивилизационной платформы, то в Восточной Европе оно стало формой "варварского", контрмодернистского подсоединения этого региона к хозяйству социально-обновляющегося западнохристианского мира.

Эта специфика "территорий-проливов" в парадигмальные XVI – XVII вв. не прошла без последствий для их позднейшей истории. За исключением Восточной Германии, с ее этническим притяжением к ро-

мано-германской платформе, данный регион не знал ни сильной государственности, подчиняющей своим видам общество и хозяйство, ни полноценного капитализма с его пафосом хозяйственной экспансии. В периоды, когда эти края не подпадали ни под западный, ни под восточный диктат, они тяготели сперва к феодальной, по типу польского liberum veto, а позднее либо к военной, либо к интеллигентской политократии. Такая историческая отмеченность этих пространств нашла геополитическое преломление в том, что с конца XV в. они оказываются вне больших романо-германских игр за субконтинентальную гегемонию, частично деградируя до состояния провинций германоязычных государств, частично же, как империя Речи Посполитой, включаясь вместе со странами Скандинавии, Россией и Турцией в автономную балтийско-черноморскую конфликтную систему.

Длительное время европейская и балтийско-черноморская системы функционируют раздельно, живя собственными ритмами и автономными сюжетами. Классической в этом смысле может считаться ситуация начала XVIII в.: в одной системе – война за Испанское наследство, в другой – Северная война и Прутский поход Петра I. В ту эпоху координация этих систем бывала лишь недолгой и неполной, как в последние десятилетия XVIII в., когда с наступлением турок против Австрии наметилась частичная маргинализация Центральной Европы. Но только после того, как в XVIII в. Австрия и Пруссия заступают в балтийско-черноморской системе позиции ослабевших Польши и Швеции, она становится ингредиентом системы европейской исключительно за счет утраты народами "территорий-проливов" самостоятельной геополитической активности.

Со времен Ливонской войны Запад враждебно воспринимал российскую экспансию на этих пространствах. Но даже в либеральных XIX и XX вв. он очень сдержанно относился и к их самоопределению. Д.Ллойд-Джордж, вспоминая, как Антанта готовила Чехии и Венгрии федерацию с Австрией, а Польше – династийный союз с Россией, брезгливо уподоблял националистический бум, разыгравшийся здесь в дни Версальского конгресса, восстанию заживо погребенных, которые жадно набрасываются на все, что им кажется съедобным, даже не сменив савана на одежду живых [5]. Не случайно либеральная Европа сдала Гитлеру Чехословакию и ответила "странной войной" на его вступление в Польшу. Но особенно впечатляет то, что железный занавес, разделивший "ялтинскую" Европу, совпадает к северу от Балкан с минимальными отклонениями, вроде Шлезвиг-Гольштейна и т.п., с границей "второго издания крепостничества". Похоже, Сталин в Ялте получил ровно то, что западный мир в лице его лидеров не считал с уверенностью своим. Читая слова С.Д.Сказкина о том, что "второе издание крепостничества" должно было привлечь особое внимание "ученых стран народной демократии, ибо как раз на территориях этих стран за малым исключением такое второе издание имело место" [6], мы вправе усмотреть прямую связь между этой контрмодернистской формой вхождения восточноевропейских народов в западную экономику, а с ней и в куль-

турный мир Возрождения и Реформации, и тем уделом "народной демократии", каковой выпал этим народам во второй половине XX в.

Но если ввести параевропейские "территории-проливы" на западе вместе с единством геополитической ниши русских и восточными трудными пространствами в определение паттерна России и констатировать судьбоносность для нее исторической констелляции, которая возникла в XVI в. между провозглашением царства, прорывом в Сибирь и распространением крепостничества у наших непосредственных западных соседей, то Россия обретает черты гигантского острова внутри континента, русского острова с иноэтническими вкраплениями. Подобный образ встает уже из записок европейцев XVII в., гротескно изображающих Россию страной столь обширной, сколь и непроходимой, пересеченной кустарниками и болотами, через которые надо настилать гати, пустынной на десятки миль и, однако, охраняемой так сурово, что туда тайно ни въехать, ни выехать [7]. Можно ли согласовать такое видение России с оценками иного рода, например с мнением В.Страды [8], считающего свойством российского геополитического пространства, в отличие от пространства коренных европейских наций, прежде всего отсутствие ясных границ, постоянный диффузный переход России в не Россию и наоборот? Можно, если осмыслить эту "безграничную" разомкнутость России в соседние регионы, где пределы ее империализма обозначаются лишь твердостью романо-германских национальных ниш Нового времени, по аналогии с традициями островных государств в их отношениях к окрестным морям и проливам. Такие государства то включают эти воды в свое геополитическое тело, подступаясь к континенту и захватывая на нем плацдармы, то замыкаются в островном ядре, заставляя море служить им защитой от континентальных революций и гегемоний. Отсюда сочетание размытости границ с неприступностью.

"Островитянство" России выразилось в основных типах войн, которые ей доводилось вести против государств соседних этноцивилизационных платформ. Такая борьба то развивается, не касаясь жизненных центров России, на ее отдаленной периферии, то противник, сумев пробиться к этим центрам, оказывается отрезан "проливами" от своих тыловых баз, окружен и сдавлен чужими пространствами. Чтобы одолеть Россию в большой войне, он должен, разбрасывая силы, наступать либо во всю длину "проливов", либо, что еще сложнее, во весь разворот трудных пространств.

Потому поражения России обычно связаны с условиями, когда ее саму вынуждают истекать кровью на каком-либо малом участке имперской окраины, среди трудных территорий или "проливов".

Геополитики, работающие в традиции, которая идет от Маккиндера, в том числе и наши евразийцы, игнорировали "островитянство" русской государственности, включая ее в одну парадигму с более ранними, кочевническими империями, тянувшимися к объединению "хартленда", – союзами скифов, гуннов, аваров и особенно с монгольской державой. Но этот подход не выявляет специфики России – несовместимого с кочевничеством территориального государства, выживающего как особая

этноцивилизационная платформа в силу константности окаймляющих зон, дистанцирующих ее от платформ-соседок. В результате реализации этого принципа, в некоторой степени – но только в некоторой! – связанного с устройством западного "мира-экономики", Россия являет с XVI в. напряженное совмещение паттернов "острова" и "хартленда". История ее с данного первоначального века есть самоопределение между стратегиями, вытекающими из этих конфликтующих между собой паттернов. Причем конституирует российскую геополитическую идентичность, как мы видели, прежде всего паттерн "острова".

Похищение Европы

Трудные пространства в XVI – XVII вв. радикальнее отделяли "остров Россию" от глядящего на Тихий и Индийский океаны пояса этноцивилизационных платформ Азии, чем слой "территорий-проливов" от коренной, приатлантической Европы. Вопреки не только евразийству, но и русскому речевому узусу (способу употребления языка) тех веков, равно подводившему мусульман и европейцев под понятие "бусурман", культурное отстояние от азиатских цивилизаций в отношении исходного набора священных текстов было у православной Московии значительнее ее же расхождений с Европой. Правда, в последнем случае и обостренное чувство раскола-в-наследии отзывалось болезненнее в сравнении с рано обозначившимся отношением к культурному Востоку как к чужому самодостаточному миру, сохранившимся и тогда, когда фрагменты этого Востока неабсорбированными анклавами ислама и ламаизма включились в платформу России [9]. В эмбриональном для российской государственности XV в. русские могли распробовать и отвергнуть Флорентийскую унию с Западом, но на востоке нечего было ни пробовать, ни отвергать, и мысль об унии с ним не могла даже возникнуть. Евразиец Н.С.Трубецкой замечательно воссоздает то чувство полного религиозного одиночества, которое владело Афанасием Никитиным в его "хожении за три моря", – а ведь это в самое "евразийское" столетие пребывания Руси в составе Золотой Орды, окрасившего всю стилистику "Хожения" [10]. Взорвав Орду и решив казанский вопрос, гордая своим православием Россия глядела на Восток "островом", не сливаясь с ним. В результате стало так, что оппозиция "островного" и континенталистского самоопределений в нашей истории совместилась с выбором между концентрацией государственной энергии на трудных пространствах или на "территориях-проливах", подступающих к Европе. Российский континентализм заключался не просто, как следовало бы по чистой логике понятия, в пафосе "расползания" России по континенту Евро-Азии, срастания ее с приморскими платформами и в конечном счете в мессианизме "собирания" на российской основе "рассыпанной храмины" континента. Правда, евразийцы всем этим впрямь грезили, и я в отдельной заметке показал, что именно этот комплекс обусловил изобретение термина "Евразия" для обозначения России – в порядке идеологической игры на омонимии с названием континента [11]. Но я не согласен, вопреки Маккиндеру, считать чистый континен-

тализм как таковой, тяжбу "хартленда" с приморьем в жажде овладеть его цветущими районами за априорное первоначало, из которого развился грандиозный российский натиск на Европу. Похоже на то, что каузальные связи внутри идеологического комплекса великоимперской российской геополитики могли быть направлены противоположным образом: преимущественная обращенность России к "территориям-проливам", возникшая в силу принятия ее элитой западоцентристской картины мира, опосредовала усвоение государством панконтиненталистских стратегий.

Вспомним, что XVI – XVII вв., пока живо было признание геополитической, культурной и социальной органичности пребывания России вне коренной Европы, стали, по большей части, эпохой нашей "островной" самореализации. При всех претензиях на доступ к Балтике, при словесном сочувствии русских монархов участи пребывающих под турками балканских христиан страна в основном вбирала в себя сибирские и приморские трудные пространства, дотягиваясь до Сахалина, и без особого экспансионистского пыла "заглядывала" в Северный Казахстан. Она многократно наращивала площадь и ресурсный потенциал, очень мало влияя на региональные балансы сил в Евро-Азии. Ибо на взгляд с любой из других этноцивилизационных платформ русские в ту пору так же, как позднее шедшие на запад североамериканские колонисты, брали "ничейное", заполняя собою свой "остров". Факты аннексии туземных "этно-экоценозов", сходно с индейской проблемой в Северной Америке, – дело между русскими и соответствующими этносами того же "острова", а не между Россией и другими платформами.

По инерции, начиная затухать, тот же процесс шел и в XVIII в., доведя русских до Южных Курил, Аляски и Калифорнии. Но в ту пору, с началом великоимперской фазы, т.е. после завоевания шведско-немецкой Прибалтики и переноса столицы на крайний северо-запад, в Петербург, акценты российской геополитики оказываются кардинально переставлены. Петр I ошибался, когда успокоительно сулил России судьбу пожать за несколько десятилетий плоды европейских достижений и затем повернуться к Европе "задом" [12]. Неевропейцы, пожелавшие стать европейцами, утвердить свое достоинство на самой католическо-протестантской платформе, русские в той мере, в какой они не отрекались от своего государства и своей конфессии, облекли свой западнический порыв в поэтапное "похищение" преуспевшей раскольницы Европы. Мощь страны вкладывалась в "поглощение" подступавших к Европе "территорий-проливов", смещающее баланс сил на самом этом субконтиненте и в исторически с ним связанных областях Азии.

Демократические эксперты, полагающие сегодня первейший национальный интерес России в сохранении за нею любой ценой имиджа европейской нации [13], эпигонски топчут тропу русских императоров, закрывая глаза на реальные аспекты подобного интереса в нашей истории. Разве, вбирая в XVIII и XIX вв. в свой состав части восточноевропейского "геополитического Ла-Манша" – Прибалтику, Украину, Крым, Белоруссию, Бессарабию, Финляндию, наконец, Польшу, под-

нимая устами своих идеологов то Греческий проект, то вопрос о Богемии, Россия не боролась за роль непосредственно европейской силы, за изживание допетровского "островитянства"? Какой же еще смысл для нее имели участие в Семилетней войне или суворовские трансальпийские десанты? Наши западники никогда не желали отдать себе отчет в том, что именно в качестве **европейской нации** Россия, по огромности ее, даже независимо от умыслов ее лидеров, с европейским равновесием несовместима.

Напротив, политический истеблишмент Запада очень рано осознал связь нашей европомании с исходящей от нас угрозой этому субконтиненту, выразив эту мысль знаменитой фальшивкой XVIII в., приписавшей европеизатору Московии Петру I скрытую мечту о завоевании Европы его потомками. Могла ли миром быть принята за случайность корреляция между взглядом Екатерины II на Россию как на une puissance européenne и играми екатерининских фаворитов в проекты империи о шести столицах: Санкт-Петербург, Москва, Берлин, Вена, Константинополь, Астрахань [14]? У многих, включая К.Маркса, А.де Кюстина и Г.Адамса, эти страхи усугублялись сознанием нашей неевропейской социальности, превращавшим очевидное опрокидывание баланса в феномен наползания на Европу инородной силы. Реакцию Запада на российский крен в его сторону глумливо, но не без понимания воссоздал Ф.Достоевский в словах: "Они поняли, что нас много, 80 миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут... Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками" [15, С. 22]. Замечу, что поняли, конечно, эгоистично, но небезосновательно. Подтверждением такого, а не какого-нибудь иного понимания стала Ялтинская система с полным сюзеренитетом неевропейской мощи над "территориями-проливами" от Эгеиды, а в 1950-х и Адриатики, до Балтики, включая и бывшую Пруссию, местный очаг "государственного социализма"!

Мне могут возразить, что в те же века Россия, в подкрепление маккиндеровской версии, активничала и на востоке, добирая среднеазиатский юг "хартленда" и расширяясь на азиатском приморье. Но давайте приглядимся к этой восточной политике ближе. За неутомимыми войнами с Турцией встает последовательное движение к проливам и маячащему за ними Средиземноморью, а также и в освоенную европейцами Переднюю Азию. Напомним обернувшийся Крымской войной спор о правах православия и католичества в Иерусалиме. И сюда же, конечно, относится внедрение в балканское подбрюшье Европы. Едва ли кого-то нужно убеждать, что восточный вопрос был для России лишь частью "западного вопроса". Это понимали и русские цари – например, Николай I, называвший Турцию, предназначавшуюся им к разделу, "больным человеком Европы", – и не менее европейцы, оборонявшие Порту против России и в Крымскую войну, и на Берлинском конгрессе.

Но столь же легко выявить связь между затрудненностью в отдельные эпохи расширения России в Европе и Передней Азии и выплесками ее экспансионизма на подлинный восток, причем неизменно со взвешенным западным рикошетом. После обнажившейся политической бессмысленности итало-швейцарской экспедиции Суворова – идея Павла I о походе в британскую Индию. На фоне провала в Крымской войне, польского восстания 1860-х и его европейского резонанса – бросок против ханств и эмиратов Средней Азии, всполошивший все ту же Индию и впервые поставивший нас на порог Афганистана. Весь XIX в. в помыслах о Дальнем Востоке не заглядывавшая дальше естественных границ уссурийско-амурского междуречья, на исходе этого столетия Россия вдруг устремляется в Маньчжурию[2]. И причины тому нетрудно понять, если заметить, что в эти годы перекрытие ей Тройственным союзом любого мыслимого пути на запад – откуда и известные разоруженческие инициативы Николая II – окказионально синхронизируется с приливом евро-американской активности в Китае. В результате Япония в 1904 – 1905 гг. фактически оказывается агентом Европы и США против России.

Отторжение России-СССР от Европы в 1920-х годах дает стимул "антиимпериалистическим" миссиям в Азию, перспективу которых еще в 1919 г. обозначил Троцкий, написав, что "путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии" [16]. За созданием НАТО, утвердившим евро-атлантической мощью Ялтинскую систему, следует корейская война, многими воспринятая как отвлекающий маневр перед европейским ударом СССР; за хельсинкским поправленным переизданием Ялтинских соглашений – возобновление шествия на юг через Афганистан с двойной угрозой: Персидскому заливу и сближающемуся с Западом дэнсяопиновскому Китаю.

Все эти случаи я истолковываю не как наступление "хартленда" на приморье, но как временные инверсии стратегии "похищения Европы" под давлением принципа реальности. По той же логике с 50-х годов, после вступления Турции в НАТО, СССР активно вовлекается в арабо-израильскую проблематику, становящуюся замещением старого восточного вопроса о выходе в Средиземноморье. В поддержку моего объяснения говорит четкость выводимого геополитического алгоритма: Россия великоимперской эпохи склонна предпринимать широкие акции на востоке, когда ей бывает заблокирован вход в Европу или в области, непосредственно с Европой связанные, причем объектом восточной экспансии всегда оказываются регионы, судьба которых должна **в данный момент** задеть нервы Запада. Вследствие такой политики трудные пространства Средней Азии оказались преобразованы Россией, как и Кавказ, в новый, вторичный ряд "территорий-проливов", играющих – не социально, но только геополитически – относительно Среднего Востока

[2] Да, кстати, и серия договоров с Китаем в 1858 – 1860 гг., принесшая нам земли за Амуром, точно так же оказывается на хронологическом перекрестье крымской катастрофы и англо-франко-китайской войны 1856 – 1860 гг. (т.н. "второй опиумной войны").

такую же роль, какая принадлежит Восточной Европе в отношении Европы Западной, коренной. Это миссия – опосредовать то подступы российского "острова" к соответствующим участкам приморья, то размежевания платформ, откаты России "к себе", к стартовым "островитянским" позициям XVII в. Так создается маккиндеровский эффект ложного уподобления России – территориального государства среди других территориальных государств – кочевническим империям древнего "хартленда".

Моя версия объясняет также поразительное равнодушие империи к трудным пространствам изначального "острова", лежавшим в стороне от регионов, так или иначе охваченных игрой за русское европейство. Борясь с Наполеоном и экспериментируя со Священным Союзом, она сдает Японии Южные Курилы де-факто, а в Крымскую войну – де-юре [17]. Продвигаясь навстречу англичанам в Средней Азии, безболезненно отказывается от Аляски. И даже войну за Маньчжурию во многом проигрывает по убожеству сибирской инфраструктуры: осваивает Китай, не освоив Сибирь. Великоимперские геополитические приоритеты ясно распределяются по трем уровням. На первом плане – западные "территории-проливы", где в начале XX в. уже цветет модернизация. На втором – новые южные "территории-проливы", за которыми лежат земли, представимые в статусе "придатков Запада". Наконец, на последнем месте – земли российского "острова" и особенно застолбленные до начала великоимперской фазы трудные пространства, неосвоенность которых сейчас уникальна в масштабах Северного полушария.

У нас не было в эти века внешнеполитической доктрины, каковая в том или ином варианте не лелеяла бы мифа о похищении Европы. Официальное западничество, разделяемое большинством императоров, обязывало Россию неустанно присутствовать в Европе... ради баланса и спокойствия последней (!!!). Славянофилы, начав с того, что в псевдогегельянском стиле сулили европейской "односторонности" войти на правах подготовительной ступени в российский синтез, кончили обоснованием Drang nach Westen, требуя выгородить "территории-проливы", в т.ч. с Грецией, Румынией и Венгрией, под российские угодья для пестования империей "славянского культурно-исторического типа". Российская мысль ушиблена этим геополитическим мифом – от блоковских стихов о хрусте скелета европейцев в "тяжелых, нежных лапах" России ("скифов") до вылазок современного культуролога против завороженных географией "профессиональных разметчиков духа", каковые, отказывая россиянам в европействе, будто бы не замечают Европы "там, где она больше самой себя" [18]. Нам должны быть особенно интересны идеологические эволюции, показывающие даже эмоциональную вторичность, производность российского континентализма от духа похищения Европы. Так, Достоевский, отстаивавший преимущественную мистическую причастность православных "всечеловеков" к "священным камням Европы" в сравнении с ее обитателями-деградантами, писал: "От Европы нам никак нельзя отказаться, Европа нам второе отечество... Европа... нам почти также всем дорога, как Россия, в ней все Апетово пле-

мя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше до Сима и Хама" [15, С. 23]. Претензии на распоряжение судьбой "Апетова племени" во вторую очередь, по семантической инерции, вызывают мысль о "Симе и Хаме", об афро-азиатах.

Еще интереснее пример Ф.И.Тютчева, чьи ранние размышления в статье "Россия и Германия" о встающей за пределами "Европы Карла Великого" и потому ненавистной романо-германцам новой, Восточной Европе, "Европе Петра Великого", обернулись в 1848 г. увещаниями к Николаю I – сыграть на революционном саморазрушении западной цивилизации, чтобы поставить на ее руинах "ковчег" новой империи: да сменит "Европа Петра" "Европу Карла" [19]. У Тютчева, как и в страхах Запада, европеизация России становится взращиванием силы, призванной сменить и "отменить" романо-германскую Европу. Тютчев доходит до того, что – в качестве реванша за Флорентийскую унию 1439 г. – выдвигает проект российской помощи загоняемому в тупик итальянской революцией римскому папе при условии его почетного возвращения в православие.

На этом фоне тютчевская "Русская география", включающая в перечень российских столиц "Москву, и град Петров, и Константинов град", могла бы, пожалуй, рассматриваться как некая извращенная уступка принципу реальности, ограничивающая потенциальные пределы "царства русского" Восточной Европой до границы "второго крепостничества", Передней Азией и отторгаемым от Британской империи Индостаном, – "от Нила до Невы, от Эльбы до Китая, от Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная", – так что коренная Европа как бы остается в нетронутости по ту сторону Эльбы. Но специалисты-тютчеведы дружно утверждают, что в эзотерическом словоупотреблении поэта "град Петров" значило не "город императора Петра", а "город Петра-апостола", т.е. Рим. Так в картине континенталистской российской экспансии, словно и не распространяющейся на романо-германский мир, оказывается подспудно закодирован мотив похищения Европы: в "евразийском" континентализме маячит криптограммой аннексия духовной столицы католицизма.

В мои намерения не входит развернутая оценка воздействия западоцентризма России на различные стороны ее цивилизации. Можно долго перечислять те адаптивные, европеоидные новшества, которые благоприятно вошли в плоть российского общества благодаря такой ориентировке. Но не забудем и того, как массовый отток русского крестьянства за Урал, начинающийся вопреки полицейским препятствиям сразу после отмены крепостного права, обнаруживает роль крепостничества в поддержании прозападного демографического, а как следствие и хозяйственного, крена России по вторую половину прошлого века. И наоборот, низкий геополитический статус Сибири минимизировал то инновационное влияние, которое при иных обстоятельствах могли бы оказать в российских масштабах такие фермерские черты сибирской аграрной социальности, как отмечавшиеся еще Г.Н.Потаниным "отсут-

ствие дворянства, оторванность от великорусских традиций, индивидуализм в сельском мире, распыление земельной общины" [20, С. 58]. В отличие от "территорий-проливов" Восточной Европы в России контрмодернистские институции "второго крепостничества", не содействуя привязке страны впрямую к западному миру-экономике, тем не менее подпитывали внутреннюю западоцентристскую организацию государства и в свою очередь в ней обретали подкрепление.

Однако дело не только в том, что "европейские" черты великоимперской российской культуры должны рассматриваться в соединении с неевропейской социальностью. Подобное утверждение справедливо и для Восточной Европы, хотя туда сами культурные волны, зарождавшиеся в коренной Европе, доходили в порядке их вскипания: Возрождение, Реформация, Просвещение. В России же европейская культура распространялась в XVIII – XIX вв., подчиняясь скорее эндогенно-российским, чем собственным ритмам, в виде фантастического гетерохронного концентрата, на котором возникают незападные синтезы. Отсюда нескончаемые и неразрешимые споры о том, что в России считать за барокко, Ренессанс, романтизм, реализм и т.д. Тут на незападную социальность ложилась не просто западная культура, но ее причудливая, обвальная рецепция, каковую О.Шпенглер полагал "псевдоморфозом" и которая из самой Европы делала "святую и страшную вещь" Достоевского, т.е. вещь неевропейскую.

Драматичнейшими моментами в российской истории великоимперской фазы оказывались те, в которых устремление России в Европу порождало ответный выброс государственных энергий из Европы в сторону "острова". Так было, когда первая мировая война, развязанная в числе прочего русским походом в защиту Сербии, кончилась Брестским миром, тщетной попыткой Германии утвердиться на "проливах" впритык к кайме "острова". Так было и тогда, когда соучастие СССР с Третьим рейхом в уничтожении версальской кордонной системы привело нас во фронтальное соприкосновение с первой после Наполеона Пан-Европой, дав импульс к плану "Барбаросса" – проекту Европы не до Урала, так до Приуралья. Поразившие многих в последние годы медитации некоторых ультразападников на мотив "лучше, если бы победил Гитлер" обнажают, может быть, самый глубинный подтекст имперского "похитительства" – искус растворения "острова" в Европе-континенте, игру на грани самоуничтожения России. Имперство способно вывернуться навязыванием себя на содержание Западу, жаждой слиться, **пусть и такой ценой**, с "мировым цивилизованным сообществом", вплоть до совсем уж экстремистских мечтаний о выкраивании из западного фланга "острова" "маленького европейского государства", которое бы оказалось small and beautiful.

Почему не евразийство?

Говоря об отсутствии в великоимперский период России такой геополитической идеологии, которая не была бы причастна к мифу

"похищения Европы", я не делаю ни малейшего исключения для евразийства. Оно полностью принадлежит очерченной выше традиции рассматривать Азию в определенные периоды как базу для наступления на Запад. В этом смысле классическая евразийская доктрина, сложившаяся в 1920-х среди части эмиграции, была законным детищем тогдашних геополитических обстоятельств, когда Россия, отодвинутая Версальской системой от Европы и лишь в ограниченной мере сохранившая доступ к днепро-дунайскому ареалу, тем не менее удержала в руках Среднюю Азию, грозно нависая ею и Сибирью над европейскими, прежде всего британскими, сферами влияния в азиатском мире. Здесь-то евразийство и подсказывало России искать союзников против "романо-германского шовинизма", что в общем не очень ново, – еще Павел I рассчитывал, вторгшись в Индию, поднять ее против англичан.

Попытки, скажем, Савицкого определять Россию через синтез "леса" и "степи", его же пропаганда автаркии "России-Евразии" для защиты от гегемонии "океана", как и тонкая идея хозяйственного "связывания соседств" в противовес конъюнктуре мирового рынка, ни в малой мере не означали поворота к островному паттерну. Ибо он же считал возможным по другим критериям относить к русскому пространству всю зону пустынь с замахом и на китайский Синьцзян. Отрицая всякую пользу России от Тихого океана, он одобрял не только завоевание черноморских проливов, но в будущем и прорыв к Персидскому заливу, а для начала 3-го тысячелетия вообще пророчил заполнение всего евроазиатского континента культурой "России-Евразии", с вытеснением культуры европейской в Северную Америку, коей она и должна будет ограничить свое распространение [21].

Идеологический эксперимент евразийцев был интересен попыткой разделить исторически слитые в российской геополитике западоцентристскую и континенталистскую установки, принять вторую, открестившись от первой. Этот эксперимент не удался по простой причине интеллектуальной неискренности: пафос противоборства с Европой в конце концов возвращал к идее аннексии ее пространств в ходе строительства Россией "единой храмины" континента. Провозглашая самооборону "континента" от "океана", евразийская доктрина простой трансформацией переводится в проповедь завоевания "мирового приморья", т.е. в теорию Маккиндера, мистифицирующую реальность "похищения Европы".

Я должен признать, что наши "новые правые" начала 1990-х, немало почерпнувшие у евразийцев, смогли стать на почву более надежную. Скрестив эту русскую традицию с идеями германской геополитической школы К.Хаусхофера, они преобразовали двусмысленный, мнимоизоляционистский, экспансионистский по существу антиевропеизм Трубецкого, Савицкого и других предшественников в "антиантлантизм", сами превратившись в друзей европейского почвенничества и потенциальных сподвижников германо-франко-итальянской Пан-Европы, в том числе и в ее возможном новом диалоге с Ближним Востоком и некоторыми другими платформами Евро-Азии. Собственно, это та

самая роль, которую Хаусхофер предназначал СССР как союзнику Третьего рейха в своей приветственной статье 1939 г. по случаю советско-германского пакта [22]. Сходное будущее предрекает сейчас России И.Валлерстейн в своих прогнозах на XXI в. [23], и я не исключаю такого варианта, хотя не считаю его ни единственно возможным, ни лучшим для нашей страны. Он реалистичнее ортодоксальных евразийских спекуляций, но, замечу, требует иного взаимопонимания с Европой, несовместимого с прессингом на нее.

Очень похоже, что идеи Савицкого о разрастании "России-Евразии" до пределов большой Евро-Азии предвосхитили эволюцию советской большой стратегии, – если поверить американскому исследователю М.Мак-Гвайру, который, явно ничего не зная о русском евразийце, пытается по массе косвенных источников воссоздать планы нашего военного командования 1970-х и первой половины 80-х годов, когда в СССР была официально признана возможность следующей мировой войны без применения ядерного оружия [24]. Согласно Мак-Гвайру, целью войны должно было стать полное изгнание американцев из Евро-Азии и превращение ее целиком, включая в первую очередь коренную Европу, в сферу советской гегемонии. Сходство с "провидениями" Савицкого насчет грядущего собирания материка под руку "России-Евразии" и вытеснения Запада за Атлантику разительно. И особенно интересно, что в реконструкции Мак-Гвайра этот проект, доводящий до предела логику российского континентализма, мог бы допускать оккупацию США Восточной Сибири, т.е. сдачу русскими в борьбе за западные и южные приокеанские платформы значительной части трудных пространств изначального российского острова.

Сейчас сложно оценить достоверность этой реконструкции. Однако она ухватывает направление великоимперской геополитической динамики России, двигавшейся к самоотождествлению с Европой – к той "точке омега", где должны были исчезнуть раздельные российская и европейская платформы. Частью такого самоуничтожения "острова России" становится в картине Мак-Гвайра возникновение к востоку от нее взамен трудных пространств мощной геополитической силы – американо-сибирской державы. Ситуация XVII в., когда отчужденная от Европы Россия прорывалась своими авангардами на Тихий океан, как бы полностью инвертируется. Россия сливается с поглощенными ею платформами Европы, Ближнего Востока и Южной Азии (реконструкция допускает для России также вспомогательную битву за Китай, не по монгольскому ли следу?), зато Тихий океан едва ли не превращается в "море США" – наследника европейской социальности.

Будем относиться к гипотезе Мак-Гвайра как ко второй контрфактической модели, противоположной той, что была представлена мною в начале и разыгрывала вариант разворота России с XVII в. по сей день на восток и внутрь. Эти модели противостоят как предел континентализма России – пределу ее "островитянства", и вся российская история – зрелище движения между этими пределами, направленного до

середины 80-х к максимальной континенталистской самореализации России, почти неотличимой от ее самоуничтожения. Но не случайно ли с 70-х, на этапе приближения к "мак-гвайровскому пределу" начинает неожиданно громко звучать голос русского изоляционизма с обертонами редукционистского "отречения от империи"? Выступления А.Солженицына, при всей иллюзорности его представлений о восточнославянском "братстве", впервые наметили дилемму, которую позже публицист П.Паламарчук свел в формулу "Москва или Третий Рим?". Но нужно было время, чтобы такая постановка вопроса начала хотя бы восприниматься серьезно. Как показала в тех же 70-х удачная пародия на Солженицына в поэме Д.Самойлова "Струфиан" с изображением "уездного Сен-Симона", вознамерившегося увести Россию "в Сибирь, на север, на восток, оставив за Москвой заслоны...", тогда это время не пришло.

Возвращение на "остров"

Как объяснить в этом свете переворот, происшедший в российском самоопределении за 3 – 4 года, в конце 80-х и начале 90-х? Сошлюсь на две возможные интерпретации. По одной, разделяемой и Мак-Гвайром, перелом подготовили: крепнущее у советского руководства с конца 70-х сознание экономической неделимости мира и невозможности построения мира-экономики, альтернативного капиталистическому; неподъемность расходов на готовность к мировой неядерной войне в условиях падения цен на нефть; надежды укрепить безопасность СССР, играя на расхождениях в западном блоке, противопоставляя Европу и США и пытаясь сблизиться с первой; вытекающая отсюда, зазвучавшая еще при Брежневе и подхваченная Горбачевым идея "общеевропейского дома", сперва как эвфемизм для мирного похищения Европы.

Иначе объясняет совершившееся И.Валлерстейн, видя за горбачевским поворотом осознание намечающейся глубочайшей реорганизации в западном мире-экономике с началом в 70-х, великой понижательной волны, предвещавшей конец американской гегемонии и обособление европейской платформы. На деле эти версии дополняют друг друга, мотивируя одна на макро-, другая на микроуровне генезис попытки под видом закладки "общеевропейского дома" сбросить на стагфлирующий западный мир проблемы "территорий-проливов" в обмен на доступ к новым технологиям.

Но редукционистские шаги к ограничению оборонительных обязанностей СССР собственными его территориями в сочетании с обозначившимся хозяйственным спадом на его землях запустили реакцию, которую еще в 1989 г. непросто было предугадать. В одной из работ я попытался описать ее механизм следующим образом. Отказываясь от диктата над "территориями-проливами", советским руководителям пришлось иметь дело с тем обстоятельством, что в глазах Запада Прибалтика, аннексированная в 1940 г., принадлежала не к базисным советским землям, но к системе сдаваемого региона. Тем самым в 1989 – 1991 гг. прибалтийские республики именно в силу нежелания западного

истеблишмента и Горбачева ссориться друг с другом попадают сразу в две различные "структуры признания", европейскую и внутрисоюзную, различающиеся уровнем "неотъемлемых прав" их членов. Прибалтика образовала как бы шлюз между этими системами: наращивая – формально еще в рамках СССР – свой суверенитет до европейского уровня, ее республики давали стимул номенклатурам всех образований, внешних относительно российского ядра, подравнивать свой суверенитет под прибалтийский стандарт, вплоть до общего скачка осенью 1991 г. в независимость [25].

Я и сейчас не отказываюсь от этой модели постольку, поскольку она отражает принципиальное структурно-функциональное сходство в геополитике Евро-Азии между странами внешнего имперского пояса СССР, так называемыми народными демократиями и теми внутренними – в первую очередь западными, а во вторую южными – советскими республиками, которые со стандартной точки зрения изнутри Союза выглядели неотделимыми компонентами его государственного корпуса. На деле же и те, и другие исторически представляют однотипные "территории-проливы", способные в разные эпохи то включаться в "тело" России, то отслаиваться от него по стечению российской, региональной и мировой конъюнктур. На этих пространствах никогда не было твердых пределов для России, но не было и границ, навек закрепленных за нею. Вспомним о Привисленском крае в составе России начала XX в. и о готовности богемских панславистов в 1840-х гг. на российское подданство, а с другой стороны – об Украине в 1918 г. Разграничение внешних и внутренних "территорий-проливов" было столь же окказиональным, как граница на море, и в начале 1990-х Прибалтика стала медиатором между первыми и вторыми. Здесь же добавлю: бессмысленно упрекать большевиков в том, что, выделяя периферийные земли в республики с формальным правом выхода, они невольно готовили гибель "Великой России". Ведь большевики были свидетелями того, как вели себя эти области с 1917 г. по начало 20-х, хотя до того устройство Российской империи не провоцировало их никакими иллюзиями самоопределения.

Однако эту интерпретацию надо дополнить осмыслением той решающей роли, которую сыграла в демонтаже СССР конкуренция проектов российской государственности, представленных Горбачевым и Ельциным. Беспрецедентная в истории быстрота, с которой основной народ империи воспринял возможность своего вычленения из империи за счет резкого сжатия своей геополитической ниши и реализовал эту возможность, допускает три уровня объяснения. На самом поверхностном уровне будут лежать рассуждения о конъюнктурном перехвате демократами у почвенников, вроде В.Распутина, идеи "России без СССР" для устранения Горбачева. Но, произнеся слово "конъюнктурный", мы окажемся перед необходимостью с уровня банальных констатаций перейти на уровень более глубокий, где исследовалась бы сама редукцио-

нистская геополитическая конъюнктура, оседланная "демократией". Правда, можно попытаться избежать этого перехода – апеллируя, например, к теории "перепроизводства управления" А.Зиновьева, которая позволит применить к СССР конца 80-х годов одно из правил Паркинсона, а именно: бюрократическая структура, достигшая некоторого предела в своем росте, тяготеет к делению. Однако при таком толковании мы будем вынуждены игнорировать прямое перерастание советского отхода из Восточной Европы в процесс суверенизации республиканских номенклатур, не говоря уже о том, что и отката из Восточной Европы эта теория тоже не объясняет. Если мы не желаем удовольствоваться ответами из сферы демонологии, вроде ссылок на "предательство Горбачева", нам придется ограничить концепцию "перепроизводства управления" той сферой, которая ей принадлежит по праву, а именно: объяснением повышенной чуткости нашего бюрократическом контингента к геополитической конъюнктуре указанного времени.

Тогда на следующем уровне исследования совершившееся предстанет в традициях миросистемного анализа реакцией России на движение мировой понижательной волны, обострившее внутренний технологический кризис советской экономики, как его описывает теория технологических укладов, в частности, в варианте, разрабатывавшемся С.Ю.Глазьевым. Но мы все-таки не поймем, почему данное государство могло среагировать на подобный вызов таким иррационально быстрым сжатием, сбросом территорий, если не спустимся на последний, третий уровень – на уровень памяти России как геополитической самоорганизующейся системы. На этом уровне паттерн России-"острова", отложившийся в контурах РСФСР, которые казались "химерой" как нашим "имперцам", так и многим критическим либералам, предстанет в истинном своем значении постоянной, сохранявшейся с XVII в. альтернативы тому разрастанию России-"хартленда", каковое, будучи продиктовано комплексом похищения Европы, вело государство на грань взрыва геополитической идентичности в духе модели Мак-Гвайра. Тогда редукционистская конъюнктура рубежа 80-х и 90-х может быть оценена как ответ России на миросистемный вызов в форме переключения на "островной" паттерн, выводящего ее из описанного выше тупикового "пика" континентализма.

На первых порах смысл идущих процессов затушевывался западоцентристским либеральным мифотворчеством. Вспомним, как много интеллигентов приветствовало Беловежские соглашения за "отделение России от Азии", как осенью 1991 г. критические либералы "Века XX и мира" готовы были придавать рванувшейся прочь от Москвы Украине "роль интегрирующего фактора в русских землях" и "вес геополитического гаранта демократии в Евразии" [26]. Сегодня на фоне украинских и закавказских реалий происходящее может быть сформулировано в одном предложении: Россия, покидая "территории-проливы", отходит "к себе", на "остров", с предельным восстановлением дистанцированности от иных евроазиатских этноцивилизационных платформ.

Вместе с большевистской государственностью окончился весь 280-летний великоимперский западоцентристский цикл российской истории. Может быть, в будущем России еще суждено будет вновь распространяться на "территории-проливы", но произойдет это уже при ином состоянии мира... и, наверное, не на нашем веку.

Не в "Евразию", а к своему Востоку

Если протрезветь от чисто словесного "возвращения в мировое цивилизованное сообщество", отправной точкой любых наших геополитических стратегий по меньшей мере на ряд десятилетий должно стать признание и приятие того факта, что с согласия или даже по инициативе самой России пространства, долгое время предоставлявшие ей доступ к коренной Европе, к Балканам и к Среднему Востоку, сейчас актуализировались в новом качестве "проливов", отдаляющих нас от всех этих участков мирового приморья и прежде всего от Европы. Для нее самой утрата контактного соприкосновения с российским присутствием едва ли не намного важнее степени усвоения либеральных норм россиянами. Во всяком случае, нежелание многих европейцев видеть русских полноправными членами Совета Европы в контексте исторического опыта представляется значительно оправданней, нежели наше намерение туда попасть. Из самолюбия можно не соглашаться с германскими политологами Ф.Херольдом и П.Линке, говорящими о практической "изолированности" России [27]. Но здравый смысл заставляет солидаризироваться с теми российскими экспертами, которые подчеркивают нарастающую значимость Беларуси как относительно устойчивого моста из России на запад среди нестабильных и/или недружественных балто-черноморских пространств, – значимость, обусловленную невхождением России ни в какую более широкую континентальную систему, которая бы ей открывала выход в Европу [28].

Если вспомнить размышления В.Страды насчет исконной "диффузности" России, то опять-таки видим, что ее границы сейчас гораздо менее определены и очевидны, чем когда-либо за великоимперское время. Во всю толщу "проливов" Россия то перемежается с не-Россией, то размыто переходит в нее. К примеру, на юге переход к тревожному Среднему Востоку от тех российских районов, которые, по словам З.Бжезинского, из глубинных стали внешними, включает перетекание этой "новой внешней России" в "почти Россию" Северного Казахстана, а последней – в среднеазиатскую не-Россию с обильной русской диаспорой, и наконец, бои по кайме "проливов" – на таджикской границе в попытках защитить эту "нероссийско-почтироссийскую" ширь от революционных вторжений со средневосточной платформы.

Наивно мотивировать обращения Ельцина в последние два года к НАТО с призывом не расширяться за счет Восточной Европы стремлением избежать усугубления российской изоляции. Как будто она станет меньше в случае дискутировавшегося в последние годы и вполне возможного возникновения автономной "восточноевропейской Антанты"!

Дело не в изоляции, а в том, что Россия при создавшемся положении вещей должна достаточно болезненно переносить любые движения Запада, толкуемые как попытки уменьшить пространственный зазор между российской и европейской платформами.

Попытаемся взглянуть на геополитическую ситуацию России в целом. После подключения стран ислама к боснийскому конфликту два огромных проблемных очага, сложившихся на начало 90-х годов, – средневосточный и днепро-дунайский – сливаются в одну конфликтную зону, постепенно разрастающуюся к северу и, возможно, уже дотягивающуюся до чешско-немецкого пограничья, где вновь замаячил вопрос о судетских немцах. Такой эволюции содействует общее положение в Восточной Европе, которая, стремясь снова стать периферией Запада, оказывается для него бесконечным источником головной боли, вызываемой массированным внесением в Европу нелиберальных политических практик – от югославских бесчинств до "коктейлей Молотова" в Берлине и недавних путчей егерей в Эстонии и службы охраны края под Каунасом. С учетом этой общей ситуации мы и должны рассматривать соотношение с российскими интересами фактора "конфликтного полумесяца" от Афганистана до европейского юго-востока.

Можно показать, что это соотношение в целом неоднозначно, различаясь в зависимости от того, о каком именно участке "полумесяца" идет речь. Так, исходящие от него импульсы создают для России революционную угрозу на юге, где наши земли и их жителей защищает в качестве буфера по преимуществу устойчивость существующих номенклатурных режимов Средней Азии и Казахстана. Между тем в европейской своей части "полумесяц", представляя все больше тягостных проблем для коренной Европы, вообще переживающей не лучшие времена, утверждает "островное" положение российской платформы, не позволяя Западу впадать в чрезмерную самоуверенность, обеспечивает нас в конце концов иммунитетом против любой мыслимой гегемонии со стороны Атлантики. Поэтому положение России диктует ей дифференцированный подход к проблемам международной стабильности: ей жизненно необходима стабильность на вторичных, среднеазиатских "территориях-проливах", мало интересующих мировое цивилизованное сообщество. А в то же время оптимальным вариантом для Российского государства применительно к очень заботящей это сообщество Восточной Европе оказывается смирение перед ее самопроизвольной "третьемиризацией" (laissez faire!).

Паттерн "острова России" означает полную инверсию геополитических приоритетов государства в сравнении с той их иерархией, которая характеризовала великоимперскую эпоху. На западных "территориях-проливах" центральная российская власть имеет кое-какие обязательства, но практически никаких перспектив, тогда как южные "территории-проливы", созданные собственно российской политикой, обретают повышенный оборонительный интерес – при условии отказа от любых попыток интегрировать их в геополитическое "тело" нашего

государства, поставив Россию лицом к лицу со Средним Востоком. Со всеми оговорками насчет покровительства русским, обретающимся на обоих "проливах", указанные принципы, и только они позволяют использовать "проливы" по их геополитическому назначению для защиты нас и от революций, и от гегемоний.

И наконец, с переворачиванием иерархии приоритетов на первом месте в ней предстоит оказаться геополитике внутренней, нацеленной на развитие регионов "острова" в их природной и хозяйственной дифференцированности, особенно тех трудных пространств, которые сегодня выступают почти такой же неосвоенной Новой Россией, как в XVII и XVIII вв. В отличившем год 1993-й провозглашении новых республик уже не по этническим, но по сугубо региональным критериям мне видится пока что вовсе не "распад России как продолжение распада СССР" и не столько сопротивление регионов политике Центра, о чем склонна говорить оппозиция, но в первую очередь все та же естественная интериоризация геополитики страны вследствие ее перехода к "островному" паттерну. Отсюда крепнущее, по удачному выражению М.В.Ильина, "региональное державничество" с его установкой: "благо регионов – благо России" и исканиями в формах столь превозносившегося евразийцами "связывания соседств".

Однако федерализация важна не только сама по себе, но и как подготовительный этап к изживанию западоцентризма российского "острова". Зазвучавшие в 1991 г., в том числе и в столичной прессе, толки о сибирском сепаратизме; прогнозы бизнесменов, вроде Э.Тенякова, сулящих Уралу, Сибири и Поморью благодаря концентрации трудовых, сырьевых и энергетических ресурсов скорейший выход из спада в сравнении с Европейской Россией; внимание публицистов к растущему демографическому давлению Китая на наши границы; панические голоса правых и коммунистов о готовности США наложить руку на Сибирь, а Чукотку чуть ли не сделать своим штатом; укрупняющаяся политическая игра зауральских элит, отчетливо заявивших свою позицию во время сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 г., – все это выражения той фундаментальной для наших дней реальности, что с устранением больших милитаристских целей на Западе восточные регионы начинают добирать недобранное за великоимперские века. Можно предвидеть, что в ближайшие годы они все крепче "потянут одеяло на себя", и геополитический фокус страны, быстрее или медленнее, эволюционно, с санкции и при содействии центрального правительства, или же революционно – в том числе, как вариант, через распадение и новое собирание России – будет смещаться на ее трудные пространства.

В начале века Потанин, доказывая необходимость признать за Сибирью колониальный статус, писал: "Вопрос решается не смежным или отделенным положением страны, а тем, входила ли страна в состав метрополии в момент образования государства в метрополии или не входила, и если не входила, а присоединена после, то после присоединения страны применялась ли к ней так называемая колониальная по-

литика" [20, С. 52]. По второму пункту не может быть сомнения в колониальном типе многовековой эксплуатации Сибири. Но по первому пункту дело обстоит совершенно не так, как виделось Потанину, аргументировавшему тем, что будто бы Россия 700 лет существовала без Сибири. В отличие от аморфной, точнее, текучей в своих формах "Руси", Россия возникает в полноте необходимых и достаточных геополитических характеристик не при Рюрике и не при Иване Калите, а в течение XVI в., и последней среди этих характеристик стал выход русских в земли Заволжья и Зауралья. Россия не присоединяла Сибири – она **создалась Сибирью** так же, как маргинализацией Восточной Европы в системе западного мира-экономики. Границ, за которыми могла бы кончиться российская геополитическая идентичность, три: это полное срастание России с одной из соседних этноцивилизационных платформ, либо исчерпывающий охват "территорий-проливов", включая Левобережную Украину, коренной Европой, либо, наконец, раздробление российской платформы и появление вместо той ее части, которая приходится на трудные пространства, нового государственного образования.

Но здесь обнаружится один тонкий нюанс, если предполагать, что восточный массив отделится как целостное новое государство, а не кучей геополитической щебенки. В этом случае мы, конечно, могли бы говорить о развитии процесса по австро-венгерскому варианту и об "уничтожении" России в силу исчезновения государства, которое отвечало бы первому из выделенных мною признаков – не стало бы единой геополитической ниши русского этноса. Но, сравнивая участь двух гипотетически появляющихся на ее месте образований, условно – Московии и Урало-Сибирской Федерации (УСФ), мы убеждается в том, что их соотношение с паттерном российского "острова" окажется принципиально различным. Московия, несомненно, уже не будет Россией, которую мир знал с XVI в., – из-за существования УСФ. Но чем же она будет в таком случае? Разумно будет предположить, что она попадет в сферу притяжения коренной Европы, но, оставшись ей во многом чужеродной хозяйственно и социально, сползет в зону "территорий-проливов" со всеми последствиями: вспышками вражды с украинцами за Левобережье и Крым, обострением тяжбы с Латвией и Эстонией и т.д. В свою очередь, УСФ, перехватив часть стратегического потенциала, достаточную для сдерживания Китая, предстанет государством, у которого на западе окажутся "территории-проливы", отделяющие его от Европы, а на востоке все те же трудные пространства, – иначе говоря, государством, воспроизводящим в несколько уменьшенном виде исконный паттерн России. По-другому такой поворот событий мог бы быть описан, как "откусывание" нестабильной зоной "территорий-проливов" от России ее европейской части и сохранение России на востоке – в форме Урало-Сибири, на которую, как известно, не распространялся даже план "Барбаросса". Этот мысленный эксперимент, как представляется, хорошо показывает сегодняшнюю определяющую роль

нашего востока в поддержании самоидентичности России. Надеюсь лишь, что он и останется мысленным.

Потому и в отношениях с национальными республиками оптимальная линия внутренней геополитики, думается, должна состоять не в неоевразийских спекуляциях на тему "российской суперэтничности", а в выработке договоров-компромиссов между Центром как политическим представительством всего острова и этими доминионами, с учетом обстоятельств и интересов каждого из последних таким образом, чтобы этот процесс облегчил смещение Центра во внутренние и восточные области, на земли Новой России. Впечатляющим вариантом мог бы выглядеть район Новосибирска, учитывая такие факторы, как расположение его на стыке Западной и Восточной Сибири, примерная одинаковая удаленность от обоих флангов "острова" – европейского и приморского, нахождение в срединной области между двумя крупнейшими волжско-уральским и восточносибирским поясами автономий, приближенность к стратегически важным южным "территориям-проливам" при одновременной великолепной прикрытости просторами "русского" Северного Казахстана, огромный экспертно-интеллектуальный потенциал Сибирского отделения АН и т.д.[3]. Однако с учетом дальнейших перспектив и целей возможны доводы и в пользу какой-либо из лежащих еще восточнее старых сибирских столиц, более застрахованных от перипетий среднеазиатской экологии и демографии.

Ибо "островитянский" выбор России может быть лучше всего рационализирован как предпосылка для наведения ее геополитического фокуса не на "азиатский мир" и не на "диалог с исламом" ради нового континенталистского виража, а на тот **свой восток**, для которого исламские проблемы – далекий запад, а еще больший восток – уже обе Америки. Солженицын в своей морально-политической проповеди прозорливо, хотя малопривлекательно, заговорил об этих землях как о больной совести нашей государственности. Но в 1993 – 1995 гг. естественнее усмотреть в Новой России с ее неосвоенностью и нестерпимым очаговым хищничеством, легендарными ресурсами и экологической планетарной престижностью альтернативу, сохранявшуюся у нас 300 лет и содержащую такие аспекты, как и неотторжимую от проблем сибирской инфраструктуры новую постановку вопроса об Океане для "острова России", и новые отношения с Америками и той же старой Европой, и обретение себя нашей страной в мировом раскладе первой половины XXI в. Пока Средняя Азия нас хранит от Юга, восточный крен с опорой на Сибирь мог бы вывести Россию из ареала столкнове-

[3] В конце сентября 1993 г. представители Верховных Советов сибирских республик и Малых советов восточных областей предлагали Руцкому и Хасбулатову в борьбе с Ельциным перенести резиденцию Верховного Совета России в Новосибирск. Оппозиция бездарно выбрала обреченный путь "битвы за Москву".

ния ислама с либерализмом, ставя ее вообще вне распри "имущего" и "неимущего" миров[4].

И не надо пугать россиян западной части "острова" "переброской ресурсов в Азию". Федерализм при серьезной децентрализации даже части бюджета, чего требовали сибирские областники с конца XIX в., в рамках легитимизации курса на внутреннюю геополитику высвободит активность европейских регионов России как нового внешнего фланга страны, симметричного Приморью на востоке: напомню о крепнущей уверенности в себе элит Черноземья с их выходами в Левобережье и Новороссию вплоть до предложений в осень 1993 г. о взятии шефства над российским Черноморским флотом. Политика России на западных "проливах" из державной становится частной геополитикой регионов, чувствующих за спиной солидарность "острова". Миссия же центрального правительства, если оно хочет быть чем-то большим, нежели посредником между регионами в согласовании их интересов и добывателем кредитов для их развития, должна бы состоять в санкционировании своей силой неизбежного при любых условиях сдвига российской оси. Иначе Москва встанет против той самой конъюнктуры, которая в 1991 г. гарантировала роспуск СССР. И выбирать придется между попытками имперского отыгрыша, чтобы гирей претенциозных целей на западе, юге или юго-западе уравновесить платформу, начинающую крениться к востоку, и чисто эпигонским тлением, которое едва ли даже окажется слишком затяжным.

Я кончу словами, каковые многим нашим экспертам должны представиться кощунством: **для России сейчас очень хорошее время, дело только за политиками, которые это поймут.**

Примечания

1. Mackinder H. The Geographical Pivot of History. – "The Geographical Journal", №23, 1904.
2. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. – Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
3. См.: Богомолов П. Шило на мыло. – "Правда", 17.IX.1993.
4. Гусейнов Г. Исторический смысл политического косноязычия. – "Знамя", 1992, №9, С. 191.
5. Ллойд-Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т.1. М., 1957, С. 267.
6. Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого "второго издания крепостничества". – "Вопросы истории", 1958, №2, С. 97.
7. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 19.

[4] Я не намерен обсуждать здесь антиутопии, изображающие массированное вторжение фундаменталистских полчищ из Передней Азии в Европу, ибо не вижу намека на близость подобной фантасмагории в современном благополучном мире, где Иран пользуется американскими бомбардировками Багдада для карательных экспедиций на иракские земли, а палестинцы договариваются с Рабинам под израильскую канонаду в Ливане.

8. Страда В. Есть ли будущее у российского государства? – "Русская мысль", 17.IV.1992.
9. Блестящий анализ см.: Демин А.С. Элементы тюркской культуры в литературе Древней Руси (к вопросу о видах связей). – Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
10. Трубецкой Н.С. "Хожение за три моря" Афанасия Никитина как литературный памятник. – Семиотика. М., 1983.
11. Цымбурский В.Л. Омонимия как ключ к исследованию идеологии (Термины "Евразия" и "евразийский" в двух геополитических традициях). – Межвузовская научная конференция "Язык в контексте культуры" (тезисы). М., 1993.
12. Ключевский В.О. Петр Великий среди своих сотрудников. – Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990, С. 216.
13. Ср. После распада СССР: Россия в новом мире (Доклад Центра международных исследований МГИМО: А.Загорский и др.). М., 1992, С. 18.
14. Bassin M. Russia between Europe and Asia. – "Slavic Review", 1991, №50, I, p. 9; Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729 – 1796). – Ключевский В.О. Исторические портреты. С. 307.
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. М., 1983. Т. 25.
16. "Записка в ЦК РКП, 5 августа 1919". Цит. по: Волкогонов Д.А. Троцкий: Политический портрет.Т.1. М., 1992. С.11.
17. См. Чепелкин М.А., Дьякова Н.А. Исторический очерк формирования государственных границ Российской империи (2-я половина XVII – начало XX в.). М., 1992, С. 78 и сл.; см. также интересные заметки д.и.н. В.Борзунова. "Гудок", 11 – 12. VIII. 1993.
18. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу. – Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993, т. 1, С. 122.
19. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. 8-е изд. Пг. [б.г.], С. 441, 474.
20. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907.
21. Савицкий П.Н. Континент-Океан: Россия и мировой рынок. – Исход к Востоку. София, 1921. Кн. 1, С. 104 и сл. Он же. Миграции культуры. – Там же. С. 40 и сл.
22. Haushofer K. Der Nahe Osten im Vorschatten eurasiatischer Festlandpolitik. – "Zeitschrift fur Geopolitik", 1939, №16.
23. Wallerstein I. The Cold War and the Third World: The Good Old Days?//Fernand Braudel Center for the Study of Economics, Historical Systems and Civilisation. Binghamton (N.Y.),1990; комментарий к этой работе И.Валлерстейна см.: Фурсов А.И. Мир-системный анализ: интерпретация И.Валлерстайном периода 1945 – 1990 гг. (основные идеи и оценки). – "Восток" ("Oriens"), 1992, №3.
24. McGwire M. Perestroika and Soviet National Security. Wash., 1991.
25. Цымбурский В.Л. Понятие суверенитета и распад Советского Союза. – "Страна и мир", 1992, №1.
26. Павловский Г. К рассоединению Украины с Россией. – "Век XX и мир", 1991, №12. С. 27.
27. См. "Правда", 15.IX.1993.
28. Этап за глобальным. Национальные интересы и внешнеполитическое сознание российской элиты (Доклад независимой группы экспертов: А.Д.Богатуров и др.). М., 1993. С. 38.

Циклы "похищения Европы" (Большое примечание к статье "Остров Россия")*

Я не возражала бы стать даже пешкой, лишь бы меня приняли в игру. Хотя конечно, больше всего мне бы хотелось быть королевой.
Л.Кэрролл. "Алиса в Зазеркалье"

Шумели в первый раз германские дубы,
Европа плакала в тенетах,
Квадриги черные вставали на дыбы
На триумфальных поворотах.
О.Мандельштам

Я рад перепечатке моей прошлогодней статьи "Остров Россия" в книге "Иное" – не только из-за возможности исправить некоторые описки первой публикации. Мне хотелось бы, во-первых, зафиксировать происшедшие за год уточнения моих взглядов на некоторые проблемы, затронутые в "Острове". А во-вторых, дополнительно аргументировать мою позицию по одному из разделов названной статьи, который вызвал больше всего споров.

Начну с уточнений. Я не стал бы сейчас так однозначно связывать генезис "проливных функций" у пространств Средней Азии и Казахстана только с их российским завоеванием в XIX в. и последующим русско-советским воздействием на здешние общества, включая, кстати, и насаждение здесь стереотипов национальной государственности. Сегодня я не меньше значения придаю положению этого ареала как периферии ислама в сравнении с арабо-иранским ближне- и средневосточным популяционным ядром этой цивилизации. Я не рискнул бы на генерализации типа тех, к которым прибегал наш евразиец Н.С.Трубецкой, приписывая тюркам упрощение ислама, сведение его к ясным схемам мировоззрения и практики за счет отказа от религиозного творчества и соответствующих ему форм жизненной активности, грозящих "душевному и бытовому равновесию"[5]. Тем не менее очевидно, что Казахстан, а в Средней Азии именно тюркские республики (в отличие от Таджикистана с его тревожными тенденциями) образовали геополитические и цивилизационные "проливы" между Россией и Средним Востоком. В этих краях можно ждать сильных выплесков национализма и варварской ксенофобии, но южный фундаментализм тут едва ли себе найдет почву. Более того, есть резон полагать, что при успехах исламистов в Таджикистане именно национализм их тюркских соседей способен сдержать движение пожара к северу – в сторону России.

В этом плане тюркские образования "Центральной" – в сегодняшнем словоупотреблении – Азии обретают функцию, сходную с разделя-

---

* Данная часть публикации выполнена при финансовой поддержке Интерцентра.

[5] Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 64–66.

тельной функцией вестернизированной Турции на стыке Ближнего Востока и Евро-Атлантики. Предрекаемое сейчас некоторыми идеологами возвышение "тюркского мира" будет на деле утверждением устойчивого цивилизационного междумирья между исламской платформой и двумя платформами северными: евроатлантической и российской.

Далее, в ареале, где сближаются платформы России и Китая, фактор трудных пространств сейчас начинает играть совершенно иную роль, чем в XVII – XVIII и даже XIX веках. Своей неосвоенностью, демографическим полувакуумом и товарным голодом эти земли затягивают в себя китайское население и китайскую экономику, так что "море" лесов на нашем юго-востоке лишь камуфлирует наползание китайской платформы на российскую. На деле вероятностью поглощения наших трудных пространств чужой цивилизационной экспансией с юга обозначается четвертая граница русской геополитической идентичности – в дополнение к тем трем, о которых я говорил в "Острове Россия". Однако ведь о "китайской опасности" сейчас у нас пишут и так немало, даже с излишней, хотя и симптоматичной истерией. Значительно меньше внимания наши политики и публицисты уделяют проходящему на стыке двух названных платформ поясу алтайских (тюрко-монгольских) народов, буддистов и исламистов, прямо продолжающему среднеазиатско-казахстанские "проливы". Частично (Синьцзян, Тува, Бурятия) этот пояс тянется по пространствам, которые юридически принадлежат России или Китаю, частично он представлен суверенной Монголией, и, наконец, после разрыва в Приамурье, резко усиливающего китайское давление на нашу платформу (несколько миллионов маньчжуров не делают там погоды), он находит этнорелигиозное и геополитическое продолжение на Корейском полуострове. При некоторых условиях активизация народов этого пояса по какую-то из сторон нашей с Китаем границы могла бы преподнести сюрприз, превратив эту территориальную полосу в реальный "пролив" между платформами, цивилизационно специфический относительно разделенных им миров. В судьбе этих земель могли бы сыграть в будущем исключительную роль встречные влияния объединенной Кореи и возрожденного Тибета. У истории есть что противопоставить китайскому движению в северо-восточную Евро-Азию.

Так край, который для Х.Маккиндера был глубочайшей сердцевиной континента, оказывается с точки зрения России лишь частью внешней полосы "проливов" между цивилизационными платформами – гигантской полосы, включающей Восточную Европу с Прикарпатьем и Приднестровьем, Закавказье с горным Кавказом, Казахско-Среднеазиатский край, далее "синьцзяно-корейский пояс" с ответвлением в виде Тибета. Собственно это и может быть названо "Евразией" – совокупность континентальных периферий, окаймляющих с тыла приокеанские платформы (европейскую и азиатские). Понятно, что, исходя из такого геополитического мировидения, я не могу принять недавно высказанного В.Л.Каганским взгляда на Россию как на средоточие разных

евроазиатских (европейской, исламской, китайской) периферий. В том-то и дело, что у каждой из этих платформ есть своя периферия, свой участок в "Евразии". Россия же, если глядеть с любой такой платформы, – земля, встающая по ту сторону периферии. Россия – не "Евразия", она – за "Евразией".

Таковы основные уточнения, которые я хотел бы сегодня внести в "островитянскую" модель российской геополитики[6].

А в дополнительном обсуждении, как выяснилось по отзывам на "Остров", нуждается предложенная мною интерпретация отношений России с Западом в XVIII – XX вв., отмеченных попыткою изживания нашего "островитянства". Это время было в "Острове" иронически названо веками русского "похищения Европы"[7]. Данным определением я стремился с предельной броскостью выразить тот же синкретизм цивилизационных и геополитических характеристик, который заключается и в исходном для всей моей концепции понятии "этно-цивилизационной платформы". Великая цивилизация имеет свое популяционное ядро – группу народов (иногда это один народ) с собственной ареальной нишей в мировом раскладе. Для цивилизации Запада это – группа романо-германских народов, базирующихся по обеим сторонам Северной Атлантики и имеющих изначальные корни в Европе. Что случилось, когда элита России – государства, геополитически и цивилизационно сложившегося вне этого круга, – взяла да и объявила себя частью Европы, а свою страну европейским государством и пожелала вырвать признание своих претензий у элит Запада? Русские быстро убедились: кратчайший путь к удовлетворению этого желания, помимо имитации западных культурных форм, состоит в закреплении за Россией постоянного, неотменимого места в европейской политике, когда судьбы этого ареала, его расклад и баланс сил определялись бы потенциалом России и направленностью ее воли.

Сравним высказывания двух министров, ответственных за внешнюю политику России в XVIII в., – речь петровского канцлера Г.И.Головкина, славящего царя-преобразователя за то, что русские его трудами "из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены"[8], и похвальбу екатерининского канцлера А.А.Безбородко тем, как "при нас ни одна пушка в Европе без позволе-

---

[6] Приложение этой модели к сегодняшней политической прагматике, "довлеющей дневи злобе его", см.: Цымбурский В.Л. Метаморфоза России: новые вызовы и старые искушения. – Вестник МГУ. Серия 12, 1994, № 3, 4.

[7] Эта формула мною почерпнута из названия книги: Варес П., Осипова О. Похищение Европы, или Балтийский вопрос в международных отношениях XX в. Таллин, 1992. Авторы имеют в виду аннексию Прибалтики в 1940 г. – якобы поглощение части коренной Европы русско-советским пространством. Я же исходил из того, что пакт Молотова–Риббентропа – лишь частный эпизод в трехсотлетней европеизации России. Прибалты **никогда** не вправе будут чувствовать себя даже в относительной безопасности, пока русские будут смотреть на себя как на "народ Европы", отодвинутый независимой Прибалтикой от центра "своей" цивилизации.

[8] См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С.123 и сл.

ния нашего выпалить не смела"[9]. Очевидна прагматическая связь этих притязаний: если первая ступень на пути европейского самоутверждения России – "из небытия в бытие, в сообщество политичных народов", то вторая ступень – "ни одна пушка в Европе без позволения нашего...", тогда уж точно Россию никому не выдворить из "сообщества политичных народов". Неоправданны попытки некоторых западных авторов различать якобы благое явление "вестернизации" России, усвоения русскими западных ценностей и сомнительный в глазах Запада процесс ее "европеизации", силового включения в европейскую политику, в том числе через серии акций, направленных на ликвидацию пространственной обособленности России от платформы коренной романо-германской Европы. Эти феномены нераздельны: для России "быть Европой" прагматически значило быть силой в Европе, а "быть силой" легко переосмыслялось в "быть насильно".

С разных сторон вызвал возражения мой тезис о том, что европеизация России как акт спонтанного цивилизационного самоопределения ее элиты должна была по необходимости обернуться политикой, способной представлять и в какой-то момент представившей в глазах Запада прямую угрозу его безопасности. На эти возражения мне предстоит ответить серией статей, сейчас же я коснусь лишь одного из них, особенно существенного для проникновения в ту область русского коллективного сознания, которую можно назвать национальной историософией.

Мне неоднократно приходилось слышать утверждение насчет недопустимости вообще говорить о напоре России на Европу. Наоборот, именно русским будто бы всегда приходилось сдерживать напор Запада, а особенно в последние два столетия, когда западная цивилизация глобализовалась, стремясь овладеть ресурсами мировой Ойкумены. Каждый век, дескать, видел западных захватчиков, приходивших в Россию, тогда как войны русских против романо-германских народов всегда начинались как войны оборонительные. Возникает впечатление, что в восприятии утверждающих такое сюжетика взаимоотношений России с Европой в веках и даже различие между Россией и Киевской Русью выносятся за скобку. От истории остается серия изолированных, замкнутых на себя случаев, будто бы иллюстрирующих одну и ту же навязчиво повторяющуюся схему: покой России взрывается идущей извне "самородной" опасностью. Походы немецких "псов-рыцарей" и шведов против Новгорода в XIII в.; польская авантюра начала XVII в. с попыткой возвести польского короля на московский престол; Карл XII под Полтавой; Наполеон в Кремле; англичане и французы, бомбардирующие Севастополь; Брестский мир и интервенция Антанты; ужас 22 июня 1941 г. и план "Дропшот" – становятся с распадом исторической связи (так сказать "синтаксиса истории") вполне эквивалентными друг другу символами опасности, рвущейся из внешнего мира в отделенный от него мир России.

[9] Цит. по: Ключевский В.О. Императрица Екатерина Вторая (1729–1796). / Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990. С. 313.

Лучший пример такой трансформации истории – заглавие книги академика Е.В.Тарле "Северная война и шведское нашествие на Россию" (М., 1958), несущее в себе целую программу толкования исторической перипетии. Война, начатая вовсе не Швецией, а Россией ради овладения выходом в Балтику и отвоевания нескольких былых российских городов, около 90 лет бывших под шведами (а сколько лет мы в XX в. держим Кенигсберг и Южные Курилы?), завоевательная война русских, ведшаяся в основном либо в шведских владениях, либо в союзной нам Польше и лишь ненадолго перекинувшаяся даже не на Россию, а на вассальную ей Левобережную Украину[10], – эта война в самом заглавии подается великолепно знавшим все обстоятельства Тарле не как успешное завоевание, а как отражение некоего "нашествия на Россию". Всем нам с детства помнится – "швед под Полтавой". Что же удивляться, когда наш современник В.В.Жириновский серьезно утверждает, будто Петр I "не шел вовне, а отбивал атаки шведов, он не захватывал чужие страны"[11]! Но все-таки каков национальный консенсус – Тарле и Жириновский!

Попытаемся восстановить "синтаксис" геополитических отношений России с Западом, начиная с **первого** вступления русских войск на платформу коренной Европы. Для этого выделим все дальнейшие случаи такого рода, наряду со встречными примерами вторжения западных государств на платформу России, а также с наиболее значительными действиями русских и западноевропейцев на "территориях-проливах". Скажу, забегая вперед: анализ этих данных выявляет за три века троекратное повторение однотипной событийной схемы из четырех ходов, где все вторжения Запада к нам, кроме Крымской войны, оказываются синтаксически изоморфными, составляя в каждом цикле содержание одного и того же, а именно **второго** хода. Сейчас я представлю события по циклам и ходам, а сводную интерпретацию дам по окончании обзора.

Цикл I

Ход А. После Полтавской победы Петр I отвергает предложение Карла XII кончить войну передачей русским выхода в Балтику. На так называемом третьем этапе Северной войны (1710 – 1718) Петр не только временно оккупирует шведскую Финляндию (шаг, симметричный отбитому вступлению шведов на Украину), но также шлет контингент русских войск в Европу на помощь своим союзникам (Дании, Саксонии и Ганноверу) против германских владений Карла. Такое "проеци-

[10] Украина в начале XVIII в. – даже земли, "воссоединенные" с Россией на Переяславской раде, – вовсе не воспринималась самими русскими в международно-правовом отношении как часть России. Попытку Петра I после измены Мазепы трактовать украинские земли в этом качестве современники рассматривали в своем роде как перегиб. Об этом недвусмысленное свидетельство – указ Петра II от 16 июня 1727 г. о передаче малороссийских дел как относящихся к отдельному государству из Сената в Иностранную коллегию.

[11] Жириновский В.В. О судьбах России. Часть II. Последний бросок на юг. М., 1993. С. 29 и сл.

рование силы на Запад", поднимая европейский престиж России, вместе с тем пробуждает беспокойство в европейских державах и вызывает нежданные осложнения между Петром и его союзниками.

За 90 лет после Северной войны русские без всякой корысти для себя участвуют в четырех войнах на платформе коренной Европы или на принадлежащих ее государствам участках "территорий-проливов". Сперва это – Семилетняя война 1756 –1763 гг., от театра которой Россию надежно отделяли Польша с Курляндией. Россия, как союзница Австрии и Франции против Пруссии, временно оккупирует Восточную Пруссию и на несколько дней берет Берлин. Затем в 1799 г. она в коалиции с Австрией по чисто идейным мотивам воюет против революционных Франции и Швейцарии, с территориями которых опять же никогда не соприкасалась и не могла соприкасаться. Знаменитые в стратегическом и тактическом отношении, но политически абсолютно бессодержательные походы Суворова, Итальянский и Швейцарский, своим блеском лишь испортили отношения России с союзной Австрией. Наконец, в 1805 – 1807 гг. Александр I по столь же "идеальным" соображениям проводит вместе с Австрией и Пруссией две провально окончившиеся войны против Наполеона. Как следствие, ранее далекая от российских границ наполеоновская империя оказывается к ним вплотную. По Тильзитскому миру, бывшему, как писал Н.Я.Данилевский, "разделом Европы"[12], Россия обязуется – вместе с отстраняющим ее от романо-германской платформы размежеванием сфер влияния – следовать враждебному курсу Наполеона против Англии.

За тот же столетний срок, наряду с участием "из чести" в описанных европейских играх, Россия отторгла от шведов сперва Прибалтику, после (с подачи Наполеона) Финляндию, уничтожила вассальную автономию Украины, заняла Крым, поделила Польшу с Австрией и Пруссией, а также провела четыре войны против Турции (спровоцированных самими турками) и при этом продвигалась шаг за шагом к Придунавью и Средиземноморью. Как бы проецируя в будущее эти успехи, оформляются "греческий проект" Екатерины II и конкретизирующий его план раздела Турции с европейскими державами по польскому образцу, затеянный Павлом I и руководителем его внешней политики Ф.В.Ростопчиным – в видах компенсировать Россию за разочаровывающее рыцарство итало-швейцарской кампании: по этому плану на российскую долю приходились Молдавия, Румыния и Болгария[13].

Итак, в военной политике России по ходу ***А*** данного цикла проступают две линии. Одна, прагматическая, постоянно приближает Россию к Европе посредством включения в геополитическое тело России все новых участков "территорий-проливов". В этом своем разрастании Россия долго не сталкивается впрямую с коренной Европой – пока наконец раздел Польши не ставит наших владений впритык к владениям немецкоязычных великих держав. Вторая линия, условно скажем –

---

[12] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Москва, 1991. С. 446.

[13] Записка графа Ф.В.Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования. – Русский архив. Год 16-й, кн.1, 1878. С.109.

"идеалистическая", представлена большими войнами вдали от российских пределов за баланс Европы или подавления европейских революций, войнами безо всякого расчета на приращение страны или иную материальную выгоду[14].

Ход B. Комбинация этих двух линий дает понятный результат: вползание "из чести" в европейские дела порождает в Европе выплеск агрессии против нас, а прагматическая экспансия оборачивается политической ликвидацией "проливов", прикрывавших нас от Европы. Франция Наполеона стоит у сдвинутых к западу российских границ, да еще имея на Россию "зуб" за прежние контры. Нарушение Александром I тильзитских условий (вмешательство в германские дела Наполеона, тайная торговля с Англией и т.д.) становится стимулом к наполеоновскому походу 1812 г., в глазах русских – "нашествию двунадесяти языков", классическому образцу "панзападной" агрессии против нас.

Ход C. Отразив в патриотическом экстазе посягательства Наполеона, Россия начинает, вопреки советам прагматика Кутузова, войну за "освобождение Европы". Оная война, уже после русского лидерства в антинаполеоновской коалиции, после победы и взятия Парижа, едва не переходит в другую – в войну Александра I в 1814 г. против всей "освобожденной" Европы (включая и вчерашних союзников, и побежденную Францию) за Польшу, которую "освободитель" требует себе целиком в награду. Польшу он в конце концов получает за малые уступки соседям – австрийцам и немцам, а провозглашенная им система Священного Союза делает из этого царя, как потом и из его брата Николая I, гегемонов большей части Германии: местные князья взирают на них как на своих сюзеренов. Между тем, выступая в континентально-европейском ареале "международными жандармами", хранящими статус-кво, оба эти царя в стремлении проложить России путь в Средиземноморье ведут прагматическую игру с дестабилизирующими силами балканского революционного национализма: идеалисты-консерваторы на Севере, прагматики-революционеры на Юге, они давят на Европу и будоражат ее и в той, и в другой своей ипостаси.

В 1848 –1849 гг. идеализм "революциефобов" берет верх: войска Николая I вступают в Австрию для подавления венгерской революции и в защиту законной власти Габсбургов, вопреки призывам российских прагматиков, особенно Ф.И.Тютчева, использовать революционную ситуацию для уничтожения Дунайской империи и полного включения всех славянских областей Восточной Европы во владения России.

Ход D. С 1820-х годов крупнейшие государства романо-германского мира – Англия, Австрия, наконец, и Франция – переходят к политике сдерживания России, внушая определенные иллюзии полякам, но главным образом противодействуя русским планам в отношении

[14] В "Острове" я уже писал и не буду повторяться, что сама прагматическая линия (скажем, грезы о Дарданеллах) обусловлена представлением о Западе как "центре Ойкумены". Прагматизм здесь, например, у Ростопчина или Данилевского, собственно, в пафосе обладания высокоценным пространством – и не более.

Турции и Балкан[15]. Полновесным ответом на двойной ("идеалистический" и прагматический) русский прессинг: и на хлопоты о европейском балансе, и на борьбу с революциями, и на славянские игры, и на жажду теплых морей – становится Крымская война. Начавшись с занятия русскими войсками основной части нынешней Румынии, она кончается отбрасыванием нашей страны от Средиземноморья и дунайского региона объединенными англо-франко-итальянскими силами при полном сочувствии Австрии и всей Германии. Правда, попытка Запада в начале 1860-х ультиматумами вытолкать Россию из восставшей Польши и части Прибалтики кончилась безуспешно, в основном из-за особой политики пруссаков.

Зато в 1870-х рецидив российского движения к Балканам солидарно обуздывается на Берлинском конгрессе Европой, постаравшейся, чтобы, освободив балканских славян от турок, русские не забыли уйти (во всех смыслах) из освобожденного края. Так 1870-е оказываются своеобразной кодой к первому циклу "похищения Европы" – кодой, вклинившейся в первую евразийскую интермедию, о которой ниже. С конца этого десятилетия англо-турецкий оборонительный союз, а затем и Тройственный союз немцев, австрийцев и итальянцев полностью закрывают нам путь на Запад и Юго-Запад. Так что Вильгельм II был в своем праве, когда, дружески деля между собой и Николаем II океаны, себе брал Атлантический, Николаю оставляя Тихий.

Цикл II

Ход А. С середины 1900-х, сделавшись одной из держав-учредительниц Антанты, Россия выходит из первой евразийской фазы, казалось бы, восстанавливая шансы и на престижное самоутверждение в Европе, и на возрождение прагматического Восточного вопроса о Дарданеллах. Как писал поэт,

"Мы старый решаем вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?
.....
И что же! Священный союз (так! – *В.Ц.*)
Ты видишь, надменный германец?
Не с нами ль свободный француз?
Не с нами ль свободный британец?"

В.Брюсов

---

[15] Поразительно, что некоторые отечественные и зарубежные авторы до наших времен называют российское стремление к расчленению Турции "мифом" (см., например, Кожинов В.В. Тютчев. М., 1994. С. 322 – вслед за А.Тэйлором). Словно не было плана Павла I с Ростопчиным, словно притязания этого плана, включая фразеологию ("Турция – больной человек Европы") и требования передачи Румынии и северной Болгарии во власть России, не были воспроизведены частично в знаменитых беседах Николая I с британским министром иностранных дел Дж. Абердином (1844 г.) и послом Великобритании в России Г.Сеймуром (1853 г.), а частично в личных заметках Николая, датируемых концом 1852 г. (см.: Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 56 гг. Т.1, Приложения, СПб., 1908. С. 357 и сл.; The New Cambridge Modern History, Vol.10, Cambridge, 1960, p. 470).

Роль России в **возникновении** Первой мировой войны – не путать с развязыванием войны! – надо оценить совершенно непредвзято. Как известно, провокационная локальная война Австро-Венгрии против сербов выросла в войну общеевропейскую через три ступеньки эскалации. На первой ступени Россия объявляет как демарш мобилизацию против австрийцев, но, не имея плана частичной мобилизации, а только всеобщей, она устремляет свои огромные резервы в направлении к обеим – и австрийской, и германской – границам. Тут в действие вступает германский план фон Шлиффена, и эскалация переходит на вторую ступень. Этот план возбранял немцам войну на два фронта, ибо до начала борьбы всерьез с русскими надлежало разбить французов ударом через нейтральную Бельгию. Но с появлением германской армии в Бельгии Англия присоединяется к России и Франции: оказывается достигнута третья ступень эскалации[16]. Локальный конфликт смог вырасти в великую войну из-за воплощения нашего покровительства сербам в план всеобщей мобилизации и стыковки последнего с планом фон Шлиффена по другую сторону границы, приведенным нами в действие и врубившим в полную мощь механизмы войны. На входе эскалации и на ее верхних уровнях решающую роль играла агрессия немецкоязычных государств. Но связаны были эти уровни исключительно акциями России с ее идеалистическим пафосом принадлежности вновь к европейскому "священному союзу", Entente cordiale, и вместе с тем прагматической, карпато-балканской и восточносредиземноморской озабоченностью, толкавшей нас навстречу Европе; точно в напоминание салтыковщедринского афоризма о глуповских выгонах, непосредственно соседствовавших с византийскими. Как отмечает советская "История Первой мировой войны", австрийцы и немцы сделали все, чтобы Россия предстала виновницей[17], – но ведь и она этому нимало не воспротивилась, наслаждаясь своей полной правотой в глазах союзников. Она снова была в Европе!

Борьба двух военно-политических линий, "идеализма" и прагматизма, на этот раз проявилась в развертывании русскими военных действий – в распределении нашим командованием под осень 1914-го сил и внимания между двумя частями Западного театра. Наступление против восточно-прусской группировки немцев, как известно, осуществлялось исключительно в поддержку бьющихся на Марне союзников и в ущерб блестяще начатым действиям в Прикарпатье, на недобранном в 1815 г. и давно интересовавшем Россию галицийском участке "территорий-проливов".

Ход В. Попытка через "священные союзы" с европейцами причислиться к "обществу политичных народов" кончилась в 1910-х сходно с тем, как и столетие назад, только хуже – из-за перенапряжения и внутренней заварушки. На попытку России, уже потерявшей Польшу и основную Прибалтику и дважды революционно сменившей власть, хит-

[16] История первой мировой войны. Т.1. М., 1975. С. 217–223.
[17] Там же. С. 219.

роумно выскользнуть из войны "без аннексий и контрибуций" она получает от "надменного германца" Брестский мир, включивший весь ареал "территорий-проливов" в зону центральноевропейской гегемонии, охватившей местами на юге и часть собственно русской платформы. А со стороны "свободных француза и британца" – интервенцию под предлогом не допустить превращения России в германскую сырьевую базу. Как и в начале XIX в., мы в нашем прагматическом аннексионизме слишком уперлись в Европу с ее внутренней борьбой, одновременно по нашему коалиционному идеализму принимая на себя излишние для неевропейского государства обязательства. Снова такая политика при первом серьезном сбое – а сбой 1915 – 1917 гг. был куда значительнее тильзитского! – оборачивается европейским нашествием на Россию: как "идеалисты", мы напрашиваемся на удар, а как прагматики, лишаем себя от него защиты.

Только теперь против нас шла не Пан-Европа, сплоченная вокруг озлившегося на нас гегемона: Россию пытались раскроить два лагеря, продолжавшие между собою ту европейскую войну, из которой большевики рассчитывали эмигрировать восвояси. На этот раз европейское расширение на восток было сорвано сразу и кризисным внутренним разделением Евро-Атлантики, и трайбалистским самоопределенческим восстанием "территорий-проливов", далеко отодвинувшим Россию и Европу друг от друга, затопляя их окраины.

Ход С. Частью этого "восстания проливов" стали локальные коммунистические революции 1919 г. в Венгрии и Словакии, сокрушенные румынами и чехами, а также агрессия Польши, сильнейшей из стран вновь коституировавшегося "проливного ареала", против Германии и России – в отношении России провалившаяся. Все эти события подтолкнули большевиков (после изгнания европейских войск из России и еще до окончания в ней гражданской войны) на бросок к Карпатам и Висле, вошедший в национальную память как поход "Даешь Варшаву, даешь Берлин!". Наказание зарвавшихся поляков и предполагаемое Лениным насаждение у них Советской республики неоспоримо должны были стать разведкой боем в направлении реализации открыто пропагандируемого Л.Д.Троцким и другими проекта "Соединенных Штатов Европы". Не зря Троцкий величайшим недостатком Рижского мира с Польшей от 1921 г. считал лишение нас доступа к германской границе[18]. Следующей и последней попыткой большевиков в том же ключе стала сорвавшаяся революция 1923 г. собственно в Германии.

---

[18] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 194. Ср. высказывания советских военных лидеров тех лет:
– "Назревавшие события на этой реке (Висле. – *В.Ц.*) представлялись очень веским вкладом в развитие международной революции". (Шапошников Б.М. На Висле. М., 1924. С. 22);
– "Из Восточной Пруссии, когда мы соприкоснулись с ней, к нам потекли сотни и тысячи добровольцев... Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции" (Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. Гл. 8 "Революция извне" // Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М., 1992. С. 62).

"Соединенные Штаты Европы" были идеократическим революционным проектом, сравнимым по престижности для молодого российского режима с консервативным проектом Священного Союза для Российской империи в XIX в. Что же касается заявлений большевиков-западников насчет удела России вновь стать после победы революции в Европе смирным отсталым государством уже в рамках социалистического европейского сообщества, то поимеем в виду: идеология российского похищения Европы легко сползает к пафосу "почетного самоубийства" России через ее слияние с платформой "политичных народов". Инкриминируемая троцкистам всеми кому не лень готовность якобы принести Россию в жертву европейской революции в этом смысле мало чем отличается от подавления в годы Священного Союза прагматических "национальных интересов" страны в Юго-Восточной Европе и на Балканах в пользу европейской идеи, – до сих пор вызывающей гнев у "державников" вроде В.Кожинова.

Ход D. Поддержка Польши Антантой в 1920 – 1921 гг. имитирует в ослабленном виде заступничество Европы за Турцию против нас в середине прошлого века, а "чудо на Висле" в 1920 г. и провал германской и болгарской революций в 1923 г. обозначили абортивный исход нового похитительского цикла. Откат России с части "проливов" был значительнее, чем за 70 лет до того, обернувшись в партийной жизни крушением троцкизма, а на уровне идеологии – поворотом к построению социализма в одной стране и к стратегии "осажденной крепости". С середины 20-х наступает вторая евразийская интермедия, и мэтр геополитики К.Хаусхофер в эту пору в своих обзорах мировой панорамы рисует Россию как государство, по своим интересам вполне погрузившееся в Азию.

Цикл III

Ход A. Хотя Версальская система своими кордонами надежно закрыла не только Европу от русской революции, но и Россию от сильных держав Запада; хотя с ближайшей из этих держав – Германией – отношения по 1933 г. были весьма теплы, а в Локарно (1925 г.) немцы решительно воздержались гарантировать участие в каких бы то ни было западных акциях против России, однако же со второй половины 20-х большевики не устают предрекать приближение новой войны. Не преуспев в середине 30-х с попыткой включиться в европейское устройство через антигерманский Восточный пакт, СССР в конце того же десятилетия, после краха Австрии и Чехословакии, приблизившего германские границы к советским, бодро солидаризируется с Третьим рейхом в разрушении версальских структур. Перефразируя Брюсова, скажем:

Мы снова решали вопрос:
Кто мы в этой старой Европе?

Поделив Польшу с Германией (вот и граница, желанная Троцкому!) и аннексировав Прибалтику, СССР смыкается наконец с воздвигающейся Пан-Европой "нового порядка", и не по ее вине он не смог себе вернуть наполеоновского подарка – Финляндии. Однако совершенно не внушает доверия гипотеза В.Суворова-Резуна о подготовке Сталиным в 1941 г. большой агрессии против Германии ради

"освобождения" и советизации Европы. Это какая-то проекция на 41-й год советских военных планов 70-х. По своим сверхцелям для советской стороны пакт Молотова – Риббентропа мало чем отличался от литвиновской идеи Восточного пакта, который бы позволял нам двинуть в Европу войска при намеке на агрессию Германии против любого из ее соседей. Обе версии сходились в одном: Россия стремилась вернуться в разобщенную Европу через какую-то из мыслимых форм новой Entente cordiale.

Кризис обозначился быстро. Претензиями касательно Юго-Восточной Европы, Балкан и Дарданелл Сталин острее, чем некогда Александр I, поставил под вопрос раздел сфер влияния, а заняв Бессарабию (т.е. повторив ход того же монарха от 1812 г.) СССР, и без того неумеренно привязавший германскую экономику к своей обилием поставок, теперь подступается к "жизненно важным" для Рейха румынским нефтяным месторождениям. Осенью 1940 г. Молотов протестовал против германских гарантий Румынии. Прошлое отзывалось русской оккупацией Молдовы и Валахии в 1806 – 1812 гг. и нашими боями против австрийцев на румынской реке Серет в Первую мировую войну. В глазах Гитлера его советский союзник превращался в последнюю надежду Англии[19].

Ход B. Цикл повторялся: вновь, как в XVIII – начале XIX в., политически "отменяя" обозначившиеся "территории-проливы", подступая к Европе вплотную, повязывая себя обязательствами перед гегемоном нового европейского порядка и вступая с ним в споры, ставящие выполнение этих обязательств под вопрос, Россия шла навстречу войне. Преддверием европейской агрессии и на этот раз становятся сбои в российской политике: неудавшаяся попытка поглотить Финляндию, диссонансы на переговорах Молотова с Гитлером осенью 1940-го, бесплодность советских демаршей весной 1941 г. во время германских акций на Балканах. И опять европейская – уже и евро-атлантическая – распря подхватывает Россию, и Пан-Европа тянется к Волге, возбуждая русских на "священную войну".

Ход C. Как и в предыдущих циклах, отбрасывание западной интервенции сменяется российским нашествием на Евро-Атлантику – нашествием, по виду грандиознее предыдущих. Через систему сюзеренитета, позднее закрепленную Варшавским договором, а еще позднее прозванную доктриной Брежнева, СССР вполне возобладал над "территориями-проливами", включая не только доминионы Австро-Венгрии, но и те германские, прусские и саксонские земли восточнее Эльбы, которые принадлежали к "проливам" в незапамятные времена второго крепостничества, уже давно втянувшись в коренную Европу. Хотя вопрос о Дарданеллах решить не удалось, советский военный флот неутомимо маячил в Средиземноморье – никогда еще Россия не была силой настолько **европейской**, как в третий приступ "похитительства" после Священного Союза и оборвавшегося "Даешь Берлин!" начала 20-х.

Ход D. Не надо здесь много говорить о сдерживании СССР Западом и системе евро-атлантической безопасности, в частности охватившей Турцию; о рассмотренном в "Острове России" феномене нашего

[19] Фест Й. Адольф Гитлер. Т. 3. Пермь, 1993. С. 230 и сл.

"инвертированного западоцентризма", который в конце концов привел к истощающей глобализации мировой активности СССР, дошедшего и до такого состояния, когда он "с кем хочет, с тем и граничит"; о выпадении из-под нашего протектората Югославии и Албании, отнявшем у нас позиции на Адриатике; о германских, венгерских, чешских, польских потрясениях, о фактическом ускользании от нас Румынии; о "хельсинкском процессе", о нефтяном надломе 80-х, о казусе Горбачева, восточноевропейских революциях и конце ОВД; наконец, о нынешнем отводе Россией войск с Запада на собственную ее платформу, получившем от публицистов прозвание "бегом марш из Европы".

Видим определенно: семантика четырех синтаксически изоморфных ходов во всех трех циклах однотипна, при всем разнообразии – впрочем, тоже относительном – исторических перипетий, каждый раз ложащихся все в тот же метасюжет. Во время хода *A* Россия разрушает пространственные преграды, отстраняющие ее от романо-германской Европы, и, параллельно, вовлекается в союзы, заставляющие ее кидать свой потенциал на весы европейского, а наконец, уже и евро-атлантического баланса. Так подготавливается ход *B*, наступающий при каком-то сбое в этой российской стратегии – проявляется ли этот сбой поражениями в войнах 1805 – 1807 гг., тупиковой военной ситуацией 1917-го г. или обнаружившейся слабостью СССР среди финских лесов в 1939 г. Содержанием хода *B* становится встречный поход Европы на Россию, прокатывающийся по "территориям-проливам" и начинающий захлестывать собственно русскую платформу. Этот поход бывает в двух вариантах. Либо его организует держава – гегемон Запада, раздраженная российским вмешательством в европейские дела; либо же силы, противоборствующие в евро-атлантическом мире, порознь, как конкуренты, вторгаются в Россию, перенося на ее землю свою распрю и обретая среди здешних элит свою агентуру (сравним отношения большевиков в 1917 –1918 гг. с немцами и австрийцами и разделение в ту же пору белого движения на группировки прогерманские и верные Антанте).

Следствием оказывается ход *C*: русское сопротивление интервенции после ее надлома переходит в контрпоход, Россия захватывает и подчиняет "территории-проливы", местами проникает на земли романо-германской Европы, перед которой встает видение русского домината. Ход *D* сводится к тому, что Запад сдерживает Россию то холодной, то – в исключительном случае – горячей войной, пока мы не отступаем к себе на длительное время (от 10 – 15 лет до полувека), ослабляя давление на европейскую платформу. При исчерпании каждого "похитительского" цикла наблюдаем возникновение "серых", не контролируемых вполне ни Россией, ни Западом зон на "территориях-проливах", участков перманентного неблагополучия. Таковы независимые и квазинезависимые балканские образования, возникающие в 1850-х, а также и конце 1870-х и узаконенные Берлинским конгрессом; такова вся "версальская" Восточная Европа 1920-х и 30-х; сходную картину этот ареал являет и в наши дни.

В истории отношений европейских государств между собой и с миром афр-азиатским, как и в прошлом азиатских платформ, нам, пожалуй, не найти ничего, подобного такой цикличности. До начала XVIII в. ее не обнаруживаем и в нашей истории: скажем, отражение

поляков и шведов в начале XVII в. не переродилось ни в какую русскую угрозу Западу. В политике США известное чередование периодов внешней ангажированности и изоляционизма, отличаясь хронологической ритмичностью[20], не дает повторяемости событийной, сюжетной. Применительно к России наоборот – здесь изоморфные, событийные циклы, отмечающие эпоху "похищения Европы", протекают в неодинаковых временных ритмах, то ускоренных, то замедленных. Первый цикл (с 1710-х по 1850-е и с кодой в 1870-х) наиболее растянут. Второй (с середины 1900-х по первую половину 1920-х) крайне спрессован – считать его начало с франко-русского соглашения 1891 г. едва ли правомерно. В нем ходы *C* и *D* лишь намечены и не вполне отчетливы в абортивной ускоренности протекания, уже частично совмещаясь с началом последующей интермедии. Третий цикл (со второй половины 1930-х по начало 1990-х) имеет среднюю продолжительность, хотя в нем ход *D* сильно растянут. Различие в скорости протекания циклов и отдельных ходов, по-видимому, должно быть связано с особенностями хозяйственной и военно-политической динамики тех эпох в истории Запада, на которые приходится каждый новый приступ возобновляющегося российского "похитительства".

Как я уже говорил, дополнительным критерием для выделения циклов является их размежеванность более или менее длинными евразийскими интермедиями, когда при снижении активности России на европейском и средиземноморском направлениях растет ее вовлеченность в дела Средней и Центральной Азии и Дальнего Востока.

Евразийская интермедия 1 охватывает срок со второй половины 1850-х по середину 1900-х. На это время пришлись покорение Средней Азии и первая попытка под 1885 г. продвинуться в Афганистан; многочисленные русские экспедиции в Монголию и Тибет; в начале этой интермедии стоит занятие русскими междуречья Уссури и Амура, а под конец – экспансия в Корее и Маньчжурии и русско-японская война. Пределы интермедии кладут наши соглашения с Англией и Японией в 1907 – 1912 гг., установившие границы азиатским интересам России и отметившие наш поворот к Европе в контексте Антанты. В плане культурном об этом времени прозорливо писал Мандельштам, как о "домашнем периоде русской культуры", который "прошел под знаком интеллигенции и народничества", о поре "отпадения от великих европейских интересов, отторгнутости от великого лона, воспринимаемой почти как ересь". Он датировал эту эпоху, "начиная с Аполлона Григорьева", – для нас это значит: с Крымской войны[21]. Это время горчаковского сосредоточения России и победоносцевской ненависти к Европе; время, когда народники прокламировали "некапиталистический путь", Достоевский призывал русских найти себе новую судьбу в Азии, а Толстой потрясал православие проповедью своеобразного "буддизированного" христианства.

Евразийская интермедия 2 – это 20 – 30-е годы, время включения в уже созданный СССР Средней Азии, ее национально-территориального межевания и подавления басмачества, превращения Монго-

[20] См.: Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С.71.

[21] Мандельштам О.Э. Барсучья нора. // Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М., 1991. С. 271.

лии в советский протекторат, ангажированности в Китае и дальневосточных битв с Японией, в том числе на монгольско-китайской границе. Как уж говорилось, это "эпоха социализма в одной стране", – но в такой же мере золотой век эмигрантского евразийства. Все говорит об окончании этой евразийской интермедии где-то к началу 40-х: и настороженное отношение Сталина к революции Мао Цзэдуна; и ограниченность вовлечения СССР в корейскую войну по сравнению с Китаем; и та легкость, с которой наши вожди шли в 1950-х на отказ от многих военных дальневосточных приобретений (уступка Китаю Дайрена и Порт-Артура, готовность вернуть Японии часть Южных Курил). Похоже, война с Японией в 1945 г. была войной "не по фазе", оправданная лишь как реванш за 1905 г., но реванш скорее демонстративный, успокаивающий самолюбие, нежели материальный. Эта победа скорее должна была закончить незакрытые счеты на Дальнем Востоке – никаких перспектив в то время она не открывала.

Само по себе наличие продолжительных евразийских разрывов в нашем напоре на Европу (Евро-Атлантику) позволяет установить важнейший факт: нарастание напряжения между Россией и Западом в последние три века никогда не начиналось с открытого вызова Запада нам, с того, чтобы силы коренной Евро-Атлантики вторглись на контролируемые нами "территории-проливы". Всегда в начале цикла стоит наш вызов, даже тогда, когда со стороны Европы задолго планировался ход *В*. Так, биограф Гитлера Й.Фест отмечает, что для агрессии против России-СССР фюрер стремился предварительно дать нам оккупировать часть Промежуточной Европы (толкнув нас сделать ход *А*). И уж несомненно, что приходу Пан-Европы под Москву и на Волгу в огромной мере способствовало решение Сталина избавиться от буферной Польши в любом ее виде[22]. Но сам этот русский вызов на начальной стадии цикла – во время хода *А* – никогда не выглядит антиевропейской агрессией. В это время Россия навязчиво, часто себе в ущерб стремится оказывать союзнические услуги Западу ради одного лишь присутствия на европейском "театре славы", между тем прибирая к рукам "проливные", "серые" территории, делающие по мере их русификации нашу западную границу все европеистее. Иначе обстоит дело в период, соответствующий ходу *С*, уже после западной агрессии. Тогда возможны и готовность Александра I воевать со всей Европой за Польшу, и "Даешь Варшаву, даешь Берлин!", и планы войны, "как ядерной, так и обычной", за изгнание американцев из Европы и Азии. Взбуханию российского гегемонизма всегда предшествует западная интервенция, но саму эту интервенцию столь же неизменно предваряет и подготавливает наше навязчивое присутствие в делах этого субконтинента из жажды геополитически избыть наше островитянство. Мы всегда оказываемся "в плохое время и в плохом месте": и эти плохие время и место для русских – европейская платформа периода акме евро-атлантической цивилизации и ее первичного надлома. Это – не наши время и место, независимо от того, как конкретно к нам относится мир, с которым мы себя пытаемся отождествить.

А на разных ступенях наших "похитительских" циклов мы видим разницу в реакции Запада. Реакция прямого отторжения и отбрасыва-

[22] Фест Й. Указ. соч. С. 139, 201.

ния России, типичная для хода *D* в каждом цикле и для начала евразийских интермедий (Крымская война, ультиматум Запада во время польского восстания 1860-х, в какой-то мере Берлинский конгресс; а через цикл – блокада начала 20-х, нота Керзона, антирусский дух Локарно), сменяется к концу интермедии и во время хода *A* в следующем цикле стремлением тех или иных евро-атлантических государств утилизовать в своих видах эту напрашивающуюся в игру чужеродную силу: напомню франко-русский договор 1891 г. и создание Антанты, соответственно германский и англо-французский зондаж России-СССР в конце 30-х. Между прочим, цикличностью собственных ответных отношений Запада к России, их обычным потеплением в интермедиях, может во многом мотивироваться замечательная терпимость демократий к сталинскому режиму "осажденной крепости", сменяющаяся с середины 40-х, по ходу С, совсем иным отношением к СССР – сокрушителю Третьего рейха.

История лишила русских наилучшего для них варианта, когда бы некое непредставимое бедствие напрочь уничтожило Европу, дав нам возможность развивать свою собственную цивилизацию под самозваным именем "европейцев". Подобно тому как ликвидация варварами Римской Империи дала византийцам, помеси греков с переднеазиатами, право навешивать на свою цивилизацию "ромейский", т.е. римский, титул, без оглядки на те цивилизационные обязательства, которые он мог бы потребовать при ином состоянии " латинского мира".

Как же оценить наше время, годы "бегом марш из Европы"? Весь период за Хельсинкскими соглашениями 70-х, отмеченный афганской войной, а после ликвидации СССР боями на таджикской границе; наблюдаемое с начала 90-х болезненное переживание русской общественностью южнокурильского вопроса и "ползучей китаизации" Приморья; пропаганда Жириновского и интеллигентская мода на евразийскую фразеологию, проникшая наконец и в язык официальных лиц России; назревающая проблема Северного Казахстана – все эти приметы, казалось бы, должны свидетельствовать о начале евразийской *интермедии 3* в нашей геополитике. В пользу такой оценки говорило бы и очень медленно спадающее напряжение "холодной войны", переходящей в войну "теплую", по речению А.А.Зиновьева, и постоянно долетающие из сообщества "политичных народов" голоса – то о необходимости международного контроля за каждым использованием российских солдат-миротворцев, то о неизбежности для Запада дать гарантии против России ее соседям, то о желательности образовать из территорий, сброшенных Россией, некий ей противовес и т.д. Для всех начал евразийских интермедий подобное типично – тянет духом Парижского мира и духом Локарно.

Если все идет, как шло в предыдущие три века, подчиняясь все тем же ритмам, чего нам следовало бы ждать в наступающем веке?

Сперва тянулась бы евразийская фаза *3*, заботящая Россию Приморьем, Средней Азией и регионом, где сближаются платформы Индии, Китая и Среднего Востока. Затем настал бы четвертый "похитительский" цикл, инспирированный развитием отношений между государствами-лидерами Евро-Атлантики. Ход *A* состоял бы в нашем сближении с той из сил мирового центра, которая объявит о необходимости "сильной, демократической России" для глобального равновесия и даст

знать, что не была бы против включения в сферу влияния, а то и в состав "сильной, демократической" (по исторической памяти) некой части восточноевропейских "территорий-проливов". Разумеется, такое благоволение оказывалось бы России в перспективе привлечения "сильной, демократической" к блоку, направленному против другого евроатлантического гегемона или против натиска на Евро-Атлантику с Юга. После некоего сбоя России на этом пути настал бы час хода *B*, несущего проекцию Западом силы на Россию скорее в варианте 1918, чем 1812 или 1941 г., т.е. с устремлением сил Евро-Атлантики на дележ и освоение разных российских регионов, появлением у державных конкурентов союзников и групп поддержки среди российских элит и т.д. Если бы центростремительные силы в России преодолели этот кризис, то ход *C* перевел бы его в новый прилив агрессивного наступления России на Евро-Атлантику, гегемонистского "собирания" континента ради "избытия на будущее подобных угроз" и т.п. Так было бы и так будет, если великая эра русского европеизма еще не окончена и нас не отпустила дурная бесконечность "похитительства". В частности, именно такую динамику нам сулят доктрины наших "новых правых" с их идеями "евразийского, антиатлантистского гроссраума".

Но нетрудно разглядеть и признаки, опровергающие аналогию между нынешней эпохой и другими евразийскими фазами. Такие фазы всегда характеризовались движением русских на юг, в направлении к азиатским платформам, – сейчас же мы видим едва ли не более массовую миграцию русских, покидающих прежние южные республики СССР. Вся евразийская проповедь "диалога" со среднеазиатами споткнется о то, что скоро в самой Средней Азии с русской стороны некому будет вести этот диалог. Жириновского с его "бросками" на юг подвело его обычное чутье к веянию времени. При нынешнем росте бытового расизма в России многие согласятся с лидером ЛДПР в трактовке юга как некой опасности для нас. Но мало кто захочет бороться с этой опасностью, инкорпорируя ее источники в саму Россию и занимаясь полицейским умиротворением миллионов азиатов. Правдоподобней, что нынешние тенденции потянут в том направлении, которое 60 лет назад предчувствовал и прочертил наш славный богослов Г.В.Флоровский, писавший: "...всю русскую Азию... необходимо узнать и освоить, понять ее государственный смысл и вес, – но это должно в последнем счете вести к оформлению и укреплению восточной границы России"[23]. Сюда же относится и написанное мною выше о "синьцзяно-корейском поясе".

Нас ждет, по-видимому, не евразийская интермедия *3*, но период пространственного отвердения нашей этноцивилизационной платформы в контраст с евразийской межцивилизационной полосой. Это – время, которое я скорее назвал бы "контревразийской фазой". Открывается ли здесь также и возможность оборвать карму нашего европеизма с его "похитительскими" приливами?

Вообще в структуре рассмотренных циклов можно наблюдать следующие – не скажу, закономерности – особенности, небезынтересные для обдумывания нашего будущего. Во-первых, наше продвижение на

[23] Флоровский Г.В. Евразийский соблазн. // Россия между Европой и Азией... С. 257.

Запад по ходу *A* в каждом цикле становится все более куцым. В 1905 – 1915 гг. мы не приобрели ничего нового, по сравнению с циклом I, и наши планы так же, как тогда, не простирались дальше Дарданелл. Наконец, в 1939 –1940 гг. мы лишь частично восстановили приобретения первого цикла, утерянные в 20-х. Кроме того, в третьем цикле намного убывает степень коалиционного вовлечения России по ходу A в дела коренной Европы: вопреки ожиданиям Гитлера, Сталин совершенно не намеревался вступать в войну с Англией. Ясно, что именно в цикле I ход *A* составил максимум нашей экспансии в западном направлении, возможный на этом ходу.

Далее, европейский встречный напор на Россию (ход *B*) при одинаковой безуспешности тем не менее от цикла к циклу становится пространственно шире, охватывая все большие площади русской платформы. Что касается хода *C*, то во втором цикле он был слишком резко укорочен, поэтому ограничимся сравнением по циклам I и III. Это сопоставление обнаруживает неизмеримо меньшую глубину нашего прямого интервенционистского проникновения в Европу в XX в. (в первый раз взяли Париж, во второй – остановились на Эльбе). Конечно, на этот раз российская **зона влияния** вобрала в себя значительную часть "австро-венгерских" и иных придунайских пространств, чем осуществились некоторые честолюбивые мечты прошлого, но нельзя упускать, что эта экспансия совершалась через систему сюзеренитета, тогда как в собственно геополитическое тело России была включена лишь Восточная Пруссия.

Наконец, для хода *D* характерен **постоянно** от цикла к циклу возрастающий откат России с "территорий-проливов": после 1850-х Россия постоянно теряет то, что приобрела в первом цикле, и на своем западе мало-помалу стремится к допетровским контурам.

Между прочим, подобное наблюдаем и в отношении евразийских фаз-интермедий. В евразийской фазе 1 Россия не только овладела Средней Азией, но вступила разведывательными экспедициями в **подлинную** Центральную Азию, с Тибетом и Монголией (не смешивать с тем, что мы нынче зовем "Центральной Азией" с подачи среднеазиатов и казахов!), а заодно обняла своим влиянием значительную часть Восточного Китая. Странный, если вдуматься, интеллектуальный ход Х.Маккиндера, полагающего великий хартленд (ключ к господству над Материком) примерно в Монголии и вместе с тем трактующего как владычицу хартленда Россию, объясняется на деле просто – формированием теории Маккиндера в самом начале XX в. на высшем всплеске нашего первого геополитического евразийства со знаменитыми центральноазиатским хождениями Пржевальского, Козлова и др.

Во время второй евразийской фазы были лишь в некоторой, довольно ограниченной степени восстановлены достижения первой. Наступающее контревразийское время будет ознаменовано ограничением российского присутствия в Средней Азии и стремлением сохранить приморские и восточносибирские позиции перед китайским нажимом.

По итогам циклов и фаз мы можем констатировать убывание от цикла к циклу как масштабов "похищения Европы", так и размеров последующего евразийского всплеска. Эта тенденция оказалась в цикле III затушевана масштабностью нашего дисперсного интервенционизма по всей Ойкумене в противовес ставке Запада на ограничение наших возможностей в Евро-Азии. Наш империализм почковался десантами в Никарагуа и Анголу, между тем как его подорванные европеистские и континенталистские корни уже очевидно засыхали. Так подготавливалось возвращение на "остров".

Кроме того, надо сказать несколько слов о феномене раздвоения российской внешней политики XVIII – первой половины XIX в. между прагматикой и "идеализмом". Я не могу солидаризироваться с некоторыми нашими теоретиками (в том числе с А.А.Кара-Мурзой), видящими здесь выражение имперской заидеологизированности, побуждавшей правителей России пренебрегать национальными интересами. Ничего подобного мы не обнаружим в истории иных империй, будь то Британская или Австрийская. Зато эта наша особенность имеет четкую параллель в общеизвестном противоборстве "идеалистической" и "реалистической" парадигм американской политики XX в. Я утверждаю, что в обоих случаях эта особенность обусловлена фактической дистанцированностью обеих держав от реального географического пространства тех регионов, с судьбой которых они идеологически связывали свою, отсутствием у них с этими регионами "тотального геополитического поля". Природу нашего внешнеполитического идеализма еще в конце XVIII в. точно сформулировал Ф.В.Ростопчин, перечислявший войны, в которых "все европейские державы подвержены были опасности неоднократно лишиться – иные части, а другие всех их владений, Россия же – никогда ничего: но со всем тем во всех ее трактатах с иностранными державами она принимала на себя обязанность помогать или войсками, или деньгами, а часто и ручательство их владений"[24]. Однако то, что в войнах первого цикла по ходу *A* Россия не рисковала потерять "никогда ничего", как раз и объясняется ее отстоянием от мира, частью которого она себя объявляла. На деле же и американский, и российский опыт показывает, что государства, колеблющиеся в выборе между "идеалистическим" и "прагматическим" вовлечением в дела некоего региона, всегда имеют перед собой также и "третью альтернативу" – изоляционистское самоустранение от дел данного региона вообще. И эта "третья альтернатива" неизменно присутствует как возможность в самоопределении двух великих "островов", физико-географического и цивилизационного, Северной Америки и России.

Нетрудно заметить, что от цикла к циклу разрыв между нашей "прагматической" и "идеалистической" активностью на Западе снижается сообразно с возрастающим масштабом напоров Евро-Атлантики на Россию во время хода *B*. В цикле III вообще весь "идеалистический

[24] Записка графа Ф.В.Ростопчина... С. 108.

интервенционизм" был вынесен в третий мир. Полицейские же акции СССР в восточноевропейской сфере его влияния, вроде "экспедиций" в мятежную Венгрию и "диссидентствующую" Чехословакию, оказывались сугубо реалистически обусловлены "прифронтовым" характером этих государств, боязнью сразу же их потерять в случае военного наступления Запада. Синдром 22 июня 1941 г., память о грозном движении коренной Европы к Москве и Волге не оставляли возможности для обычного в прежние века "островитянского идеализма" российских европейских игр, когда страна в них не слишком рисковала. Возникло положение вещей, при котором присутствие русских впритык к Европе оказывалось и все более прагматичным, почти лишенным собственно престижного привкуса бескорыстной прикосновенности к "центру цивилизации", а в то же время непрямым, опосредованным системами "народных демократий" и раскиданных по ним военных баз. Все свелось к тому, что мы худо-бедно держали крайне мягкий сюзеренитет над "проливами", обнаруживая абсолютную неспособность (несмотря на все попытки особой политики в отношении Германии и Франции) как-то воздействовать на расклад полностью отторгнувшей нас коренной Евро-Атлантики. А между тем слабость нашего реального владычества над "территориями-проливами" проявлялась в элементарном обстоятельстве: в то время как усилия наши концентрировались на передней линии обороны, более тыловые области, вроде Румынии, могли демонстративно ускользать из-под нашей эгиды[25].

Сжатие России начала 1990-х, снова вполне сделав ее "островом", вернуло ей возможность "идеалистической" политики в Европе (какова, например, вся наша нынешняя политика на Балканах). XVIII век как бы только начался.

Я не верю в новый четвертый цикл "похищения Европы"... И, однако, я страшусь его, с той его чудовищной неорганичностью, которую он способен представить своим плевком против конъюнктурного ветра мировой и русской истории.

"Идеалистическая" линия нашей политики XVIII и первой половины XIX в., сплошь построенная на коалиционных играх, побуждавших русских двигать войска туда и тогда, куда и когда это нужно было союзникам, пользуясь их территориями как плацдармами и, однако, оставаясь вполне чуждыми минуемым по пути землям, – эта "идеалистическая" линия, взятая изолированно, дает нам тип русского геополитического "европеизма без континентализма" и без территориального раз-

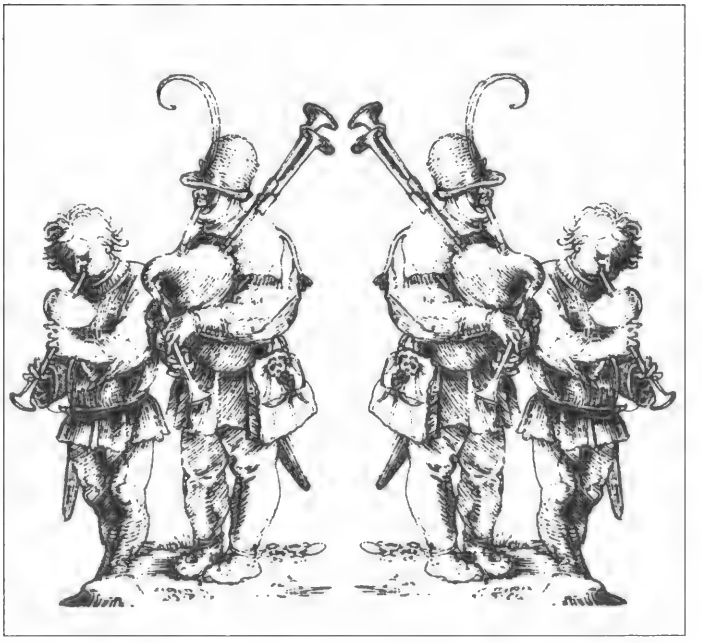
[25] Надлом глубинной установки на геополитический европеизм выразился не так даже возвращением столицы в 1918 г. в Москву под натиском Европы (ход *В* цикла II), – что в конце концов можно мотивировать тогдашними временными требованиями безопасности, – сколько отсутствием в годы нового "имперского возрождения" (цикл III) каких бы то ни было проектов нового смещения политического центра империи на запад. Максимум военно-технического нажима на Европу соединился с деградацией установки, лежащей в основе этого натиска, – отсюда и дух скуки, витавший над нашим имперством последние десятилетия СССР.

растания, тип "престижной", т.е. бескорыстной и неблагодарной, маеты. Как "идеалисты" русские западники могли и могут обретаться вне Европы, мня себя **ее** "островитянами", европеистский же прагматизм нас делает экспансивными континенталистами, хотя вечно искушаемыми самоотдачей чужой истории.

Так вот какой выбор перед нами встанет в XXI в.: признать наш уход из Европы как решение, вычленяющее Россию с ее прагматикой из пространств континента; снова предстать захватчивыми континенталистами-прагматиками, для Запада опасными, а значит и интересными (тем самым повысив на время внимание "мирового цивилизованного" к Большому театру и русской литературе); или изображать из себя "европейцев вне Европы" на бесплатной службе у того же "мирового цивилизованного", часто рискуя оказаться перед миром глупцами по опрометчивости наших ангажементов. Но, выбирая любой из двух последних вариантов или их комбинацию, надо помнить: за ходом *A*, возвращающим нас в Европу, должны с высочайшей вероятностью последовать дальнейшие ходы все того же "похитительского" четырехтактовика. Хотим ли мы прокрутить его еще раз?

ВЕК ТРАНСФОРМАЦИИ ВЛАСТИ

С. ЧЕРНЫШЕВ



Главное, что вносит неопределенность в вопрос о судьбе преобразований в России, — отсутствие субъекта каких-либо преобразований. Что касается «постперестроечного» общественного самосознания — оно переживает фазу стремительного оформления, свидетельством чему служит, в частности, появление «Иного». Идеологическое пространство, в котором предстоит действовать грядущему субъекту реформ (когда и если он появится), эскизно очерчено в предлагаемой работе.

Диалог русской идеи и российской власти зашел в тупик. Долгие годы Власть и Идея говорили на разных языках. В настоящее время они окончательно перестали слушать друг друга. Чтобы разобраться со сложившейся ситуацией, в работе используется объемлющий *метаязык*, который позволяет держать в поле зрения такие понятия, как *власть*, *идея*, *идея власти* и *власть идеи*.

© Черныщев С.Б., 1995

С. ЧЕРНЫШЕВ

ТЕЗИСЫ*

Вначале – слово Ивану Ильину:

> *"Кто берет власть, тот берет не только полномочие и не столько полномочие, сколько* ***обязанность властвовать****. Он принимает тем самым не только высший ранг и почет, но и высшую* ***ответственность и опасность****.*
> *Возле власти – возле смерти.*
> *К государственной власти должны восходить* ***лучшие*** *люди. И тот, кто требует доказательств для этого тезиса, тот одним этим требованием своим обнаруживает упадочность и извращенность современного правосознания.*
> *Только тот государственный строй на высоте, который* ***действительно организует*** *отбор таких людей,* ***лучших*** *людей* ***к власти****; и всякий другой строй (какое бы историческое название он ни носил – "самодержавие" или "демократическая республика") – обречен на разложение и крушение.*
> *И пусть никто не говорит, что это "элементарно" или "общеизвестно"; что это якобы "старая пропись"... Ибо из-за попрания этой аксиомы Россия рухнула на наших глазах...*
> *Получающий власть (безразлично, в каком объеме) получает в свое распоряжение часть драгоценнейшего всенародного достояния, выношенного и выстраданного веками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными велениями – есть общенародное сокровище, плод многих страданий и долгой культуры".*

ПРОБЛЕМА: ЯЗЫК ВЛАСТИ И ЯЗЫК ИДЕИ

Вопрошающий сегодня о прошлом, настоящем и будущем России – на каком языке желал бы услышать ответ?

Казалось бы – что за вопрос? На русском. Да хоть на английском! Лишь бы ответ.

То есть, понятное дело, подразумевается (это уж мы подыгрываем недоумку, предвидя следующий контрвопрос), что ответ должен состоять из слов, которые наличествуют в словаре и притом употреблены в сочетаниях, не противоречащих синтаксису и здравому смыслу.

В таком случае рассмотрим примеры.

– Где я? – пролепетала миледи, очнувшись.

– В квадрате Альфа-Семнадцать! – отреагировал бравый майор...

Или вот еще:

"Плывет... Куда ж нам плыть?"

– Да к регулируемому рынку, Александр Сергеич!

---

* Текст представляет собой стенограмму выступления на международном симпозиуме "Куда идет Россия: альтернативы общественного развития" – 94 с добавлением фрогментов из стенограмм заседаний аналитического клуба "ГРУППА БЕССМЕРТНЫХ".

На эти шуточки вопрошающий может отреагировать в том плане, что вы, мол, нас не запу'таете и что вам нужны словесные ухищрения, а нам – великая Россия.

То есть предлагается объясняться все на тех же пальцах. Трех. Но тогда не стоит ожидать, что из них вдруг может сложиться какая-то принципиально новая комбинация.

В чем состоит русская Идея? Пусть даже мы закроем сейчас глаза на жизненную катастрофу целого поколения мыслителей "серебряного века", так и не нашедших ответа, и попытаемся подойти к вопросу "абстрактно". Все равно, прежде чем всерьез говорить на эту тему, хорошо бы рассмотреть три-четыре примера ответов на аналогичные вопросы. Скажем, в чем идея Германии, Болгарии или Верхней Вольты? То есть любой ответ, понятный вопрошающему, представляет собой выбор слова (или нескольких слов) из словаря известного ему языка. Так что это за словарь? Что это за язык?

А теперь встречные вопросы к вопрошающему. Он употребляет иноязычные слова "приватизация", "парламент" (или "монархия", "патриотизм"). Из какого словаря, какого языка они позаимствованы? Какие еще слова из этих словарей ему известны? И умеет ли он из них складывать правильные предложения?

Мораль проста: когда вопрошающий обращается к оракулу или публицисту за ответами на классические вопросы о том, кто мы, куда идем и откуда, он должен приложить к запросу *список слов*, из коих ответ должен быть составлен. И если списки истца и ответчика совпадают – перо автора и мозги читателя скрипят в унисон. Если же общий список пуст – любой, сколь угодно судьбоносный ответ отзовется гулом пустой корыстной жести...

Компьютерные "пользовательские" программы типа "Нортон" учитывают это обстоятельство самым явным образом. На экране постоянно присутствует либо полный список слов, с которыми пользователь может обратиться к компьютеру, либо (в силу того, что слов слишком много и они не помещаются на экране) полный набор рубрик-ячеек, по которым, следуя определенному правилу, разложены все такие слова. Роль "правила" обычно играет таблица, "дерево" (граф) или просто алфавитный указатель. Любое обращение к компьютеру – все равно, с вопросом или с командой – сводится к тому, что надо несколько раз подряд осуществить выбор, "ткнув пальцем" в одно из набора слов, появляющегося на экране.

Важно осознать эпохальный смысл данного изобретения. Слово "компьютер" (буквально: "счетная машинка") вводит в серьезное заблуждение. Перед нами – объективированный и материализованный *язык*, впервые отделенный от человека-носителя. На экран монитора проецируется уровень слов-символов языка, а связи между ними и их интерпретации (синтаксис и все прочее) упрятаны под крышку чудоприбора.

Вот и я предлагаю идеологам и политикам посидеть рядом со мной у воображаемого компьютера, на экране которого изображена примерно следующая таблица:

Форма сознания [Мера]	Миф-магия [Воля]	Религия [Вера]	Идеология [Интерес]
Форма общения [Мера]	Война [Сила]	Политика [Власть]	Рынок [Деньги]
Форма производства [Мера]	Технология [Энергия]	Организация [Информация]	Экономика [Стоимость]
	Традиция	**Культура**	**Цивилизация**

Общее устройство предлагаемого мною языка-посредника описано в книге "Смысл"[1], а основные цели его использования – в статье "Порог истории", вошедшей в состав первого тома "Иного". Этим я вовсе не хочу сказать, что читать дальше могут только те, кто ознакомился с двумя указанными сочинениями. Речь об ином.

Диалог русской идеи и российской власти зашел в тупик. Говорить о глухоте современных властей к каким-либо идеям стало банальностью. Но глухота идеологов к проблемам власти ничуть не меньше. Те из них, которые по видимости откликнулись на ее немой призыв, на деле совершили нечто бессмысленное: они ушли во власть и стали ее частью, аппаратчиками, потеряв качество носителей и представителей идеи.

Долгие годы Власть и Идея говорили на разных языках. В настоящее время они окончательно перестали слушать друг друга. Чтобы разобраться со сложившейся ситуацией, нужен некий объемлющий *метаязык*, который позволил бы держать в поле зрения такие понятия, как *власть*, *идея*, *идея власти* и *власть идеи*. Первые три кратко рассматриваются ниже. Проблематика последнего относится к третьему тому "Иного".

ИДЕЯ БЕЗ ВЛАСТИ

Главное, что вносит неопределенность в вопрос о судьбе преобразований в России,– отсутствие субъекта каких-либо преобразований. Со времен поздней перестройки "пошел процесс" по преимуществу естественноисторического, природного характера. А природные процессы, в отличие от сознательно проектируемых и направляемых, обычно непредсказуемы.

Что касается идеи потенциальных преобразований – она переживает фазу стремительного оформления. Пространство, в котором предстоит действовать грядущему субъекту реформ (когда и если он появится), можно уже сегодня очертить следующими понятиями.

1. *Кризис переживает не столько собственно Россия, сколько наши представления о ней.* Есть некая естественная органика социального бытия, которое течет без каких-то привнесенных извне или неорганичных катастроф. И есть совершенно разрушительный взгляд общества на самое себя, "взламывающий" эту органику через неадекватные

[1] Чернышев С. Смысл. Периодическая система его элементов. М., 1993.

действия властей, мифы и психозы, нагнетаемые средствами массовой информации, разнообразные личностные кризисы и множество других путей.

2. *Дефект нашего мышления о самих себе, его кризисность проявляется уже в том, что это мышление дихотомично*, т.е. основано на дуальных оппозициях, парах противоположных понятий (Запад – Восток, открытое общество – закрытое общество, прогресс – реакция, демократия – тоталитаризм, целое – часть и т.п.).

Проблема не в том, что такое мышление порочно само по себе (оно благополучно существует тысячи лет, доказало свою практическую эффективность для массы задач), а в том, что применяется к такому предмету, как Россия, про которую на всех заборах написано, что она – не Восток и не Запад, не Европа и не Азия, не такая и не сякая. "Третьего не дано" не есть закон природы. Это всего лишь закон одной из систем логики, который мы применяем к такому предмету как Россия. А **Россия по самому своему определению есть *Иное***, "третье", всегда нечто "между".

В результате, когда мы используем эти испытанные импортные понятия, все сформулированные с их помощью вопросы про Россию оказываются бессмысленными. Какой должна быть идеология российских реформ? Какова система национальных интересов России? Каковы основные направления модернизации нашей экономики? Повторяю, не ответов на эти вопросы нет, а сами они по отношению к этой заколдованной стране изначально не имеют смысла.

Если мы имеем дело с чем-то, по своему определению являющимся неким "третьим", *необходимо перейти от двоичной логики к троичной*, где хотя бы три базовых начала. Это – не переход к абсолютной истине, а просто шаг в использовании более адекватных понятийных конструкций, моделей и взглядов на общество. Далее будет кратко изложен вариант такого "троичного" взгляда на Россию и на то, что с ней происходит.

3. Всякий общественный организм можно рассматривать как трехслойный. В нем есть самый древний слой – назовем его "традицией"; следующий за ним, назовем его "культурой"; и самый исторически новый, называемый ниже "цивилизацией". В разных обществах соотношение между ними различно, но в каждом обществе в той или иной степени, особенно в XX веке, все три слоя представлены (даже в странах тропической Африки можно найти свидетельства "цивилизации" в виде телевизоров, асфальта и пародии на "парламент"). В зависимости от того, какой из слоев является наиболее исторически укорененным в данном социуме и определяющим собою два других, можно упрощенно говорить о трех идеальных типах обществ: *обществе традиции*, *обществе культуры* и *обществе цивилизации*.

Эти три идеальных типа (в веберовском смысле) можно соотнести с членением, которое возникло в политологии после Второй мировой войны, а именно: Первый мир, Второй мир и Третий мир. В этих тер-

минах *Россия преимущественно должна рассматриваться как общество второго типа, или общество культуры.*

Что такое общество культуры? Прежде всего это некая понятийная рамка, вмещающая колоссальное разнообразие очень по-разному устроенных обществ. Некоторое представление, какими могут быть общества культуры, дает, скажем, зрелая Римская империя.

В этих понятийных координатах Россия больше не проваливается в щель между "востоком" и западом", не выглядит ни промежуточным, ни недоношенным, ни застрявшим вариантом социума. Это вполне нормальный классический представитель общества второго типа – общества культуры, в котором есть замечательная литература, музыка, живопись, прекрасно поставленное образование, люди прилично одеты, но при этом в общественных местах хронически наплевано, транспорт ходит с перебоями и асфальт с выбоинами. Иными словами, с цивилизацией большие проблемы.

Для обществ традиции, как наиболее близких природе, характерен процесс как бы естественного роста, имеющий вполне естественные, природные ограничители. Общества культуры, коим свойственна имперская форма, развиваются в форме экспансии, которая также ограничена и географическими факторами, и силой сопротивления соседей. Наконец, общества цивилизации замыкают единую сеть мирохозяйственных связей, и эта система целиком и полностью покрывает поверхность земного шара пленкой экономических отношений. А дальше экстенсивное развитие упирается в собственные границы, ибо расширяться в пустоту уже некуда. Общества цивилизации переделили весь мир, столкнулись друг с другом, и все это завершилось Первой мировой войной.

4. Между Первой и Второй мировыми войнами происходит некое таинство, прорыв в метаисторическое зазеркалье: из Истории № 1 в Историю № 2. Для описания этого введем еще одно новое понятие, также используя для него знакомое слово – "*трансформация*"[2]. Вторая часть этого слова намекает на идеальные типы, для которых Маркс придумал понятие "формация" (рабовладение, феодализм, капитализм и пр.).

Как отличить трансформацию от модернизации? Модернизация – вещь очень простая, придумана теоретиками и политиками обществ цивилизации для того, чтобы объяснить, куда надо двигаться отсталым обществам традиции и непонятным промежуточным обществам культуры (которые даже не имели своего статуса – они все сваливались под общую вывеску "закрытое общество"). И тем, и другим предписывалась модернизация, т.е. быстрый, управляемый, направляемый извне и всячески спонсируемый переход к типу обществ цивилизации. Модернизация – движение внутри Истории № 1 от отсталого общества традиции или общества культуры к прогрессивному обществу цивилизации.

---

[2] В книге "Смысл" вместо термина "трансформация" употреблялся термин "органическая модернизация", а вместо "модернизации" — "либеральная модернизация".

Трансформация – в некотором смысле обратное движение, движение в Зазеркалье, когда экстенсивного "прогресса" в дурную бесконечность уже нет, а есть развитие общества вглубь самого себя, превращение самого себя в собственный предмет. Таким путем перерабатывается как бы кожура социума, а затем все более глубокие его слои. Сначала в предмет превращается цивилизация, потом – культура и уже после этого – традиция.

В этом смысле можно говорить, что возникает представление об обществах *метацивилизации*, *метакультуры* и *метатрадиции*, используя двойное значение частицы "мета-". Во-первых, по Аристотелю, "мета-" означает "то, что после" и тождественно "пост-" (скажем, "постиндустриальное общество"). Во-вторых, в математике метатеория означает теорию, имеющую своим предметом теории. В данном случае очень точно применимы оба значения: метацивилизация – это общество, которое превращает в свой предмет цивилизацию как таковую и начинает с ней что-то делать.

При трансформации создается парадоксальная ситуация, когда те, кто до трансформации находился сзади, в случае ее успеха могут оказаться впереди. Примером такой микротрансформации служит Япония: полуфеодальное общество стало в большей степени постиндустриальным, нежели классические индустриальные страны Запада.

Таким образом, *по отношению к сегодняшней России призыв к модернизации означает "Вперед, в прошлое!", а призыв к трансформации звучит как "Назад, в будущее!"*. Сейчас складывается парадоксальная ситуация, когда для большинства нашего образованного класса прошлое прогрессивного человечества в виде ступени цивилизации выступает как воображаемая желанная цель, светлое будущее, которого надо достичь путем модернизации.

Трансформация же состоит в переходе к обществу метакультуры, минуя общество метацивилизации, что звучит как призыв вернуться в прошлое, отказавшись от благ цивилизации, – если только забыть про приставку "мета-". На самом деле это не отказ, а призыв к творческому заимствованию готовых элементов цивилизации и метацивилизации, к трансплантации, – имеющей, однако, в виду более высокую цель. Развивать здесь эти очень важные представления просто нет возможности.

5. Французской революцией было впервые понято и озвучено внутреннее разделение загадочного "идеала". Это известная триада: "*Свобода, равенство, братство*".

История № 1 (История, в которой возникают общества традиции, культуры и цивилизации) развивалась под знаком первого члена этой триады – "свободы". Фукуяма прав в том смысле, что свободу, которую имеет индивид в современном западном обществе, с точки зрения его стандартов, уже невозможно превзойти: индивид в нем свободен в меру того, сколько он может заработать. Имея деньги, он может купить себе какую угодно свободу. Однако заработок индивида связан с его *способностями* к зарабатыванию. Способности же ему отпущены не только

природой, но не в последнюю очередь уродующей ее системой образования и воспитания. Успех его также зависит и от стартового положения, которое ему обеспечивают родители. Таким образом, индивид получает (или, куда чаще, не получает) значительную долю своих способностей и саму стартовую позицию как случайный выигрыш в социальную лотерею.

Наступающая эпоха (эпоха Истории № 2) будет развиваться под знаком "равенства" – равенства не в смысле уравниловки в распределении благ, а достижения все более полного выравнивания социальных условий для развития способностей каждой личности, отпущенных природой. Это означает: различия в способностях личностей, вступающих в *свободное* соревнование, все равно останутся, но на протяжении Истории № 2 будет снят *социально обусловленный слой* этих различий, и останутся слои различий, обусловленные экзистенциально и генетически.

Роль носителя идеала в Истории № 1 играл англосаксонский социум, с врожденной ему "резонансной" настройкой на идеал свободы. Но коль скоро мы из Истории № 1 – царства свободы вступаем в Историю № 2 – царство равенства, у России, по многим признакам являющейся носителем идеала Правды-справедливости, есть масса шансов попасть в резонанс с доминирующей идеей Истории № 2 со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Все сейчас помешаны на вопросе экономической реформы, и он считается основным. Так вот, необходимо ясно представлять себе, что такое *экономика общества, построенного согласно программе, вытекающей из реализации идеи социальной справедливости*, то есть общества, где в центре находится *воспроизводство человека*, "производство человеческого капитала". Это – очень содержательная, конкретная идея. Тогда будет гораздо легче понимать, что нужно сделать с денежной массой, со структурной реформой в тяжелой индустрии, экспортным потенциалом и пр. и пр. А покуда этого нет – подобные разговоры имеют пустопорожний характер.

6. Итак, во-первых, *Россия – классическое общество Второго мира, общество культуры*. При определенных условиях она может стать претендентом на роль естественного лидера Второго мира. Это не так мало. Россия переживает сейчас *кризис самоидентификации*, поскольку она должна осознать себя в этом качестве, – полноправного члена мирового сообщества, а не какой-то эмбриональной недоношенной структуры, которая обречена то ли на скорейшую деградацию, то ли на быстрейшее копирование западных образцов, – и перестать как дергаться на Запад, так и сползать на Восток.

Во-вторых, *России предстоит не модернизация, а трансформация*. Трансформация является выходом на исходные рубежи для прорыва в Историю № 2, от общества культуры – к обществу метакультуры, как бы минуя фазы цивилизации и метацивилизации. Последнее не значит, что в теле России, в российском социуме в случае успеха

трансформации образуется грандиозная дыра или что мы будем жить без цивилизации. Но это значит, что мы должны максимально культурно (во всех смыслах) осуществить заимствование и привнести в наше общество все лучшие (и в первую очередь экономические) завоевания как обществ цивилизации, которые существовали уже в XIX веке и ранее, так и обществ метацивилизации (т. наз. "постиндустриальных"), которые возникли и продолжают возникать в XX веке.

В третьих, парадигма мирового развития в метаисторическую эпоху определяется идеалом равенства, *социальной справедливости в воспроизводстве человека*. Тем самым русская культура, резонансная в отношении этого идеала, приобретает широкую перспективу развития. Российское общество, отставшее в производстве вещей, может вырваться вперед в "производстве личностей".

ВЛАСТЬ БЕЗ ИДЕИ

Власть в обществах Второго и Первого мира зачастую прекрасно обходилась без идей или взаимодействовала с ними внешним образом. Но даже такое взаимодействие остается недостаточно изученным. А без этого, в свою очередь, невозможно понять феномен идеократий начала XX века.

1. В своей жизнедеятельности человек сталкивается с тремя сортами объектов. Это *вещи*, *люди* и *идеи*. Человек лишь недавно научился обращаться с *вещами*. Вещь становится все более послушна воле человека, по мере того как он учится добывать ее из природы, правильно использовать и, наконец, массово производить. Перефразируя слова Эйнштейна, можно сказать, что вещь хитра, но не злонамеренна. Она может жестоко отомстить за неправильное с собой обращение, но не строит в отношении человека сознательных планов. Если первобытный охотник считал волка равным соперником и играл с ним в игру "кто кого перехитрит", то современный расстреливает беззащитных животных с низко летящего вертолета, нимало не интересуясь внутренним миром живой мишени.

С такими объектами, как *люди*, все обстоит гораздо сложнее. Они активно сопротивляются попыткам постичь секрет их устройства и всем, кто пытается обращаться с ними как с вещью, отвечают взаимностью. Охотник на человека в любой момент рискует превратиться в дичь (см. "Остров доктора Моро"). Осознанно или неосознанно, люди всегда стремятся свести непредсказуемые игры с людьми к знакомым формам деятельности с вещами. Классическим выражением такого редукционизма является пословица "хороший индеец – мертвый индеец". И тут не должно быть иллюзий: сфера действия этой пословицы выходит далеко за рамки исторических и географических обстоятельств своего появления на свет. Слово "индеец" можно с полным основанием заменить на слово "человек". Например, люди научились должным образом обращаться с Сократом только после того, как умертвили его.

Здесь мы подходим к третьему, самому сложному виду объектов деятельности – к *идеям*. Идеи в обыденной жизни до того невидимы, что это постоянно вызывает сомнения в их существовании. Идеи являются когда хотят и кому хотят и, как правило, немедленно исчезают при появлении комиссии физика Китайгородского. Применительно к идеям вообще бессмысленны вопросы о том, где их взять, как они устроены и как наладить их конвейерное производство. Идеи сами берут человека как вещь и вызывают в нем волю, веру или интерес. Единственное, что могут сделать люди, стремясь к избавлению от этой власти, – это локализовать идею, отождествив ее с носителем, а того побыстрее овеществить, превратив в памятник или труп.

2. Таким образом, человеческое существование выглядит как дом, в подвале которого расположена мастерская по производству вещей, на чердаке обитают идеи-привидения, а пространство между ними заполнено состязанием с себе подобными. Люди как бы погружены в одну всеобъемлющую *игру*, правила которой, установленные не ими, они вынуждены соблюдать. Ни один из игроков никогда не знает всех правил; к тому же они подвержены имманентному саморазвитию. Такие игры Маркс называл "господствующими абстракциями". Выигрышем и одновременно мерой успеха в игре является некий универсальный *ресурс*, который по усмотрению победителя можно конвертировать в любые вещи.

Наиболее известным и освоенным людьми сортом такой игры является *политика*. Ресурс, который выигрывается в ней и служит мерой успеха игрока, – *власть*. Играя по определенным правилам ("игра без правил" – это наивный взгляд на политику извне), нужно отобрать кусок власти у власть имущих, удержать ее от наскоков других игроков и обменять в политическом торге на другие виды власти, обещающие наиболее быстрый рост ее объема. При этом подлинным политическим игрокам совершенно безразлично, чему или кому сопоставлена та порция власти, которой они располагают в настоящий момент: является ли она властью над Захолустьинским районом, подотраслью макаронного машиностроения, спецназом или театральными кассами. Власть ликвидна, т.е. пригодна для конвертации в любой вид жизненных благ.

Каждый из *субъектов* игры стремится превратить других игроков в *предмет* своих манипуляций, лишив их качества субъектности по отношению к самому себе. Например, неопытный шахматист в сеансе одновременной игры задумался над ходом в ладейном окончании, в то время как его соперник-гроссмейстер знает теорию эндшпиля, в которой весь класс таких позиций известен как стандартный. На этой доске игра уже закончена, началась *технология*: планы соперника больше не интересуют гроссмейстера, он по известному алгоритму, "на автомате" доводит партию до победы.

Более архаичным видом такой игры является *война*. Дополитическое бытие человека – "война всех против всех". Хотя и в современном мире, как известно, "война – лишь продолжение политики иными сред-

ствами". Универсальный ресурс, измеряющий выигрыш в этой архаической игре, – *сила*. Она определяется многими факторами. Среди них и грубая физическая сила воина, и качество его оружия, и совершенство используемого искусства единоборства, и массовость производства вооружений и амуниции, и плодородие земли, на которой проживает племя, поставляющее воинов. Сила зависит от того, построено ли войско "свиньей" или македонской фалангой, удачно ли стратегами выбираются оборонительные позиции, хорошо ли подкованы кони.

Как и в случае с властью, игра состоит в том, чтобы отобрать силу у соперника и превратить ее в свою.

Наконец, верхний, самый новый слой игры – это *рынок*, и эта игра ведется на *деньги*.

Первоначально "винтовка рождает власть", а власть приносит деньги. Но по мере развития политической, а затем и рыночной игры пирамида часто переворачивается: финансовые тузы становятся старшими в колоде, политики получают устойчивое звание "продажных", а мордовороты из силовых структур беспрекословно подчиняются рахитичным чиновникам.

3. Предположим, некто NN, зам. зав. отделом облисполкома, в результате серии блистательных политических маневров выигрывает кресло первого секретаря Захолустьинского райкома партии. Казалось бы, можно торжествовать победу. Но тут выясняется пренеприятное обстоятельство, имеющее к политике самое отдаленное отношение. В районе катастрофически падают надои, что грозит NN утерей всех плодов победы и более того – концом политической карьеры. Существуют три возможных пути выхода из такой ситуации. Во-первых, можно окунуться в унылую проблематику производства, что не вызывает у NN, прожженного политика, никакого энтузиазма. Во-вторых, можно срочно включиться в смертельную схватку председателя облисполкома со вторым секретарем обкома партии на стороне последнего. В случае успеха новый председатель исполкома скорее всего вернет NN в прежнюю контору со значительным повышением, даже если в районе передохнет вся скотина. Наконец, в-третьих, если NN обладает тонким чутьем к новейшим идеологическим веяниям, он может инспирировать выдвижение рабочими Захолустьинского молокозавода нового трудового почина "До обеда – ни в одном глазу!". В таком случае в рейтинге районов он сможет компенсировать последнее место по линии сельхозотдела жирным плюсом в графе отдела пропаганды.

Так или иначе невозможно длительное время пребывать в чистой сфере борьбы за власть. В какой-то момент выясняется, что конкретная порция власти сопоставлена вполне конкретным производственным процессам или осуществляется во имя и в соответствии с мандатом вполне определенной идеи. И если эти процессы дегенерируют или идея исчерпывает свой потенциал, – власть усыхает как шагреневая кожа, хотя никто из политических противников впрямую на нее не покушается. И чтобы парировать эту угрозу, властолюбцу приходится то и дело

спускаться в производственный подвал и карабкаться на идеологический чердак.

4. На эту же ситуацию можно посмотреть с другой стороны. После завоевания очередной порции силы, власти или денег победитель может поступить со своим выигрышем трояким образом. Либо использовать как форму присвоения результатов производства, то есть, грубо говоря, проесть. Либо вложить весь завоеванный ресурс опять в игру, то есть в расширенное воспроизводство самого этого ресурса: например, пустить все деньги в дело, не взяв ничего из прибыли себе и не заплатив дивидендов акционерам. Наконец, можно использовать весь выигрыш для достижения каких-то целей, лежащих вне как сферы производства, так и сферы борьбы за власть. Речь может, например, идти о меценатстве, возведении хрустальных мостов или паломничестве ко святым местам.

Профессиональный игрок в военные, политические или рыночные шахматы, не желающий видеть ничего, кроме своих шестидесяти четырех клеток, постоянно вынуждается неумолимыми внешними обстоятельствами отвлекаться то в сферу вещей, то в сферу идей. И если ему чудом удастся приподняться над рутиной и задуматься о смысле этих бесконечных отвлечений, он может почувствовать, что его шахматная партия включена элементом в какую-то объемлющую ее, таинственную игру. Некто невидимый (а может, несуществующий) постоянно то ли ставит на нем эксперименты, то ли предлагает ему простенькие тесты: а ну-ка, посмотрим, что ты сделаешь со своим выигрышем на этот раз? Среди опытных игроков бытует убеждение (или предрассудок?), что от этого и впрямь может зависеть нечто большее, чем успех в последующих партиях.

Форма общения как бы расслаивается на три пласта. Средний, где она обращена на самое себя, выступает как чистая, самодостаточная игра, превращается в военное, политическое или рыночное "искусство для искусства". "Нижний слой", обращенный к формам производства, выступает как форма присвоения, собственность. "Верхний", обращенный к идеальному слою, оказывается формой отчуждения.

Но такое же расслоение характерно и для форм производства, и для форм сознания. В производстве выделяется три проблемных слоя: сфера поддержания (ремонта), функционирования и совершенствования производства. Нижний слой поддержания как раз и является чистым производством ради производства, производством, замкнутым на самое себя.

В слое форм сознания чистой, самодостаточной формой оказывается верхний пласт: форма сознания, обращенная на себя, выступает как самосознание общества. Пласт форм сознания, обращенный к формам общения, служит источником обычаев, норм и правил, регулирующих протекание военной, политической и рыночной игры. Пласт, обращенный к формам производства, задает цели и нормативы этого производства, невыводимые из его собственной логики.

5. В трагическом положении оказывается общество Второго мира, где происходит утеря преемственности власти и на поле политической игры оказываются новые команды игроков. И дело тут не в неумении – положение может даже усугубиться, если новички демонстрируют высокий профессионализм.

Субъективная логика власти и объективная логика выживания общества в этот момент совершенно не совпадают. Рассмотрим и то, и другое.

Новая команда политиков совершенно логично полагает, что ее главное дело – захват, удержание и укрепление власти. При этом она – опять же совершенно логично – рассматривает сферы производства и общественного сознания как фишки, рычаги или подручные средства в своей игре, не подозревая, что при этом рубит сук, на котором сидит, и пилит сук, за который держится.

Новая власть, одержавшая политическую победу и отразившая главные удары предшественников и соперников, абсолютно невменяема и глуха как к увещеваниям извне, так и к т. наз. "урокам истории". Современникам этот феномен хорошо известен под названием "гласность без слышимости". Новая власть воображает, что держит бога за бороду. Ощущения ее не обманывают, но в их интерпретации она ошибается. Держит она не бога, а самое себя, а то, что кажется бородой, таковой не является. Чтобы в этом убедиться, достаточно один раз сильно дернуть.

Если присмотреться к действиям власти с точки зрения логики общественного выживания, мы увидим несколько печальных взаимозависимостей. Первую я бы сформулировал так. Деструктивное воздействие власти на производство и на общественное сознание является быстрым и непосредственным, в то время как ответное деструктивное воздействие этих двух сфер на сферу политическую — более медленным и опосредованным. Но верно и обратное. Конструктивное воздействие власти на указанные сферы является сложным и опосредованным, в то время как их конструктивный ответ – непосредственным и достаточно зримым.

Это означает, в частности, что власть нуждается в относительно длительном периоде стабильности и отсутствия внешних угроз, чтобы понять эту и несколько иных простых истин. Такую, например, что именно она сама (а не какой бы то ни было внешний или внутренний супостат) является своим главным и смертельным врагом. Или такую, что сферы производства и общественного сознания не могут быть средством в политических играх, а являются автономными и самоценными, и чем лучше обеспечена эта автономия – тем больше шансов у общества (а значит, и у власти) уцелеть.

Чаще всего новая власть оказывалась абсолютно не в силах постичь столь сложные материи. Самообучение власти проходит по хорошо известному и прискорбному сценарию. Сначала она по неведению собственными руками ввергает общество и самое себя в смертельный кризис, платит за учебу разрухой, голодом и миллионами жизней и

лишь затем – в случае, если преемственность власти все же чудом удалось сохранить, – ценой невероятных потерь кое-как нащупывает хрупкий баланс между тремя указанными сферами. Так, в частности, произошло и с партией большевиков.

Новая российская власть в этом смысле не является исключением. Не погрешив ни перед совестью, ни перед истиной, ей даже можно высказать кучу комплиментов. Мы имеем дело с одной из наиболее высокообразованных и динамичных администраций в истории не только России, но и, может быть (чем черт не шутит), всего человечества. Она блестяще и почти бескровно разделалась с тугодумной и склеротичной предшественницей и со скоростью мирового рекордсмена движется по давно известному пути. В частности, она руками и ногами влезла в сферы производства и общественного сознания. И в первой и во второй она подготавливает свою гибель (вместе с обществом) стахановскими темпами. Если нам с вами удастся пройти через очередную катастрофу, потеряв большую часть территории, половину населения и девяносто пять процентов экономического потенциала, но сохранив при этом Чубайса (сиречь преемственность), тогда власть наконец-то, быть может, научится – среди прочего – отличать политику от организации, а рынок от экономики. Ибо первые являются формами взаимодействия борющихся субъектов, а вторые – формами разделения общественного труда. Что и говорить, это важные истины, и, лишь познав их (пусть даже такой ценой), власть сделает себя и уцелевшее население более свободными.

6. Классическая власть в архаическом обществе заключает в себе все на свете и в том числе три важных куста функций, связанных:

– с воспроизводством самой власти (захватом, удержанием, обменом и т.д.);

– с манипулированием предметом, которому эта власть сопоставлена (например, Захолустьинским районом или подотраслью машиностроения);

– с целеполаганием, каковое должно объяснять местным властям и трудящимся Захолустьинского района или подотрасли машиностроения, что именно они должны делать со своим районом или подотраслью.

Традиционно все эти функции были сконцентрированы в одном месте, и все пертурбации во власти имели форму битв под ковром. Это как бы была "власть в себе", и указанные ее функции по отдельности со стороны не были различимы.

Постепенно, по мере развития общественного разделения труда, начинает вычленяться функция овладения предметом и выясняться ее особость. Приведу пример.

Министерский пост в министерстве транспорта – очень существенная часть политической власти. (Не случайно член Политбюро Каганович был министром транспорта.) Министр транспорта (как и любой другой министр), во-первых, должен владеть искусством борьбы за власть: приемами ее захвата, сохранения и конвертации. Это умение

включает комплекс таких методов, как, к примеру, заключение временных союзов и своевременный выход из них, делегирование полномочий, которые невыгодны (с тем чтобы этот участок "завалил" кто-то другой), ведение пропагандистских кампаний, аппаратные интриги... Министр должен обладать коварством, способностью к обману и пр.

Однако, во-вторых, чтобы быть министром транспорта, министр должен знать хоть что-то про транспорт или иметь советников-специалистов, ибо, если случится пара катастроф на царском поезде или спецпоезде Политбюро, если разобьется слишком много самолетов и т.п., министр тоже может поплатиться своим постом.

Эти две функции, вообще говоря, никак не связаны между собой. Министр как борец за власть и министр как специалист по транспорту – вещи разные.

Но есть еще и третья функция, которую пытаются взвалить на несчастного министра. Он должен понять, что в принципе нужно делать с транспортной сетью, ибо исходя из одних и тех же ресурсов, выделенных ему на основании решений Политбюро, можно делать совершенно разные вещи. Можно целиком и полностью приспособить транспортную сеть под нужды международного туризма как источника валютных поступлений. Можно превратить ее в сеть рокадных дорог, ведущих к потенциальной линии фронта. Можно осуществить программу электрификации и вытеснения паровозов электровозами. Можно перейти с широкой колеи на узкую, европейскую. Все эти программы равноценны в том смысле, что каждая из них заберет все ресурсы и принесет определенную пользу. Однако вопрос, какую из них предпочесть, лежит как вне сферы борьбы за чистую власть, так и вне сферы компетенции работника транспорта, хотя тесно с ними связан. Ведь выбор удачной или неудачной цели сопряжен с мобилизацией ресурсов, а также с лозунгами, откликом масс, с имиджем министра и т. д.

По мере развертывания реформ на транспорте выясняется, что предметники знают многое о предмете, кроме одного – что с ним, собственно, надо делать. Осознание этого факта приходит крайне медленно. Дифференциация этой функции запаздывает. Пока лишь спонтанно осознается, что чего-то не хватает. Это что-то называется идеей, программой.

Конечно, примитивизм ситуации, в которой мы находимся, диктует примитивизм интерпретации сказанного. Все вспоминают, что в ЦК КПСС был Общий отдел, где осуществлялось таинство самой власти, были отделы Оборонной промышленности и прочие, занимающиеся предметом, и был Идеологический отдел, занимавшийся целеполаганием...

Новая власть по старой привычке пытается породить программы и идеи из себя, поскольку традиционно в нашем царстве-государстве на высокую трибуну всходил генсек и их озвучивал ("надо построить БАМ", "надо создать материальную базу коммунизма" и пр.). Последним, кому это удавалось, был Андропов. С тех пор появление власти в роли целеуказателя вызывает сначала сдержанные смешки, которые потом переходят в гомерический хохот. Еще не отрефлексировано –

почему, но уже осознается, что так поступать нельзя! Идут лихорадочные поиски, кому поручить интеллектуальное обеспечение функции целеполагания, выдвижения программ.

Сейчас мы находимся в начале процесса, конец которого может выглядеть как вычленение функции целеполагания в явном виде, ее институциализация и осознание того, что этот институт не совпадает ни с институтом политической власти, ни с институтом производства (включающим специалистов-предметников и разнообразных экспертов). Его надо куда-то поместить. Попытки приткнуть его в существующие политические институты ни к чему, кроме курьезных ситуаций, не ведут.

Вопрос о том, что делать с функцией целеполагания, исключительно важен, ибо с переходом в Постзазеркалье (из индустриальных в постиндустриальные общества и миры) мы попадаем в совершенно другое социальное устройство, где эта функция должна существовать иначе.

Здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, классическая точка зрения на целеполагание состоит в том, что сначала необходимо исследование, глубокое погружение в предмет и его имманентные тенденции, и лишь потом на этой основе (может быть, через несколько поколений) осуществится целеполагание в отношении данного предмета.

Я хочу противопоставить этому другую точку зрения, радикализировав ее и доведя до смешного, чтобы она была ясна. А именно: целеполагание и исследование просто не имеют к друг другу никакого отношения, абсолютно никак не связаны и обращены на совершенно разные пласты бытия. Поэтому целеполагание не следует за исследованием, не предшествует ему, — они всегда идут в обществе параллельно. Потом между ними возникает сложное взаимодействие.

Целеполагальщики не имеют представления об обществе. Они живут, "под собою не чуя страны". А предметники рационально, на блестящем уровне знают общество или его подсистему, но почему-то никак не могут внятно сказать, что же с ними делать.

Во-вторых, когда мы занимаемся такими вещами, как цели, ценности, идеи, мы как бы выступаем в роли специалистов-предметников по целям и ценностям. Говоря о них, мы примериваем знакомую одежду аналитиков, используем те же понятия, что и в разговоре о структуре промышленности, социальной стратификации и т. п. Но следует помнить, что взаимоотношения с идеями и ценностями — вещи в принципе другой природы, которые почти не рефлексируются.

Я просто констатирую, что слой рационализирующего, понятийного мышления в человеке выше и новей, чем слой ценностный. Поэтому обратная рефлексия имеет ограниченный характер. Мы обнаруживаем в себе ценности раньше, чем получаем способность их обсуждать. Поэтому попытки их рационального сравнения с целью выяснить, какая из этих ценностей подходит больше, какая меньше, какая оптимальнее, — как правило, не удаются. Людям, конечно, нельзя запретить это обсуждать, однако надо отдавать себе отчет, что мы сталкиваемся с феноменом не только не концептуализированным, но даже доконцептуальным.

ИДЕЯ ВЛАСТИ

Существует глубокий разрыв между идеалистическим представлением о власти как об институте, занятом решением проблем функционирования, воспроизводства и развития общества, и реалистическим, "циничным" – как о замкнутом, самодостаточном процессе перманентной борьбы за власть.

1. У нас в обществе бытует слишком высокий стандарт ожиданий относительно принимаемых властными структурами решений и их результатов. Ожидай мы, что власть будет вести себя как какой-нибудь мрачный латиноамериканский диктатор – захватит столицу, "прищучит" всех и вся, наложит лапу на все прибыльные места и будет сидеть, как собака на сене, – таких драматических коллизий между тем, что происходит, и тем, что ожидается, не было бы. Но мы все еще живем в мире представлений, что Россия – великая держава, что державная власть почти не ошибается (последнее связано и с тем, что наши газеты раньше не писали об ошибках), и поэтому с чрезмерным пристрастием следим за происходящим, поэтому каждый неверный шаг властей сопровождается свистом, улюлюканьем и веером разнообразных оценок и интерпретаций. Это – субъективный фактор.

Однако есть и объективная сторона ситуации. Если предположить, что наша власть должна решить почти нереальную задачу – остановить обвал, удержать страну на грани Третьего мира, не дать ей в него свалиться, остановить развал промышленности, падение престижа, разобраться с системой национальных интересов, предотвратить разбегание территорий и пр., – если мы этого ждем от власти, значит, мы ждем очень высокого, невероятно изощренного качества принятия политических решений.

В западных обществах сложилась совершенно другая культура власти. Там власть, помимо способности захватывать и удерживать рычаги власти, имеет еще некоторые свойства и качества, позволяющие ей вырабатывать содержательные политические решения проблем, встающих перед обществом. Точнее, там уже выработалась система *складывания* решений. То есть процесс, который выглядит снаружи как принятие решения, является "изнутри" процессом просвещенного самоуправляемого складывания результирующего вектора системы интересов с учетом ситуации. В таких обществах, даже если решение принимается не вследствие сознательных шагов властей, а является результатом сложного торга, "устаканивания", баланса сил, все равно общество застраховано культурой власти, ее преемственностью от грубых ошибок.

Наше общество в неизмеримо большей степени зависит от сознательно вырабатываемых решений, чем те социумы, которые развиваются эволюционным путем. У "них" идет процесс органичного целостного роста, где в принципе особых решений не требуется, и в каждый момент, когда нужно что-то решать, выясняется, что общество уже созрело для того, чтобы решение встающей проблемы сложилось "само" как результирующая интересов разнообразных сил, в том числе граждан-

ского общества и власти. Мы же все время развиваемся по циклу: стагнация, – отставание, – Крымская или русско-японская война, – внешний вызов, – авральные сроки, – реформаторские усилия центральной власти, которая призывает Столыпина или руководится непосредственно царем-реформатором типа Александра II, – лучшие умы садятся и срочно начинают думать, какие драматические шаги надо предпринять, – вырабатываются и проводятся в жизнь решения, – выясняется, что жизнь страны не такова, как реформаторы себе представляли и т.д.

Сейчас масштабы вызова и соответственно количество и качество необходимых решений беспрецедентны. Вряд ли в нашей предыдущей истории можно найти подобный порог. Ситуация требует от нашей власти способности быстро и в большом количестве принимать очень качественные решения. Вместе с тем наша власть, как всякая традиционная власть, к этой задаче никакого отношения не имеет[3].

2. У власти находятся люди, специализирующиеся не на решении каких-то там проблем, а на *власти как таковой*, т.е. на ее захвате, удержании, приумножении, купле-продаже, конвертации и пр. Кто это сказал, откуда взялись какие-то там несчастные "решения", которые якобы надо вырабатывать? При необходимости – в пропагандистских целях, чтобы газетчики или ученые отвязались, – власти покивают, что их, конечно, надо вырабатывать. Но сами решения являются для них лишь шагом, отвлекающим жестом, фишкой в этой игре, главная и единственная цель которой – захват, удержание и конвертация власти.

Профессиональные аппаратчики, сотрудники "общих отделов" и "секретариатов" будут утверждать, что процесс принятия решений разработан, регламентирован и неуклонно осуществляется. Однако они при этом имеют в виду нечто совершенно другое: процедуру "визирования" проектов указов, законов и прочих документов.

Что процессы решения проблем *как таковые*, онтологически могут рассматриваться как существующие; что есть дисциплины и на Западе, и у нас, которые сорок лет занимаются исследованием и проектированием процессов выработки решений; что есть целая наука – системный анализ со всякими там "деревьями альтернатив", критериями отбора, функциональными понятийными схемами, помогающими принять решения; и что вообще это имеет какое-то отношение к власти – про все это наша власть не знает.

Итак, я констатирую ситуацию. С одной стороны, существует нечто, называемое властью, по отношению к которой обществом предъявляется требование вырабатывать с очень высокой скоростью в большом количестве чрезвычайно качественные решения, т.е. организовать некую фабрику по выработке решений экономических, политических, социальных и других внутренних и международных проблем, – если только мы действительно хотим выстоять перед лицом нынешнего вы-

[3] Сказанное здесь и ниже относится почти в равной степени к доперестроечной, перестроечной и "демократической" генерациям власти

зова и не свалиться в Третий мир. С другой стороны, имеется реальная власть традиционного типа, которая представляет чехарду команд специалистов-практиков по борьбе за власть. Для них всего этого мира просто не существует: никаких решений, выработки их, критериев, альтернатив. Для них все это – умствования аналитиков, некий посторонний идеалистический взгляд, требующий от власти того, чем она не умеет, да и не желает заниматься.

Власть с неудовлетворением обнаруживает, что от нее требуется что-то делать со сферой производства и сферой общественного сознания, находящимися "извне" сферы ее непосредственных интересов. За последние три года это "столкновение с предметом" все время отодвигалось "на потом". Каждый раз, когда власть традиционного типа оказывается перед необходимостью принять какие-нибудь решения (политические, экономические, социальные, по национальным вопросам), она ухитряется организовать шумную кампанию по выявлению сил зла, против которых она должна бороться, спасая отечество. О каких, к примеру, реформах может идти речь, если не устранен еще заговор красно-коричневых (экстремистов-монетаристов)? Это позволяет власти почувствовать себя в родной стихии, отвлечь внимание всех ожидающих от нее каких-то "решений".

В случае крупных провалов очередная кампания по борьбе с силами зла, с оппозицией и пр. позволяет увернуться от проклятых вопросов: кто конкретно принимал решение по данной проблеме? кто его готовил? кто за него отвечает? Ни разу еще вопрос, поставленный в нашем обществе относительно подобных материй, не получал сколько-нибудь определенного ответа. Попытки парламента, каких-то общественных структур организовать комиссии по выявлению лиц, принявших то или иное дурацкое решение, проваливаются не потому, что есть тайный заговор власти по пресечению подобных расследований, а потому, что невозможно найти никаких следов процессов выработки решений – их просто нет в природе! "Выработка решений" – это социологический идеальный тип, абстракция. Погружение ее в наши реалии ничего не дает: никто не пытался составить полный перечень альтернатив, никто не выдвигал критериев, никто не осуществлял анализ и выбор по этим критериям в соответствии с принятой технологией...

> Конечно, при соотнесении данной абстрактной картины с реальностью сразу было бы необходимо вносить поправки. Так, в ситуации "догоняющего" развития в недрах традиционной власти постоянно возникают островки и подсистемы нормативно спроектированных процессов решения проблем. Это в большей степени касается ВПК и армии, но почти не затрагивает собственно политическую власть из-за специфической закрытости ее сферы выработки решений. Однако здесь я решаю совершенно другую задачу — с максимальной четкостью и контрастностью обрисовать соответствующие "идеальные типы".

Проникни мы вдруг сейчас телепатическим способом в мысли помощников, советников, вице-премьеров и даже страшно сказать кого еще, нам это совершенно не помогло бы ответить на вопрос, каким же,

черт побери, образом все это так получилось и кто принял это решение. За сутки в коридорах власти происходят тысячи разнообразных встреч, бесед, совещаний, стычек, интриг, по ходу которых стихийно складывается то, что внешне выглядит как принятие кем-то решения. А в конце концов Кутузов сидит в избе под Филями, чешет свою седую голову и думает: "Где же и когда же это все случилось? И как же это я все это допустил?"

3. Каковы возможные сценарии разрешения этой коллизии? Условно можно назвать три.

А. Непонятно откуда взявшиеся требования о том, чтобы наша власть оказалась на высоте абстрактного идеалистического стандарта системы выработки решений, повиснут в воздухе, а общество провалится в Третий мир. При этом обвал будет невероятным, потому что наше общество отличается от стран Третьего мира по целому ряду аспектов, и прежде всего по уровню ожиданий (не только по присущим нашим людям потребительским моделям, но и по представлениям о стране, о ее месте в мире, о том, что общество вправе требовать от власти и т.п.).

Б. Весь мир, встав на цыпочки, чтоб не спугнуть наши реформы, замрет в ожидании на 200 – 300 лет, как и все крикуны-оппозиционеры внутри страны, покуда в России естественным путем не возникнет легитимная власть западного типа и соответствующая ей политическая культура, т.е. покуда в обществе, в институтах власти эволюционным путем не выработаются механизмы складывания политических решений.

В. Если некто ждет от власти, что она наладит фабрику выработки политических решений, адекватных ситуации и нашим ожиданиям, то им должно быть ясно: это означает, что нынешняя система институтов и технология власти должна быть заменена другой. Новое социальное устройство мы, конечно, тоже можем пожелать называть словом "власть", но это будет нечто качественно иное.

Это означало бы переход из нынешнего состояния нашей культуры в некую *метакультуру*, где от лиц, включенных в систему принятия решений, уже не требуется способностей к борьбе под ковром, популистским жестам, организации тайных коалиций и т.п. От них требуется совершенно иное – высокий уровень социальной ответственности, выражающийся прежде всего в способности организовывать процесс выработки решений, осуществлять его, надзирать за ним, воплощать в жизнь эти решения.

4. "Идеальные типы" обществ связаны между собой вполне определенными соотношениями, аналогичными отношениям между элементами Периодической таблицы, гомологическим рядам или "разрешенным переходам" в квантовой механике. В частности, каждому типу власти соответствует вполне определенная форма производства и форма общественного сознания. Кроме того, для каждого идеального типа мо-

жет быть указан спектр возможных переходов к другим идеальным типам, а прочие переходы практически нереализуемы.

Таким образом, используя введенные выше понятийные различения, можно сформулировать следующие выводы относительно институтов власти.

Перед российской властью сегодня – три возможных пути: *консервация*, *модернизация* и *трансформация*.

А. При *консервации*: власть спасает, закрепляет и налаживает воспроизводство самое себя как Власти – верховного уклада общества Второго мира. В сфере форм производства в этом случае предстоит возврат к той или иной разновидности централизованной организации "народного хозяйства". В сфере форм сознания – реставрация религиозной надстройки в виде православного или коммунистического фундаментализма.

В обществах Второго мира власть в качестве доминирующего уклада готова допустить "рынок" только в рамках перманентного НЭПа: днем, в рабочее время контролируемые Властью бизнесмены могут разъезжать в лимузинах, играть в корпоративные захваты и рынки ценных бумаг, – но к вечеру "карета обязана превратиться в тыкву". Сдав всю "прибыль" (скажем, в форме налогов или просто бандразверстки), они могут получить за это зарплату и премиальные, не превышающие оклад "курирующего" их чиновника... Фактически в этих обществах "банкир", "биржевик" и т.п. просто должны входить в "номенклатуру ЦК".

Б. При *модернизации*: власть инициирует и всячески поощряет и насаждает (как путем всесторонней либерализации, так и через политику широкого заимствования форм из стран Первого мира) качественное системное преобразование общества – переход из Второго мира в Первый.

Однако, если даже опустить все трудности подобного перехода в сфере форм производства и форм сознания, глубочайшую коллизию при этом должна пережить сама власть. В обществах Первого мира над *политикой* доминирует *рынок*, власть подчинена деньгам. Кроме того, сама власть там претерпевает формационное преобразование, превращаясь из харизматической в легитимную. Поэтому властвующая элита в ходе модернизации должна либо целиком отдать свои полномочия контрэлите – субъекту модернизации, либо легитимизироваться и добровольно пойти на роль уклада, подчиненного рынку, либо, наконец, сама чудесным образом преобразиться из политической элиты в финансовую.

Конечно, можно сказать, что подобного сорта системные преобразования обществ естественны, органичны: ведь они каким-то образом уже не раз имели место в истории. Все нынешние страны Первого мира не свалились в готовом виде с небес, а в ходе эволюционно-революционных процессов возникли из обществ Второго и Третьего мира. Однако этой точке зрения можно противопоставить противоположную: все общества, которые в состоянии были в ходе истории эволюционным путем перейти из Второго мира в Первый, уже сделали это. Нынешние страны Второго и Третьего миров содержат в себе мощные культурные и традиционные механизмы, тормозящие такой переход.

Модернизация же подразумевает нечто совершенно отличное от эволюции: *сознательно направляемый сверху и/или из-за рубежа* перевод общества *в исторически короткие сроки* из Третьего или Второго мира – в Первый, *в условиях, когда он уже существует* (как источник моделей и образцов для подражания, готовых форм для трансплантации, идеологического обеспечения и материальных ресурсов).

Все известные случаи успешной "модернизации", на которые ссылается одноименная теория, относятся к периоду после второй мировой войны. Однако разбирательство с каждым из них по существу, по всей видимости, показало бы, что в большинстве случаев следовало бы говорить *не о модернизации, а о трансформации*, то есть о переходе не к обществу Первого мира, а непосредственно к обществу, в котором доминирует один из постиндустриальных укладов.

Побочные эффекты модернизационной политики вполне могут по своим последствиям перевесить успехи на главном направлении: например, неизбежное ослабление слоя-уклада Власти ведет не только к усилению уклада Денег (вышележащего на эволюционной лестнице форм деятельности), но и к пропорциональному или даже опережающему разрастанию архаического уклада Силы. Угроза бандократии – при определенных обстоятельствах закономерный продукт модернизации обществ Второго мира.

В. При *трансформации*:

Власть преобразуется в Метавласть – сознательно спроектированный и рационально построенный механизм принятия решений. Политика как стихия "естественного отбора" носителей власти шаг за шагом вытесняется системой выращивания и отбора лиц, принимающих решения (ЛПР) и обладающих для этого необходимыми качествами, – вполне определенными способностями и уровнем социальной ответственности, – заменяющими иррациональную "харизму".

Стратегия модернизации и последующей "постиндустриализации" означает преодоление пропасти в два приема, в то время как трансформация означает, что через пропасть перебрасывается мост из творчески заимствуемых форм индустриальных и постиндустриальных обществ. Трансформация применительно к российскому обществу соответствует переходу из Второго мира не в Первый, а в "Пятый", в мир Посткультурных обществ.

Трансформация – это процесс, принципиально не замкнутый в рамках государственных рубежей. При этом на начальных ее этапах неизбежно вытеснение экономического и метаэкономического укладов за национальные границы, в пространство мирохозяйственной системы. Об обстоятельствах такого вытеснения сказано кое-что в Приложении.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИДЕОКРАТИЯМ

Роковой промежуток между двумя мировыми войнами – особое, *межисторическое* время. Не случайно почти одновременное появление именно в этот момент целого ряда различных вариантов тоталитарной *идеократии*. Имеется в виду прежде всего российский большевизм, итальянский фашизм, германский нацизм и тэнноизм в Японии.

То был первый толчок грядущей трансформации, зарождение и прорыв в реальность – на стыке Первого и Второго миров – элементов и укладов Пятого мира, метакультурного, "технотронного" будущего.

Но бесчеловечные формы и катастрофические последствия этого прорыва надолго демонизировали идеократии, воздвигли труднопреодолимые психологические барьеры на пути их объективного исследования. Эти барьеры сохраняются и по сей день. Они должны быть осознаны и сняты. Ниже названы некоторые из них.

А. Всякий разрыв исторической ткани открывает путь не только для вторжения сил хаоса, но и для творчества новых форм деятельности. Однако для идентификации новых форм, которые несли в себе "идеократии", не было адекватных понятийных средств.

Б. Всякой устоявшейся исторической форме свойственно трактовать себя в качестве единственно разумной, максимально гуманной, общечеловеческой и в пределе – окончательной (эффект Фукуямы). Всякая новая, эволюционно более высокая форма стремится подчинить все предыдущие себе и воспринимается ими как смертельная угроза и воплощение сил зла.

В. Всякая новая форма действительно может стать воплощением сил зла, сил добра или тех и других частично и/или попеременно. Но это зависит не от свойств формы самой по себе, а от обстоятельств ее появления на свет и конфигурации борющихся вокруг нее сил. Примером может послужить амбивалентность таких понятий, как "электричество", "капитал" или "генетика". Что полезно – то опасно, и наоборот[4].

Главной чертой, отличающей идеократии от архаических форм власти Второго мира, было особое качество, новый тип отношений между Властью и Идеей, принятие властью идеи внутрь, в качестве своей интимной сердцевины, и сознательное хождение идеи во власть с целью самореализации.

Два основных препятствия не позволили развить это новое качество до новой, жизнеспособной формы и обусловили злокачественное перерождение и гибель первых ростков трансформации.

Со стороны власти – то, что она не смогла выйти за рамки собственной архаической формы, не превратилась в *метавласть*, сознательно конструирующую самое себя как процесс решения проблем общественного развития. Власть так и не смогла превратить себя в предмет собственной деятельности. В частности, старый механизм ротации кадров через "естественный отбор" политической, партийной, фракционной борьбы был разрушен, а попытки построить новую систему "выращивания и выдвижения кадров" – в отсутствие объективных критериев и требований со стороны процессов принятия решений – привели к известным результатам.

Со стороны идеи – исторически и социально обусловленный примитивизм самой идеи, ее архаичная, неконструктивная форма. Наличия идеи для достижения метаисторического качества недостаточно, необходима *рефлексия* идеи по отношению к самой себе. Это означает, что в составе Идеи должны выделяться и функционировать *идея идеи*, *идея производства* и *идея власти*.

В результате и само новое качество взаимодействия Власти и Идеи осталось неотрефлектированным, их специфические роли – непроясненными. Вместо создания новой формы этого взаимодействия про-

[4] Эту фразу я часто слышал от С.П.Никанорова.

изошло его замещение зеркальной, архаической формой, нерасчлененным воплощением власти-идеи в сакральной фигуре генсека, дуче, фюрера, императора-тэнно. Механизм такого предысторического замещения вообще доминировал при формировании идеократий. Постиндустриальный уклад, зародившись в многокомпонентном социальном растворе начала века, не находил там адекватных элементов для своих свободных валентностей и поневоле обрастал их архаическими двойниками из предыдущих строк менделеевской таблицы.

Но катастрофическая попытка трансформации, прорыва отдельных социумов из Второго мира в Пятый катализировала массовую трансформацию Третьего мира в Четвертый, постиндустриальный. В его теле, в свою очередь, теперь созрели элементы, ткани и готовые уклады обществ грядущего, Пятого мира. Новый век, опирающийся на эти материальные и духовные островки будущего, наученный горьким опытом ранних идеократий, может стать веком новой Трансформации.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

НОВЫЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ РУССКИЕ

(Тесто для Манифеста)

1

Процесс распада того, что было российско-советской империей, сверхдержавой номер два, неуклонно продолжается. Возникает впечатление, что евразийский гигант обречен на атомарный распад, аннигиляцию, физическое исчезновение с карты мира.

Однако, как установили еще Лавуазье с Ломоносовым, ничто материальное не исчезает бесследно. Так и российско-советская империя, рассыпаясь, завещает преемникам свою мощь воплощенной в уникальном человеческом материале. Энергия распадающихся связей одного из наиболее сложноорганизованных обществ в истории не могла просто испариться, значительная ее часть преобразовалась в богатейший личностный потенциал миллионов бывших граждан СССР. Это целый социальный слой с высоким образовательным уровнем, сочетающий профессионализм и практические навыки с широким кругозором и эрудицией. Это личности, для которых характерны гибкость, открытость, высокая рефлексивность, привыкшие постоянно приспосабливаться, изворачиваться и отыскивать новые ходы в борьбе с изощренной административной системой. Это люди, не понаслышке знакомые с современной культурой и постиндустриальными технологиями, но при этом свободно выживающие в условиях, по западным стандартам экстремальных.

Значительному большинству этих людей просто нет места в постсоветской России. В этих условиях многие предпочли прямую эмиграцию, многие ушли в подполье теневой экономики. Самые энергичные, образованные и независимые ринулись во вновь открывшуюся сферу легального "бизнеса".

Однако устройство нового российского бизнеса таково, что всякое предприятие, едва выросшее из кооперативных пеленок, оказывается перед жестким выбором. Либо оно должно идти на поклон к корпоративным, аппаратным и мафиозным структурам, платить разнообразную дань и выкупать "квоты" и "лицензии". Либо шаг за шагом переносить свою активность за рубежи России, где только и существуют нормальные условия для бизнеса без кавычек.

* Этот незаконченный текст-сценарий одной из возможных альтернатив развития представляет собой конспект идей, обсуждавшихся с С.В.Кугушевым, и был подготовлен еще в 1993 году. Отсюда и осторожность в формулировании ряда тенденций, которые сегодня, спустя два года, уже вполне очевидны.

Наиболее динамичный и талантливый слой молодых российских предпринимателей давно уже сделал выбор в пользу второго варианта. Пройдя через детские ясли бартера, совместных предприятий и "оффшоров", они выходят на просторы мировой экономики. Здоровое ядро нового российского бизнеса, ныне вынужденно "отчуждаемое" вовне, в мировую экономическую систему, способно интегрироваться в элиту международного бизнеса; в такой форме российско-советская империя имеет шанс спасти важную часть своего потенциала, которой сегодня не в силах распорядиться, как бы отдав ее "в кредит" на Запад и сохраняя возможность получить назад с колоссальными процентами. Но такой кредит сопряжен с риском, он способен обернуться потерей – и на сей раз уже окончательной – наиболее ликвидной части общественного капитала.

2

Каковы же их отношения с отечеством, с которым они стремятся сохранять экономические или хотя бы просто человеческие связи? Здесь они рассматриваются как отщепенцы и выскочки, на которых косо смотрят нищие сограждане, которых стремятся ободрать налоговые и таможенные службы, к зарубежным счетам которых проявляют неослабный интерес Минфин, компетентные органы и крепнущая мафия... Это сегодня. А завтра отечество может провалиться в болото вековой стагнации или просто рассыпаться в пыль, оставив их в положении невольных космополитов, лиц без родины, гражданства и национальности.

Но вынужденный космополитизм не только грозит в перспективе исковеркать судьбы детей, родных и близких новых российских предпринимателей, но и может обернуться конкретной упущенной прибылью уже сегодня и завтра.

Во-первых, что достаточно очевидно, в условиях, когда Россия становится всепланетным очагом нестабильности, тараканьим рассадником мафии, новым эльдорадо наркобизнеса и т.п., российское происхождение превращается в визитную карточку весьма дурного свойства и грозит наглухо закрыть ее невольным предъявителям путь в приличное общество и цивилизованный бизнес.

Второе обстоятельство менее очевидно, но гораздо более важно. На ранних этапах интеграции в мировую экономическую систему, в условиях весьма жесткой конкуренции и сопротивления, с которым неизбежно сталкиваются новички, они особенно нуждаются во взаимопомощи и опоре друг на друга. Речь идет не о какой-то мафиозности или национализме, а о том мощном потенциале, о той естественной основе для взаимодействия, которые обусловлены их причастностью к одной из мировых культур – российско-евразийской. Если Россия переживет нынешний кризис и сохранится как полюс притяжения, очаг исторической и культурной общности, как ядро личностной самоидентификации – это станет катализатором успеха транснациональных корпораций и финансовых империй, создаваемых новыми российскими предпринимателями, даст им естественную почву для сотрудничества. В противном случае российско-евразийское происхождение оставит на каждом из них пятно прокаженного, послужит силой взаимного отталкивания.

Вот почему невольные российские "космополиты" жизненно заинтересованы не только в том, чтобы сохранять связи с родиной, но и в том, чтобы все активнее вмешиваться в идущие там процессы. По мере роста своих финансовых и иных возможностей они могут и должны оказывать возрастающее воздействие на становление новой интеллектуальной, духовной и творческой элиты, формирование ее силами общественного самосознания российско-евразийского суперэтноса и создание на этой основе новой социально-политической и экономической общности.

3

В свое время крохотная кучка "диссидентов" – буквально несколько десятков человек, – не обладающая ни властными, ни экономическими рычагами, в опоре на западное общественное мнение смогла противостоять мощи целой совет-

ской империи. Правда, не стоит забывать, что их влияние оказалось в основном деструктивным. Воздействие скоординированной группы "транснациональных" российских предпринимателей, обладающих мощными экономическими рычагами и значительной свободой действий, может оказаться неизмеримо большим и при этом вполне конструктивным.

Если пуповина связей новых российских предпринимателей с родиной не будет до конца перерезана, взаимоотношения с ней могут сложиться более взаимовыгодным образом. Как некий идеальный сценарий (перспективы которого пока просматриваются с трудом) можно представить себе такую стратегию достойного вхождения России в мировую экономику XXI века, в которой основная ставка сознательно делается именно на "транснациональных русских". При этом есть возможность серьезно потеснить идею "заговора зарубежных толстосумов", традиционно искушающую российское подсознание. Клин можно вышибить клином! Как привлечь действительно эффективные зарубежные инвестиции? Это должны быть инвестиции "транснациональных русских"! Как уберечься от угрозы (действительной или мнимой) скупки национальных богатств зарубежным капиталом? Это должен быть капитал "транснациональных русских"! Как отечественному бизнесу выстоять в борьбе с зарубежным? Перенести центр борьбы за рубеж!

Для того чтобы отношение российского общества к своим блудным экономическим вундеркиндам могло претерпеть радикальную эволюцию, необходимо серьезное вмешательство "транснациональных русских" в формирование общественного самосознания. Речь идет о долговременном альянсе новых российских предпринимателей с уцелевшими представителями интеллектуального, духовного и творческого сообщества России. При этом светлые цели и идиллические сценарии можно оставить на потом. Ближайшие задачи такого альянса могут и должны быть весьма прагматическими. Чтобы уяснить, в чем они состоят, полезно ответить на несколько вопросов.

4

В чем секрет успехов "транснациональных русских"?

В отличие от традиционных *бизнесменов*, включающихся в уже накатанные формы деятельности, играющих по установившимся правилам (даже в случае экспансии-диверсификации), это *предприниматели*, т.е. создатели новых схем деятельности на материале сложившихся экономических и юридических форм. Это как бы бизнес не на традиционных экономических функциях, а на первой производной от них. Сегодняшний российский котел, в котором наряду с махинаторами и авантюристами вываривается экономические новаторы и изобретатели новых форм, создает более подходящие, чем на Западе, условия для развития соответствующих конструкторских способностей. И если человек, обладающий такими способностями, вырывается на просторы мировой экономики, то его последующие успехи – для него лишь вопрос овладения материалом, т.е. классическими формами бизнеса.

Существенно ли для новых схем, изобретаемых "транснациональными русскими", задействование элементов российской экономики, – или они могут быть чисто зарубежными?

Если для классических *бизнесменов* основной формой деятельности является конкурентная борьба в рамках своей экологической ниши, для *дельцов* теневой экономики – лоббирование в структурах власти и использование механизмов коррупции, то для *предпринимателей* все большее значение приобретает "игра" с существующим экономическим законодательством. Государственное регулирование всегда адресовано уже известным, сложившимся формам деятельности, нацелено на их взаимное ограничение, налогообложение и т.п. Новая предпринимательская схема может оказаться "невидимой" для них и, формально не нарушая никаких правил, свободно обводит защитников и посылает мяч в ворота. Изобретение подобных схем тем сложнее, чем более плотной является ткань законов,

чем выше культура и опыт законодательных органов и чем динамичнее их реакция на появление нового. В этом отношении Россия представляет собой сегодня подлинный Клондайк для предпринимателей. С другой стороны, для российских законодателей характерны внезапное шараханье и шулерские приемы. В таких правовых катаклизмах целые сферы бизнеса могут внезапно затонуть, как Атлантида. Поэтому предпринимателям, действующим здесь, необходима система аварийной эвакуации капитала за законодательную границу и быстрого его возвращения по мере необходимости.

Но чем и как "транснациональные русские" могут быть взаимно полезны? Захотят ли (и смогут ли) они друг другу помочь в сфере бизнеса?

Классический *бизнесмен* выигрывает или проигрывает в зависимости от того, насколько эффективно он владеет своей (как правило, единственной) формой деятельности в сравнении с другими носителями той же формы. *Предприниматель* же выигрывает в зависимости от того, насколько разнообразен арсенал традиционных форм, которыми он владеет, и насколько быстро и хорошо он умеет сооружать новые формы из этого конструктора. Получающиеся при этом новые формы добавляются к традиционным в качестве дополнительных элементов конструктора, расширяя тем самым арсенал предпринимателя.

Настоящим предпринимателям легко понять, что обмен изобретенными схемами принес бы им колоссальную выгоду, даже если бы был не вполне "эквивалентным" (скажем, десять простых схем за сто изощренных). Но построить суперсхему такого обмена – дело непростое и чрезвычайно деликатное по целому ряду причин. Во-первых, это индивидуальные ноу-хау, на которых базируется предпринимательский успех и которые не защитить патентами. Во-вторых, желательно, чтобы их секрет раньше времени не просочился к законодателям... И здесь принадлежность к единой культуре, общность происхождения и опыта являются хотя и не достаточными, но необходимыми условиями для взаимопонимания и сотрудничества. Другим, решающим условием налаживания обмена схемами на регулярной основе может стать его специфическое интеллектуальное обеспечение...

5

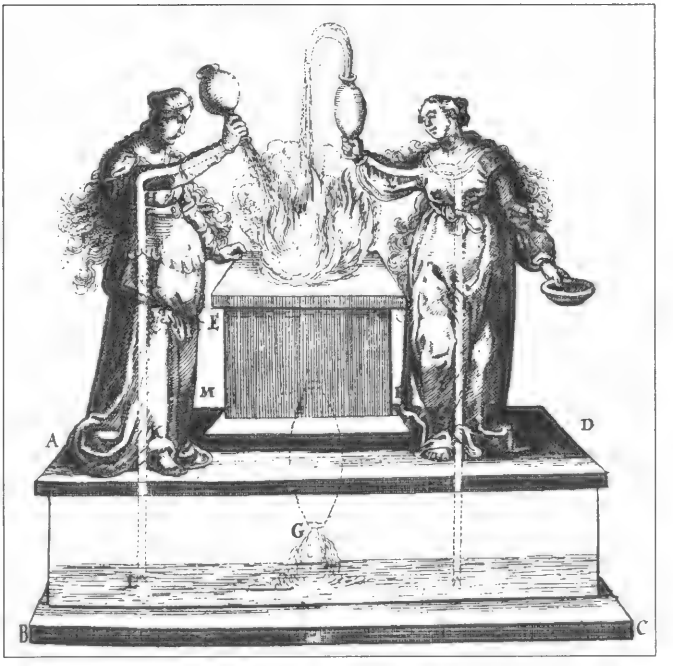
С учетом сказанного выше насколько эффективна может быть интеллектуальная поддержка предпринимательству "транснациональных русских"?

Обыденному сознанию представляется, что видимое экономическое пространство плотно заселено и борьба за его передел давно окончена. Но пространство *сознательно конструируемых форм и схем деятельности*, открытое лишь интеллектуально-вооруженному взгляду, устроено совершенно не так. Оно не совпадает с классическим членением мирового хозяйства на "национальные экономики", "рынки сбыта" и "отрасли промышленности". В нем есть не только незанятые экологические ниши, но и громадные зияющие пустоты, где возможны новые суперэффективные предпринимательские схемы, не нарушающие букву закона. Привлечение специальных интеллектуальных средств может поставить проектирование новых бизнес-схем на поток, то есть от первой производной традиционных экономических функций перейти ко второй и последующим. [...]

[...]

В ПОИСКАХ ФОРМЫ

П. ЩЕДРОВИЦКИЙ



Автор работы стремится увидеть и распознать за происходящими на наших глазах процессами распада оформление исторических новообразований. Прежде всего становление нового исторического субъекта, который взял бы на себя миссию развития Мыследеятельности (как логического аналога Высшего Разума) и связанные с развитием риски, которые уже отчетливо продемонстрировал нам XX век через опыт мировых войн, революций и глобальной «экологической» ситуации. В подходе к процессам трансформации он разделяет методологию немецкой классической философии. Щедровицкий уверен, что процессы, происходящие на территории бывшего СССР и России, имеют глобальный культурно-исторический смысл.

© Щедровицкий П.Г., 1995

П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

Собрался съезд участников
броуновского движения и принял
решение – движение усилить.
Шутка экспертов

Введение

Настоящая статья посвящена обсуждению рамочных представлений, задающих пространство ретроспективного и проспективного анализа процессов распада, трансформации и возможного развития того, что мы еще недавно называли Советским Союзом, советским обществом и "социалистическим хозяйством советского типа".

Немецкая классическая философия подарила нам методологему "развития", в соответствии с которой "ключ к анатомии обезьяны лежит в анатомии человека". Это означает, что ответ на вопрос, *что* распадается и трансформируется [1], будет меняться по мере того, как оформятся (прежде всего в понимании, рефлексии и мышлении, а затем и в практической деятельности) контуры и границы новой целостности. В ходе этого процесса наши оценки и категориальные квалификации "прошлого состояния", по всей видимости, будут неоднократно меняться, как говорится, с точностью до наоборот.

Статья, естественно, не претендует на то, чтобы дать какой-либо законченный ответ о природе и смысле всемирно-исторического процесса (смысле истории и ее цели), а также о том, откуда и куда мы идем. Предлагаемые рассуждения не более чем "зарисовки", но зарисовки категориальные, а не пейзаж конкретных *действий локальных* (в основном центральных – московских) *политизированных групп со слегка "зомбированной" социальной базой*, на которые, к сожалению, отечественные и зарубежные аналитики обращают преимущественное внимание.

Автора можно считать последователем немецкой классической философии и методологии анализа исторических процессов: он уверен, что история есть пространство реализации высшего смысла, процессов эволюции и развития Мышления и Мыследеятельности (как логического аналога Мирового Духа, Мирового Разума, Бога), а конкретная динамика социальных сил обусловлена социокультурной морфологией данного (всегда конкретного) культурного и хозяйственного региона.

Представителям постмодернистских течений в философии, в последнее время широко распространившихся в России, возможно, ссылка на немецкую классику может показаться анахронизмом. Однако в своих методологических подходах мы опираемся не только на Гегеля и Маркса, но также на современные философские дискуссии, обосновывающие необходимость возвращения к классической методологии исторического исследования и ценностям эпохи Просвещения.

Вместе с тем статья имеет ярко выраженный объективистский характер: речь идет об изложении конкретной концепции, а не подходов и методологии анализа социокультурных процессов.

Автор является оптимистом по натуре и по *профессиональным установкам*. Последнее обусловлено характером и этикой социокультурного анализа: отдельный человек и группы людей представляют собой систему, превращающую ожидаемое и кажущееся в явь. Если долго говорить о том, что некий банк ненадежен, вкладчики начнут снимать свои деньги и банкротство станет неизбежным. Политическая

валюта также имеет тенденцию изнашиваться. Автор уверен, что процессы, происходящие на территории бывшего СССР и России, имеют глобальный культурно-исторический смысл: история рожает в муках и, как всегда, в антисанитарных условиях.

Сверхзадача проводимых размышлений состоит в том, чтобы увидеть за процессами распада оформление нового: прежде всего нового исторического субъекта, который мог бы взять на себя миссию развития Мыследеятельности и риски, связанные с развитием, которые уже отчетливо продемонстрировал нам XX век[1].

Россия перед лицом мирового хозяйства

В течение XX в. "мировое хозяйство" (далее – МХ) из идеи и проекта небольшой группы сторонников политического экуменизма, разрозненных представителей транснационального капитала и транснациональных корпораций, исследователей и футурологов превратилось в реальность политического и хозяйственного самоопределения основных профессиональных групп и большей части стран [2].

Если рассматривать этот вопрос с философской и историософской точки зрения, то следует признать, что так называемое МХ скорее всего не является первой реальностью (основополагающим пространством самоопределения современного человека и предметом первой философии); МХ само лишь выражает более глубокие и фундаментальные процессы эволюции и развития мышления и деятельности (будучи одновременно фазой этого развития и точкой слома/кризиса [3]).

Как пространство деятельности транснациональных корпораций и форма существования мировых воспроизводственных процессов – в отличие от существовавшей всегда хозяйственной и торговой специализации отдельных территорий и стран – МХ сложилось после второй мировой войны. С этого момента отдельные территории и страны перестали задавать правила "большой политической и экономической игры" под названием "мировая система разделения труда".

Реальность МХ является предельным пространством для большей части массовых процессов и рамкой массового сознания (замкнутого на процессы труда и жизнеобеспечения); МХ манифестирует себя через сложившуюся международную систему разделения труда (кооперации), систему региональных конфликтов и противоречий (конкуренции), борьбу за ключевые ресурсы, деятельность международных организаций, новые формы финансового и культурного колониализма, а также через новые всплески национализма и регионализма. Современную региональную хозяйственную кооперацию и межрегиональную конкуренцию (в частности, вызов традиционным центрам силы со стороны АТР и процессы европейской интеграции) можно воспринимать как переходный этап к глобальной мирохозяйственной организации, которая бы ассимилировала современные технологии управления, экологическую ситуацию и культурные различия стран.

Процесс так называемой "перестройки" на территории бывшего СССР и других стран Восточной Европы также следует понимать как

---

[1] В этом плане статья продолжает направленность другой работы автора – статьи "Экономические формы организации хозяйства и современные предпринимательские стратегии" ("Кентавр", №2, 1993, а также сборник "Программирование культурного развития: региональные аспекты", Вып. 2. М., 1993).

реализацию указанной зависимости: перефразируя К.Маркса, можно утверждать, что изменения в СССР были вызваны глобальным противоречием между уровнем развития производительных сил, характерных для мирового хозяйства, и уровнем производственных отношений, сложившихся на территории Советского Союза. Грубо говоря, необходимость перестройки диктовалась глубоким отставанием системы производства и потребления, сложившихся в Советском Союзе, от образцов, стандартов и форм организации, характерных для мирохозяйственной кооперации конца XX в.

Без сомнения, реализация энергии, заложенной в данном противоречии и рассогласовании мировых и страновых процессов, была невозможна сама по себе – как бессубъектная историческая "необходимость". Сам этот процесс и его содержание еще должны были быть осознаны определенной социальной группой ("негативным классом", реализующим историческую возможность) и увязаны с их собственными "классовыми" (групповыми) интересами. Подобное осознание всегда протекает в превращенных (если не сказать, превратных) формах, обусловленных конкретной социокультурной морфологией и конфигурацией жизнедеятельностных структур (политических сил, интересов, положений и статусов). Именно за счет указанного процесса субъективации смысла и логики исторического процесса то, что было лишь возможностью развития деятельности и мышления, становится реальностью конкретно-исторических событий (реальностью, к сожалению или к счастью, кардинально отличающейся от действительности рефлексивного и онтологического мышления исторического процесса).

Таким протосубъектом культурно-исторической трансформации в данном случае выступила отечественная "номенклатура", объединяющая в себе характеристики "третьего класса", по М.Джиласу, и "технократуры", по Гэлбрейту (как социальное и культурное измерение [4]). Именно данная социальная прослойка, уже "почувствовав вкус приватизации" процессов и системы управления (включая существующий государственный аппарат), увидела в указанном противоречии возможности для реализации своих классовых интересов, а значит, и интересов конкретных членов данного класса. Говоря социологическим языком, т.н. "перестройка" представляет собой "переворот", который производится "номенклатурой" (мечтающей стать бюрократией) в целях усиления самой современной бюрократии[2], и уже в силу этого носит верхушечный характер.

Указанный процесс субъективации был закреплен к началу 80-х годов происшедшим "поколенческим сдвигом": на уровень среднего управленческого персонала, реально влияющего на реализацию управленческих решений, пришло новое поколение с другими ценностными ориентациями и целями [5].

Если не учитывать названных выше культурно-исторических рамок и составляющих данного процесса, то можно целиком погрузиться в действительность социальной критики, пользуясь при этом литературными штампами типа "периода первоначального накопления", "эпохи приобретательства (авантюрного капитализма)", "демократической но-

[2] О понятии бюрократизоции см.: Weber M. The Theory of Social and Economic Organization, N.Y., 1947.

менклатуры", "прихватизации". Подобный "провал" мышления и рефлексии имеет вполне очевидные причины: конкретные участники процесса в подавляющем большинстве ничего не знают об историческом смысле самого процесса и реализуют свои личные или групповые интересы; в аналогичном положении оказываются и представители литературной публицистики, наивно предполагающие, что сами они находятся вне этого процесса и могут оценивать его со стороны. Не следует думать, что ход и результаты данного процесса (полипроцесса) предопределены: грубо говоря, никто не гарантирует, что результатом обсуждаемой в статье "классовой революции" (переворота в интересах "номенклатуры"), протекающей на территории конкретной страны в конкретный исторический период, будет адекватная ситуации и соразмерная ценностям эпохи форма "включения" страны (страновых ресурсов) в МХ, а также адекватное проблемам эпохи разрешение самих мирохозяйственных (культурно-исторических) противоречий [6].

В современном мировом хозяйстве нет определенного и подготовленного места для России; там нет "пустоты", которую можно было бы заполнить существующей хозяйственно-социальной морфологией. Все рыночные ниши (как актуально существующие, так и потенциальные) уже заняты, все виды непосредственного встраивания в МХ через специализацию уже спроектированы и реализуются другими странами и конкретными транснациональными корпорациями (ТНК) с опережением на пять-семь, а иногда и более лет. В МХ все есть (да простят меня экономисты за эту метафору).

В этом и состоит глубинная "интрига" сложившейся социокультурной, организационной и политической ситуации.

Тем более странно было бы считать, что представители заинтересованного класса рефлектируют или проектируют этот процесс *в целом*; только наивный человек мог бы доверять заверениям Горбачева, что у "авторов перестройки" есть ее план (если не считать локальных проектов разрушения существовавшей системы хозяйственно-политической организации, а также многочисленных "планов" дворцовых переворотов). Не менее иллюзорной является попытка приписать наличие подобного проекта каким-то внешним субъектам (правительству США, жидо-масонам, ЦРУ, мировой финансовой олигархии и т.д.). Конкретные представители данных групп и организаций находятся в таком же положении, как и внутренние субъекты; проще говоря, они мало что понимают и действуют в подавляющем большинстве случаев методом проб и ошибок под влиянием ситуативных факторов. Это не исключает того факта, что у каждой из этих (и у многих других) групп есть не только интересы, но и цели, проекты, планы, сценарии (другого уровня общности), что делаются попытки (более или менее удачные) реализовать эти проекты, что возникают коалиции и сети, строятся институты, инфраструктуры и т.д.

Другими словами, содержание всемирно-исторического процесса реализуется не только через форму интереса, но и через формы профессионального и коллективного мышления и деятельности. Новая системная организация, будучи возможным результатом искусственно-естественного процесса развития, выращивается и складывается как популятивное единство (соорганизация) многих организованностей, взаимоограничивающих друг друга.

Мировые процессы, обретя своего ситуативного (конкретного и, по всей видимости, кратковременного) представителя-носителя в лице отечественной "номенклатуры" и будучи реализованы в ткани существующей (сложившейся на территории б. СССР за последние 100 – 150 лет) культурной, социальной и хозяйственной организации, без сомнения, приобретут совершенно новую *форму*, удивительную и непредсказуемую, которая будет как продуктом мутаций, так и результатом поиска – поиска социокультурной формы для исторического содержания процессов развития мышления и деятельности.

Линии разлома [7]

Как мы уже подчеркнули выше, данное противоречие между системными эффектами и системным смыслом мирового развития, с одной стороны, и конкретными процессами, протекающими на территории одной (пусть и очень большой) страны, с другой стороны, конечно же, далеко выходит за рамки хозяйственных и даже социальных процессов. Будучи, с определенной точки зрения, рядовой модернизационной ломкой второй половины XX в. (наряду с процессами, протекающими после второй мировой войны на территории Юго-Восточной Азии и Латинской Америки), "перестройка" в б. СССР, на наш взгляд, вошла в резонанс с другими, более глубокими и длительными "историческими колебаниями" хозяйственной и социокультурной организации (характерными как для "постсоветского пространства", так и для всего мира [8]).

В результате Россия оказалась на пересечении нескольких тектонических линий разлома. Именно это наложение "резонансов" стимулировало внутренний структурный кризис в области культуры, образования, технологий управления, потребления и производства хозяйственных благ, а также в сфере воспроизводства и обращения капиталов, который приобрел необратимый характер уже в начале 70-х годов и во многом остается двигателем социально-политической ситуации до сих пор. Несомненно, что выделение подобных тенденций и линий разлома сегодня является предметом многочисленных исследований и философских размышлений, объединенных в особый культурный жанр, который можно было бы назвать: "итоги столетия" (конец прошлого века принес нам целую серию опытов и дискуссий подобного рода). Определение наиболее значимых событий и тенденций, естественно, будет существенно меняться год от года, по мере увеличения дистанции, отделяющей нас от самого объекта анализа – XX столетия. История XIX в. (в отличие от хронологии) переписывалась неоднократно, и соответственно менялись статус и оценка отдельных событий, лиц и процессов.

Мы укажем лишь на некоторые (значимые, с нашей точки зрения) исторические тенденции и контексты, которые детерминируют происходящие процессы и задают рамки локальных трансформаций. Это прежде всего процессы глобализации хозяйственной и политической деятельности, трансформации моделей развития, возникновения мировых инфраструктур и "новых империй", процессы регионализации, изменения в области образования, на рынках труда и в сфере организации, руководства и управления, изменения роли "государства"

и государственности как особой технологии управления, а также возникновения сферы "культурной политики".

Остановимся подробнее на некоторых вопросах.

Как мы уже подчеркивали выше, XX век принес нам резкое усиление процессов глобализации (интернационализации, интеграции) хозяйственной и политической деятельности. Предметом хозяйственных преобразований и хозяйственного планирования реально стал весь "земной шар" со всеми его ресурсами. В понятии "стратегических ресурсов", которое получает распространение после второй мировой войны, фактически воплощена идея управления землей как единым целым: запасы подсчитаны на много лет вперед; ясны геополитические и геоэкономические преимущества различных стран; сформированы стратегические альянсы держателей ресурсов и их пользователей.

В рамках этих процессов, естественно, был вновь и с большой остротой сформулирован вопрос о пределах антропогенных воздействий на окружающую среду, границах индустриального производства и перспективах использования моделей экономического (и социального) развития, опирающихся на систему займов у будущего. Вновь, как и двести лет назад[3], в форме экологической критики получил широкое распространение "мальтузианский" способ анализа хозяйственных и политических процессов. Послевоенная экспансия развитых индустриальных стран в "третьем мире" и широкое распространение сформированных в них моделей роста (модернизации, индустриализации, включения развивающихся стран в МСРТ) поставили вопрос о последствиях реализации этих моделей и возможных альтернативах развития. В этом контексте возникают проекты "устойчивого развития" и "социально-экологического рыночного хозяйства", доступные в плане реализации лишь богатым странам.

Если ориентироваться на пространство идеологии, то вторая половина столетия принесла нам признание множественности возможных (прежде всего для стран "второго" и "третьего" мира) линий развития, но, к сожалению, это мало отразилось на реальной практике хозяйствования, мирового разделения труда и принятия политических решений.

Складывание мировых инфраструктур (транспортных, энергетических, информационных, финансовых и т.д.) и усиление системных зависимостей между различными территориями и сферами деятельности не отрицает, а, напротив, стимулирует процессы конкуренции. Конкуренция между предприятиями дополняется, а по ряду направлений фактически полностью уступает место конкуренции между странами, которые во многих случаях начинают вести себя как "территориальные корпорации". Важнейшими факторами конкурентоспособности подобных корпораций становятся трудовая этика, идеология, религия, культура и уровень образования. Для усиления своих позиций страны вынуждены и в хозяйственном, и в политическом, и в культурном плане "включаться" в более широкие региональные структуры. Распад б. СССР как последней транснациональной империи образца XIX в., опиравшейся на механизмы прямого принуждения и хозяйственные возможности "внутренней колонизации", проходит на фоне складыва-

[3] Работа Мальтуса "An essoy on the principle of population, as it affects the future improvement of society", как известно, была опубликована впервые анонимно в 1798 г.

ния новых трансрегиональных культурных и экономических империй в Европе, АТР и на Американском континенте. На рубеже XXI в. усиливаются противоречия между сверхгосударствами (новыми империями, регионами второго порядка) и отдельными странами. Территории вовлекаются в процессы вторичной и третичной колонизации, не обладая необходимыми региональными ресурсами, кроме традиционного "государства", неспособного противостоять современным технологиям освоения.

Как мы уже подчеркивали выше (см. примечание [2]), эволюция и смена форм организации хозяйства не приводит к полному вытеснению и исчезновению предыдущих форм. Каждая форма организации хозяйственной деятельности, будучи реализованной на определенном ареале природного, антропного и технического материала, становится ядром образования соответствующего хозяйственного уклада [9]. Современное мировое и региональное хозяйство представляет собой продукт несистемной соорганизации различных хозяйственных укладов. Процессы регионализации, интеграции и глобализации хозяйственной деятельности ограничивают автономию и усиливают противоречия между различными хозяйственными укладами, а также между странами, ориентированными на разные формы организации хозяйства. Другими словами, углубляются противоречия между различными формами организации хозяйства и территориями, вовлеченными в зону преимущественного влияния тех или иных хозяйственных укладов.

Названный комплекс противоречий выражается в усиливающихся процессах фрагментации и новой интеграции территорий; наложение этих процессов и задает, собственно, лицо современного регионализма. В этом контексте также усиливаются противоречия между центрами (хозяйственными и культурными ареалами, так или иначе вовлеченными в мировые процессы трансформации и развития), точками роста, очагами развития, с одной стороны, и разнообразными и многочисленными периферией – с другой[4].

XX век принес невиданный до этого рост уровня подготовки и образования широких масс населения, вызванный, в свою очередь, усложняющимися требованиями со стороны военного дела, промышленного производства и политических технологий [10]. Процессы образования и подготовки кадров вышли за пределы образовательных учреждений (школ, детских садов, высших учебных заведений), перестали быть предметом государственной монополии. XX век принес нам идеалы непрерывного образования, общества-агентства (где каждый учится у всех), развивающей и развивающейся культурно-образовательной среды (начиная с детской комнаты и кончая пространственной организацией современного города).

Вместе с тем рост уровня образованности проходил на фоне очевидных изменений в процессах трансляции культуры. Традиционная связь между культурой и образованием (доставшаяся в наследство от Нового времени) нарушилась: возник широкий спектр акультурных и контркультурных педагогик; разрушение механизмов воспроизводства

[4] См. анализ В.Каганского для СССР и России: "Советское пространство: конструкция и деструкция" (Иное. Т. 1).

привело к возникновению разнообразных "культурных мутаций" и "вымыванию" целых пластов культурных норм.

Рост уровня образованности, как ни парадоксально, не только не отменил, а, напротив, усилил и углубил проявления образовательного неравенства.

Кардинально изменились требования к системам, технологиям и стилям управления, организации и руководства: все большее значение стало уделяться партиципационным методам управления, формированию временных проектных групп и коллективов, деятельности мобильных корпораций. Во второй половине столетия широкое распространение получили методы ситуационного управления "ad hoc" [11]. В последние 20 лет произошел почти повсеместный отказ от иерархических моделей организации, построенных на принципах прямого подчинения и монофокусного принятия решений; получили распространение так называемые "сетевые формы организации" – гетерархические и многоцентровые. Последнее, по всей видимости, связано с кардинальными изменениями структуры и интенсивности информационных потоков, процессов распространения и использования знаний в системах деятельности, принципов и способов принятия решений в условиях неполной информации и коллективного действия, с распространением инфраструктурного и сетевого подходов в принципе.

В условиях "формационной смены" принципов и технологий управления в различных сферах деятельности продолжает сохраняться проблема стимулирования процессов локального (социального, социокультурного и хозяйственного) развития и его субъектов; усиливается роль и значение предпринимательского мышления и деятельности[5]; углубляются противоречия между развивающимися и стационарными (функционирующими или инерционными) регионами мыследеятельности. Существенные изменения произошли на рынке труда, где рост значения подготовительных работ (программирования, проектирования, планирования, сценирования), по сравнению с исполнительскими, и общая интеллектуализация мыследеятельности привели к сдвигу от стратегии "продажи" к принципам "аренды" (лизинга) рабочего времени [12].

При этом, несмотря на широкое распространение индивидуальных инструментальных (знаниево-инструментальных) систем[6], продолжают усиливаться противоречия между социальной, географической и даже социокультурной (этнической, языковой, национальной) необходимостью и деятельностной (мыследеятельностной) возможностью в процессах самоопределения и личностного роста, между детерминизмом и посибилизмом. Увеличение степеней свободы, возможность доступа к любым массивам информации и информационным сетям в реальном времени, свобода передвижений, выбора места приложения своей активности в границах мира вместе с тем всегда оборачивается новыми ограничениями, условностями и зависимостями более высокого порядка.

В рамках названного социокультурного и эпистемологического контекста на рубеже XXI столетия формируются новая антропо-

---

[5] См.: Сб. "Программирование культурного развития: региональные оспекты", Вып. 2, Москва, 1993.

[6] См.: Полани М. Личное знание. Москва, 1980, а также Аттали Ж. Линии горизанта. Париж, 1988.

логическая формация и новый тйп человека, который может быть назван "мозаичным человеком", не сводимым ни к каким конкретным формам своего бытия-в-мире (экономическим, политическим, культурным, технологическим, биологическим). Бурно развивается комплекс антропотехник (психотехник, социотехник, культуртехник, техник коммуникации) и систем знаний-средств (инструментально-эпистемических комплексов), обеспечивающий такие модусы существования человека, как "быть источником нововведений в мыследеятельность" и "быть гарантом воспроизводства и развития систем мыследеятельности".

При этом в рамках программных и ситуационных технологий управления продолжает углубляться разрыв между индивидуализмом и коллективизмом во всех его формах (группизмом, коммунализмом, корпоративизмом). Это противоречие усиливается за счет существующих стандартов и форм распределения прав собственности и экономического дохода от деятельности, а также за счет распространенных технологий образования.

Исполнение мыследеятельности всегда носит коллективный и групповой характер, а обучение деятельности до сих пор в подавляющем большинстве случаев индивидуально.

Одним из проявлений этого противоречия является усиливающаяся конкуренция между приватизационными (индивидуализирующими, атомизирующими) и мобилизационными (коллективизирующими, кооперирующими) лозунгами и программами. Большое влияние на образование "линий разлома", характерных для XX в., оказали процессы массовизации и тотализации политической деятельности. Опыт мировых войн и революций XX в., возникновение массовых идеологических движений (социально-реформистских, культурных, национальных) параллельно с развитием средств массовой информации и коммуникации принесли новое измерение политического процесса.

В этом контексте существенно трансформировались отношения между обществом и государством. Роль государственных институтов и концепций государственного суверенитета в решении внутристрановых и межстрановых проблем уменьшилась. Отдельные функции традиционного государства стали передаваться на надгосударственный уровень (уровень коалиций государств и сверхрегионов), а также на уровень территорий (местных органов власти, коммун, муниципий, земель). В какой-то мере можно утверждать, что "гражданское общество" и "правовое государство", как ведущие персонажи европейского исторического процесса XV – XIX вв., постепенно "уходят со сцены", уступая место организованностям иного типа: "интеллектуальным программам", корпорациям (сплоченным группам и ассоциациям, использующим корпоративные формы организации) и "регионам". В этих условиях, естественно, усиливается конкуренция между тремя (по крайней мере) концепциями государственности: правовой, бюрократической и программно-целевой.

Буквально в течение одного столетия изменился ведущий тип политической культуры: от лидерской к партийной и от нее – к программной.

На наших глазах формируются новая сфера и новый тип мыследеятельности – культурная политика, ассимилирующая такие, казалось

бы, различные виды практики, как образование, архитектуру, пространственное и средовое планирование, экологию, рекламу, public relation, image-making, консультирование, право, дизайн, средства массовой информации и коммуникации, экранные технологии.

Распад системной организации

Как бы мы ни конкретизировали перечисленные выше тенденции, в начале 80-х годов на территории СССР (под воздействием глобальных тектонических процессов, внешнего мирохозяйственного давления и внутренних противоречий) начался процесс прогрессирующего распада сложившейся за прошедшие десятилетия системной (полисистемной) организации.

Историческая роль "номенклатуры" во многом была связана с тем, чтобы раскачать и разрушить старую форму, которая удерживала "внутренние" процессы (культурные, социальные, хозяйственные) и препятствовала "позитивному усвоению (ассимиляции)" нового содержания мировых процессов. Речь идет и о так называемом Советском Союзе, о советской "империи", о "социалистическом хозяйстве", а также о множестве других локальных форм организации, специфическая конфигурация которых обеспечивала протекание и увязку основных процессов функционирования хозяйственного комплекса и воспроизводства форм жизни.

Основной вопрос состоял в том, *как* будет проходить этот процесс и с какими издержками будет связана "разупаковка" существующих форм организации. Распространенные обвинения в адрес конкретных политических лидеров и в целом в адрес существующей политической "элиты" в основном связаны с тем, как и какой ценой достигалась и в дальнейшем будет достигнута "смена формы". Впрочем, на наш взгляд, от конкретных людей (какие бы должности они ни занимали) мало что зависело; в своих высших проявлениях они действовали как члены своего класса. Конечно, можно обсуждать вопрос о том, "можно ли было (и если можно, то когда и как) идти другим путем"; однако сегодня это, без сомнения, область "исторических фантазий".

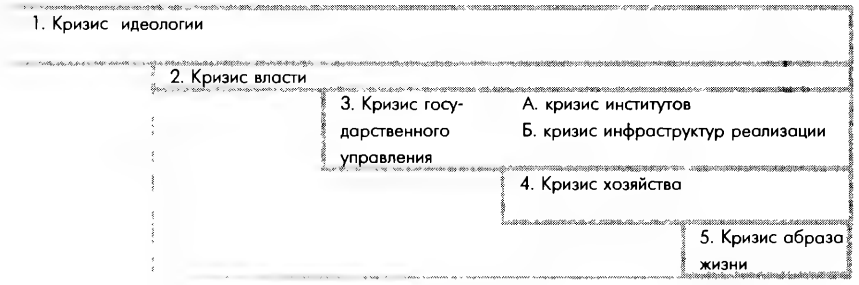
Форма разрушалась, распадалась, разупаковывалась во многом по заложенным в ней самой правилам "сборки и разборки". Что касается содержащихся в ней энергий и сил, то они, потеряв форму, вырвались вовне, одновременно создавая новое, более широкое пространство, и какое-то время двигались неоформленно (в процессах метаморфоза, повышенной текучести – аналог "лавы"). Конкретные люди и группы катастрофически не успевали переориентироваться в меняющихся социально-политических и хозяйствено-экономических условиях. В этом пункте претензии к "правящему классу" (на всех уровнях управления) гораздо более осмысленны: как мы уже подчеркивали, не было проектов и проектирования, а были иллюзии, надежды и пилотные прожекты, которые распадались сами собой под давлением обстоятельств; процесс анализа ситуации явно отставал от динамики самих процессов (и отстает до сих пор). Не имея возможности контролировать процессы трансформации и управлять ими, "номенклатура" сделала ставку на самоорганизацию общества [13], на ресурсы глубоко милитаризованного хозяйства, на процессы приспособления и гигантский адаптационный потенциал постсоветской социальной структуры. Следует подчеркнуть,

что последнее является не самой плохой идеологией в период радикальных изменений и неопределенности.

Будучи, как мы уже говорили выше, результатом системного влияния мировых процессов (в том числе мирохозяйственных) на внутреннюю структуру социокультурной и хозяйственно-политической организации, процесс смены формы не может рассматриваться как одномоментный акт (отказа от одной формы и приобретения [проектирования, конструирования] другой); он (процесс, а точнее, полипроцесс) имеет свое особое "время" и свою металогику. Будучи распадом старой формы и многоканальным коллективным (массовым) поиском (конструированием и "выращиванием") новой формы, этот полипроцесс может быть представлен в виде особой модели.

Данная модель была разработана в рамках Московского Методологического кружка в 1987/88 гг. [14] и до сих пор позволяет анализировать и прогнозировать ход основных процессов трансформации, хотя и не отвечает на вопрос о нормативном содержании самих процессов и их результатов.

Мы выделяем по крайней мере пять уровней анализа динамики и тенденций распада/ликвидации старой системной формы (распада полисистемы общественной организации) и замещения содержания основных процессов: а) макроидеологии, б) структур власти или политической системы, в) управления, включающий два слоя – институтов (в том числе государственного аппарата) и инфраструктур управления, г) хозяйства и д) микроидеологии или образа жизни (схема 1) [15].



Роль "центральной элиты" в трансформации любого из названных слоев не стоит слишком преувеличивать: до последнего времени она сводилась к тому, чтобы публиковать (выражать) для общественного сознания сам процесс распада и тем самым косвенно легитимировать его, а также стимулировать процессы адаптации и самоорганизации различных общественных систем.

Здесь следует воспользоваться категорией "пространства" (пространственной организации).

Человеческое самоопределение всегда разворачивается в особом "виртуальном пространстве", ограниченном и очерченном культурными, знаниевыми и знаковыми организованностями. Существование чего-либо в социокультурном мире – это прежде всего существование через норму (представление о должном), нормативное описание, через правило, через знание и знак. Знаково-семиотическое пространство

(пространство ориентаций, ценностей, форм организации, правил поведения, норм культуры) играет ведущую роль не только в политических, но и в хозяйственных процессах (именно в этом сила и эффективность экономических форм организации, как бы создающих второе измерение хозяйства – измерение знаниевое, знаковое, семиотическое). В течение последних десяти лет "центральная номенклатурная группировка", сохраняя за собой ведущую роль в "эмиссии идеологической валюты" (как заимствованной, так и отечественного производства), поддерживает и укрепляет и свои центральные функции (контроля, управления и влияния). Так называемая "перестройка" осуществляется в основном за счет использования ресурсов милитаризованного хозяйства, с одной стороны, и монофокусной структуры производства и распространения новых норм, знаний и знаков – с другой. Остановимся коротко на характеристиках названных уровней модельного представления и охарактеризуем те "символические события", которые могут рассматриваться как проявления переломных точек процессов на каждом уровне.

Процесс распада ведущей идеологии начался достаточно давно [16]. Поколенческая смена в слое "номенклатуры", рост претензий региональных лидеров и организационно-управленческой элиты в сфере производства на автономию, распространение криминального и рост сферы "теневого" капитала, формирование новых потребительских стандартов в ориентации на мировые технологии, импорт мировых информационных сетей и их продуктов, рост диссидентского движения подтачивали основы давно не модернизировавшейся "социалистической" идеологии "внутреннего разлива". Процесс надо было только слегка подтолкнуть; роль спускового механизма здесь сыграли саморазоблачения "центральной элиты", признавшей свою неконкурентоспособность.

События августа 1991 г. стали переломной точкой в процессах трансформации идеологии. При этом важнейшим идеологическим изменением были не столько ценностно-ориентированные (или карьерные) действия тех, кто непосредственно участвовал в событиях вокруг Белого дома, сколько "прагматически" (и даже цинически) обусловленное бездействие "номенклатуры", уже втянутой в процессы коммерционализации и не имеющей никакой новой идеологической формы. С этого момента окончательно разрушается то идеологическое пространство, в которое было погружено общество, и это разрушение признается как факт общественной жизни. Ликвидация компартии фиксирует смещение центра тяжести процессов распада на уровень власти.

Под пространством "власти" мы в данном контексте понимаем рамки взаимоопределения и поле взаимодействия, конкуренции и борьбы между основными группами давления, которые сложились при распаде административно-командной системы (АКС) еще в 1954 – 1964 гг. К числу этих сил можно отнести традиционные для экспертного анализа хозяйственно-политические группировки: топливно-энергетический (ТЭК), военно-промышленный (ВПК) и агропромышленный (АПК) комплексы. В общих чертах эти группы с небольшими изменениями просуществовали до конца 80-х гг. [17]. Их взаимодействие было опосредовано квазиинституциональными структурами "компартии" и "советской власти", где последние выступали как "площадки" коммуникации между группами и группировками и вместе с тем как форма пе-

реговорного процесса[7]. Подобный способ формирования властных отношений и "раздела" зон влияния приводил к тому, что до последнего времени основные группы давления оставались традиционно связанными с существующей хозяйственной структурой и территориальной специализацией социалистического и постсоциалистического хозяйства.

В течение 1992 – 1993 гг. неоднократно делались попытки, во-первых, трансформировать источники образования и механизмы концентрации властных ресурсов, а во-вторых, сформировать систему стратегических альянсов основных групп давления. По всей видимости, эти задачи в плане своей реализации противоречили друг другу. Плюс к этому процесс консолидации (сговора) элит – финансовой и хозяйственной, с одной стороны, центральной и региональных – с другой, был заторможен нарастающим конфликтом правительства (властвующей номенклатуры) со структурами "советской власти" (другой частью номенклатуры, эксплуатирующей возможности представительской функции и также претендовавшей на полноту власти). В течение 1992 – 1993 гг. трансформация поля власти проходит несколько переломных точек, которые фиксируются рядом значимых событий: VII съездом народных депутатов в декабре 1992 г., референдумом весны 1993 г. и, наконец, событиями октября 1993-го. На наш взгляд, осенью 1993 г. эпоха "советской" власти, как способа согласования интересов основных групп давления, бесповоротно закончилась.

Активный (видимый) период трансформации властной системы, координации новой институциональной структуры и существующих неформальных силовых отношений занял более двух лет и в общих чертах завершился в начале 1994 г. [18]. Классовая революция, о которой мы говорили выше, произошла; в России (как, впрочем, и на территории других государств СНГ) сформировалась новая властная олигархия (которую иногда называют "новой элитой"), в общем и целом "приватизировавшая" государственный аппарат и механизмы распределения (перераспределения) собственности, внутренних и внешних ресурсов.

Под "приватизацией" в данном контексте мы понимаем процесс присвоения отдельным человеком или сплоченной группой (корпорацией) ключевых механизмов управления и контроля над процессами деятельности.

"Место" идеологических рамок, обеспечивающих консолидацию властных групп и реализацию самих властных отношений (по отношению к другим социальным группам), сегодня занимает плохо отредактированный набор социал-патриотических и имперских идеологем. Последнее является: а) закономерным ответом на внешнеполитические вызовы (в том числе, стремлением развитых стран сохранить Российскую Федерацию как "остаточную империю" для автономного поддержания устойчивости на территории б. СССР), б) результатом

[7] Последнее не может быть отнесено к сфере "политики" в современном европейском или американском смысле этого понятия (см.: Бурдье П. Социология политики. Москва, Социологос, 1993, а также Bourdieu P. An Invitation to Reflexive Sociologiy. Chicago, 1992). О "советской политике" см., в частности, работу Левенчук А.И., Кордонский С.Г., Найшуль В.А., Сапов Г.Г. Проблема продовольствия и хозяйственная система. Доклад смешанной группы экспертов Мировому банку. Москва, 1992.

осознания гибельности чисто националистических лозунгов для сформировавшейся за последние 300 – 400 лет транснациональной (мультинациональной) социальной структуры, в) а также эффектом рефлексии существующей пространственной организации хозяйственной и политической деятельности на территории России (в частности, значения процессов "освоения" Сибири и Дальнего Востока не только для самой России, но и в геополитической и геоэкономической перспективе).

Переход к целенаправленной трансформации системы государственного управления (на федеральном, региональном и местном уровнях) был (и будет) невозможен до тех пор, пока не закончится период борьбы за власть. Основным вопросом и возможным результатом третьей фазы распада (1994/96 гг.), по всей видимости, является поиск, "выбор" и активное формирование новой формы (модели) государственного устройства (притом, что результат будет одновременно и отправной точкой нового синтеза сборки идеологических, властных, хозяйственных и образожизненных структур).

Базовая модель легко подводит нас также к формулировке ключевых задач, которые стоят перед строящимся государством, и условий реализации этих задач. Для этого необходимо как бы пространственно-графически "вывернуть" все остальные процессы (уровни модели) через слой государственного управления. Из этой модели очевидно, что государство (ориентированное, условно говоря, вовнутрь) должно прежде всего обеспечить а) процессы структурной перестройки хозяйства и б) изменения принципов и механизмов социальной политики. Это и будет составлять содержание новой хозяйственной (промышленной, инвестиционной и др.) и социальной политики. Условиями реализации этих программ будет выработка новой идеологии и продолжающаяся консолидация (согласование) интересов основных властных элит (в том числе, подключение к этому процессу других социальных групп).

Состояние геополитической неустойчивости

Между процессами распада системной организации внутри страны (и соответственно попытками демпфировать эти процессы и найти адекватную форму для ключевых внутренних напряжений) и "внешним" (в данном случае – мировым) контекстом существует целый ряд причудливых взаимосвязей и зависимостей. Распад политической системы бывшего СССР и трансформация хозяйственного комплекса на 1/6 части суши, без сомнения, существенно влияют на сами мировые процессы и, иногда кажется, могут изменить их направление. Напротив, многие усилия, предпринимаемые управленческой элитой "внутри" страны оказываются совершенно безрезультатны в силу недоучета или просто игнорирования системных контекстов [19].

Следует подчеркнуть, что категории "внешнее-внутреннее" при анализе социокультурных процессов употребляются обычно лишь в качестве метафоры; в области рефлексивных систем (систем деятельности, пронизанных рефлексией[8]) "внешнее" постоянно становится "внутренним" и наоборот.

---

[8] См.: Лефевр В. Конфликтующие структуры. Москва, 1970; Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. Москва, 1991.

П. ЩЕДРОВИЦКИЙ

Современная геополитика исходит из предположения, что вес и роль страны в системе мировых отношений определяются целым рядом ключевых факторов: территория, тип границ, количество населения, уровень экономического и технологического развития, финансовая мощь, расовая однородность, оптимальная интеграция всех социальных слоев, политическая стабильность и, наконец, такой "виртуальный фактор", как национальный дух.

После распада СССР достаточно устойчивое в геополитическом плане "большое пространство"[9] приобрело очевидную (чисто физически) неустойчивую форму, будучи одновременно (по частям) вовлечено в зоны влияния других региональных центров силы. Сегодня уже достаточно ясно обозначены претензии культурной, хозяйственно-экономической "колонизации" территорий бывшего СССР со стороны США, Европы и стран АТР. Большинство аналитиков согласны, что если Россия не сможет в ближайшей перспективе (15 – 20 лет) стать центром новой (как по форме, так и по содержанию) континентальной консолидации (на Евразийском материке), то (здесь следует согласиться с концепциями т.н. "новых правых"[10]) она станет ареной действия других континентальных и мировых империй (протоимперий).

Подчеркнем, что сам процесс распада СССР во многом был стимулирован возросшим влиянием подобных внешних центров силы.

Ход на выделение России из СССР, в общей форме описанный[11] задолго до событий 1991 г., был обусловлен во многом чисто прагматическими соображениями: ставкой на ресурсный потенциал Российской Федерации, пониманием глубинной зависимости вновь образованных стран СНГ от России в экономическом и культурном плане, желанием разом избавиться от целого спектра проблем, накопившихся в периферийных территориях, и т.д. Можно констатировать, что сегодня и хозяйственно-экономическое, и политическое положение в большинстве стран СНГ оказалось много хуже, чем в России.

Одновременно резко обострилась проблема границ: будучи по своему историческому происхождению результатом территориальной экспансии и колонизации, Российская Федерация сегодня не имеет устойчивых границ. Вокруг России формируется новый контур геополитических и геоэкономических напряжений; эти напряжения несут опасность серьезных и затяжных региональных конфликтов.

За прошедшие с 1984 г. десять лет и властная элита, и большая часть общественных (профессиональных) групп ушли от трактовки мирового порядка (в его реальном и подразумеваемом, проектируемом плане) как идиллической сферы взаимопомощи и взаимных уступок. Несмотря на существенные изменения формы осуществления международной экономической и политической конкуренции со времени мировых войн, содержанием этих процессов, без сомнения, продолжает оставаться борьба за господство и контроль над ключевыми типами ресурсов: материальными (сырье, средства производства, финансы), интеллектуальными и "человеческими" (воздух, чистая вода, территория как таковая). Конкуренция между предприятиями все более уступает

---

9 См.: Хаусхофер. Geopolitik des Pazifischen Ozeans, B. 1924, Erdkunde, Geopolitik und Wehrwissenscaft. München, 1934.

10 См.: Элементы, 1990–1993 гг.

11 См.: Зиновьев А. Зияющие высоты. Солженицын А. Как нам обустроить Россию.

место конкуренции между странами и даже блоками, стратегическими альянсами стран. Несомненно, что в этой конкуренции важнейшую роль играет ресурс "свободы" (экономической и политической организации, способствующей мобилизации индивидуальной и групповой воли), однако не меньшим значением обладает возможность экспансии, контроля и доминирования.

Сегодня вполне допустимо сделать вывод, что страна, вставшая на путь догоняющего развития, несвободна в выборе своего места в МХ и складывающейся МСРТ.

Конечно, к складывающейся ситуации можно применить модели разрешения противоречий и конфликтов между различными социальными группами (классами: например, между рабочими и предпринимателями), заимствованные из истории капитализма. В этом случае можно утверждать, что через какой-то промежуток времени принципиальное изменение систем деятельности, а также объективная необходимость разворачивания процессов сбыта и стимулирования расширенного потребления приведут к тому, что развитые страны-производители будут всерьез озабочены складывающимися диспропорциями и разрывами в уровне жизни различных регионов мира и начнут проводить специальную компенсирующую экономическую политику. Однако пока конкретная реализация существующих между странами конкурентных отношений наиболее наглядно проступает в югославском конфликте и в стратегии финансового и культурного неоколониализма, развертывающегося во многих странах Латинской Америки, а также (чтобы далеко не ходить) в прибалтийских республиках б. СССР. Да и отношения России с вновь образованными государствами СНГ в связи с энергетическими противоречиями нельзя назвать безоблачными. Будучи дискриминированной вовне, Россия по отношению к ближайшей периферии и "внутренним колониям" ведет себя как "акула" международной конкуренции.

Другими словами, сложившаяся структура мирохозяйственной кооперации и политического давления диктует отдельным странам достаточно жесткие условия участия (подключения) к мировым и региональным процессам развития – как в плане направления этого подключения (места, конкретных типов специализации, кооперации), так и в плане механизма (способа участия).

Мы уже подчеркивали выше, что в МХ и МСРТ нет предуготовленного места для России. В конце 60-х – начале 70-х гг. существовала возможность занять место "новых индустриальных стран", однако она была упущена. Правящая группировка лелеяла надежду, что вторая волна индустриализации в АТР и Латинской Америке не состоится, а чуть позже – что можно будет проскочить в "клуб" влиятельных стран на гребне мирового сырьевого (и прежде всего энергетического) кризиса. Однако и эти возможности были использованы крайне неэффективно. Сегодня в МХ реально входят только газовая отрасль и некоторые сегменты производства вооружений. Нефтяные ресурсы России в среднесрочной перспективе утратили роль ценности мирового значения (хотя и составляют важный сектор внутреннего хозяйственного комплекса и экономики СНГ), большая часть производств не способна даже выйти на мировой рынок с конкурентоспособной продукцией.

Но даже если это произойдет и российские экспортные отрасли "выйдут" на мировой рынок, это еще не будет означать полноценного "включения" (участия) в МХ.

Условием международной конкурентоспособности страновых ресурсов и программ сегодня является уже не столько сама абсолютная мощность этих ресурсов, сколько относительная возможность репрезентировать эти ресурсы (и их специфическую комбинацию) на плацдарме мирохозяйственных отношений и организационных процессов.

При этом ситуация межстрановых отношений, по всей видимости, существенно изменилась с тех пор, как К.Шмидт[12] сформулировал свое понятие государства, как статуса (или системы статусов) в межгосударственных отношениях, опирающегося на возможность применения силы. Сегодня можно выделить по крайней мере три механизма подключения страны к мировым процессам: мы назовем их, соответственно, стратегией "войны", "борьбы" и "игры".

Остановимся на этом подробнее.

Если считать, что хозяйственная деятельность есть прежде всего потребление и контроль над естественными ресурсами территории и недр (а именно такая точка зрения была распространена в конце XIX – начале XX в.), то стратегия прямой войны является единственным способом изменения статуса и места в МСРТ. Подобная точка зрения стимулировала две прошедших мировых войны за передел зон влияния в современном мире и до сих пор лежит в основе многочисленных региональных конфликтов [20]. Страны АТР и Латинской Америки, вставшие в середине столетия на путь догоняющего развития и модернизации, осваивая индустриальную модель развития, выработали другой механизм включения в МХ, который получил название "экспортной стратегии" и (в рамках введенной типологии) должен быть отнесен к области "борьбы" за рынки сбыта. Суть этой стратегии состояла в том, чтобы, используя специфическую конфигурацию внутренних ресурсов и мобилизуя их (аналогия с войной – недоплаты за труд, жесткая дисциплина, перенапряжение естественных возможностей природы), создать конкурентоспособную продукцию и "прорваться" с ней на ключевые рынки, во многом вытесняя продукцию других (в том числе развитых, стран).

В сложившейся ситуации развитые страны, в свою очередь, учли опыт "молодых тигров" и в середине 70-х сформировали альтернативную стратегию, направленную на сохранение (и даже усиление) своих позиций в МСРТ и мировой политической системе. Эта стратегия была связана с созданием мирового финансового (валютного и банковского) пространства, фактически несущего на себе функции трансрегионального финансового контроля (а следовательно, и управления) за локальной (региональной) хозяйственной и социальной деятельностью. В результате этих усилий в сложившемся (в последние 20 лет) мировом пространстве реализация экспортной стратегии (в чистом виде и в отрыве от других управленческих стратегий) не приводит и не может привести к существенному изменению положения страны в мировой "табели о рангах". Таким образом, для страны (национального хозяйства в целом, отдельных отраслей и профессиональных групп и даже,

[12] См.: Шмидт К. Понятие государства // Вопросы социологии, 1992, №1.

как показывает опыт АТР и Латинской Америки, для элитных управленческих групп) остается только один эффективный и реалистический путь, позволяющий трансформировать существующую сеть зависимостей и "место" страны в системном контексте мировой организации: этот путь мы назвали "игрой". Это прежде всего игра–конкуренция программ, технологий управления, решения проблем (имеющих транснациональный, в пределе – мировой характер), технологий мышления (прежде всего коллективного, группового, междисциплинарного, межпрофессионального), это конкуренция систем знания (а фактически наиболее эффективных техник использования знаний) и семиотических (знаковых) машин.

Пример подобной игры можно проследить на истории создания СЭЗ в различных регионах мира. Национальные государства фактически завлекали на свою территорию ТНК и предпринимательские проекты, создавая благоприятные условия для их деятельности.

Другими словами, если сегодня и остается путь (способ) включения страны в МХ и МСРТ, то через превосходящую среднемировую технологию интеллектуальной организации деятельности, за счет эффективной организации и использования человеческого (индивидуального и коллективного, но во всех случаях и прежде всего – интеллектуального) ресурса. Стратегии "игры" – это всегда формулирование новых правил взаимодействия и взаимоотношений, новых принципов управления, новой моды, образа жизни и системы семиотической (знаковой) регуляции деятельности, лидирование в разработке и укоренении этих правил в мировом сообществе, в конечном счете это всегда – *рефлексивное управление:* возможность за счет превосходящей интеллектуальной организации использовать свои слабости как свою силу, а силу других игроков как ресурс для развертывания мировых процессов в тех направлениях, которые устраивают всех.

Происхождение и возможности постсоветской бюрократии

Основной тезис данного параграфа: постсоветская номенклатура, стремящаяся стать полноценной бюрократией (т.е. освоить современные технологии управления, а заодно образцы и прототипы "отправления власти", характерные для современной мировой финансовой олигархии), судя по всему, является "несостоявшимся классом" – в той же мере, как и пресловутый Марксов пролетариат.

Эта несостоятельность обусловлена по крайней мере тремя причинами:

а) происхождением и историей формирования постсоветской номенклатуры (своеобразным "генетическим кодом" данной социальной группы);

б) зоной ближайшего развития, которую этот класс, а также внешние условия и ограничения намечают для него (своеобразным кризисом как традиционных, так и вырожденных архетипов "бюрократии");

в) сложностью тех задач, которые ему предстоит решать (решить).

Онтологически данный тезис является очевидным: невозможно, не меняясь, войти в новое пространство деятельности и жизни. Реализуя историческую возможность развития и системной соорганизации России с мировыми процессами, номенклатура с необходимостью уничто-

жит себя как класс и радикально трансформирует собственную форму существования. Иными словами, существующая сегодня номенклатура (и тем более существовавшая до 1985 г.) не может ассимилировать происходящие процессы и уже в силу этого будет устранена с плацдарма политических и управленческих процессов.

Контуры тех задач, которые стоят перед постсоветской номенклатурой "внутри" и "вовне" страны, мы в общих чертах наметили в предыдущих параграфах. Речь идет о трех основных моментах: а) управлении процессами системного распада; б) преодолении состояния геополитической и геоэкономической неустойчивости Российской Федерации и всего СНГ и в) разрешении ряда мировых проблем и противоречий – основных линий разлома, характерных для мирового развития на рубеже третьего тысячелетия.

Теперь необходимо более подробно остановиться на двух первых моментах.

Многие экспертные сообщества (с легкой руки С.Кордонского и В.Найшуля, которые ввели этот термин в отечественную аналитическую литературу[13]) пользуются понятием "административного рынка". Последний в данном контексте может быть назван "колыбелью" отечественной номенклатуры. Согласно данной концепции, начиная с 1948 г. в СССР не существует "административно-командной системы" в прямом смысле этого слова, т.е. иерархической системы принятия решений, руководства и подчинения. Такая система скорее всего действительно существовала в 30-е и 40-е годы, однако в дальнейшем претерпела процесс распада (что, возможно, и стало одной из ключевых причин распада всей существовавшей системной организации).

В ходе распада АКС отношения между различными силовыми хозяйственно-политическими группами (отраслевыми и территориальными) постепенно превращаются в систему "гетерархических торгов": каждая группа, располагая определенными ресурсами (материальными, организационными, социально-политическими), оказывает давление на другие группы с целью получения максимальной выгоды.

Ключевым процессом становится *приватизация административно-командной системы.* Под приватизацией, как мы уже подчеркивали выше, в данном случае понимается процесс, в котором отдельные фрагменты системы управления, каналы информации и принятия решений приватизируются, т.е. переходят в безраздельную частную или групповую собственность управленческого персонала.

Основной единицей административных торгов является *отдельная административная услуга,* коими (услугами) и обмениваются лица, вовлеченные в процесс управления [21]. В области административного рынка практически не работает экономическая логика, логика оценки издержек и рентабельности [22]. Административный рынок (как и все другие рынки) функционирует, прежде всего и в основном, как семиотическая (знаковая) машина. Каждый участник административного рынка имеет систему значков (меток), которые фиксируют его статус. Статус участника определяется тем, насколько он может влиять на процессы распределения, перераспределения и обмена ресурсов. К концу

[13] См.: Кордонский С. Постперестроечное экономическое пространство. Трансформации административного рынка (Иное. Т. 1).

60-х годов структура мест в административном рынке начинает существенно расходиться со структурой мест в АКС [23]. Административный рынок рефлексивно охватывает процесс принятия решений и управления; сама АКС начинает существовать внутри рынка, по его правилам.

До начала 90-х годов коммунистическая партия продолжает играть роль "смазки", удерживая в своих руках рычаги контроля за административным рынком; последний, таким образом, является не конкурентным, а олигопольным. Через него продолжают реализоваться определенные группы целей, которые формулируются в качестве государственных приоритетов: обеспечение перетока ресурсов между сферой сельского хозяйства, ВПК и ТЭК; между регионами-донорами и регионами-реципиентами в процессах освоения; усиление обороноспособности, поддержка дружественных режимов в других регионах мира.

В середине 80-х процесс приватизации АКС дополняется другим ключевым процессом – *модернизации* административного рынка. Необходимость модернизации была вызвана двумя основными группами причин: "внешними", связанными с вызовом со стороны мирового хозяйства, и "внутренними", вызванными необходимостью закрепить достигнутую степень приватизации АКС основными элитными группами. При этом процесс модернизации до поры до времени не меняет *социальной природы* данного общества. В контексте модернизационных изменений активно идет процесс перекотировки мест и статусов в административном рынке. Административный статус начинает конвертироваться в финансовые и материальные активы. Несмотря на то что функционер занимает определенное место в существующей АКС, оказываемая им административная услуга может ничего не стоить. Подобная котировка является *первым условием* модернизации, и именно она становится основным содержанием первого периода т.н. "перестройки" [24]. Подчеркнем, что т.н. регионализация или территориальная фрагментация б. Советского Союза, а ныне России, также должна рассматриваться как одно из направлений приватизации АКС и модернизации административного рынка.

1992 год, ставший официально годом "либерализации цен" и "запуска экономической реформы" в России, был, несомненно, годом радикальной модернизации. Благодаря действиям Е.Гайдара всем участникам административного рынка стало очевидно, что вместо трудоемкого распределения десятков и сотен разнотипных ресурсов можно распределять или контролировать распределение лишь двух "ключевых" ресурсов: финансов и прав. В дальнейшем постсоветская номенклатура успешно осваивает новые технологии контроля (продемонстрированные ей Е.Гайдаром), начинает пользоваться т.н. "экономическими" инструментами управления во многих случаях более изощренно и умело, чем ее "учителя" из научного сообщества.

При этом, имея за плечами опыт функционирования в условиях административного рынка и опыт "перестройки" (интенсивного освоения новых техник контроля), постсоветсткая номенклатура видит свое будущее (зону ближайшего развития) в образе "финансовой" (прежде всего – банковской) и финансово-промышленной олигархии. Некоторые эксперты считают, что именно это было подлинной целью всего процесса перестройки и, в частности, попустительства формальных властей

(правительства) к процессам коррупции, схемам формирования капиталов и т.д.

Существует достаточно распространенная точка зрения, что подобное социальное (и социокультурное) новообразование – финансовая и финансово-промышленная олигархия – в России уже сложилось. На наш взгляд, это не так.

Можно выделить по крайней мере четыре группы причин, которые заставляют нас придерживаться другой точки зрения:

во-первых, в России не сложилось новое, достаточно устойчивое семиотическое (знаковое) пространство, в котором могли бы решаться задачи легитимации богатства, формирования новой системы культурных и социальных имиджей, легализации и легитимации самих активов и их владельцев-распорядителей; практически нет достаточно крупных легальных капиталов (а следовательно, нет и капиталов как таковых: даже очень большая сумма денег – это еще не капитал); фактически отсутствуют крупные легальные личные (а не корпоративные) капиталы (если исключить сферу шоу-бизнеса и спорта);

во-вторых, до 80 % финансовых активов являются по своему происхождению деньгами государства (взятыми в первой, второй или третьей производной), в том числе, правами и привилегиями (экспортными квотами, специальными разрешениями и т.д.), конвертированными в финансовые активы; вне государственной поддержки невозможны ни инвестирование, ни экспортно-импортные операции (в значимых геоэкономических масштабах), ни даже сохранение этих активов;

в-третьих, масштаб (масса) сформированных финансовых активов несопоставима с масштабами промышленных капиталов, а главное – с тем, что необходимо для реализации крупных инфраструктурных проектов, программ конверсии, санации и проектного финансирования в промышленности;

в-четвертых, отсутствует устойчивая и профессионализированная (специализированная) финансовая инфраструктура (обеспеченная, в том числе и кадрово), которая включала бы в себя небанковские финансовые институты, развитой рынок ценных бумаг, действующие холдинги (особо можно подчеркнуть, что у организационно-управленческих кадров [даже в банковской сфере] практически отсутствует финансово-семиотическая действительность; это, в частности, проявляется в том, что банки продолжают функционировать как большие ссудные кассы).

К этому следует добавить, что действующая "номенклатура" в процессах самопроектирования ориентируется на модели финансово-промышленных групп, зарекомендовавшие себя в некоторых странах Европы (прежде всего в Германии) и странах АТР; последние рассматриваются как субъекты технологической модернизации внутри страны и потенциальные участники мирохозяйственной конкуренции при существенной поддержке государства.

Это не значит, что мы исключаем возможность и перспективу образования постсоветских транснациональных корпораций (ТНК), действующих на территории всего СНГ, и финансово-промышленной олигархии; мы лишь подчеркиваем, что сегодня подобный субъект трансформации и развития отсутствует, процесс формирования искомого

субъекта (если считать, что на его пути не возникнет непреодолимых препятствий), по всей видимости, займет еще несколько лет.

Однако вопрос, который мы хотим поставить, направлен глубже.

Каковы требования к субъекту развития сегодня? Что значит быть управленческой "элитой" в системном мире?

Быть "элитой" сегодня, это еще не значит – контролировать основные каналы и потоки движения "ресурсов"; это значит – целенаправленно включать их в различные мировые и страновые процессы, добиваясь максимально эффективного использования и приращения самой ресурсной базы. Для этого необходимо прежде всего обладать *современными технологиями мышления*, уметь использовать существующий парк семиотических машин и синергетические возможности очеловеченных форм деятельности (возможности знаков, знаний, культурных норм, идеологии, совместной, групповой и коллективной мыследеятельности).

К сожалению, существующая "номенклатура" не имеет необходимой культуры (прежде всего и в основном социально-гуманитарной и философской), соответствующей интеллектуальной и технологической подготовки, не имеет представления о типе протекающих в обществе процессов и не может придать им необходимую скорость и направление. В частности, это проявляется в неумении работать с массовыми политическими процессами в условиях межпрофессиональной коммуникации, неполной информации, неопределенности и коллективного действия, в условиях инноваций, кризиса, аварий, экстремальных ситуаций и катастроф; это проявляется в непонимании современных требований к научно-исследовательской и проектной работе, неумении использовать сетевые формы организации, информационные технологии, мобильные корпорации и многофокусные системы управления, характерные для "высоких" форм деятельности и мышления. Существующая "номенклатура", к сожалению, не умеет работать с системами, обладающими мышлением и рефлексией.

Грубо говоря, она (в своей массе) попросту неграмотна в социально-гуманитарной области, и "экономизм" (как особая инъекция гуманитарного подхода) не может компенсировать радикального отсутствия комплекса социально-гуманитарного знания и современных антропотехник.

Столкнувшись с описанной выше (в самых общих чертах) задачей: вписать распадающуюся и вновь складывающуюся системную целостность России в системную целостность мирохозяйственного и культурного развития мышления и деятельности, номенклатура естественно пасует и стремится подменить эту задачу целым рядом псевдоцелей: поддержкой (стабилизацией) производства, разработкой инвестиционных проектов, освоением демократической политической культуры, "восстановлением" империи или ее хозяйственно-политических аналогов, сохранением идеологического контроля над процессами обучения и развития человека и т.д.

И, даже реализуя названные (казалось бы, органичные для ее генезиса и мировоззрения) целевые установки, конкретные представители новой номенклатуры трактуют эти цели и способы их достижения настолько узко и по старинке, что последние в принципе не могут быть реализованы в сложившихся условиях [25].

Таким образом, мы вплотную подошли к вопросу о смене ведущего субъекта трансформаций и развития на рубеже XXI столетия.

В поисках субъекта

Модернизационные революции 70-х годов, "взрывной" экономический рост стран Азиатско-Тихоокеанского региона и изменение мирохозяйственного, геоэкономического соотношения сил, региональные реформы начала 80-х годов в развитых индустриальных странах, "перестройка" и распад СССР, наконец, экономический спад начала 90-х годов вновь выдвигают на повестку философски-методологических, теоретических и практических дискуссий вопрос о движущих силах и субъектах мирового развития.

Философско-методологическое представление о субъекте развития в артикулированной форме впервые появляется, по всей видимости, у Гегеля. Он вводит понятие негативного класса, который выступает как способ или форма реализации исторической возможности.

При этом исторический процесс рассматривается и категоризуется как "естественно-искусственный", а анализ смещается в сторону выявления тех механизмов, которые как бы "подталкивают" или "стимулируют" чисто эволюционное движение.

В той мере, в какой Гегель размышлял в действительности философии (методологии) истории, он не интересовался конкретной социологией и не предметизовал своих представлений в социологической действительности. Иначе говоря, его не занимал вопрос о том, какая конкретная социальная группа (прослойка или класс – уже в этом втором, конкретно-социологическом смысле) возьмет на себя функцию негативного класса.

Параллельно с этим французские мыслители утопической ориентации делали попытки практического создания идеального общественного устройства и осмысляли свой опыт в социально-практическом ключе. У Сен-Симона понятие "класса" получает реалистический оттенок. Дискуссия о той социальной прослойке (группе, классе), которая действительно реализует историческую возможность и обеспечивает своей деятельностью шаг исторического развития (в частности, в плоскости социально-экономических преобразований), с новой силой развернулась во второй половине прошлого – начале нынешнего века в среде немецкой и российской социал-демократии.

К.Маркс синтезировал в своем учении ряд различных линий развертывания европейской культуры и мыслительной традиции; связав между собой социально-практическую ориентацию французских утопистов и принцип исторического развития, заимствованный из немецкой классической философии, он дал идее "негативного класса" конкретную социологическую и даже социально-политическую интерпретацию, утверждая, что прослойкой, на которую можно опираться при осуществлении социально-политических инноваций, является пролетариат.

Макс Вебер в своем анализе происхождения капитализма подчеркивал роль протестантских общин, а также обращал внимание на феномен современной бюрократии. Лев Троцкий рассматривал в качестве агента развития молодежь, которая за счет поколенческой революции берет на себя ответственность за следующий "шаг" движения. В.Ленин утверждал, что подобную функцию может выполнить только партия

нового типа, сочетающая в себе мощь военной организации и средства идеологической мобилизации масс. Через полвека Милован Джилас описал этот феномен в терминах образования "третьего класса" — партократии. Карл Мангейм в середине 20-х выдвигает тезис о том, что социальной группой, обеспечивающей развитие, является интеллигенция (понимаемая, в отличие от Шеллинга, конкретно-социологически, как носитель знания и ресурса свободы).

Очень близкими по духу оказываются все трактовки, полагающие в качестве субъекта развития инженерное сообщество или управленческую элиту. Подобная точка зрения широко распространяется в Германии и России под воздействием научно-технического прогресса в 90-е годы прошлого века. Цели индустриализации, интенсивного промышленного развития и развертывания инфраструктур выдвигают на передний край инженера-предпринимателя, автора и организатора крупномасштабных проектов.

Аналогичные представления в 60-е годы были развиты Гэлбрейтом, который рассматривал техноструктуру – инженерно-техническую и инженерно-управленческую элиту как движущую силу развития. Одновременно в рамках программ модернизации Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, а также в рамках первых программ реприватизации национализированных ранее отраслей промышленности и сфер деятельности в развитых странах, получает широкое распространение концепция революции менеджеров.

Таким образом, перед нами возникает вопрос: кто, какая социальная и профессиональная группа придет на смену номенклатуре, мечтающей стать "бюрократией" и финансово-промышленной олигархией? Какая группа придет на смену современной бюрократии, приватизировавшей государственный аппарат и финансовую систему в качестве субъекта воспроизводства и развития систем деятельности? Какой ресурс может быть сопоставим по мощности влияния с монополией над распределением финансов и прав? Какова динамика смены ведущего субъекта развития в мировом контексте и в специфических условиях России?

Вряд ли на этот вопрос может быть дан однозначный ответ.

Однако можно выдвинуть две основополагающие гипотезы:

во-первых, в мировом контексте данная социальная группа (потенциированный субъект развития и воспроизводства) должна владеть наиболее современными технологиями коллективного мышления и решения проблем новыми методами производства и использования знаний; именно "знания" (в широком смысле слова), а не капитал будет играть роль ключевого (замыкающего) ресурса для всей становящейся формации мыследеятельности;

во-вторых, в России эту миссию сможет взять на себя только та группа, которая одновременно с решением "внутренних" (собственно российских) проблем, сможет поставить и решить мировые проблемы (поставить российские проблемы как мировые).

Субъектом социокультурного и хозяйственно-экономического развития может стать (быть) лишь та социокультурная группа, которая возьмет на себя труд и ответственность:

а) за выработку новой идеологии жизнестроительства, новых подходов к решению мировых проблем, новых принципов и рамок организации мышления и деятельности;

б) за создание новых эпистемологических стратегий: технологий синтеза, соорганизации, комплексирования, производства и инженерной реконструкции знаний и систем знания, а также за формирование новых каналов распространения (передачи) и новых способов использования (усвоения) знаний;

в) за реализацию современных принципов и схем управления, учитывающих культурно-образовательный уровень населения, возможности информационных технологий и сетевых форм организации (профессиональных и межпрофессиональных сообществ), изменения демографической и экологической ситуации и т.д.

Мы уже подчеркивали выше роль и значение корпоративных форм организации социального действия, хозяйственной и политической деятельности. Однако сегодня все большее значение приобретают иные (в определенном смысле более мобильные и демократичные) формы организации групп и коллективов: их можно назвать "рамочными группами (объединениями)", "интенциональными ассоциациями", "деловыми сетями". Эти группы и объединения используют организационные возможности корпораций, своеобразные корпоративные (организационные) каркасы для реализации своих установок, ценностей и принципов, форм жизни. Ассоциации транспрофессионалов, использующие современные гибкие технологии мышления, изменяют внутреннюю структуру корпораций (корпоративных форм организации), что может быть охарактеризовано как неокорпоративизм. Вероятно, предвидение названных тенденций и изменений, появление ассоциаций, действующих как в корпоративных каркасах, так и между (поверх) корпорациями, привели Гэлбрейта к его пониманию "техноструктуры", объединяющей государственные органы управления, крупный бизнес и профессиональные (прежде всего – инженерные) элиты. Однако более точно было бы говорить об антропоструктурах (объединенных близкими интенциональными и рамочными моментами), связывающих между собой организации разного масштаба и типа.

По всей видимости, те социокультурные группы, которые смогут реализовать миссию развития, вынуждены будут формироваться и существовать как подобные интенциональные (рамочные) ассоциации и антропоструктуры.

Положение России в этом плане можно назвать трагичным, но вовсе не следует считать безнадежным. Конечно, природная среда находится в катастрофическом состоянии (а во многих регионах и за гранью такового), технические и технологические (прежде всего инфраструктурные и производственные) комплексы устарели физически и морально, оборудование изношено, существующие системы управления и руководства не могут обеспечить ни режимов функционирования, ни тем более развития. Однако сохранился еще тот ресурс (создание и наращивание которого – процесс крайне длительный и трудоемкий), чье отсутствие для большинства стран мира всегда составляло основную проблему их развития. Мы подразумеваем то, что часто называют "человеческим ресурсом и человеческим капиталом" – образовательный и квалификационный, а также культурный потенциал населения Рос-

сии, который до сих пор продолжает оставаться чрезвычайно высоким по любым мировым стандартам.

Россия имеет богатую культурную историю и огромный исторический опыт культурного (в том числе, философско-религиозного) самоопределения отдельного человека и сплоченных групп.

Россия обладает самыми передовыми технологиями обучения, образования и подготовки кадров (хотя некоторые из них до сих пор имеют экспериментальный и лабораторный статус).

За последние 40 лет в России были созданы чрезвычайно эффективные технологии мышления и коллективного решения проблем.

Если возвращаться к вопросу о включении России в МСРТ (а точнее, к вопросу ассимиляции Россией основных проблем и противоречий МХ), то сегодня можно указать по крайней мере несколько основных линий подобного включения:

а) первая из них связана с разработкой новых технологий управления и решения проблем (на уровне отдельных предприятий, постсоветских ТНК, отдельных территорий и регионов, временных проектно-исследовательских групп и мобильных корпораций), включая разработку и экспериментальное внедрение новых систем знания и семиотических машин;

б) вторая связана с индивидуальными (и коллективными) работами и услугами, требующими высокой квалификации и личностного начала;

в) третья – с созданием не-технологически организованных технических систем (значимых не только для военной сферы, но и в области оснащения исследовательской деятельности, экологии и проектирования человеко-машинных систем);

г) четвертая линия предполагает (несмотря на ограниченность самой данной стратегии, о чем говорилось выше) формирование нескольких "экспортных" отраслей (эта задача сегодня еще может быть реализована в авиационной и космической промышленности, в области оргсинтеза, информатики и системного программирования, в области производства некоторых типов вооружений, возможно – в часовой и текстильной промышленности, некоторых направлениях судостроения и металлургии).

Очевидно, что названные направления связаны с возможностями и спецификой системы образования и подготовки кадров, созданной на данной территории, а также с особенностями функционирования науки, военно-промышленного комплекса и ряда других секторов промышленности и услуг. По мере разрушения целого спектра областей, находившихся на дотациях государства, на рынок труда выходят специалисты достаточно высокой квалификации: инженеры, военные, исследователи, представители прикладных (естественных и социальных) наук, предприниматели, деятели искусства, менеджеры, кинематографисты, специалисты в области информации, средств массовой коммуникации, программисты, специалисты в сфере безопасности систем деятельности и многие другие. Они формируют сферу предложения на рынке квалифицированных услуг и даже создают ситуацию конкуренции для аналогичных специалистов и профессионалов в других странах и регионах. Параллельно с этим возникает и ширится предложение оборудования, станков, операционных систем, систем оценки качества, исследователь-

ских установок, в подавляющем большинстве случаев выполненных в единственном экземпляре и часто не поддающихся тиражированию. Уже существует большой ряд проектов, вся интеллектуальная часть которых производится в России, а исполнительская экспортируется или с нуля создается в странах СНГ, Европы и АТР. Для внутренней ситуации это означает, что параллельно с постсоветской "номенклатурой" и финансовой "олигархией" формируется слой свободных профессионалов, создающих рынок имен и рынок квалификаций в различных сферах деятельности. Мы уверены, что на рубеже XXI столетия сложится популяция "интерлокеров" – стратегических посредников между различными типами знаний и типами (сферами) деятельности. Специфическим способом существования и воспроизводства для данной группы оказывается форма рамочных групп, интенциональных ассоциаций, интеллектуальных корпораций и деловых сетей (в том числе межпрофессиональных).

Вместе с тем этот слой оказывается потребителем целого спектра вторичных услуг (информационных, организационных, образовательных и т.д.) и работодателем для большой группы населения.

В более далекой временной перспективе можно говорить о формировании на базе этих сетей и корпораций, а также иных страновых ресурсов и с учетом мировых проблем ряда так называемых "больших технологий".

Если под "малой технологией" (начиная с 90-х годов прошлого столетия) понимается либо синтез науки и производства (например, в химической индустрии), либо поточная организация производственной системы ("урочная форма организации производства" у Тейлора, конвейер), то под "большими" технологиями, в отличие от "малых", мы понимаем результат организации и технологизации процессов (контуров) воспроизводства производственных систем или систем услуг.

В качестве примера обычно приводят "технологию американского автомобилестроения", которая берет свое начало на конвейере фордовского завода по производству автомобилей марки "Т", а затем – через изменение системы оплаты труда рабочих, строительство дорог и систем придорожного обслуживания, массовую рекламу, технологию жилищного строительства, стилевую конкуренцию – захватывает фактически все системы воспроизводства образа жизни рядового американца. Сегодня можно назвать такие всемирные технологии, как "противозачаточные средства", интенсивное сельское хозяйство, персональные компьютеры, алмазный бизнес (включающий процессы формирования элитного спроса и моды на ювелирные изделия), технология быстрого питания (включающая в себя городские инфраструктуры и современный туризм в крупных городах), всемирный транспорт и т.д. Ведущим детерминирующим фактором в процессах формирования "больших технологий" является анализ и проектирование социальных и культурных процессов, поддерживающих воспроизводство и развитие мыследеятельности (и, как частный момент, платежеспособный спрос на товары и услуги). Существование и экспансия "больших технологий" в современном мире подтверждают гипотезу о том, что социальная и культурная политика охватывает экономическое планирование и создает "зоны" (ниши) для новых форм жизни и деятельности (потребления).

На рубеже XXI в. параллельно с переходом к инфраструктурным (сетевым) формам организации и на их основе можно говорить о формировании по крайней мере четырех "больших (сверхбольших) технологий":

а) технологии здоровья (включающей экологическое проектирование, медицинское обслуживание, рекреацию, спорт и профилактику заболеваний, фармацевтическую индустрию, систему социального и медицинского страхования, создание новых продуктов питания, экологическое сельское хозяйство);

б) технологии развития социально-производственных систем (включающей инжиниринг, технологическое проектирование, предпринимательство, инновационную деятельность, подготовку и переподготовку кадров, организационное консультирование, инвестиционную деятельность, финансовую инженерию, информационное обслуживание, создание сетей коммуникации и связи, строительство и вывод из эксплуатации промышленных объектов, санацию, маркетинг);

в) технологии культурной политики и организации жизнедеятельности (включающей городское и региональное планирование, демографическое планирование, планирование семьи, жилищное строительство, организацию быта и инфраструктур, обеспечивающих качество жизни, рекламу, культурную индустрию, экранные технологии, политическое консультирование, право, дизайн, средства массовой информации);

г) технологии личностного роста (включающей личностную психотехнику, образовательные технологии различного уровня, системы самообразования, формирование личных инвестиционных планов, программы повышения мобильности, программы занятости, программы миграции, программы создания индивидуальных информационных и инструментально-эпистемических систем).

Ключевым стратегическим ресурсом любой страны сегодня являются прежде всего освоенные в достаточно массовом (не узкоэлитарном) слое технологии мышления, понимания, рефлексии и профессиональной деятельности. Естественно, что изрядное время пионерские разработки в этой области являются достоянием меньшинства.

Единственное, что может стимулировать процесс распространения и интенсивного освоения этих разработок, с использованием возможностей современных инфраструктур образования и подготовки кадров, средств массовой коммуникации и информационных технологий, – это система принципов и формальной организации общественно-государственных систем, понимаемая как особая сфера использования синергетического потенциала коллективной мыследеятельности и объективированное выражение рационализма.

Есть все основания для того, чтобы считать возможным создание подобных технологий или их элементов на территории России и рассматривать происходящие события и тенденции сквозь призму процессов восстановления полноты форм организации мышления и деятельности, характерных для современного мирового развития.

Примечания:

1. Категория "формы", начиная с древнегреческой философии, трактуется как способ организации и одновременно как способ существования того или иного предмета, процесса и явления. В философии Платона специально подчеркивается активность "формы". В данном контексте категория "формы" употребляется во многом в смысле "энтелехии" у Аристотеля. Как известно, это понятие в системе философии Аристотеля выражало единство материальной, формальной, действующей и целевой причин.

2. В данном случае автор использует методологическую концепцию "реализации", которая учитывает феномен рефлексивности социальных систем и опирается на представления о "коллективной мыследеятельности". Эти представления позволяют рассматривать процессы перехода от действительности чистого мышления к реальности мысле- и жизнедеятельности.

3. Вместе с тем процесс смены форм организации хозяйственной деятельности является одним из ключевых процессов мирового развития. Он дополняется двумя другими процессами: а) исторической трансформацией (усложнением) каждой из существующих форм организации хозяйствования и б) формированием достаточно автономных и самостоятельных хозяйственных укладов, как прикрепленных к территории, так и экстерриториальных (являющихся результатом [продуктом] реализации "данной формы организации" хозяйственной деятельности в теле функционирующего хозяйства).

Между различными хозяйственными укладами возникают множественные отношения и связи взаимодействия, обмена и кооперации. Между формами организации хозяйственной деятельности могут существовать отношения и связи конкуренции, вытеснения, замещения, рефлексивного поглощения и компенсации (сверхкомпенсации).

4. Понимание "класса" в современной социологии неоднозначно. В течение длительного периода это понятие подвергалось резкой критике, прежде всего в силу наличия политических контекстов, связанных с употреблением этого понятия в марксистской традиции. Как известно, К.Маркс употреблял это представление в рамках и в действительности технической теории "перестроек", а происхождение данных "больших групп" связывал с процессами распределения и перераспределения отношений собственности. Современная концепция неоклассов в большей степени связывает данное понятие не с распределением статусов, а с использованием различных типов знаний, средств и техник мышления и деятельности.

Для анализа данного феномена необходимо еще привлечь представления о системе "management-by-out", которая была реализована в ходе модернизационных революций в Латинской Америке, а также схемы создания коммандитных товариществ по менеджменту в ходе приватизации и санации промышленных предприятий в бывшей ГДР.

5. Важнейшей характеристикой функционирующей в этот период модели "административного рынка" оставалась жесткая связность уровня доходов и привилегий отдельных представителей управленческой элиты и управленческих корпораций (отраслевых и региональных) с "местом" в системе; независимо от уровня участия в деятельности и уровня профессионализма, член корпорации не имел легальных и легитимных (здесь необходимо принимать во внимание несводимость – принципиальный дуализм "легитимности" и "легальности") возможностей "приватизировать" ни деятельность, ни ее результаты. Теряя "место", конкретный индивид автоматически терял все. Сложившаяся управленческая элита (включая местную–областную, достаточно многочисленную и влиятельную группу: по данным социологов, в конце 70-х – начале 80-х гг. на уровне области

она насчитывала список из 50 – 80 семей) объективно была заинтересована в приватизации т.н. административно-командной системы (далее – АКС): превращении ее из их собственности de facto в собственность de jure или "дополнения" существующих прав собственности до некой здравосмысленной "полноты".

При анализе этой ситуации не стоит также сбрасывать со счетов гигантские капиталы, сформировавшиеся с начала 60-х годов в рамках т.н. "теневой экономики", которая была необходимой компенсаторной системой, поддерживающей процессы производства, распределения и обращения. Эти капиталы (а главное, сформировавшийся на их основе образ жизни и тип потребления), во многих территориях фактически сросшиеся с существующими (официальными) властными структурами, также нуждались в легализации.

Таким образом, на основе поколенческой смены **процессы** приватизации АКС и легализации "теневого" капитала стали формой реализации (осуществления) модернизационной революции – технической, технологической и социально-политической модернизации.

6. По всей видимости, данный вопрос и способ анализа вообще является неадекватным: хозяйственная составляющая процессов мирового развития (будучи предельной рамкой самоопределения для подавляющего большинства социальных групп и сил) сама по себе зависит от множества других процессов, а существующая системная целостность (пусть даже только МХ) не является чем-то статичным (во что надо вписаться, включиться), а сама претерпевает трансформации в результате и в связи с трансформациями отдельных стран и областей деятельности.

Базовой проблемой является то, что постсоветский регион стремится изменить способы своего включения в мировую систему разделения труда (далее – МСРТ), МХ и мировое сообщество в тот момент, когда само это сообщество испытывает своеобразный кризис: меняются модели развития, тип хозяйственной организации и тип политической культуры.

С философско-методологической точки зрения речь идет о многоуровневых процессах взаимной ассимиляции и аккомодации двух системных и в то же время, популятивных целостностей. (О методе анализа "популятивных систем" см.: Щедровицкий Г. "Проблемы построения системной теории сложного "популятивного" объекта ". – В кн.: Системные исследования. Ежегодник, 1975, М., Наука, 1976. С. 235 – 267.) В этом плане реальное развертывание исторического процесса не может быть представлено как прямая линия и тем более как скачки. Отнюдь не всегда тот, кто испытывает наибольшие трудности и прикладывает много энергии, выигрывает, и далеко не всегда тот, кто выигрывает в конкретных ситуациях, в конечном счете приходит "первым".

7. Этому понятию я обязан Иохану Гальтунгу, автору работы "Eurotopia: die Zukunft eines kontinents". Вена, Промедиа, 1993. Гальтунг выделяет следующие "линии разлома", характерные для второй половины XX в.: между человеком и природой, мужчиной и женщиной, возрастными группами и поколениями, расами, классами, нациями, территориями, сверхгосударствами и др.

8. Одно из ключевых заблуждений (о котором, слава Богу, в последнее время много сказано) следующее: описанные выше процессы являются результатом действий конкретных людей и по своему масштабу занимают небольшой период – с 1984 по 1994 г. Это, конечно, не так. Мы не можем также согласиться с распространенной точкой зрения, согласно которой "переворот" 1917 г. кардинально изменил линии развития России и сформировал патологические новообразования, которые теперь необходимо ликвидировать и вернуться в "золотой век" Российской истории.

Сами процессы распада имеют гораздо большую (более длительную) историю, нежели события периода 1984/94 гг.; последние лишь манифестируют не-

кую активную (последнюю критическую) стадию протекания этих процессов, результат их взаимного наложения, приведший к своеобразному эффекту резонанса. В свое время Савиньи утверждал, что государство является органической формой народа. Не вдаваясь сейчас в обсуждение понятия "государства", можно подчеркнуть, что если бы поиск и реконструкция органических форм политической, культурной и хозяйственной деятельности шли бы более активно и рынок форм был более насыщен, то процесс вряд ли приобрел бы такие экстремальные характеристики. В одной из своих работ, касающихся Восточной Европы, Дж.Сорос подчеркивает, что если встряхнуть жесткую конструкцию, то она быстро разрушится – это произойдет тем быстрее, чем жестче она была, и сам процесс будет поражать воображение внешних наблюдателей.

9. Обычно при анализе истории хозяйства выделяют такие предельные типы, как "присваивающее" и "производящее", "натуральное" и "товарное" хозяйство, а также "доиндустриальную", "индустриальную" и "постиндустриальную" форму организации хозяйства. Отметим, что в последнем случае содержательно характеризуется только "средний член" – т.е. собственно индустриальное хозяйство.

10. Значение процессов перехода к всеобщему обязательному среднему образованию, а затем, в XX в., – фактически к всеобщему высшему образованию практически не оценено, и его последствия не проанализированы даже в педагогической литературе, не говоря уже о философии, культурологии и социологии.

11. Особо следует подчеркнуть процесс формирования сферы управления, со своим способом специализации и внутреннего разделения труда, а также развитие новых технологий, таких, как внешнее управление (в частности, применяемое в условиях санации), управление в условиях кризиса и управление кризисами (авариями, локальными конфликтами и пр.), системное программирование, управление нововведениями (включая программы подготовки и повышения квалификации кадров, программы освоения новых технологий, организационное развитие).

12. По всей видимости, понимание именно этого момента – возможности сдать свою квалификацию и систему личных знаний в аренду одновременно несколько раз – привело Ю.Хабермаса к формулировке, в соответствии с которой "общество, основанное на труде, исчерпало себя".

13. Одной из таких ключевых идей (в русле концепции самоорганизации) оказалась идея "рынка", понимаемая в духе неолиберализма, – она благополучно соединилась с исконным русским "авось" [авоська-базар-рынок]).

14. Работа Московского методологического [до 1962 года "Логического"] кружка (свободного объединения философов, логиков и представителей социальных дисциплин), созданного на философском факультете МГУ в 1951 – 1952 гг. и существующего в России и других странах СНГ в форме "методологического движения" до сих пор, с нашей точки зрения, представляет собой проявление процесса исторической смены форм и технологий мышления и распространения *методологического мышления, приходящего на смену философскому, научному и инженерному мышлению.*

Специфические способы организации коммуникации между членами кружка, способы постановки и решения практических (прикладных) задач и оформляющие эти практики теоретические представления (теория мышления 1954 – 1958, теория деятельности 1960 – 1965, теория понимания 1966 – 1974 и т.д.), сложившиеся в общих чертах в 50-е и 60-е годы, были, без сомнения, обусловлены существовавшей в СССР социокультурной ситуацией и, в частности,

особым положением социальных наук и философии. Кружок во многом формировался в оппозиции к официальной философии и науке, однако в течение всего периода своей активной работы стремился занимать конструктивную позицию: разрабатывать новые методы решения проблем и межпрофессиональной коммуникации.

У истоков кружка стояли Г.Щедровицкий, А.Зиновьев, Б.Грушин, М.Мамардавшвили. В работе кружка принимали активное участие В.Авксентьев, Н.Алексеев, О.Анисимов, А.Буряк, В.Давыдов, В.Данилова, В.Дубровский, О.Генисаретский, В.Горохов, Ю.Громыко, А.Зинченко, В.Зинченко, Н.Кузнецова, И.Ладенко, В.Лефевр, П.Малиновский, В.Никитин, А.Пископель, С.Попов, А.Пузырей, В.Розин, В.Садовский, Б.Сазонов, А.Тюков, В.Швырев, П.Щедровицкий, Э.Юдин, С.Якобсон и многие другие.

С самого начала кружок создавался для решения междисциплинарных проблем, требующих:

а) с одной стороны, распредмечивания существующих представлений, понятий, знаний и, что самое главное, средств и методов работы, принадлежащих отдельным научным и инженерным (техническим) дисциплинам;

б) с другой стороны, синтеза разнопредметных и разнодисциплинарных знаний в ориентации на решение комплексной проблемной ситуации.

За 40 лет существования сплоченная (хотя и меняющаяся по составу) группа людей, составляющих ядро ММК:

а) породила определенный стиль жизни и традицию, свое мировоззрение и идеологию, специфическое отношение к официальной идеологии, формы взаимоотношений и коммуникации, организации работ, способы подключения новых членов;

б) создала особое смысловое поле, свой язык, координированную сеть понятий и представлений и, что самое главное, определенный набор программ и проблем;

в) инициировала логико-методологическое движение, которое в дальнейшем распалось на собственно методологическое, системное, деятельностное, проектное и игровое (движение организационно-деятельностных игр, послужившее точкой кристаллизации игрового движения).

В настоящий момент в рамках Методологического движения издаются журналы "Кентавр" (выходит с 1990 г.), "Вопросы методологии" (выходит с 1991 г.), создан ряд институциональных структур: в частности, Московская Академия развития образования (Ю.Громыко), Межрегиональная методологическая ассоциация (С.Попов), Сеть методологических лабораторий (А.Зинченко, В.Никитин, Н.Андрейченко, В.Волков) и Школа Культурной Политики (П.Щедровицкий).

15. В основе данной схемы лежит несколько категориальных моделей, заимствованных из политологии, теории хозяйства и социологии. Прежде всего, это оппозиция "макроидеология–микроидеология" (образ самосознания–образ жизни), задающая структуру "жизненного мира", оппозиция "политика–хозяйство" (полис–ойкос) и оппозиция институтов и инфраструктур реализации управленческих решений.

Использование данной схемы для анализа процессов распада предполагает применение нескольких простых принципов:

а) процессы изменения и трансформации (распада) идут во всех слоях одновременно;

б) процессы в каждом слое имеют специфический характер развертывания и собственные критические точки;

в) смена формы (или распад формы) в вышележащем этаже происходит раньше (в физическом и деятельностном времени), чем в нижележащем;

г) процесс вышележащего слоя (помимо собственной формы) также приносит "форму" другим (нижележащим) процессам, а те, в свою очередь, дают

вышележащим "материал" (который в особой рефлексии может трактоваться как содержание, подлежащее оформлению или ассимиляции);

д) новая системная форма может быть только результатом соорганизации и взаимоувязки процессов во всех уровнях (а следовательно, не может проектироваться и конструироваться для какого-либо одного уровня [процесса] в отрыве от остальных, а также является результатом взаимного вписывания двух системных целостностей – мирохозяйственной и страновой).

16. Часто идеологические изменения характеризуют как кризис и даже крах социалистической идеологии. Это не совсем верно: мы являемся свидетелями распада институциональных форм поддержки (воспроизводства) социалистической идеологии при все нарастающем укреплении социалистических ориентаций среди групп и слоев, представляющих собой "страдательную" часть процессов мирового развития и модернизации. С этой точки зрения, можно утверждать, что уход с политической арены коммунистической партии не является результатом краха коммунистической и социалистической идеи, но свидетельствует о факте глубинной приватизации социализма как формы самосознания деклассированных и депрофессионализированных групп населения; смыкание этих идеологических течений с процессами отчуждения больших групп людей от участия в решении вопросов, влияющих на качество их жизни, приводит к распространению феномена "рассеянного фашизма" (идеологии, не имеющей своей институциональной и тем более государственной формы закрепления).

Интегральной характеристикой тех процессов, которые происходят на территории бывшего СССР в 1989 – 1991 гг. и особенно после августовских событий 1991 г., является, на наш взгляд, рост состояния неопределенности (в сознании) у больших групп населения, препятствующего выработке устойчивых планов поведения. Это состояние отягощается появлением и все более широким распространением очагов кризисного сознания, связанного с неудачными попытками действия на основе имеющихся в отечественной и мировой практике прототипов. В той мере, в какой именно последние группы контролируют каналы массовой информации и отвечают за формирование идеологии, осознание ими неадекватности применяемых средств для изменения данной ситуации (кризиса) приводит к еще большему росту неопределенности в других социальных группах.

17. Здесь можно сослаться на работу Я.Ш.Паппэ, в которой он анализирует структуру постсоветских элит. Понимая под "элитами" социальные и хозяйственно-политические группы, имеющие отчетливую экономическую и организационную перспективу, Я.Паппэ предлагает также использовать понятия "затухающая элита" и "силовая группировка". Если к первой категории будут отнесены такие группы, как газовая, нефтяная, аэрокосмическая и банковская, то ко второй может быть отнесена атомная группа, а к третьей соответственно угольная и аграрная.

18. Здесь мы расходимся со многими аналитиками и считаем, что процесс борьбы за власть закончился; начался процесс борьбы за функционирование власти.

19. Современное государство, несомненно, не может строиться по образу и подобию "суверенных государств" XVIII и XIX столетий. Современное государство многие функции и полномочия делегирует на надгосударственный, а другие – на территориальный уровни (местного самоуправления, штатов, земель, кантонов, областей). Одной из ключевых задач государственности как особой технологии управления является эффективное включение национальных (страновых) ресурсов в мировое (региональное) хозяйство (далее – МХ) и эффективное использование возможностей МХ для развития собственной территории и населения. Еще Н.Бухарин утверждал, что уровень благосостояния страны

(а значит, проводимой социальной политики) во многом зависит от ее места в мировой системе разделения труда. Долги и нефть, а также перспективы существования как обширной экоколонии вряд ли могут считаться способом включения страны в МХ, хотя, с понятийной точки зрения, придется считать именно так. Для нейтрального внешнего наблюдателя, в отличие от любого резидента и представителя данной страны, все равно, как она участвует в мирохозяйственной кооперации и обмене.

20. Интересен в этом плане опыт Германии, проигравшей фактически все войны, которые она вела в XIX и XX вв. Уже в этот период была осознана ограниченность данной стратегии и ее контрпродуктивность. От войны выигрывали другие – те, кто смотрел на воюющие стороны извне и обогащался за счет помощи одной или обеим участницам конфликта.

21. Процессы распределения ресурсов, их перераспределения, обмена, процессы снабжения, а также планирования или не-планирования становятся элементами предоставляемых административных услуг. Доставка грузов и товаров до места назначения, включение в государственные планы и программы "отдельной строкой", снятие социальных конфликтов и жилищное строительство, предоставление минимальной заработной платы в обмен на минимальную выработку – все это есть административные услуги, из обращения которых и складывается ткань административного рынка.

22. На первом месте стоит своевременность, необходимость и обеспечение устойчивости самих управленческих корпораций. Директора заводов борются за то, чтобы на их заводах была больше численность, тем самым они имеют возможность получать больше ресурсов, независимо от того, заняты рабочие производительным трудом или нет. Также желательно, чтобы "трудовые коллективы" (великое изобретение административного рынка) находились в тяжелых климатических и жилищных условиях и т.д. и т.п.

23. Административный рынок не является исключительной характеристикой советского и постсоветского общества. Административный рынок существует везде. Однако важной характеристикой отечественной ситуации является то, что административный рынок является формой, в которой существуют и реализуются все остальные рынки: товаров, услуг, информации, средств производства, а также труда. Они и соответствующие им процессы "живут" внутри административного рынка, по сопричастности к нему и через его посредничество.

24. Достаточно вспомнить волну ликвидации административных структур и последовавшие за этим процессы "неожиданного" восстановления этих структур под новыми названиями с теми же людьми. Можно вспомнить "вторую волну акционирования", где активно используется метод "негативного вклада". Функционер вносит в виде пая обязательство "не мешать" и требует засчитать этот вклад как долю уставного капитала.

25. В этом плане крылатой была фраза, сказанная В.Черномырдиным: "Хотели как лучше, а получилось как всегда".

СОДЕРЖАНИЕ

О.Генисаретский
Культурно-антропологическая перспектива 3

А.Кара-Мурза
Россия в треугольнике "Этнократия — империя — нация" 41

С.Кургинян
Русский вопрос и институт будущего 55

З.Кучкаров
Системная точка зрения на кризис: потеря управляемости 81

В.Махнач
Империи в мировой истории 107

А.Панарин
К реконструкции "Второго мира" 127

В.Пастухов
Культура и государственность в России:
эволюция Евроазиатской цивилизации 149

Ш.Султанов
Карма элиты: вдох-выдох, ночь-день 179

В.Цымбурский
Остров Россия. Циклы похищения Европы
(Большое примечание к "Острову Россия") 207

С.Чернышев
Век трансформации власти 255

П. Щедровицкий
В поисках формы 283

ИНОЕ

Хрестоматия нового российского самосознания

том 2

Редактор-составитель *С.Б.Чернышев*
Дизайн издания *В.Л.Глазычев*
Выпускающий редактор *С.Н.Петропавлов*
Технолог *Е.М.Амигут*
Корректоры *А.И.Киселева, Е.А.Самолетова*
Оператор компьютерной верстки *Т.В.Ильина*

ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать 20.09.95. Формат 60x90 1/16
Гарнитура «Кудряшов». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20,0.
Тираж 10000 экз.
Заказ 649.

Издательство «Аргус»
127018, Москва, Октябрьский пер., д. 32.
тел. 289-25-91

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.